

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

А К В И Л О Н

МОСКВА

ISTORICHESKAIA GEOGRAFIIA

VOLUME 5

edited by
Irina G. KONOVALOVA

А К В И Л О Н

MOSCOW 2021

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

ТОМ 5

Ответственный редактор
И.Г. КОНОВАЛОВА

А К В И Л О Н

МОСКВА 2021

УДК 913.1
ББК 63.3
И 73

РЕДКОЛЛЕГИЯ

д.и.н. И.Г. Коновалова (отв. ред.),
д.и.н. А.А. Фролов (отв. секретарь),
к.геогр.н. В.Э. Булатов, акад. М.Д. Бухарин,
к.и.н. Т.П. Гусарова, д.и.н. И.Н. Данилевский,
к.и.н. Ф.С. Корандей, д.и.н. Е.А. Мельникова,
д.и.н. М.С. Петрова, д.геогр.н. В.Н. Стрелецкий,
д.и.н. Ар.А. Улунян, к.и.н. А.С. Щавелев

Рецензенты:

д.и.н. А.А. Горский
к.и.н. Е.В. Пчелов

И 73 ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ. Том 5 / Отв. ред.
И.Г. Коновалова. — М.: Аквилон, 2021. — 336 с.

В пятом томе сборника «Историческая география» помещены исследования, посвященные роли городов в социальном и интеллектуальном пространстве древности и средних веков; возможностям источниковедения, историографии и археологии при изучении историко-географических проблем истории Европы и Закавказья в эпоху поздней античности, средневековья и раннего нового времени; историко-географической составляющей международных отношений и проектов; азональным ареалам в историко-культурном ландшафте Европейской России; значению исторической географии для современной общественно-политической и культурной жизни.

Издание представляет интерес не только для специалистов по исторической географии как таковой, но предназначено и для историков, географов, страноведов, историков географии и картографии, культурологов.

Научное издание

- © И.Г. Коновалова, общая редакция, составление, 2021
- © Коллектив авторов, 2021
- © Институт всеобщей истории РАН, 2021
- © Издательство «Аквилон», 2021

ISSN 2307-8200

Istoričeskaâ geografiâ (Istor. geogr.)

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания или его части любым способом без письменного соглашения с издательством запрещается

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОСТРАНСТВО И УРБАНИЗМ В ИСТОРИИ

А.С. ЩАВЕЛЕВ

«Город» как точка сборки социального пространства и центр концентрации ресурсов архаичных обществ.....	7
---	---

И.Г. КОНОВАЛОВА

Город в структуре средневекового исламского географического описания.....	24
--	----

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ В КОНТЕКСТЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

А.К. ШАГИНЯН

Территории и границы стран Юго-Западного Прикаспия в эпоху поздней Античности и раннего Средневековья: Историография и источники.....	43
---	----

Н.Л. КОНЮШИХИНА

Анкеты 1575 и 1578 годов для «Топографических донесений Филиппа II».....	79
---	----

К.С. ХУДИН, А.Д. ШАХОВА

Топография аптекарских огородов и дворов Москвы конца XVI – первой половины XVIII века: К постановке проблемы локализации и функционирования.....	125
---	-----

А.Л. КАРЕТНИКОВ

Межевые ямы периода Генерального межевания: Опыт поиска.....	186
---	-----

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

А.В. Постников, М.В. Константинов

Географические исследования и геополитические коллизии, связанные с международным проектом соединения Чукотки с Аляской посредством телеграфного кабеля.....	216
---	-----

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В.Л. Каганский

Забывшие сердца России: Азональные ареалы в историко-культурном ландшафте Европейской России.....	246
--	-----

Ар.А. Улунян

Геостратегический конструкт «Голубая родина» (<i>Mavi Vatan</i>) в контексте общей традиции геоисторических концептов Турецкой республики.....	276
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

<i>Трапезникова О.Н.</i> Парадоксы северного земледелия: История и география агроландшафтов лесной зоны Восточно-Европейской равнины. М.: ГЕОС, 2019. 256 с. (<i>А.А. Фролов</i>).....	296
---	-----

ABSTRACTS.....	316
CONTENTS.....	323
ОБ АВТОРАХ.....	325

А.С. ЩАВЕЛЕВ

«ГОРОД» КАК ТОЧКА СБОРКИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА И ЦЕНТР КОНЦЕНТРАЦИИ РЕСУРСОВ АРХАИЧНЫХ ОБЩЕСТВ

Аннотация: В статье предлагается отказаться от попыток выделить «объективные» количественные и качественные критерии «настоящего города». Главная отличительная черта поселений, которые можно условно обозначить как «города», — *концентрация* демографических, материальных и виртуальных (власти, сакральности, знаний и т.п.) *ресурсов*. Статус «город» для любого стационарного поселения людей определяется только его *доминирующим положением в социально-политическом пространстве относительно других поселений, которое позволяет ему аккумулировать ресурсы*. Следовательно, «город» — *категория условная и относительная*. Иными словами, поселение, которое в одном регионе по своему масштабу, сложности планиграфии и архитектуры и геоэкономическому потенциалу является центром и может считаться *городом*, в других условиях было очевидной периферией, заурядной *деревней (селом)*. Задачей истории, археологии, антропологии, социологии и исторической географии является не поиск условных критериев города, а реконструкция многоуровневой структуры урбанизации территорий и анализ систем описания и номинации поселений в документах и нарративах без их принудительного перевода в современную систему терминов и обиходных лексем.

Ключевые слова: город, урбанизация, городская революция, стационарное поселение, эусоциальность

Эквивалентные обиходные лексемы *gorod*, *city*, *miasto*, *città*, *Stadt*, *borg*, *ville*, *πόλη* и так далее, так или иначе, присутствуют во всех европейских языках и уже в силу этого прочно вошли в дискурсы современной науки. Универсальность и переводимость с одного современного языка на другой этих апеллятивов создала у ученых стойкую лингвистическую иллюзию объективности существования самого феномена неких «особых» поселений, которые якобы отличаются некими специфическими характеристиками и являются признаком высокого уровня развития общества, то есть признаком «цивилизации». Эту иллюзию не следует считать безобидным историографическим фантомом, поскольку она породила целую схоластическую традицию поиска «критериев» «настоящего города» и его фиксируемых «объективных» «археологических признаков». Отдельно в историографии сформировались и тиражируются идеи об уникальных античных городах «полисах» и средневековых «городских коммунах», специфика которых якобы предопределила траекторию развития европейских государств позднего Средневековья и раннего Модерна. Эти представления опираются на авторитет знаменитого текста «Город» М. Вебера¹. Однако попыток проверить насколько эти, по своей сути «поствеберовские»², идеи соответствуют суммам фактографии, накопленным и обобщенным современной наукой, насколько мы знаем, до сих пор практически не было³. Причем, в отечественных исследованиях историографическая инерция использования старых терминов и «классических» определений без их осмысления и ревизии особенно сильна. Между тем, социальные и гуманитарные науки сейчас уже оживают старые идеи поисков «признаков настоящего города» и уникальности «особых» европейских городов и перешли к сравнительному изучению процесса урбанизации в масштабе мировой истории⁴.

¹ Weber 1922; Вебер 2017; Кильдюшин 2017.

² Ястребицкая 2003: 113; Уваров, Попова 2018: 11–33.

³ Ср. обзор *теорий города и процессов урбанизации*: Smith 2011.

⁴ Sauthhall 1998; Clark 2009; 2013.

Основные идеи, которые стали основой настоящей статьи, были изложены нами в докладе на конференции «Пространство и урбанизм. Образы, структуры и символы»⁵, дискуссии на которой лишней раз убедили автора в необходимости более развернутого изложения критики традиционного концепта «настоящего города». Наш исследовательский опыт и круг заинтересованного чтения сосредоточен на обществах и политиях Евразии древности и раннего средневековья, поэтому именно этим периодом истории *до формирования* мир-системы Модерна⁶ мы и ограничим наши рассуждения. Между тем, мы вполне уверены, что предлагаемая экспликация концепта «город» будет вполне релевантна и для истории городов современного мира⁷.

История *седентаризации* вида *Homo sapiens sapiens* происходила параллельно с процессами *антропогенеза* и *социогенеза*. С точки зрения эволюционной биологии любое *стационарное поселение* есть форма адаптации популяции вида *Homo sapiens sapiens* к окружающей среде, это — типичная *эусоциальная колония*. Объединение коллектива людей на одной стоянке — решающий шаг в процессе поведенческой сапиентизации⁸. Причем, сама по себе необходимость жизни на такой общей «коммунальной» стоянке, древнем аналоге современного мегаполиса, была фактором, формирующим телесность и психику людей⁹. Общности «фораджеров» (охотников-собирателей-рыболовов) с «присваивающим» хозяйством неизбежно мобильны, однако уже у них есть постоянная территория, маршруты регулярного перемещения с сопутствующей инфраструктурой, регулярно-посещаемые стоянки и культовые места. Таким образом, происходила естественная постепенная «территоризация» локальных групп, ранжирование постоянных стоянок и мест сбора больших коллективов (культа, переговоров и др.), которые

⁵ Щавелев 2018.

⁶ Wallerstein 2004: 23–41.

⁷ Ср.: Лефевр 2015.

⁸ Wilson 2012.

⁹ Storey 2006.

отличались от временных стоянок¹⁰. Очень важно, что еще до «неолитической революции» (см. далее) охотники и специализированные собиратели создавали крупные стационарные культово-общественные центры с монументальными сооружениями¹¹. Это означает, что *процесс урбанизации начался еще до «неолитической революции»* и был тесно связан с процессом роста масштабов и усложнением социальной организации общностей людей эпохи Каменного века. Стационарное постоянное или регулярно-посещаемое обустроенное место обитания — имманентная часть системы адаптации человека к окружающему миру с момента его формирования как вида. Причем, даже у охотников и собирателей разного времени и разных регионов стоянки ранжируются на базовые (регулярно-посещаемые) и временные (ситуативные). И ничто не мешает называть базовые стоянки (включая места сборов разных локальных групп, объединенных в племена, или общие святилища культовых лиг) «городами». Их функции ничем, кроме масштаба интегрируемого социума, не отличаются от современных мегаполисов и их агломераций.

«Неолитическая революция», которая заключалась в переходе от присваивающего хозяйства к производящему (земледелие и скотоводство) и в формировании неолитического комплекса технологий¹², резко понизила мобильность групп людей. «Неолитический комплекс» предполагал «привязку» коллектива к определенному ландшафту. Коллективы людей начали мощное воздействие на окружающую среду с целью ее интенсивного использования (расчистка земель под пашню, ирригация, маркировка пастбищ и создание загонов для скота), поэтому покинуть место обитания стало означать покинуть объект приложения рекордных трудозатрат, которые на новом месте нужно будет повторить. Появление возможности хранения излишков продуктов питания (зерна, мяса и др.), революция «вторичных про-

¹⁰ Renfrew 2007: 279–312.

¹¹ Березкин 2013: 170–196.

¹² LNFC 2002.

дуктов»¹³, массовое производства ремесленных изделий (керамика и др.) еще больше затрудняли любые перемещения. В эпоху первых металлов зависимость от источников металла, как естественных, так и внешнеторговых, связывала поселения в единую торгово-коммуникационную сеть и тоже уменьшала возможности к спонтанному перемещению стационарных поселений. При этом в Энеолите и Бронзовом веке технологические возможности отдельных групп людей к дальним миграциям и экспансии, конечно, повысились¹⁴, однако «цена» миграции всего коллектива стала гораздо более высокой. Вполне естественно, что вместе с *«неолитической революцией»* происходила *«городская революция»*¹⁵. Для седентаризированного коллектива земледельцев или территориализированного в определенной экологической нише коллектива кочевников-скотоводов потребовались защитные сооружения, общественные и культовые здания, а у некоторых земледельцев к этому добавились еще и различные ирригационные системы. Пochеркнем, что оседлость потребовала строительства искусственных защитных сооружений как безальтернативной стратегии выживания, а эти сооружения могли возвести только управляемые массы работников. Кроме того, само число людей, проживающих в одном поселении, определяло уровень его безопасности, заключающийся в способности противостоять агрессии извне. Естественно, что в Энеолите и Бронзовом веке происходит уже *«властно-управленческая революция»* для контроля (эксплуатации им манипулирования) этими сконцентрированными в одном месте массами населения. Именно в эти периоды происходит почти повсеместное появление *вождеств*¹⁶. Все вышесказанное хорошо видно на примерах политий, чье хозяйство было основано на ирригационном земледелии. В них процессы создания крупных ирригационных систем и фор-

¹³ Sherratt 1989.

¹⁴ Kristianssen, Larsson 2005.

¹⁵ Childe 1950; Gathercole 2005; Smith 2009.

¹⁶ Flannery 1994; Skalník 2004; Earle, Kristiansen 2010; Earle, Kristiansen 2015.

мирование структур «деспотической» власти были параллельными автокаталитическими процессами¹⁷.

Рост коллективов и плотности населения в самых разных обществах с разным хозяйственно-культурным типом потребовал новых точек сборки крупного социума — общественных зданий, коллективных культовых центров, «дворцов» правителей и элиты. Запуск процесса урбанизации, то есть создания многоуровневой и полифункциональной системы стационарных поселений, происходит почти безальтернативно. В итоге, во всех ранних «цивилизациях» Старого и Нового света сложились практически изоморфные системы ранжирования структуры поселений и символика маркировки центральных, самых крупных из них — городов¹⁸.

Возвращаясь к теме *формального определения* города на фоне изложенных выше наблюдений над стартом ранней урбанизации, вполне очевидно, что самые разные исследователи сходятся на том, что «город» есть некий «концентрат» технологий, экономики, власти и сакральности. Это определение наиболее емко было сформулировано в программной работе К. Маркса и Ф. Энгельса «Немецкая идеология»: «город есть факт концентрации населения, орудий производства, капитала, наслаждений, потребностей...»¹⁹. Мы намеренно обрываем цитату, поскольку дальше научные наблюдения подменяются «классиками» подгонкой фактов под марксистскую идеологию, а в таком урезанном виде (без идей классового характера городских сообществ и т.п.) оно вполне отвечает сумме исторических и археологических данных о процессах урбанизации в мировой истории. В самых разных регионах мира единственная главная отличительная черта города — *концентрация* неких *демографических, материальных и виртуальных* (власти, сакральности, знаний и т.п.) *ресурсов*²⁰. Причем, крупное поселение может зачастую концентрировать *только один ресурс* — политиче-

¹⁷ Wittfogel 1967; Галеев 2011.

¹⁸ Trigger 2003: 120–143.

¹⁹ MEW. III. 1978: 50.

²⁰ Большаков, Якобсон 1983; Сванидзе 1999: 9; Корчагин, Мельничук 2003: 61; ГСИДВ 2018. С. 8–9.

ский (столица), военный (крепость), торговый (эмпорий), технологический (производственный центр) или сакральный (святилище). Те поселения, в которых видов и объемов ресурсов (или объема одного ресурса) сконцентрировано больше закономерно оказываются ключевыми точками социально-политического пространства и могут быть названы *городами*. Но нет никаких логических и эмпирических оснований думать, что поселение, чтобы стать (считаться) «настоящим городом», должно накопить какое-то определенное количество ресурса или собрать какую-то комбинацию «обязательных» ресурсов и внешних признаков. Тем более, что накопленные виртуально-символические ресурсы вообще не слишком поддаются точной квантификации. Точно также никак не влияет на статус «города» механизм *редистрибуции* накопленных в том, или ином, поселении ресурсов: это может быть институализированный обмен между социальными группами, политэкономическое силовое аккумулятивное и вторичное перераспределение благ правящей элитой, бартер и монетарная торговля. Очень показательны в этой связи попытки провести границу того, что является городом по числу жителей — обычно в исследованиях фигурируют цифры в 5 000 или 10 000 человек. Но сразу возникает вопрос, почему не 4 000? Или почему не 1 000 человек? А можно ли считать городом поселение с населением в 500 человек, если вокруг остальные поселения хинтерленда состоят нескольких нуклеарных семей? Точно также для архаичных обществ аграрные или «не-аграрные» (ремесло, торговля, интеллектуальный труд, индустрия развлечений) занятия населения не могут быть критерием, поскольку в разных пропорциях такие профессии представлены в каждом поселении, а считать эти пропорции уже бессмысленно, а зачастую — и практически бесполезно из-за дефицита информации.

Таким образом, «город» есть *категория относительная*. Иными словами, поселение, которое в одном регионе по своему масштабу и сложности будет явным центром, в других условиях окажется очевидной периферией, заурядным «селом», «деревней», «пригородом».

Еще одно важнейшее отличие «города» — его *центрально*, доминирующее над его хинтерлендом, *положение в геополитическом пространстве*²¹. «Город» — это, прежде всего, некий центр, его абсолютный размер значения не имеет, важно его превосходство над округой, либо *географическое*, либо *инфраструктурное*, либо *политическое*. «Центральность», в свою очередь, — вещь относительная и меняющаяся в зависимости от геополитической конъюнктуры²². Поэтому город — это *центральная часть специфически обустроенного и маркированного пространства*²³, а не «тип социальной организации» людей, населяющих его. Иными словами, город — категория *не социологическая* в прямом смысле, а *пространственная* или *метагеографическая*²⁴.

Относительность понятия «город» хорошо видна на примере Западной Евразии раннего Средневековья VIII–XI веков. На фоне Константинополя и других городов империи ромеев²⁵, Багдада и городов «Дар аль-Ислама»²⁶, а также других «мировых столиц» Евразии, «города» Западной Европы²⁷ с трудом попадают в «престижную» категорию «настоящий город», а «города» крупной региональной империи Хазарии в нее точно не попадают²⁸, тогда как «города» периферийной Руси²⁹ и еще более периферийной Северной Европы³⁰ можно даже не рассматривать как потенциальных претендентов на историографический статус «города». Однако в каждой из этих зон урбанизации были свои «центры» и

²¹ Adams 1966; Trigger 2003: 120.

²² При этом не следует прямолинейно трактовать взаимоотношения города и поселковой периферии как «господство и подчинение», взаимоотношения населения и элит центров урбанизации с населением и элитами хинтерленда всегда сложны и зачастую амбивалентны: Small 2006.

²³ Бурдые 2005; Лефевр 2015.

²⁴ Замятин 2004.

²⁵ Janen 1950; CH 1995.

²⁶ CIW 2008.

²⁷ Nicholas 1997; Clark 2009. Ср. Рим как некоторое исключение: Wickham 2015.

²⁸ Флеров 2011.

²⁹ Куза 1983; Тимошук 1995.

³⁰ Clark, Ambrosiani 1991; Lilja 1996.

«чемпионы масштаба», которые были на вершине поселенческой иерархии и в этом качестве они вполне могут быть условно названы «точками концентрированной урбанизации» или «городами».

Открытием, меняющим перспективу теории истории в отношении процессов урбанизации, стало понимание количества и масштабов «городских центров» и степени урбанизации в империях Дальнего Востока. В свете этих материалов урбанизация перестает видится эксклюзивным признаком земледельческих цивилизаций и оказывается неизбежным результатом развития также и некоторых кочевнических общностей, освоивших «неолитический комплекс» и затем комплекс «металлургических технологий». В данном случае, конечно, речь идет о периферии Китайской империи, но периферии, обладающей собственной устойчивой исторической спецификой и собственной динамикой процесса урбанизации³¹.

Отдельно обратим внимание на то, что крупные поселения (*resp.* «центры урбанизации») могут быть одновременно политически автономными или суверенными *политиями* (принятое в историографии обозначение — «город-государство»), а могут быть частью более крупных политических систем. Их «городской» статус центров и мест концентрации разнообразных материальных и виртуальных ресурсов их политический и правовой статус не меняет.

Со времени ранних цивилизаций город-полития — один из двух самых распространенных форматов развитого общественно-политического устройства³². Однако, будет не слишком продуктивно выделять как некие «настоящие города» те крупные поселения, общности резидентов которых добились суверенитета, создали органы самоуправления и сформировали идеологию собственной эксклюзивности. Два самых ярких примера, которые приводятся в историографии в качестве таковых: *античный полис*³³ и *средневековые город-*

³¹ Крадин, Ивлиев 2014: 61–83; Крадин 2018; ГСИДВ 2018.

³² Trigger 2003: 57; Parker 2004.

³³ Hansen 2006.

ские коммуны³⁴. Феномены античного полиса и средневековой коммуны генетически (?) и типологически изоморфны³⁵. Действительно, многие античные полисы были именно городами-политиями, хотя вполне очевидно, что *этнос* для древних греков и преемников их культуры понятие *ἡ πόλις* охватывало гораздо более обширный спектр разных политий и социумов³⁶, формализовать и абстрагировать это понятие достаточно сложно и зачастую сторонники той или иной версии определения «полиса» просто отбрасывают неудобные им контексты. *Этнос* для носителей греческого языка и литературной традиции определение «город-полития/государство» не полностью совместимо с понятием «полис». И античные полисы, и средневековые города-коммуны часто теряли свой суверенитет, меняли правовые системы и политические режимы, зачастую утрачивая любые, даже декоративные, признаки всенародного представительства. При этом их «городской статус» мест концентрации ресурсов хинтерленда оставался прежним. Города-политии можно обнаружить не только в античном мире и в «цивилизации средневекового Запада», но и в арабском Халифате и Византии. В Византии и Халифате также как в Европе складывается (или сохраняется со времени Античности) коммунальное самоуправление, вырабатывается собственное право, формировалась собственная идеология эксклюзивности коллектива жителей и его элиты. Наличие самоуправления отдельной общности, проживающей в одном стационарном поселении, члены которого разделяют некую идеологию превосходства своих порядков над другими формами социальной консолидации, суть признак, который не имеет прямого отношения к проблемам определения того, что такое «город». Фактически, попытки искать город по следам «полисной» и «коммунальной» идеологии, являются не более чем воспроизводством (пересказом) мифологем городских коммун на новом «научном» языке, в то время как

³⁴ Scott 2012.

³⁵ CSCAMI 1991.

³⁶ Hansen 1998; IACP 2004. Ср.: Кошеленко 1979.

такая мифология требует критического анализа и деконструкции.

В итоге, констатируем, что «город» — *искусственная историографическая категория, относительное понятие*, которым ученые маркируют наиболее крупные и значимые стационарные поселения региона любого типа и масштаба. Никакого исторического денотата в виде совокупности каких-то изоморфных стационарных поселений с общими параметрами в объективной реальности за этим термином-сигнификатом не стоит. При исследовании доиндустриальных и ранне-индустриальных обществ следует отказаться от надуманной бытовой дихотомии «город и деревня/сельская местность», от попыток искать «объективные критерии» и от формулирования универсального «определения» города. Адекватная эпистемологическая категория — «стационарное поселение» (особей вида *Homo Sapiens Sapiens*), доминирующее над хинтерлендом и аккумулирующее ресурсы своей периферии. Было бы утопией и сверх-пуризмом пытаться исключить слово «город» (и его эквиваленты в других языках) из лексикона исследователей, но вот указание на его условность при использовании по необходимости более строгих эквивалентов («стационарное поселение» или «центр урбанизации») было бы весьма полезно для избавления от текущей историографической инерции. Точно также нет нужды называть крупные центры древности и средневековья «протогородами»³⁷.

Данные выводы меняют методологический ракурс палео-урбанистических исследований. Археологам необходимо отказаться от схоластической концепции «археологических признаков» города и исследовать *многоуровневые структуры урбанизации территории* или, иным словами, *иерархии разномасштабных и разнофункциональных поселений*, то есть *динамику урбанизма* определенной территории³⁸. Сравнение

³⁷ На то, что псевдонаучный вопрос о сущности «протогорода», породивший схоластические дебаты о его признаках, стал настоящей проблемой отечественной истории и археологии, уже указывалось в историографии: Корчагин, Мельничук 2003.

³⁸ Smith 2016; Lozny 2013.

масштаба, планиграфии, архитектуры стационарных поселений и числа уровней поселенческой сети — один из объективных показателей для сопоставления социальной сложности и технологического развития общностей или политий. Такое сравнение сейчас — одно из перспективнейших направлений политической антропологии, процессуальной археологии и сравнительной истории. Мифический «город-в-себе», сконструированный по искусственным параметрам, не является «признаком цивилизации» или «признаком государства», а вот *степень урбанизации пространства*, сложность карты поселений, демографические показатели и плотность населения — показатели объективные и применимые для сравнения между собой всех, почти без исключения, социумов и политий в истории человечества³⁹.

Для историков и филологов на первый план выходит задача изучения письменных текстов с целью реконструкции *тезауруса обозначений поселения разных типов и размеров*, а также документальных и нарративных данных о разных крупных и мелких, стационарных или временных поселениях. Лексемы-элементы этих узусов не должны автоматически переводиться на современные языки, точно так же, как не переводится на современные языки большинство социальных и политических терминов. Естественно-употребляемые и искусственно-изобретенные термины описания пространства столь же имманентные для языка любой общности как термины структур родства, социальной иерархии, риторики власти и др. Исторические картины истории урбанизации успешно формализуются и сопоставляются без модернизаторской и европоцентристской подгонки под единую универсальную категорию с произвольно-выбранными характеристиками и без «приблизительного» перевода терминологии текстов на современный язык.

Для социологов и исторических географов встает проблема обновления конвенционального метаязыка научного описания процесса урбанизации и структурных элементов иерархии поселений с помощью терминов и концептов, ко-

³⁹ Chandler 1983.

торые не будут нести в себе дополнительные «скрытые» смыслы, искажая ими исторические реконструкции, в которых они будут использованы.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Березкин 2013 — *Березкин Ю.Е.* Между общиной и государством. Среднемасштабные общества Нуклеарной Америки и Передней Азии в исторической динамике. СПб., 2013.
- Большаков, Якобсон 1983 — *Большаков О.Г., Якобсон В.А.* Об определении понятия «город» // История и культура народов Востока (древность и средневековье). Л., 1983. С. 21–32.
- Бурдые 2005 — *Бурдые П.* Социология социального пространства / Пер. с французского Н.А. Шматко. М.; СПб.; Алетейя, 2005.
- Вебер 2017 — *Вебер М.* Город / Пер. М. Левина, ред. К. Левинсон. М., 2017.
- Галеев 2011 — *Галеев К.* Теория гидравлического государства К. Виттфогеля и ее современная критика // Социологическое обозрение. 2011. № 10 (30). С. 155–179.
- ГСИДВ 2018 — Города средневековых империй Дальнего Востока / Отв. ред. Н.Н. Крадин. М., 2018.
- Замятин 2004 — *Замятин Д.Н.* Метагеография: Пространство образов и образы пространства. М., 2004.
- Кильдюшов 2018 — *Кильдюшов О.В.* Еще один «Город» Макса Вебера по-русски // Социологическое обозрение. 2018. № 1. С. 338–345.
- Корчагин, Мельничук 2003 — *Корчагин П.А., Мельничук А.Ф.* «Протогород»: а была ли проблема? // Вестник Пермского университета. История. 2003. № 4. С. 55–64.
- Кошеленко 1979 — *Кошеленко Г.А.* Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979.
- Крадин 2018 — *Крадин Н.Н.* Динамика урбанизационных процессов в средневековых городах Дальнего Востока // Сибирские исторические исследования. 2018. № 2. С. 7–23.
- Крадин, Ивлиев 2014 — *Крадин Н.Н., Ивлиев А.Л.* История киданьской империи Ляо (907–1125). М., 2014.
- Куза 1983 — *Куза А.В.* Социально-историческая типология древнерусских городов X–XIII вв. // Русский город (исследования и материалы). М., 1983. Вып. 6. С. 4–36.

- Лефевр 2015 — *Лефевр А.* Производство пространства / Пер. с французского И. Стафф. М., 2015.
- Сванидзе 1999 — *Сванидзе А.А.* Средневековые города Западной Европы: Некоторые общие проблемы // Город в средневековой цивилизации. М., 1999. Т. I: Феномен средневекового урбанизма. С. 9–41.
- Тимошук 1995 — *Тимошук Б.А.* Восточные славяне: От общины к городам. М., 1995.
- Уваров, Попова 2018 — *Уваров П.Ю., Попова Г.А.* Почему социальные системы западноевропейского города? // Городские сообщества Западной Европы в средние века / Под ред. П.Ю. Уварова и Г.А. Поповой. М., 2018. С. 11–33.
- Флеров 2011 — *Флеров В.С.* «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. М.; Иерусалим, 2011.
- Щавелев 2018 — *Щавелев А.С.* «Город»: К деконструкции спорного историографического концепта // Пространство и урбанизм. Образы, структуры и символы. Междисциплинарная научная конференция. Тезисы докладов. М., 2018. С. 44–47 (препринт).
- Ястребицкая 2003 — *Ястребицкая А.Л.* Город // Словарь средневековой культуры / Под. ред. А.Я. Гуревича. М., 2003. С. 113–120.
- Adams 1966 — *Adams R. McM.* The Evolution of Urban Society. Early Mesopotamia & Prehispanic Mexico. A Comparative Study of one of the Great Transformation in the Career of Humanity. Chicago, 1966.
- CH 1995 — Constantinople and Its Hinterland / Ed. by C. Mango, G. Dagron, G. Greatrex. Oxford, 1995.
- Chandler 1987 — *Chandler T.* Four Thousand Years of Urban Growth. An Historical Census. Lewiston; Queenston, 1987.
- Childe 1950 — *Childe G.V.* The Urban Revolution // The Town Planning Review. 1950. Vol. 21. No. 1. P. 3–17.
- CIW 2008 — The City in Islamic World. Leiden; Boston, 2008. Vol. I / Ed. by S. Jayyusi, R. Holod, A. Petruccioli, & A. Raymond (Handbook of Oriental Studies, Vol. 94).
- Clark, Ambrosiani 1991 — *Clark H., Ambrosiani B.* Towns in the Viking Age. Leicester; London, 1991.
- Clark 2009 — *Clark P.* European Cities and Towns 400–2000. Oxford, 2009.
- Clark 2013 — *Clark P.* Introduction // The Oxford Handbook of Cities in World History / Ed. by P. Clark. Oxford, 2013. P. 79–166.

- CSCAMI 1991 — *City States in Classical Antiquity and Medieval Italy* / Ed. by A. Molho, K. Raaflaub, J. Emlen. Ann Arbor, 1991.
- Earle, Kristiansen 2015 — *Earle T., Kristiansen K. Neolithic versus Bronze Age Social Formations: A Political Economy Approach* // *Paradigm Found. Archaeological Theory Present, Past, and Future. Essays in Honour of E. Neustupný* / Ed. by K. Kristiansen, L. Šmejda, J. Turek. Oxford, 2015. P. 234–247.
- Earle, Kristiansen 2010 — *Earle T., Kristiansen K. Organizing Bronze Age Societies: Concluding Thoughts* // *Organizing Bronze Age Societies. The Mediterranean, Central Europe and Scandinavia Compared* / Ed. by T. Earle & K. Kristiansen. Cambridge, 2010. P. 218–256.
- Flannery 1994 — *Flannery K.V. Childe the Evolutionist: A Perspective from Nuclear America* // *The Archaeology of G.V. Childe: Contemporary Perspectives* / Ed. by D.R. Harris. London, 1994. P. 101–119.
- Gathercole 2005 — *Gathercole P. Childe's Revolutions* // *Archeology: The Key Concepts* / Ed. by C. Renfrew & P. Bahn. London; New York, 2005. P. 26–30.
- Hansen 1998 — *Hansen M.G. Polis and City-State: An Ancient Concept and its Modern Equivalent*. Copenhagen, 1998 (Acts of Copenhagen Polis Centre. Vol. 5).
- Hansen 2006 — *Hansen M.G. Polis. An Introduction to the Ancient Greek City-State*. Oxford, 2006.
- IACP — *An Inventory of Archaic and Classical Poleis* / Ed. by M.G. Hansen & T.H. Nielsen. Oxford, 2004.
- Janen 1950 — *Janen R. Constantinople Byzantine. Développement urbain et repertoire topographique*. Paris, 1950.
- Kristiansen, Larsson 2005 — *Kristiansen K., Larsson T.B. The Rise of Bronze Age Society. Travels, Transmissions, and Transformations*. Cambridge, 2005.
- Lilja 1996 — *Lilja S. A "Proto-Urban Stage". Some Tentative Reflections on the Historical Emergence of Urbanism* // *The Emergence of Towns. Archeology and Early Urbanization in Non-Roman, North-West Europe* // Ed. by L. Nilsson & S. Lilja. Stockholm, 1996 (Studies in Urban History, 14). P. 15–28.
- LNFC 2002 — *Life in Neolithic Farming Communities. Social Organization, Identity, and Organization* / Ed. by I. Kuijt. New York; Boston; Dordrecht; London; Moscow, 2002.
- Lozny 2013 — *Lozny K.B. Prestate Societies of the North Central European Plains 600–900 CE*. New York, 2013.

- MEW III. 1978 — *Marx K., Engels F. Werke*. Berlin, 1978. Bd. III.
- Nicholas 1997 — *Nicholas D.* The Growth of the Medieval City. From Late Antiquity to the Early Fourteenth Century. London; New York, 1997.
- Parker 2004 — *Parker G.* Sovereign City. The City-State through History. Bodmin, 2004.
- Renfrew 2007 — *Renfrew C.* Prehistory. The Making of Human Mind. New York, 2007.
- Sauthhall 1998 — *Sauthhall A.* The City in Time and Space. Cambridge, 1998.
- Scott 2012 — *Scott T.* The City-State in Europe, 1000–1600: Hinterland, Territory, Region. Oxford, 2012.
- Sherratt 1989 — *Sherratt A.V.* Gordon Childe: Archaeology and Intellectual History // Past and Present. 1989. No. 124. P. 151–85.
- Skalník 2004 — *Skalník P.* Chieftdom: An Universal Political Formation // Focaal — European Journal of Anthropology. 2004. No. 43. P. 77–98.
- Small 2006 — *Small D.B.* Factoring the Countryside into Urban Population // Urbanism in the Preindustrial World: Cross-Cultural Approaches. Tuscaloosa, 2006. P. 317–329.
- Smith 2011 — *Smith M.E.* Empirical Urban Theory for Archeologists // Journal of Archaeological Method & Theory. 2011. No. 18. P. 167–192.
- Smith 2016 — *Smith M.E.* How Can Archeologists Identify Early Cities? Definitions, Types, and Attributes // Eurasia at the Dawn of History: Urbnaization & Social Change / Ed. by M. Fernández-Götz & D. Krausse. Cambridge, 2016. P. 153–168.
- Smith 2009 — *Smith M.E.* V. Gordon Childe and the Urban Revolution: A Historical Perspective on a Revolution in Urban Studies // The Town Planning Review. 2009. Vol. 80. No. 1. P. 3–29.
- Storey 2006 — *Storey G.R.* Introduction: Urban Demography of the Past // Urbanism in the Preindustrial World: Cross-Cultural Approaches. Tuscaloosa, 2006. P. 1–23.
- Trigger 2003 — *Trigger B.G.* Understanding Early Civilizations. A Comparative Study. Cambridge, 2003.
- Wallerstein 2004 — *Wallerstein I.* World-System Analysis. An Introduction. London; Durha, 2004.
- Weber 1922 — *Weber M.* Wirtschaft und Gesellschaft. Teil II. Kap. VIII. Die Stadt // *Weber M.* Grundriss der Sozialökonomik. Tübingen, 1922. III. Abt. S. 513–600.

- Wickham 2015 — *Wickham C.* Medieval Rome. Stability and Crisis of a City, 900–1150. Oxford, 2015.
- Wilson 2012 — *Wilson E.O.* The Social Conquest of Earth. New York; London, 2012.
- Wittfogel 1967 — *Wittfogel K.A.* Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power. New Haven; London, 1967.

И. Г. Коновалова

ГОРОД В СТРУКТУРЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ИСЛАМСКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

Аннотация: Статья посвящена малоисследованному в работах по средневековой урбанистике вопросу о роли городской среды и городской культуры в формировании представлений о пространстве. Этот вопрос рассматривается на примере халифата, вся письменная культура которого была продуктом деятельности горожан. Основным источником исследования является географическое сочинение крупнейшего арабского географа и картографа середины XII в. ал-Идриси «Отрада страстно желающего пересечь мир» (*Kitāb Nuzhat al-mushtāq fī'khtirāq al-āfāq*), которое представляет собой описание всей известной на то время ойкумены. При анализе сочинения ал-Идриси преимущественное внимание уделяется его сведениям о Восточной Европе, что позволяет не только выявить место города в структуре описания, но и раскрыть роль городов в ментальном освоении «чужого», инокультурного, пространства. С этой целью сначала рассматривается путевой принцип описания пространства в арабской средневековой литературе и особенности арабской терминологии, выработанной для характеристики городов, а затем в основной части статьи исследуются сведения ал-Идриси о Восточной Европе и о роли городов в применявшихся им приемах пространственного конструирования. Выполняя вполне очевидные функции точек того или иного маршрута, транспортных узлов и маркеров границ, города в описании ал-Идриси одновременно кардинальным образом преобразуют саму структуру повествования благодаря тому, что они показаны не каждый сам по себе, но как части того или иного маршрута. В результате сведения о городах, составлявших различные маршруты, играли структурную роль

каркаса повествования наряду с разделением текста на климаты и секции.

Ключевые слова: город, географическое описание, средневековая арабская география, ал-Идриси, Восточная Европа

Введение

Исследования городов исламского мира давно стали важной частью как урбанистики в целом, так и исторической урбанистики, в частности. Благодаря большому количеству дошедших до нас письменных источников, а также проводимым археологическим раскопкам, появилось множество исследований по истории средневековых городов халифата, в которых рассматриваются их внутреннее устройство, организация социально-экономической жизни¹, территориальное развитие и планировка², региональные особенности городской жизни³, а также обсуждаются специфические черты города, позволяющие охарактеризовать его как именно «исламский»⁴. Широкий круг исследований по частным вопросам стимулировал и подготовку обобщающих, историографических и библиографических работ по средневековому арабскому урбанизму и его наследию, вышедших в последние десятилетия⁵.

Однако на фоне этой обширной историографии остается неисследованным вопрос о роли городской среды и город-

¹ The Bazaar in the Islamic City 2012.

² Hakim 1986.

³ Middle Eastern Cities 1969; Беленицкий, Бентович, Большаков 1973; Большаков 1984; Wirth 2000; Historic cities of the Islamic world 2007.

⁴ Muslim cities in the later Middle Ages 1967; The Islamic city 1970, 1976; The Arab City 1981; The Proceedings of International Conference on Urbanism in Islam 1989; Стародуб 1995; Raymond 2004. Это определение, впрочем, в новейшей литературе все больше подвергается деконструкции (Abu-Lughod 1987; AlSayyad 1992; Aldous 2013; Moser 2013).

⁵ Raymond 1984; Cuneo 1986; AlSayyad 1991; Islamic Urban Studies 1994; The Middle Eastern city and Islamic urbanism 1994; Alsayyad 1996; Bianca 2000; Wheatley 2001; Bennison, Gascoigne 2007; The City in the Islamic World 2008; The Evolving Arab City 2008; Kanna 2017.

ской культуры в формировании представлений о пространстве. Между тем в восприятии пространства жителями халифата роль города априори должна была быть значительной в силу ряда обстоятельств.

В состав халифата вошли области с тысячелетним опытом городской жизни, такие как Месопотамия, Сирия, Палестина, Египет. Завоеванные ими города арабы не разрушали, а заключали с ними договоры, гарантировавшие горожанам сохранение привычного образа жизни при условии выплаты дани. Арабы и сами селились в древних городах Византии и Ирана, а также основывали новые поселения, первоначально напоминавшие большие военные лагеря, но постепенно превратившиеся в обычные города, центры ремесла и торговли. Благодаря этому повседневная жизнь арабов и других народов, населявших страны халифата в VII–XIII вв., разительно отличалась от жизни их современников-европейцев. Тогда как в покрытой феодальными замками Европе господствовало натуральное хозяйство, на исламском Востоке процветали города, велась оживленная торговля, на небывалую для того времени высоту поднялось развитие наук, искусств и ремесел. Вся письменная культура в исламском мире была продуктом деятельности горожан, поскольку — в отличие от европейских стран — внегородские центры культуры, такие как монастыри, отсутствовали. На территории халифата, правда, имелись христианские монастыри, но характерно, что представители средневековой арабской христианской культуры известны своими трудами по истории, но не по географии. В то же время географическая литература, созданная в IX–XV вв. исламскими учеными, отличается не только богатством фактического материала и жанровым разнообразием⁶, но и специфической оптикой восприятия пространства, которая, как мы постараемся показать, прямым образом была связана с преимущественно городским характером исламской цивилизации.

Настоящее исследование построено на материале географического сочинения крупнейшего средневекового гео-

⁶ Крачковский 1957; History of Cartography 1992: 90–174.

графа и картографа ал-Идриси (1100–1154) с преимущественным вниманием к его сведениям о Восточной Европе, что позволит не только выявить место города в структуре описания, но и раскрыть роль городов в ментальном освоении «чужого», инокультурного, пространства. С этой целью сначала нами будет кратко рассмотрен путевой принцип описания пространства в средневековой арабской литературе и особенности арабской терминологии, выработанной для характеристики городов, а основная часть статьи будет посвящена анализу сведений ал-Идриси о Восточной Европе⁷ и роли городов в применявшихся им приемах пространственного конструирования.

Маршруты и города

Наиболее рельефно отношения города и пространства отражены в арабских сочинениях, созданных в жанре «книг путей и государств» (*Kutub al-masālik wa-l-mamālik*). Хронологически первый тип такого рода описания разработал в середине IX в. Ибн Хордадбех, который благодаря своей профессиональной деятельности в почтовом ведомстве имел доступ к информации о путях сообщения внутри халифата и за его пределами. Основную часть материала в книге Ибн Хордадбега занимает перечисление маршрутов. Изложению этих сведений посвящены четыре больших раздела его сочинения, соответствующие четырем сторонам света, где последовательно говорится о в общей сложности 930 почтовых дорогах, которые вели из Багдада — пространственного центра повествования, — в Среднюю Азию, Индию и Китай, Северную Африку и Испанию, Византию, Закавказье и Восточную Европу, Аравию⁸. Ключевая роль в тексте Ибн Хордадбега отведена городам, которые выполняют несколько функций в составе описания. Они служат опорными точками

⁷ Употребление термина «Восточная Европа» применительно к информации ал-Идриси, разумеется, условно, поскольку данный термин является довольно поздним географическим и идеологическим концептом (Вульф 2013) и арабский географ XII в. знал эту территорию под другими именами (о которых см. ниже).

⁸ Ibn Khurradādhbih 1889: 18–155; Ибн Хордадбех 1986: 61–124.

маршрутов, размечающими направления движения по всем странам света; основными единицами налогового пространства халифата; пространственными маркерами той или иной страны или области.

Разработанный Ибн Хордадбехом тип описания, в котором важнейшим инструментом презентации информации были маршрутные данные, оказался очень востребован в арабской географии IX–XIV веков⁹ и отразил всю палитру терминов, использовавшихся применительно к населенным пунктам.

Для сочинений IX–X вв. (а нередко и более поздних) характерна терминологическая невнятность в описании городов, что принято связывать с отсутствием у исламских городов особого правового статуса, а у их жителей — каких-либо специфических прав, отделявших их от остальных мусульман. К одному и тому же пункту арабские географы могли одновременно применять разные термины — *madīna* (город), *balad* (страна, область, город, поселок), *balda* (город, поселок), *ḥiṣn* (крепость), *qarya* (деревня, село), *ḍay'a* (имение, поместье, деревня, село)¹⁰. Для обозначения главных, столичных городов употреблялись особые термины — *miṣr* и *qaṣaba*. Были также термины, указывавшие на сложную пространственную организацию городской территории и ее округи: *kūra* / *iqlīm* / *nāḥiya* (район, область, округ), *rustāq* (город с округом), *rabaḍ* (предмestье, пригород, окрестности), *maḥalla* / *tawḍī'* (место, местность).

Среди многочисленных сочинений, созданных в жанре «книг путей и государств», были и такие, где выражено понимание особой роли городов в пространстве халифата. В конце X в. выходец из Иерусалима Шамс ад-Дин ал-Мукаддаси (ал-Макдиси) составил географический труд под названием «Наилучшее разделение для познания климатов» (*Aḥsan al-taqāsīm fī ma'rifat al-aqālīm*), в котором, в частности, предложил классификацию населенных пунктов по занимаемому ими месту в административно-политической структуре ха-

⁹ Крачковский 1957: 150; History of Cartography 1992: 92–93.

¹⁰ Большаков 1984: 57, 59, 64–65, 82, 85, 109.

лифата. Ал-Мукаддаси выделял 17 крупнейших городов и резиденций (*miṣr*), 77 укрепленных главных городов провинций (*qaṣaba*), провинциальные города (*madīna*) и деревни (*qarya*). И хотя ал-Мукаддаси отдавал себе отчет в условности этой классификации, отмечая полисемию терминов, применяемых для обозначения населенных пунктов, он тем не менее представлял себе пространство халифата как иерархию его городов. По словам ал-Мукаддаси, столичные города можно уподобить царям, крупные города — камергерам, рядовые города — воинам, а деревни — простолюдинам¹¹.

Города в пространстве взаимодействия

Структура сочинения ал-Идриси. В отличие от ал-Мукаддаси, сочинение которого посвящено только исламским странам, арабский географ середины XII в. ал-Идриси создал всемирную географию. Его трактат «Отрада страстно желающего пересечь мир» (*Kitāb Nuzhat al-mushtāq fī'khtirāq al-āfāq*, 1154 г.) представляет собой описание всех известных автору областей ойкумены, сопровождающееся подробной прямоугольной картой мира (Илл. 1), которая не знает себе равных в средневековой исламской картографии по топонимической насыщенности¹². По подсчетам К. Миллера, на карту ал-Идриси нанесено около 2500 наименований, а в тексте сочинения их в два с половиной раза больше, причем львиную долю этих топонимов составляют названия городов.

В качестве структурного принципа ал-Идриси взял за основу описание земли по широтным зонам-климатам, но отказался от каких бы то ни было астрономических принципов их выделения. Принимая во внимание огромное количество данных, которыми оперировал ал-Идриси, можно сказать, что система климатов в его случае использовалась прежде всего для упорядочения собранного материала. Не случайно, каждый климат ал-Идриси — и это явилось его ново-

¹¹ Aḥsan al-taqasīm 1967: 47.

¹² О сочинении ал-Идриси в целом см.: Крачковский 1957: 281–299; History of cartography 1992: 156–174 (там же основная библиография).

введением, — в свою очередь, механически разбил на десять поперечных частей-секций (*juz'*), равных по длине и ширине. Соответственно, описание географических объектов в сочинении ал-Идриси ведется по климатам, с юга на север, а внутри климатов — по секциям, с запада на восток.

Илл. 1

Прямоугольная карта мира ал-Идриси в реконструкции К. Миллера.

Ориентация южная

Воспроизведено по: https://en.wikipedia.org/wiki/Muhammad_al-Idrisi

Даже беглое знакомство с трудом ал-Идриси не оставляет сомнений в том, что *Nuzhat al-Mushtāq* — сочинение тщательно продуманное, весь материал которого расположен в соответствии с географической концепцией автора и теми целями, которые он ставил перед собой. Свою главную задачу ал-Идриси видел не в том, чтобы сообщить читателю нечто новое, а в том, чтобы возможно более полно представить достоверные с его точки зрения сведения о Земле и ее обитателях в форме последовательного рассказа о различных странах и народах. Материал каждой секции ал-Идриси старался представить, по его словам, «в виде завершенного рассказа в соответствии с правилами глубокого исследова-

ния»¹³, то есть «город за городом, область за областью, не опуская никаких подробностей обо всех объектах, достойных упоминания»¹⁴. В пределах секции сведения об упоминаемых в ней объектах сгруппированы по странам. Страны, которым посвящена секция, ал-Идриси называет во введении к ней. Там же он иногда перечисляет и относящиеся к той или иной стране города.

На пространстве современной Восточной Европы ал-Идриси выделял следующие страны и народы — Русь (*al-Rūsiyya*) в бассейне Днепра и Верхней Волги, Волжскую Булгарию (*al-Bulghāriyya*) на Средней Волге, башкир (*Basjirt*) в Волго-Уральском регионе, куманов (*al-Qumāniyya*) в Северном Причерноморье, буртасов (*Burtās*) в нижнем течении Волги, хазар (*al-Khazariyya*) на Нижней Волге и на черноморском побережье Северного Кавказа, аланов (*al-Lāniyya*) на Северном Кавказе, земли тавастов (*Tabast*) и эстов (*Astlānda*) в Восточной Прибалтике, язычников-«огнепоклонников» (*al-Majūs*) на юге Восточной Прибалтики и в западных районах Руси¹⁵.

Основная информация о Восточной Европе сосредоточена в четвертой, пятой, шестой и седьмой секциях шестого и седьмого климатов сочинения ал-Идриси. Отрывочные данные содержатся также в седьмой секции пятого климата — в составе описания Каспийского моря, народов Северного Кавказа и Нижнего Поволжья, — в третьей секции шестого климата, где имеются сведения о некоторых древнерусских городах, и в третьей секции седьмого климата, где упоминается Русь. В результате не только описание Восточной Европы как региона имеет дробную структуру (что неудивительно, так как ал-Идриси данным термином не оперировал), но и характеристика той или иной страны, как правило, не представлена в виде связного и целостного рассказа, а дается частями, помещенными в разных секциях.

¹³ Al-Idrīsī 1970–1984: 58.

¹⁴ Al-Idrīsī 1970–1984: 121.

¹⁵ Al-Idrīsī 1970–1984: 12, 828–829, 831–835, 899, 903–905, 907, 909, 912–920, 922–925, 929, 935, 951, 953–955, 957–960.

Принцип описания. Систематизация собранного материала по климатам и секциям, а внутри них — по странам, служила для ал-Идриси общей рамкой, позволявшей представить обитаемый мир как целое. Но когда ему надо было охарактеризовать какую-либо страну или область, основным способом упорядочения данных становились маршрутные данные, содержавшие сведения о путях, связывавших между собой различные города, а также — хотя и не всегда — информацию об окружающих объектах (морях, реках, озерах, горах и пр.), о флоре и фауне, полезных ископаемых, местном производстве, условиях повседневной жизни и торговли. Используя картографический материал Клавдия Птолемея, но при этом отказавшись от координатных данных как способа локализации географических объектов, ал-Идриси именно описания маршрутов сделал основным структурообразующим элементом текстовой части своего сочинения. Они и стали главным способом локализации, практикуемым ал-Идриси, — определением местоположения одного пункта относительно каких-либо других в рамках определенного маршрута.

Приводимые ал-Идриси маршрутные данные были основаны прежде всего на устной информации, отражающей такую систему пространственной ориентации, в которой местонахождение объектов определяется по отношению к воспринимаящему субъекту, неподвижному или движущемуся от одного города к другому. Сведения ал-Идриси о городах Восточной Европы (как, впрочем, и многих других регионов мира), отличаются практической направленностью, тесной связью с повседневным опытом, в котором доминирующим является внимание к торговой жизни описываемых населенных пунктов и к благосостоянию их жителей. Эти данные, по всей вероятности, вставлялись в текст в том самом виде, в каком они были получены ал-Идриси от его информаторов. Об этом свидетельствует и непосредственная форма передачи сведений, и использование естественных ландшафтных примет в качестве средства ориентации в пространстве, и эгоцентрическое восприятие пространства, пронизывающее материал большинства разделов сочинения

ал-Идриси. Ал-Идриси как бы провозит своего читателя из города в город, сообщая при этом самые разнообразные сведения: о географическом окружении, о торговле, об обычаях и историческом прошлом тех мест, о которых рассказывает.

Роль путевого принципа описания пространства в сочинении ал-Идриси была давно отмечена в историографии¹⁶. Но в ней нет анализа того, как строились сами маршруты. Молчаливо предполагалось, что они записывались географом в таком же виде, в каком и проходились его информаторами от начала до конца. Между тем маршрутные данные, включенные в текст ал-Идриси, далеко не всегда можно рассматривать как описания реальных путей, пройденных от начала и до конца именно в такой последовательности одним из информаторов географа. При детальном рассмотрении оказывается, что в ряде случаев маршрут, имеющий в описании все признаки реального, является не более чем конструкцией ал-Идриси, которая отражает не действительное положение вещей, а пространственные представления самого географа, его способ интерпретации исходного материала.

Данные о расстояниях между населенными пунктами, полученные ал-Идриси от разноязычных информаторов и, соответственно, выраженные в привычных для последних метрологических системах, ал-Идриси не сводил к какой-либо одной единице длины, поэтому в тексте его сочинения расстояния приводятся то в пространственных, то во временных единицах, причем различных: в милях, фарсах, днях пути по суше, сухопутных переходах (*marḥala*), днях пути вниз/вверх по реке, днях морского плавания. Объединение в составе рассказа о каком-нибудь маршруте сообщений и городах, расстояние между которыми выражено в различных единицах длины, может, во-первых, указывать на наличие у географа нескольких источников сведений о городах данного маршрута и, во-вторых, являться свидетельством того, что тот или иной маршрут, фигурирующий в сочинении

¹⁶ Tomaschek 1887.

ал-Идриси, «конструировался» самим географом из сообщений нескольких лиц¹⁷.

Городская терминология. В терминологическом отношении городское пространство Восточной Европы, за очень редкими исключениями, совершенно не иерархично. Для характеристики почти всех населенных пунктов региона ал-Идриси использует термин *madīna*, то есть выбирает наиболее общее, нейтральное определение. Этот термин применяется для описания городов Руси, в том числе небольших городков на русско-половецком пограничье¹⁸, портовых городов Северо-Западного, Северного и Северо-Восточного Причерноморья¹⁹, населенных пунктов Восточной Прибалтики²⁰, Волжской Булгарии²¹, а также для городов Хазарии²², сведения о которых ал-Идриси заимствовал из сочинений арабских географов X века. Для сравнения скажем, что мадиной ал-Идриси называет и такие крупные города Южного Причерноморья как Константинополь²³ и Трапезунд²⁴. В ряде случаев наряду с термином *madīna* применительно к восточноевропейским пунктам используется и термин *balad* в значении «город»²⁵.

Иная терминология, описывающая населенные пункты, в посвященном Восточной Европе тексте ал-Идриси появляется эпизодически. Так, про город Матраха (*Maṭrakha*, летописная Тьмуторокань, совр. Тамань) говорится, что ему принадлежат многочисленных селения (*qarya*) и области (*iqlīm; quṭr*)²⁶. Все прочие случаи относятся к заимствованным сведениям о хазарских городах X в. Итиле, названном главным

¹⁷ Этот вопрос подробно рассмотрен в статье: Коновалова 2013.

¹⁸ Al-Idrīsī 1970–1984: 904, 912–913, 915–917, 955.

¹⁹ Al-Idrīsī 1970–1984: 908–912, 915–916, 929.

²⁰ Al-Idrīsī 1970–1984: 954.

²¹ Al-Idrīsī 1970–1984: 918, 920.

²² Al-Idrīsī 1970–1984: 834, 835, 916.

²³ Al-Idrīsī 1970–1984: 894, 896, 905.

²⁴ Al-Idrīsī 1970–1984: 907, 911.

²⁵ Al-Idrīsī 1970–1984: 882, 904, 910.

²⁶ Al-Idrīsī 1970–1984: 909, 916.

городом хазар (*qaṣaba*)²⁷, и Самандаре, имевшем обширную округу (*ʿamala*)²⁸.

Если терминологически населенные пункты Восточной Европы практически одинаковы, то качественные определения, которые ал-Идриси дает многим городам, сразу превращают культурный ландшафт региона в неоднородное пространство. Наиболее часто используется прилагательное *āmīrun* — «населенный, оживленный, процветающий»²⁹, вдвое реже — *mutaḥaddīrun* («городской, цивилизованный, культурный») ³⁰. Географически такие определения относятся к городам Северного и Северо-Восточного Причерноморья, а также к русским городам Поднепровья и Новгороду. Есть термины и для оценки размеров того или иного пункта — «большой» (*kabīrun*), «небольшой, маленький» (*ṣaghīrun*, *qalīlun*)³¹, — и его внешней привлекательности (*ḥasanun* — «красивый, хороший») ³². В редких случаях бывает отмечена древность города. Древним (*qadīmun*) городом названа Матраха³³, а также неизвестный ал-Идриси по имени городской центр аланов, обозначенный им как *ал-Ланиййа* (*al-Lāniyya*)³⁴.

Функции городов в описании Восточной Европы. Первая и наиболее очевидная функция городов в тексте ал-Идриси состоит в том, что они служат точками в составе того или иного маршрута. Вот как, к примеру, выглядит морской маршрут вдоль крымского побережья от Херсонеса до Керченского пролива: «От Карсуна (*Karsūna*; Херсонес) до Джалита (*Jālīṭa*; Ялта) тридцать миль; это город [принадлежащий] к стране ал-Куманийна (*al-Qumāniyya*; Половецкая степь). От Джалита до города Гурзуби (*Ghurzūbī*; Гурзуф) двенадцать миль; это многолюдный город, [расположенный] на берегу моря. От него до города Бартанити (*Bartānītī*; Пар-

²⁷ Al-Idrīsī 1970–1984: 834, 919.

²⁸ Al-Idrīsī 1970–1984: 835.

²⁹ Al-Idrīsī 1970–1984: 834, 835, 909, 912, 915, 916, 954, 955.

³⁰ Al-Idrīsī 1970–1984: 909, 912, 915.

³¹ Al-Idrīsī 1970–1984: 835, 904, 909, 912, 915, 916, 954, 955.

³² Al-Idrīsī 1970–1984: 909, 912, 915.

³³ Al-Idrīsī 1970–1984: 909.

³⁴ Al-Idrīsī 1970–1984: 915.

тенил) десять миль; это небольшой цветущий город, где строят корабли. От него до города Лабада (*Labāda*; Ламбат) восемь миль; это красивый город. От него до Шалуста (*Shālūṣṭa*; Алушта) десять миль; это красивый большой город, [расположенный] на море. От него до города Султатиййа (*Sultātīyya*; Судак) по морю двадцать миль, а от города Султатиййа до [города] Бутар (*Būtar*; Феодосия) двадцать миль. От Бутара до устья реки Русиййа (*Rūsiyya*; здесь — Керченский пролив) двадцать миль»³⁵.

Некоторые города показаны не как рядовые точки маршрута, но как более или менее крупные транспортные узлы, относительно которых определяется положение нескольких географических объектов. Так, при описании Черного моря неоднократно говорится, что оно «начинается» у Константинополя, который служит отправной точкой при характеристике маршрутов каботажного плавания в черноморском бассейне³⁶. В рассказе о русских городах Поднепровья выделяются топонимы Кав (*Kāw*; Киев), Барасаниса (*Barāsānisa*; Пересопница) и Кинийув (*Qīniyuw*; Канев), каждый из которых является начальным или конечным пунктом для нескольких маршрутов³⁷. В описании Кумании центральным пунктом служит топоним Нуши (*Nūshī*; Носов), связанный с городами «Белая Кумания» (один из вариантов наименования Матрахи), Кинийув и Нарус (*Nārūs*; Баруч)³⁸. В рассказе об Эстланде аналогичным структурообразующим топонимом является Анху (*Anhū*; Ханила), фигурирующий в сообщениях обо всех населенных пунктах этого региона³⁹. От города Матраха измеряются расстояния до целого ряда объектов: города Русиййа (*Rūsiyya*; Керчь), устья так называемой «Русской реки» (то есть Керченского пролива) и не поддающихся пока локализации островов Саранба (*Saranba*) и Анбала (*Anbala*)⁴⁰.

³⁵ Al-Idrīsī 1970–1984: 909.

³⁶ Al-Idrīsī 1970–1984: 12, 831, 905.

³⁷ Al-Idrīsī 1970–1984: 912–913.

³⁸ Al-Idrīsī 1970–1984: 916–917.

³⁹ Al-Idrīsī 1970–1984: 954, 956.

⁴⁰ Al-Idrīsī 1970–1984: 909–911, 916.

Города фигурируют не только как простые точки того или иного маршрута или как транспортные узлы, но и могут служить маркерами границ. Так, например, известные ему населенные пункты Юго-Западной Руси, отмеченные в составе маршрута от Кракова до верховьев Днестра, ал-Идриси объединил в особую группу городов «Наиболее отдаленной Руси» (*al-Rūsiyya al-quṣwa*)⁴¹. Однако в такой роли города в тексте ал-Идриси выступают крайне редко, поскольку характерной чертой описания является невнимание географа к фиксации границ между странами и народами (на карте границы также отсутствуют). Это напрямую связано с тем, что для ал-Идриси главными пространственными объектами были не столько страны, сколько города, в связи с чем описание стран и регионов он дает через рассказ о населенных пунктах этих территорий.

Если перечни стран во вводных частях к секциям в совокупности давали словесное изображение политической карты мира (как она представлялась самому географу), то рассказ о городах как сети пересекающихся маршрутов, не знающих политических границ, давал принципиально иную картину мирового пространства. Из статичного вместилища разных стран оно превращалось в цепь бесконечных перемещений между городами, местоположение которых становилось неотделимо от расстояний, связывавших их друг с другом.

Ключевая роль городов в пространстве сочинения ал-Идриси связана и еще с одним обстоятельством. Изображения физико-географических объектов на карте ал-Идриси в значительной степени были заимствованы им из арабских переработок сочинения Птолемея, причем для периферийных областей ойкумены это особенно заметно⁴². Новая же информация, собранная самим ал-Идриси из арабских сочинений IX–XI вв., а также из современных географу устных источников, относилась, главным образом, к городам и их непосредственному окружению. Таким образом, именно города

⁴¹ Al-Idrīsī 1970–1984: 892.

⁴² History of cartography 1992: 160–163; Коновалова 2006: 26, 31.

превращали «историческое» пространство на карте ал-Идриси в актуальное.

Заключение

Географическое сочинение ал-Идриси, являющееся наиболее крупным произведением средневековой исламской литературы в жанре описательной географии, демонстрирует многоплановую роль городов как в восприятии пространства, так и в его презентации. Города в описании ал-Идриси выполняют не только вполне очевидные функции точек того или иного маршрута, транспортных узлов и маркеров границ, но и кардинальным образом преобразуют саму структуру описания.

Широкое использование ал-Идриси маршрутных данных с присущей им эгоцентрической пространственной ориентацией привело к тому, что в каждой секции его сочинения нашли отражение множество субъективных точек зрения на организацию того или иного пространства. Тем не менее, это не послужило к дезинтеграции текста. Персональные пространства информаторов географа при всей их субъективности не были изолированы друг от друга, потому что все они являлись частями какого-либо пути. В результате на статичную карту мира, составленную из разных стран, оказалась наброшена сеть маршрутов, пронизывающих пространство и объединяющих страны и народы поверх политических границ.

Таким образом, региональный и всемирный масштаб описания в сочинении ал-Идриси достигался в известной мере именно за счет использования маршрутных данных, благодаря которым обрисовывались связи между городами, областями и странами. Фактически сведения о городах, составлявших различные маршруты, играли структурную роль каркаса повествования наряду с разделением текста на климаты и секции.

Наконец, города в повествовании ал-Идриси играли еще одну важную роль, существенную для рассказа о далеких и малоизвестных странах и народах. Именно города были основным средством ментального освоения чужого простран-

ства, «одомашнивая» его через описание привычных форм жизнедеятельности.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Беленицкий, Бентович, Большаков 1973 — *Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г.* Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
- Большаков 1984 — *Большаков О.Г.* Средневековый город Ближнего Востока. VII – середина XIII в. Социально-экономические отношения. М., 1984.
- Вульф 2003 — *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003.
- Ибн Хордадбех 1986 — *Ибн Хордадбех.* Книга путей и стран / Перевод с арабского, комментарии, исследование, указатели и карты Н. Велихановой. Баку, 1986.
- Коновалова 2006 — *Коновалова И.Г.* Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: Текст, перевод, комментарий. М., 2006.
- Коновалова 2013 — *Коновалова И.Г.* К методике анализа маршрутных данных в сочинениях средневековых арабских географов // Древнейшие государства Восточной Европы. 2011 г.: Устная традиция в письменном тексте / Отв. ред. Г.В. Глазырина. М., 2013. С. 247–256.
- Крачковский 1957 — *Крачковский И.Ю.* Арабская географическая литература // *Крачковский И.Ю.* Избранные сочинения. М.; Л., 1957. Т. IV.
- Стародуб 1995 — *Стародуб Т.Х.* Мусульманский средневековый город (термин и архитектурное выражение) // Город как социокультурное явление исторического процесса / Отв. ред. Э.В. Сайко. М., 1995. С. 170–177.
- Abu-Lughod 1987 — *Abu-Lughod J.L.* The Islamic City: Historic Myth, Islamic Essence, and Contemporary Relevance // *International Journal of Middle East Studies.* 1987. Vol. 19 (2). P. 155–176.
- Aḥsan al-taqasīm 1967 — *Aḥsan al-taqasīm / Descriptio imperii moslemici* / Ed. by M.J. de Goeje. Leiden, 1967 (Bibliotheca Geographorum Arabicorum 3).

- Aldous 2013 — *Aldous G.* The Islamic City Critique: Revising the Narrative // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 2013. Vol. 56 (3). P. 471–493.
- Al-Idrīsī 1970–1984 — *Al-Idrīsī.* Opus geographicum sive “Liber ad eorum delectationem qui terras peragrarare studeant” / Consilio et auctoritate E. Cerulli et al. Una cum aliis ed. A. Bombaci et al. Neapoli; Romae; Leiden, 1970–1984. Fasc. I–IX.
- AlSayyad 1991 — *AlSayyad N.* Cities and Caliphs: On the Genesis of Arab Muslim Urbanism. New York, 1991.
- AlSayyad 1992 — *AlSayyad N.* The Islamic City as a Colonial Enterprise // Forms of Dominance: On the Architecture and Urbanism of the Colonial Enterprise / Ed. by N. AlSayyad. London, 1992. P. 27–43.
- AlSayyad 1996 — *Alsayyad N.* The Study of Islamic Urbanism: An Historiographic Essay // Built Environment. 1996. Vol. 22 (2). P. 91–97.
- Bennison, Gascoigne 2007 — *Bennison A.K., Gascoigne A.L.* Cities in the Pre-modern Islamic World: The Urban Impact of Religion, State and Society. London; New York, 2007.
- Bianca 2000 — *Bianca S.* Urban Form in the Arab World: Past and Present. London; New York, 2000.
- Cuneo 1986 — *Cuneo P.* Storia dell’urbanistica. Il mondo islamico. Roma; Bari, 1986.
- Hakim 1986 — *Hakim B.S.* Arabic-Islamic Cities: Building and Planning Principles. London, 1986.
- Historic cities 2007 — Historic cities of the Islamic world / Ed. by C.E. Bosworth. Leiden; Boston, 2007.
- History of Cartography 1992 — History of Cartography / Ed. by J.B. Harley and D. Woodward. Chicago, 1992. Vol. II. Book 1: Cartography in the traditional Islamic and South Asian societies.
- Ibn Khurradādhbih 1889 — *Ibn Khurradādhbih.* Kitāb al-Masālik wa-l-mamālik / Ed. by M.J. de Goeje. Leiden, 1889 (Bibliotheca Geographorum Arabicorum 6).
- Islamic Urban Studies 1994 — Islamic Urban Studies: Historical Review and Perspectives / Ed. by M. Haneda and T. Miura. London, 1994.
- Kanna 2017 — *Kanna A.* Main Trends in Contemporary Urban Studies of the Middle East and North Africa // A Research Agenda for Cities / Ed. by J.R. Short. Northampton, MA, 2017. P. 233–248.

- Middle Eastern Cities 1969 — Middle Eastern Cities: A Symposium on Ancient, Islamic, and Contemporary Middle Eastern Urbanism / Ed. by I.M. Lapidus. Berkeley; Los Angeles, 1969.
- Moser 2013 — *Moser S.* New Cities in the Muslim World: The Cultural Politics of Planning an 'Islamic' City // Religion and Place: Landscape, Politics and Piety / Ed. by P. Hopkins, L. Kong, E. Olson. London, 2013. P. 39–56.
- Muslim cities 1967 — Muslim cities in the later Middle Ages / Ed. by I.M. Lapidus. Cambridge (Mass.), 1967.
- Raymond 1984 — *Raymond A.* The Great Arab Cities in the 16th–18th centuries: An Introduction. New York; London, 1984.
- Raymond 2004 — *Raymond A.* Madīna // The Encyclopaedia of Islam. New edition. Leiden, 2004. Vol. XII: Supplement. P. 551–554.
- The Arab City 1981 — The Arab City, its Character and Islamic Cultural Heritage: Proceedings of a Symposium Held in Medina, Kingdom of Saudi Arabia / Ed. by I. Serageldin and S. el-Sadek. Medina, 1981.
- The Bazaar 2012 — The Bazaar in the Islamic City: Design, Culture, and History / Ed. by M. Gharipour. Cairo; New York, 2012.
- The City 2008 — The City in the Islamic World / Ed. by S. Jayyusi, R. Holod, A. Petruccioli, A. Raymond. Leiden, 2008. Vol. 1–2.
- The Evolving Arab City 2008 — The Evolving Arab City: Tradition, Modernity, and Urban Development / Ed. by Y. Elsheshtawy. London; New York, 2008.
- The Islamic city 1970 — The Islamic city. A Colloquium / Ed. by A.H. Hourani and S.M. Stern. Oxford, 1970.
- The Islamic city 1976 — The Islamic city. Selected papers from the colloquium held at the Middle East Centre, Faculty of Oriental Studies, Cambridge, UK, from 19 to 23 July 1976 / Ed. by R.B. Serjeant. Paris, 1980.
- The Middle Eastern city 1994 — The Middle Eastern city and Islamic urbanism: An annotated bibliography of Western literature / Ed. by M. Bonine et al. Bonn, 1994 (Bonner geographische Abhandlungen 91).
- The Proceedings of International Conference on Urbanism 1989 — The Proceedings of International Conference on Urbanism in Islam (ICUIT) / Ed. by T. Yukawa. Tokyo, 1989.
- Tomaschek 1887 — *Tomaschek W.* Zur Kunde der Hāmus-Halbinsel, II: Die Handelswege im 12. Jahrhundert nach den Erkundigungen des Arabers Idrīsī // Sitzungsberichte der philosophisch-historischen

Classe der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. 1887. Bd. 113. S. 285–373.

Wheatley 2001 — *Wheatley P.* The places where men pray together: cities in Islamic lands, seventh through the tenth centuries. Chicago, 2001.

Wirth 2000 — *Wirth E.* Die orientalische Stadt im islamischen Vorderasien und Nordafrika. Städtische Bausubstanz und räumliche Ordnung, Wirtschaftsleben und soziale Organisation. Mainz, 2000. Bd. 1–2.

А.К. Шагинян

**ТЕРРИТОРИИ И ГРАНИЦЫ СТРАН
ЮГО-ЗАПАДНОГО ПРИКАСПИЯ
В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ
И РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**
ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ*

Аннотация: В статье дан критический анализ концепции азербайджанских ученых, согласно которой уже в эпоху поздней Античности и раннего Средневековья — во времена господства в странах Юго-Западного Прикаспия Сасанидского Ирана, а затем Арабского халифата — к северу от ираноязычной страны Атропатены (современного Иранского или Южного Азербайджана) существовал так называемый *Северный Азербайджан*. Под данным понятием азербайджанские исследователи предлагают объединить земли кавказоязычной Албании, занимавшие в те времена обширное пространство к северу от нижних течений Аракса и Куры до восточных оконечностей Главного Кавказского хребта, что соответствует территории сегодняшнего Северного Азербайджана и Азербайджанской Республики. Автор выстраивает свою критику на детальном разборе сведений греко-римских и средневековых источников о территории и границах двух стран Юго-Западного Прикаспия — Атропатены (Адурбадагана-Адзарбайджана) и Албании (Арана-Аррана), — а также на достижениях научных школ исторической географии, отраженных в академических и энциклопедических изданиях России, США и Западной Ев-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-00010).

ропы. В результате автору удается реконструировать политическую карту обеих стран в эпоху поздней Античности и раннего Средневековья.

Ключевые слова: сасанидский куст Кавказ-Капкох, Атропатена-Адурбадаган-Адзарбайджан, Албания-Аран-Арран, Великая Армения, арабский вилайет Арминийа, Северный Азербайджан, Азербайджанская Республика, Иранский Азербайджан

Введение

На карте прикаспийских областей Южного Кавказа (в бывших владениях Российской империи) с 1918 г. существует *Азербайджанская Республика* (АР — Azərbaycan Respublikası) со столицей в Баку. Титульная нация в ней после всесоюзной переписи населения 1939 г. обозначается этнонимом *азербайджанцы* (за исключением 1992–1993 гг., когда обозначалась *тюрки*). До 1939 г. термин *азербайджанцы* употреблялся в качестве этнохоронима (резидента Советского Азербайджана), а представители титульной нации обозначались *кавказскими* реже *каспийскими татарами* или *тюрками* (подобные варианты применялись в литературе и документах еще дореволюционной России.) Эта титульная нация в АР является носителем азербайджанского тюркского языка¹ (до 1939 г. — тюркско-татарского, с 1992–1993 гг. — тюркского) и в большинстве своем исповедует шиитский толк в исламе.

На карте Северо-Западного Ирана с 1950 г. в результате раздела остана (провинции) Азербайджан, появились две административные единицы: *Западный Азербайджан* (перс. آذربایجان غربی [Āzarbāyjān-e Ġarbī]) с центром в Урмии и *Восточный Азербайджан* (перс. آذربایجان شرقی [Āzarbāyjān-e Šarqī]) с центром в Тебризе. В составе Исламской Республики Иран (ИРИ) есть еще один остан, который населен преимущест-

¹ Термин в форме *адербиджанское наречие тюркского языка* был впервые введен в научный оборот в 1839 г. патриархом российского востоковедения А.К. Казем-Бекон в «Грамматике Турецко-Татарского языка».

венно шиитами, носителями тюркского языка² — Ардебиль (перс. اردبیل [Ardabil]) с одноименным центром. Данная административно-территориальная единица, омываемая на востоке водами Каспия, была выделена из состава Восточного Азербайджана в 1993 году.

Официальный Баку относит эти три остана к политико-географическому понятию *Южный Азербайджан* (азерб. Cənubi/Güney Azərbaycan), а титульную нацию в них, вопреки самоназванию *тюрки* (تورکلر), обозначает этнонимом *азербайджанцы* (азерб. azərbaycanlılar). В Тегеране первые два остана определяют как *Иранский Азербайджан* (перс. آذربایجان ایرانی [Āzarbāyjān-e Irānī]) и титульную нацию в них обозначают этнонимом *тюрки* (перс. ترکها).

Территория трех останов ИРИ и есть, главным образом, «исторический Азербайджан», как это зафиксировано в ведущих справочных изданиях мира³. В «Иранике» и в шеститомной «Истории Востока» говорится, что автохтонное население в них до тюркизации в постмонгольскую эпоху⁴ являлось носителем вымершего к XVI в. новомидийского бесписьменного языка западно-иранской ветви *азери* (перс. آنری)⁵.

² Идентичность тюркоязычных азербайджанцев, являющихся государствообразующим народом АР на Южном Кавказе, а также титульной нацией в трех останах ИРИ, определяется религией *шиитский ислам* и этничностью *тюркизм*.

³ Достаточно упомянуть статьи британских ориенталистов: Minorsky 1986: 190–191; Bosworth 1987: 224–231.

⁴ С завоеваниями Тамерлана на рубеже XIV–XV вв. связана третья волна массового переселения тюркоязычных племен из Центральной Азии в Переднюю. Но если в эпоху сельджукских завоеваний в XI в. или монгольских — в XIII в. переселенцами в Переднюю Азию были, как правило, огузы, то Тамерлан предпочел заселить Азербайджан преимущественно кыпчаками. Третья волна миграции дала завершающий импульс в процессе тюркизации населения этой древнеиранской области (см.: Новосельцев 1995: 435).

⁵ Yarshater 1988: 238–245; Новосельцев 2000: 99–100. Эти и другие иранисты отождествляют азери с живым ныне талышским языком, носители которого проживают в прикаспийской области Талыш, расположенной по обе стороны современной азербайджано-иранской границы (Миллер 1930: 199–228).

Эту ираноязычную до рубежа раннего Нового времени страну, локализирующуюся в Иранском Азербайджане, греко-римские авторы называли Ἀτροπατήνη-Atropatena. На древнеармянском грабаре, среднеперсидском пехлеви и среднегреческом византийском она именовалась Ատրπατան [Atrpatakan], Ādurbādagān и Ἀδραβιγάνων, соответственно⁶, в раннесредневековой арабо-мусульманской литературе — آذربایجان [Ādarbayğān]. К нему восходит и новоперсидское, и тюркское произношение *Азербайджан*, его современный русский и западноевропейские варианты.

В данной статье мы задались целью не только продемонстрировать достижения научных школ исторической географии, отраженные в ведущих академических и справочных изданиях мира, касательно территории и границ двух стран Юго-Западного Прикаспия — Атропатены (Адурбадагана-Адзарбайджана) и расположенной к северу от нее Кавказской Албании (Аррана). Мы решили подробно проанализировать все имеющиеся в нашем распоряжении сведения из памятников историографии и географии на языках народов христианского и мусульманского Востока, а также доисламского Ирана с привлечением данных греко-римских писателей, которые посвящены обеим странам, чтобы реконструировать территории их и границы в эпоху поздней Античности и раннего Средневековья.

Об использовании термина *Азербайджан* до и после 1918 года

Как отмечал И.М. Дьяконов, «до начала XX в. термин Азербайджан (...) использовался исключительно в отноше-

⁶ Античное наименование восходит к имени ахеменидского сатрапа Мидии Атропата (др.-перс. Āturpāt), который после смерти Александра Македонского в 323 г. до н.э. на севере Мидии провозгласил эллинистическое царство. Потомки его с титулом *шах* будут править с перерывами до 19/20 г. н.э. Затем парфянские Аршакиды (238 г. до н.э. – 224 г. н.э.) возведут на престол в Атропатене представителя своего дома, а после 72 г. вовсе аннексируют ее. С приходом к власти в Иране Сасанидов в 227 г. н.э. будет сформировано марзпанство Адурбадаган (Schippmann 1987: 221–224).

нии тюркоязычных областей Северо-Западного Ирана»⁷. Границы той единственной до 1918 г. историко-географической и административной единицы *Азербайджан* ограничивались на севере в основном долиной Нижнего Аракса, не распространяясь на российское Закавказье. Об этом говорят соответствующие статьи из популярнейших справочных изданий рубежа XX в.: «Азербиджан или Азербайджан — северная область Персии... среди которой большое озеро Урмия. На юге течет река Кизиль-Узен, на севере — притоки р. Аракса»⁸. В классическом издании «Британники» написано: «AZERBĀĪJĀN (... Azerbādegān средневековых писателей, Athropatakan и Atropatene древних), северо-западная... провинция Персии. Он отделен от территории России на севере рекой Арас (Аракс), в то время как у него на востоке Каспийское море, Гилян и... (Зенджан), на юге — Курдистан, а на западе — Азиатская Турция»⁹.

Но это вовсе не означает, что прикаспийские области российского Закавказья, составившие в 1918 г. Азербайджанскую Республику, находились за пределами тюркошиитского ареала. Тюркская экспансия и тюркизация региона происходили одновременно с аналогичными процессами в смежном Азербайджане — в XI–XV веках. В XVI столетии, когда была установлена межгосударственная граница Сефевидского Ирана (1502–1736) с Османской Турцией, по данным современной науки, произошло «окончательное размежевание малоазиатских тюрков (современных турок) и кавказско-иранских (нынешних азербайджанцев)». Иначе говоря, сложение азербайджанской тюркоязычной народности, исповедующей шиизм, датируется временем, когда завершился процесс этногенеза турок-суннитов Малой

⁷ «Until the early twentieth century, the term Azerbaijan (...) was used solely for the Turkic-speaking regions of North-Western Iran» (Diakonov 1999: 100).

⁸ ЭСБЕ 1890: 174.

⁹ «AZERBĀĪJĀN (... the Azerbādegān of medieval writers, the Athropatakan and Atropatene of the ancients), the north-western... province of Persia. It is separated from Russian territory on the N. by the river Aras (Araxes), while it has the Caspian Sea, Gilan and... (Zenjān) on the E., Kurdistan on the S. and Asiatic Turkey on the W.» (Houtum-Schindler 1910: 80–81).

Азии на рубеже XV и XVI веков¹⁰. А уже в последний период сефевидской власти в странах Юго-Западного Прикаспия, по выражению А.П. Новосельцева, сложились два центра тюрко-шиитской культуры: южный — в исторической Атропатене-Азербайджане (на Северо-Западе Ирана); северный — в исторической Албании-Арране (на Юго-Востоке Кавказа)¹¹.

При провозглашении в Закавказье в 1918 г. АР, его название, как отмечено в энциклопедической статье В.Ф. Минорского, было заимствовано с иранского топонима: «Турецкие войска, (...) занявшие Баку 15 сентября 1918 г., преобразовали бывшую (российскую. — А. Ш.) губернию, переименовывая ее в Azarbaydĵān — как объяснялось, ввиду сходства ее тюркоязычного населения с тюркоязычным населением персидской провинции Ādharbaydĵān»¹².

Аналогичным суждением коллектив ведущих иранистов открывает статью в «Иранике»: «AZERBAIJAN (Ādarbāy[e]jān) исторический регион на северо-западе Ирана, к востоку от озера Урмия, со времен Ахеменидов. Название “Азербайджан” также было принято для Аррана, исторически иранской области, антироссийскими сепаратистскими силами данного региона, когда 26 мая 1918 г. они провозгласили его независимость, назвав Азербайджанской Демократической Республикой. Дабы развеять опасения Ирана, правительство Азербайджана использовало термин “Кавказский Азербайджан” в документах, которые распространялись за рубежом»¹³.

¹⁰ Новосельцев 1995: 515.

¹¹ Новосельцев 1995: 518.

¹² «The Turkish troops... occupied Baku on 15 September 1918 and reorganized the former province under the name of Azarbaydĵān — as it was explained, in view of the similarity of its Turkish-speaking population with the Turkish-speaking population of the Persian province of Ādharbaydĵān» (Minorsky 1986: 190–191).

¹³ «AZERBAIJAN (Ādarbāy[e]jān) historical region of northwestern Iran, east of Lake Urmia, since the Achaemenid era. The name Azerbaijan was also adopted for Arrān, historically an Iranian region, by anti-Russian separatist forces of the area when, on 26 May 1918, they declared its independence and called it the Democratic Republic of Azerbaijan. To allay Iranian concerns, the Azerbaijan government used the term “Caucasian Azerbaijan” in the documents for circulation abroad» (Iranica 1987: 205).

Еще одна цитата из книги И.М. Дьяконова: «Когда в 1918–1920 гг. власть в Восточном Закавказье (...) досталась партии мусаватистов, они дали своему государству название “Азербайджан”, надеясь объединить его с Иранским Азербайджаном, он же Азербайджан в изначальном значении термина. Дело в том, что на этой территории было больше всего тюркского населения»¹⁴.

В результате возникла путаница, из-за которой советский иранист и тюрколог, академик В.В. Бартольд в 1920-е годы возмущенно писал: «...если нужно было бы придумать термин для всех областей, которые объединяет сейчас Азербайджанская Республика, то, скорее всего, можно было бы принять (иранизированное. — А. Ш.) название (Албании. — А. Ш.) Арран, но термин Азербайджан избран потому, что, когда устанавливалась Азербайджанская Республика, предполагалось, что персидский и этот Азербайджан составят одно целое, так как по составу населения они имеют очень большое сходство. ...Теперь, когда слово Азербайджан употребляется в двух смыслах — в качестве персидского Азербайджана и особой республики, приходится путаться и спрашивать, какой Азербайджан имеется в виду...?»¹⁵.

Концепция исторической географии стран Юго-Западного Прикаспия в азербайджанской историографии

Очевидно, во избежание терминологической путаницы, в историографии Азербайджанской ССР в 1960-е годы была предложена новая концепция, утверждающая, что со времен поздней Античности и раннего Средневековья — во времена господства в Передней Азии Сасанидского Ирана (первая треть III – середина VII в.) и Арабского халифата (середина VII – начало X в.) — существовал так называемый *Северный*

¹⁴ «When, in 1918–1920, the power in Eastern Transcaucasia (...) was taken over by the party of Musavatists, they gave to their state the name ‘Azerbaijan’, hoping to unite it with Iranian Azerbaijan, or Azerbaijan in the original sense of the term; that territory had much greater Turkic population» (Diakonov 1999: 100).

¹⁵ Бартольд 1963: 703.

Азербайджан к северу от долин Нижнего Аракса и Куры, занимавший в основном территорию Советского Азербайджана.

Автором концепции выступил академик АН Азербайджанской ССР З.М. Буниятов. Во введении к своей монографии «Азербайджан в VII–IX вв.» (Баку, 1965), которая базировалась на его докторской диссертации, он писал: «Называя Азербайджаном обе части страны, в которой ныне живут говорящие на одном языке азербайджанцы, мы в каждом случае поясняем, какая именно территория Азербайджана имеется в виду: северные ли районы — Арана (Албании)... или южные...»¹⁶. Под понятием *Азербайджан* З.М. Буниятов иногда точно определял арабский вилайет Адзарбайджан (*Ādarbayğān*), но у него обнаруживается и следующее утверждение: «Хотя Аран и входил в определенные времена в состав Азербайджана...»¹⁷. Не поясняя, когда именно, автор приложил еще и карту «Азербайджан в VIII–IX вв.» (без указания ее авторства), где Ар(р)ан был включен в состав вилайета Адзарбайджан.

Другой известный ориенталист из Баку, Н.М. Велиханова, в своих комментариях к переводу «Книги путей и царств» (*كتاب المسالك والممالك*) Ибн Хордадбеха (Ибн Хурдадзбих, ок. 820–912/3) — первого в исламской литературе географического сочинения (ок. 885 г.), отмечала: «Под Азарбайджаном... Ибн Хордадбех, так же, как и большинство арабских географов, имеет в виду территорию южной части Азербайджана»¹⁸. Стало быть, под его северной частью Велиханова подразумевает территорию Аррана (*Arrān/ar-Rān*) — составной части, как покажем ниже, смежного с Адзарбайджаном вилайета Арминийа (*Armīniya*).

В аннотации новой статьи академика НАН АР Н.М. Велиханлы (Велихановой) «Еще раз о пределах Азербайджана в IX–X вв.», сказано: «В исследовании... подтверждается факт

¹⁶ Буниятов 1965: 4.

¹⁷ Буниятов 1965: 143, 144.

¹⁸ Ибн Хордадбех 1986: 289. Н.М. Велиханова также прилагает карту «Арран, Азарбайджан и Арминийа», авторство которой не указано. На карте, судя по условным обозначениям, Арран и А(д)зарбайджан объединены в рамках одного вилайета (Ибн Хордадбех 1986: 290).

принадлежности земель севернее Аракса (современной Азербайджанской Республики) не “Персармении, Пайтакарану, Васпуракану” с якобы автохтонным армянским населением, а Аррану, называемому в источниках также Азербайджаном Верхним (Северным) или просто Азербайджаном»¹⁹.

Вывод относительно обозначения Аррана у Н.М. Велиханлы базируется на единичном случае упоминания в «Книге стран» (كتاب البلدان) ал-Йа’куби (ум. в 897 г.), завершенной в 278 г.х. (891/2 г.), так называемого и выдаваемого ею за топоним *Азербайджан ал-ульа*. Арабоязычный историк и географ из Хорасана, «упомяная о дороге, ведущей в Азербайджан, — читаем у нее, — сообщал, что выехавший из Занджана мог по дороге Ардабил – Барзанд – Бейлаган доехать до Барды – главного “города Верхнего Азербайджана (Азербайджан ал-ульа)”»²⁰.

Прежде чем прокомментировать вывод ученого, целиком процитируем данный отрывок ал-Йа’куби в подлиннике, затем предложим наш перевод: «فمن أراد الى أذربيجان خرج من زنجان الى مدينة أربيل وهي أول ما يلقاه من مدن أذربيجان، ومن أربيل الى برزند من كور أذربيجان مسيرة ثلاثة أيام ومن برزند الى مدينة ورتان من كور أذربيجان ومن ورتان الى البيلقان ومن البيلقان الى مدينة المراغة وهي مدينة أذربيجان العليا»²¹.

«Тот, кто приезжает в Адзарбайджан, выходит из Занджана и идет четырьмя переходами до города Ардабила, который является первым из встречающихся ему городов Адзарбайджана. От Ардабила до Барзанда, что в провинции Адзарбайджан — три дня пути. Затем (он идет. — А.Ш.) из Барзанда в город Вартсан, что также в провинции Адзарбайджан, и от Вартсана до ал-Байлакана, и от ал-Байлакана — до города ал-Марага, а это уже величайший город Адзарбайджана (подчеркнуто нами. — А. Ш.)».

Следует признать, однако, что в завершающейся фразе «...وهي مدينة أذربيجان العليا» [...wa-hia madīnah Ādarbayġān al-‘ulyā], где мы имеем дело с так называемой в арабской грамматике трехчленной идафой (*lat. status constructus*), согласованное определение (العليا [al-‘ulyā]), выраженное в форме превосход-

¹⁹ Велиханлы 2017: 110–119.

²⁰ Велиханлы 2017: 112.

²¹ BGA 1892: 271.

ной степени прилагательного женского рода, согласно грамматическим правилам арабского языка, вполне может быть отнесено и ко второму члену идафы — *أذربيجان* [Āḍarbayğān]. Дело в том, что оно согласуется с ним как в роде и числе, так и в состоянии. В таком случае мы получим предложенный Н.М. Велиханлы перевод — «город в Азербайджане Верхнем», но уже без дополнительного согласованного определения — «главный»!

Однако не следует забывать, что на том же основании данное согласованное определение (*العليا* [al-'ulyā]), по правилам арабской грамматики, вполне может быть отнесено и к первому члену идафы, то есть к дополняемому *مدينة* [madīnah]. И если предположить, что этот третий член идафы (*العليا* [al-'ulyā]), стоящий в форме превосходной степени и с определенным артиклем, всё же относится к дополняемому *مدينة* [madīnah] в качестве согласованного с ним определения, то мы получим уже вариант нашего перевода — «величайший город Азербайджана»²². Одним словом, филологический анализ не может позволить корректно перевести с арабского на русский язык данную трехчленную идафу. В связи с этим восстановить контекст ал-Йа'куби представляется возможным, опираясь исключительно на данные остальных исламских ученых той эпохи.

Итак, мы имеем дело с городом ал-Марагой — главнейшим или столичным, как утверждают основоположники мусульманской школы географии, арабского Адзарбайджана. В первую очередь, именно так поступает Ибн Хурдадзбих, который, при перечислении всех городов этого вилайета, выносит ее на первое место²³. В 318 г. х. (930/1 г.) в «Книге путей царств» (*كتاب مسالك الممالك*) перса ал-Истахри (ум. 951/2 г.), путешественника и составителя карт, появились строки: «Что касается Адзарбайджана, то <...> за Ардабилем следует по величине ал-Марага, в которой прежние времена располагался... дворец эмира»²⁴. Уроженец Багдада Ибн Хаукал, кото-

²² Прилагательное *عليا* ['ulyā], (в муж. р. *على* [a'lā]), переводится как: «самый высокий», «высший» или «верховный» (Баранов 2008: 536).

²³ BGA 1889: 119–120.

²⁴ BGA 1870: 181.

рый, путешествуя по региону, также составил карту, в 367 г. х. (977/8 г.) в «Картине земли» (صورة الأرض), повторяя те же слова, прямо называет ал-Марагу бывшей столицей вилайета Адзарбайджан²⁵.

Ал-Марага локализуется к юго-востоку от бассейна озера Урмия, немного севернее столицы доисламской Атропатены — Ганзака (*ср.-перс.* Ganzag) на том месте, где и сегодня процветает город с идентичным названием (*перс.* مراغه [Marāḡe], *тюрк.* مراغ [Marāğ]), что в остане Восточный Азербайджан ИРИ. Иначе, говоря, средневековая ал-Марага локализуется в пределах современного Иранского или Южного Азербайджана!

Следовательно, мы полностью исключаем возможность перевода спорной трехчленной идафы версией Н. М. Велиханлы, тем более что ни в одном арабо-мусульманском литературном памятнике IX–X вв. невозможно обнаружить понятие «Азербайджан ал-уля (Верхний или же Северный Азербайджан)»²⁶ Кстати, в начале XX в. известный этнограф-кавказовед, переводчик сведений из трудов ранних мусульманских географов «О Кавказе, Армении и Азербейджане», Н.А. Караулов предложил перевод данной идафы по-русски более чем корректно: «...а это самый главный город Азербейджана»²⁷.

Н.М. Велиханлы, к сожалению, проигнорировала эти факты. Сверх того, в отмеченном пассаже ал-Йа'куби, столицу Адзарбайджана ал-Марагу она заменила, как мы увидели, на немного схожего с ней по начертаниям арабских графем²⁸

²⁵ BGA 1873: 238.

²⁶ Точно также нет понятия آذربيجان السفلى [Ādarbayḡān as-suflīyā] (букв.: «Нижний Адзарбайджан»).

²⁷ СМОМПК 1903: 57.

²⁸ Дублируются две графемы: ر [rā'] и финальная ة [tā' marbūṭah]. Схожесть проявляют еще две графемы в случае если допустить, что диакритические точки были пропущены переписчиками — срединная ـ [mīm] и начальная غ [ḡayn]. Тем не менее, никакого основания для замены одного топонима другим нет. Более того, тут не достаёт د [dāl], а еще Марага в арабской литературе всегда фигурирует с определенным артиклем, в то время как Бардза'а никогда не встречается с подобной частицей ال [al-].

Барду (Бардза'а), утверждая, что в тексте в качестве конечного пункта пути фигурирует столица Аррана²⁹. Ученый также утверждает, что арабские авторы якобы «...объединяли северные и южные земли страны под общим названием Азербайджан», а на карте Ибн Хаукала, изображающей Хазарское (Каспийское) море «...вся прибрежная территория от Гилана (Джилана) на юге до Дербента (Баб ал-Абваба) на севере включительно называется Азербайджан»³⁰. Однако, на данной карте подпись «Адзарбайджан» стоит вдоль южного берега Нижнего Аракса вплоть до Каспия, а севернее этой реки до моря стоит другая подпись — «Арран»³¹!

Что касается исторических после 387 г. великоармянских земель Васпуракана, Пайтакарана и Персармении, которые в аннотации к статье Н.М. Велиханлы, неверно локализуясь севернее Аракса, оказались в составе Аррана, на самом деле располагались южнее той реки, войдя после раздела Великоармянского царства в 387 г., по определению сасанидских властей, в состав марзпанства Адурбадаган. Поэтому и после его завоевания мусульманами в 640-е гг. окажутся они в пределах вилайета Адзарбайджан.

О пределах Атропатены-Адурбадагана и Албании-Аррана в условиях власти Сасанидского Ирана по первоисточникам

Для реконструкции доисламской карты стран Юго-Западного Прикаспия в распоряжении исследователя из области географии имеются два первоисточника.

²⁹ Быть может поэтому Н.М. Велиханлы не решилась данный отрывок, в котором было то единственное географическое определение, закрепляющее за Арраном понятие *Азербайджан Верхний (Северный)*, процитировать целиком, выделив кавычками?!

³⁰ Велиханлы 2017: 113–114.

³¹ Galichian 2007: 88. В то же время мы разделяем мнение британского картографа: «Most Islamic regional maps can be considered as artistic drawings, some resembling stylized itineraries showing roads, cities and towns, with no due attention to their relative geographical distances (...) Others are aesthetic and elegant works of art» (Galichian 2007: 84).

Первый из них — это древнейший памятник армянской географии «Ašxarhaś'ouc'» (букв.: «Показ мира»), в которой описываются все известные на то время страны мира. Приписываемый перу «отца армянской историографии» Мовсэсу Хоренаци (ок. 410–490), «Ašxarhaś'ouc'» свой современный облик в двух редакциях получил благодаря обширной корректорской работе армянского математика, астронома и географа Анании Ширакаци (ок. 612–685)³². Второй памятник — «Šahrestānīhā-ī Ērān-šahr» (букв.: «Провинциальные столицы Ирана») анонимного автора первой половины VII в. из сасанидской школы географии: в нашем распоряжении — сокращенная редакция второй половины IX века³³.

Итак, когда Юго-Западное Прикаспье до середины VII в. пребывало в составе Сасанидского Ирана, то одно из четырех наместничеств (*ср.-перс.* kust/ag/), расположенное на севере (точнее северо-западе, в кавказском направлении) и объединяющее марзпанства Атропатены (*ср.-перс.* Ādurbādagān), Персидской Армении (*ср.-перс.* Arminān), Албании (*ср.-перс.* Ārān) и Иберии (*ср.-перс.* Wiručān), автор «Šahrestānīhā-ī Ērān-šahr»-а обозначает «Адурбадаган»³⁴. Для объективности добавим, что на стенах сасанидского форпоста на Кавказе, Дербента, можно обнаружить датируемую 37-м годом шахиншаха Хосрова Ануширвана (531–579) надпись Дариуша — главы финансового ведомства Адурбадагана (*ср.-перс.* Dariuś ī Ādurbādagān āmārgar)³⁵, а Ибн Хурдадзбих в 885 г. напишет: «Исбахбад»³⁶ севера во времена персов именовался Азарбазкан Исбахбад»³⁷.

Между тем, в «Иранике» есть статья «Bāktar», где объясняется почему, в отличие от остальных сасанидских кустов, обозначенных в «Šahrestānīhā-ī Ērān-šahr»-е наименованиями

³² Newsen 1978–1979: 77–97.

³³ Хуршудян 2010: 108–112.

³⁴ Хуршудян 2010: 112–116, 116–125.

³⁵ Гаджиев 2006: 77–94.

³⁶ От *ср.-перс.* spāhbed — букв.: «глава войска».

³⁷ Ибн Хордадбех 1986: 106.

соответствующих частей света³⁸, Северный — так и не получил традиционное для пехлеви наименование *abāxtar* (букв.: «север»), а был заменен названием марзпанства Адурбадаган. Потому что, по зороастрийским представлениям, «север» ассоциировался с обителью зла. На тех же основаниях, энциклопедист высказывает мнение о том, что «данное разделение кажется более мифологическим и ментальным, чем реальным и административным»³⁹.

Как нам кажется, подобное обозначение Северного куста связано еще и тем, что данное наместничество могло существовать задолго до включения по миру с Римом 387 г.⁴⁰ большей части территории Великоармянского царства вместе с христианскими государствами Южного Кавказа (Албании и Иберии) в состав Ирана. Не исключено, что Северный куст был сформирован на самом раннем этапе становления Сасанидской державы после 227 г.; но до 387 г. в его составе пребывало лишь одно марзпанство Адурбадаган с центром в Ганзаке.

Иначе говоря, понятие *Адурбадаган*, производное от наименования античной Атропатены, после 387 г. сасанидские власти могли использовать в двух значениях: для обозначения старейшего в регионе марзпанства, границы которого современники, как покажем, ограничивали на севере нижними течениями Аракса и Куры; и для обозначения обширного Северного куста, который помимо Адурбадагана объединил вновь присоединенные христианские страны вплоть до Дербента. Поэтому и резиденция наместника Севера продолжала после 387 г. располагаться в Ганзаке.

Наши доводы относительно времени формирования наместничества и его состава подкрепляются при сопоставлении данных из обеих редакций «*Ašxarhaš'oyuš'*»-а. В краткой версии мы застаем интересующий нас куст Эраншахра (Ирана) — Капкох, что в горах Кавказа, состоящем из 10 ашхаров

³⁸ Остальные обозначены: *kust-ī Xwarāsān* (букв.: «четверть северо-востока»), *kust-ī Xwarbarān* (букв.: «четверть юго-запада») и *kust-ī Nēmrōz* (букв.: «четверть юго-востока») (Хуршудян 2010: 116, 119, 121).

³⁹ Tafazzoli 1988: 539–540.

⁴⁰ О мире 387 г. см.: Новосельцев 1995: 35.

(от *ср.-перс.* šahr — букв.: «провинция, область»): «Атрпатакан, Р'э; Гелан; Мукал; Дилумн; Ахмадан; Дамбвар; Тапарастан; Амол'; Р'уан <...> Там множество городов; среди них Гандзак-шаһастан»⁴¹. В пространной редакции читаем: «Куст'и Капкох... состоит из тринадцати ашһаров: Атрапатакан, Армн [то есть] һАйк', Варджан, то есть Вирк', Р'ан, то есть Ал'уанк', Баласакан, Сисакан, Ар'э, Гел'ан, Шанч'ан, Длмунк', Дмбав'анд, Тапрыстан, Р'в'ан и Амл»⁴².

Итак, в краткой редакции отсутствуют все христианские страны, которые только после 387 г. вошли в куст Капкох (Кавказа), а именно: Арм(и)н(ан)–һАйк', она же Персидская Армения; Варджан (Вируджан)–Вирк', она же Иберия; (А)р(р)ан–Ал'уанк', она же Албания; Сисакан; Баласакан. Кстати, те же образования и в таком же порядке (Персидская Армения, Гурзан, Аран, Сисган и Базгун) фигурируют в сирийской версии «Хроники» епископа Митилены, Захарии Ритора (ум. ок. 553 г.), составленной Псевдо-Захарием в 555 г.⁴³

В то же время из описаний границ Великой Армении в данной редакции «Ašxarhaç'ouç'»-а следует, что она не входила в состав куста Капкох, а лишь граничила с ним на северо-западе по долине Нижнего Ерасха (Аракса) вплоть до Каспия: «...граничит (Великая Армения. — А. Ш.) на юге с Ассирией, а со стороны Атрпатакана, по направлению к Мидии, границы ее тянутся до впадения Ерасха в Каспийское море»⁴⁴. Наконец, статья «Мидия» (Марк') открывается фразой: «...она же К'устик К'апкол'к', расположенная к востоку от (Великой. — А. Ш.) Армении, до Каспийского моря...». И далее упоминается только одно из трех крупнейших озер Армянского нагорья — Капутан (Урмия)⁴⁵, юго-восточное побережье которого принадлежало марзпанству Адурбадаган и до 387 года.

Мы считаем, что сасанидские власти после 387 г. объединяли доставшиеся им три христианские страны с зорооа-

⁴¹ Ašxarhaç'ouç' 2003: 2173–2174.

⁴² Ašxarhaç'ouç' 2003: 2157.

⁴³ Захария Ритор 2000: 594–595.

⁴⁴ Ašxarhaç'ouç' 2003: 2171.

⁴⁵ Ašxarhaç'ouç' 2003: 2173–2174.

стрийским Адурбадаганом⁴⁶ в единый Северный, он же Кавказский куст, с целью их иранизации. Об этом наглядно свидетельствует известная политика Ктесифона, когда уже в середине V в. был выдвинут трем христианским народам региона ультиматум, требовавший обратиться в государственную религию зороастризм⁴⁷.

Видимо, для ускорения процесса Сасаниды после ликвидации в Персидской Армении института царской власти в 428 г. и преобразования марзпанства Арминан с центром в Двине две смежные с Адурбадаганом великоармянские области переподчинили последнему. В обеих редакциях «Ašxarhaç'oys'»-а статья, посвященная крайней восточной области Великой Армении, омывающейся водами Каспия — Пайтакарану (Баласакан) с крупными городами-гаварами⁴⁸ Варданакерт, Багаван, Балан-рот, Ормизд-Перож и еще с восемью другими открывается так: «П'айтакаран к востоку от Утика на Ерасхе состоит из двенадцати гаваров, которые теперь принадлежат Атрпатакану»⁴⁹. В статье, посвященной Персармении с городом-гаваром Хэр говорится, что она «...принудительна включена в состав Атрпатакана...»⁵⁰.

Свидетельства древнеармянского современника подтверждаются сведениями, которые сохранились в «Завоевании Азербайджана» (فتح آذربيجان) из «Книги завоеваний стран» исламского писателя — иранца родом из Багдада ал-Баладзури (ум. в 892 г.). Последний, ссылаясь на старожилов Адурбадагана, среди покоренных при халифе 'Умаре (634–

⁴⁶ Один из трех «великих огней» зороастризма при Сасанидах — Адур-Гушнасп (*ср.-перс.* Ādūr-Gušnasp), располагался к юго-востоку от оз. Урмия (*др.-перс.* Saēčasta — букв.: «Сияюще-белое»), рядом со столицей Адурбадагана Ганзаком. Строительство, приписывалось властями самому Зороастру, в связи с чем маги утверждали, что родина вероучителя находилось в Адурбадагане, а упоминаемое в священной Авесте мифическое озеро Чечаст стали идентифицировать с Урмией. Вокруг святыни вырос город Чест (*ср.-перс.* Čest, *араб.* الشيز [aš-Šiz]) (Boyce 1983: 475–476; Tafazzoli 1990: 107–108).

⁴⁷ Newsen 1987: 32.

⁴⁸ Меньшая административно-территориальная единица Великой Армении, на которую подразделялись ашхары.

⁴⁹ Ašxarhaç'oys' 2003: 2153, 2172.

⁵⁰ Ašxarhaç'oys' 2003: 2153, 2172.

644) земель этого марзпанства пишет об одном городе-гаваре великоармянского Пайтакарана — Багаване (*др.-арм.* Բաղան [Bagawan]), а при 'Али (656–661) еще о трех — Варданакерте (*др.-арм.* Վարդանակերտ [Vardanakert]), Ормизд-Пероже (*др.-арм.* Օրմիզդբերդ [Ormizdperož]) и Баланроте (*др.-арм.* Բալանրոտ [Bałanrot]). Естественно, все они представлены там в арабизированных формах: Баджарван (باجروان [Bağarwān]), Вартсан (ورثان [Wartān]), Урм (أرم ['Urm]) и Балванкирдж (بلوانكيرج [Balwānkiğ]), соответственно⁵¹. В другой главе той же книги — «Завоевание Мосула» (فتح الموصل), но в контексте завоевания Адурбадагана, встречается гавар Персармении Хэр (الحر [al-Hūr]) и главный город Хой (خوى [Huwayy])⁵².

После 571/2 г. состав Адурбадагана временно пополнился еще одной великоармянской областью (на этот раз к северу от Аракса), которая тянулась до бассейна оз. Севан. По свидетельству армянского епископа — участника IV Двинского собора 645 г., Себэоса, на 41-м году шахиншаха Хосрова Ануширвана (571/2 г.), «Ваган, владетель Сюнийской земли, восстал и отделился от армян и просил персидского царя Хосрова, чтобы он перенес архивы Сюнийской земли из Двина в город П'айтакаран и их город внес в границы Атрпатакана... Приказ был приведен в исполнение»⁵³. Вот почему и в пространной версии «Ašxarhaś'оус'-а, и в сирийской версии «Хроники» Захарии Ритора, Сисакан-Сисган и Баласакан-Базгун выделены из состава марзпанства Арминан!

Мы считаем, что вхождение Сюника в состав Адурбадагана автоматически должно было повлечь за собой включение туда восточных гаваров смежного великоармянского Васпуракана, располагавшихся, судя по контексту пространной редакции «Ašxarhaś'оус'-а, на противоположном от главного васпураканского города Нахчаван берегу Ерасха (Аракса)⁵⁴, то есть на правобережье, между Персарменией и

⁵¹ Al-Beladsori 1866: 325, 328.

⁵² Al-Beladsori 1866: 332.

⁵³ Себеос 1939: 28–29.

⁵⁴ Ašxarhaś'оус' 2003: 2153.

Пайтакараном. В краткой же редакции памятника фигурирует город восточных окраин Васпуракана — Маранд⁵⁵, который числится у ал-Баладзури среди покоренных мусульманами городов Адурбадагана⁵⁶.

Нижеизложенные свидетельства разноязычных авторов говорят в пользу того, как автохтонное армянское население переданных в состав Адурбадагана великоармянских гаваров Васпуракана, Пайтакарана и Персармении оставалось этническим большинством, по крайней мере до X века. Так, в «Истории дома Арцруни» в перечне наследственных домов рубежа X в., составленном летописцем из того же армянского княжеского рода, фигурируют три гавара Персармении — Ыррнай, Зарэхахан и Тамбер⁵⁷. В «Истории Армении» епископа Себасти Ухтанэса (ок. 970–985) и «Хронике» католика Сирийской яковитской церкви Михаила I Великого (1166–1199) сохранились списки епархий Армянской церкви на момент созыва совместного с сирийцами собора в Маназкерт (726 г.); три из них включали в себя шесть гаваров в той же Персармении (всего она состояла из 9 гаваров) — Зараванд и Хэр (епархия Ерутака), Ыррнай, Зарэхахан и Тамбер (епархия Зарэхахана), Айли (епархия Элии)⁵⁸.

У ал-Баладзури недвусмысленно сказано, что «...мобилизовалось против него (правителя Адзарбайджана Са'ида ибн ал-'Асы. — А. Ш.) в округах Урм и Балванкирдж население из числа армян...»⁵⁹. В «Книге завоеваний» (كتاب الفتوح) арабского историка ал-Куфи (ум. ок. 926 г.) зафиксировано, как наместник халифа Марван ибн Мухаммад в 123 г. х. (740/1 г.) «...завоевал весь Азербайджан, земли, на которых жили армяне...»⁶⁰. В середине X в. Ибн Хаукал, будучи в Адзарбайджане, услышал, как крупнейшее озеро Армянского нагорья Урмию местные

⁵⁵ Ašxarhaç'oyc' 2003: 2172.

⁵⁶ Al-Beladsori 1866: 330. На том же месте сегодня, в остане Восточный Азербайджан ИРИ, существует город с идентичным названием.

⁵⁷ T'ovma Arcruni ew Ananun 2010: 255.

⁵⁸ Uxtanēs Episkopos 2012: 503; Michel le Syrien 1901: 457 et 491, 459–460 et 497–498.

⁵⁹ Al-Beladsori 1866: 328.

⁶⁰ Ал-Куфи 1981: 58.

жители всё еще называли *Кабудзан* (араб. كبودان [Kabūdān], от др.-арм. Կապուտան [Karutan] — букв.: «синее, голубое»)⁶¹, а в городе Маранд он увидел, как «изготавливаются армянские сидения и ковры...». В соседней Арминии он встречал ввозимые сюда «армянские шнуры, приготовляемые в Саламесе...»⁶² — в городе, который также принадлежал Адзарбайджану, локализуясь к северо-западу от оз. Урмия, то есть в пределах бывш. Персармении. Современник Ибн Хаукала, арабский путешественник ал-Мукаддаси (ум. ок. 1000 г.) утверждал, что Барзанд, локализующийся южнее Вартсана, — это «...незначительный торговый город Армян...»⁶³.

В пользу передачи Сасанидами в состав Адурбадагана Маранда и прочих восточных земель Васпуракана косвенно свидетельствует армянский историк из Аррана, Мовсэс Каланкатуаци (VII в.): византийский император Ираклий I (610–641) во время похода против Сасанидов 623 г. «прибыл в (Персидскую. — А.Ш.) Армению, переправился через Ерасх <...> опустошил Атрпатакан»⁶⁴. Форсирование должно было произойти у Нахчавана, так как остальные великоармянские земли на Левобережье, расположенные восточнее того города, не принадлежали уже Арминану: Сюник достался Адурбадагану, а две другие области — Арцах и Утик еще после ликвидации в 428 г. института царской власти в Персидской Армении были Сасанидами определены в составе Албанского царства со столицей в Капалаке, а после 510 г. марзпанства Арран с новым центром в Партаве, и этот факт давно известен в академических кругах⁶⁵.

В краткой редакции «Аšxarhas'ous'»-а, статья 26-я характеризует территорию и границы этого прикаспийского марзпанства: «Албания, она же Ал'уанк', расположенная к востоку от Иверии, граничит с Сарматией по Кавказскому (хребту. — А.Ш.), омывается Каспийским морем и граничит с Арменией по реке Кура <...> В ее составе следующие гавары: Ехни,

⁶¹ BGA 1873: 247 et 248.

⁶² СМОМПК 1908: 95.

⁶³ СМОМПК 1908: 12.

⁶⁴ История страны Алуанк 1984: 76–77.

⁶⁵ См.: Новосельцев 1995: 35.

Бех, Камбэч'ан, Шак'э, Остан-и Марц'пан, Дашт-и Баласакан. Кроме того, в ее составе гавары, отторгнутые от Армении: Шикашэн, Гардман, Кол'т', Зав'э, всего двадцать гаваров, расположенных в междуречье Ерасха и Куры»⁶⁶.

Отторгнутые 20 гаваров принадлежали великоармянским областям — Арцаху и Утику, расположенным, как раз, в том междуречье. Так, в статье, посвященной Арцаху, географ пишет, что он «...соседствует с Сюником (с востока. — *А. Ш.*), а гаваров у него двадцать, которыми владеет Алуанк: ...Кол'т'... и (Зав'э. — *А. Ш.*)». В статье про Утик он говорит, что этот «...расположен к западу от Ерасха, между Арцахом и рекой Кура, и имеет принадлежавшие Алуанку семь гаваров...». Там же (стольный) град Партав⁶⁷.

Таким образом, юго-западные границы марзпанства Арпан, по сравнению с периодом Албанского царства, расширились за счет великоармянских областей Арцах и Утик, простиравшихся на юге до Аракса. Даже резиденция марзпана расположилась здесь, в междуречье Аракса и Куры⁶⁸. Так что это марзпанство, по большому счету, локализуется на территории Азербайджанской Республики без эксклава Нахичеванской Автономной Республики и Муканской равнины, занимающей прикаспийские степи южнее от сегодняшнего места слияния Аракса и Куры.

К сожалению, в «*Ašxarhaç'oys'*»-е нет такого же детального описания территории другого прикаспийского марзпанства — Атрпатакана (Адурбадагана). Однако характеристики смежных с областей исторической Великой Армении вполне достаточны для уточнения его границ в интересую-

⁶⁶ *Ašxarhaç'oys'* 2003: 2171.

⁶⁷ *Ašxarhaç'oys'* 2003: 2172.

⁶⁸ Заметим, как в «Иранике» пределы расселения древних армян на севере со времен их этногенеза определены долиной Куры, охватывая, таким образом, Арцах и Утик: «*Bordering on Media, Cappadocia, and Assyria, the Armenians settled, according to classical sources (...), in the east Anatolian mountains along the Araxes (Aras) river and around Mt. Ararat, Lake Van, Lake Rezaiyeh (i.e. Urmia. — A. Sh.), and the upper courses of the Euphrates and Tigris; they extended as far north as the Cyrus (Kur) river. To that region they seem to have immigrated... about the 7th century B.C.*» (Schmitt 1986: 417).

щем нас направлении: граница Адурбадагана с двумя марзпанствами Кавказского куста, Арминаном и Арраном, проходила по хребту Котур-Загрос, затем по нижнему течению Аракса, но только до 571/2 г., когда расположенный на левобережье Сюник временно оказался в составе Адурбадагана. Временно, так как, по свидетельству Себеоса, «...когда прекратилось царство персов, и завладели [этой страной] исмаильтяне... Сюнийская страна снова присоединилась к Армении»⁶⁹.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что под термином *Адурбадаган* до 387 г. сасанидские власти объединяли только одно марзпанство, расположенное к югу от Аракса и занимавшее территорию античной Атропатены, а после 387 г. — использовали в отношении четырех марзпанств, составивших Кавказский куст. И в данном контексте не может выдержать критики фраза Н.М. Велиханлы о том, что имел мест «...административный раздел исторических земель Азербайджана после арабского завоевания на две провинции — Арран в составе Арминии и Азербайджан»⁷⁰. Тем более что до включения в 387 г. большей части Великой Армении и Албании в состав Ирана у Албании не было той общей границы с Адурбадаганом по нижним течениям Аракса и Куры, так как границы Великой Армении «...со стороны Атрпатакана, по направлению к Мидии, — как мы процитировали из «*Ašxarḡas‘ōus‘*»-а, — тянулись до впадения Ерасха в Каспийское море».

Историческая наука давно установила и этот факт со ссылкой на античных писателей⁷¹. Плиний Старший (23/4–79), в частности, в «*Naturalis historia*» писал: «С другой стороны к Великой Армении, которая простирается до Каспийского моря, примыкает Атропатена, отделенная от области Оте-

⁶⁹ Себеос 1939: 128–129.

⁷⁰ Велиханлы 2017: 114.

⁷¹ «Армения <...> — читаем в ЭСБЕ, — тянется от Каспийского моря и персидской провинции Азербейджан на В., до Малой Азии на З., и от реки Куры на С. до Курдистана и Месопотамии на Ю.» (ЭСБЕ 1890: 121).

на (Утик. — А. Ш.) в Армении рекой Аракс»⁷². А Клавдий Птолемей (ок. 90–168) в своем «Руководстве по географии» (Γεωγραφικὴ Ὑφήγησις) давал следующие описания: «Албания ограничивается... с юга — частью Великой Армении, идущей от границы с Иберией до Гирканского (Каспийского. — А. Ш.) моря к устью реки Кира»; «Великая Армения ограничивается <...> с востока — частью Гирканского моря от устья реки Кира до предела, лежащего под 79°45' — 43°20'»⁷³.

Недопустимо относить Арран к «историческим землям Азербайджана», так как в отличие от Атропатены, которая не только по религии, но и по языку⁷⁴ являлась неотъемлемой частью древнеиранского мира, Албания — кавказоязычная страна⁷⁵. Более того, задолго до ислама она строила другой культурно-цивилизационный ареал — совместно с Великой Арменией и Иберией. Этот ареал базировался на христианстве с начала IV в. и письменности, изобретенной для народов трех стран армянским монахом Маштоцем в начале V века⁷⁶. Поэтому в «Хронике» Захарии Ритора в культурном плане «Гурзан также земля в Армении, с языком... Аран также земля, в той же земле Армении, со [своим] языком...»⁷⁷. Этот ареал переживет период арабского господства, но уже без Ибе-

⁷² Pliny 1938: 368, 369. «Reliqua vero fronte (Armeniae Maiori. — A. Sh.), qua tendit ad Caspium mare, Atrapatene ab Armenia Otene (Utik. — A. Sh.) regione discreta Araxe / Adjoining the other front of Greater Armenia, which stretches to the Caspian Sea, is Atrapatene, separated from the district of Otene (Utik. — A. Sh.) in Armenia by the Aras».

⁷³ Латышев 1948: 772 и 774.

⁷⁴ Ал-Баладзури, описывая завоевание Адурбадагана, отмечает, что местные жители являлись иранцами (العجم [aɫ-'ağam]), носителями особого языка (aɫ-Belədsori 1866: 328, 329), который у ал-Йа'куби впервые именуется «персидский азери» (العجم الأذرية [aɫ-'ağam aɫ-āḍariyya]) (BGA 1892: 272). Это и был описанный в начале новомидийский бесписьменный азери, вымерший с тюркизацией Азербайджана к XVI веку.

⁷⁵ Единственным потомком албанского или албанских языков ученые считают удинский, который относится к лезгинской подгруппе нахско-дагестанских языков кавказской семьи (Gippert, Schulze 2007: 201–211).

⁷⁶ О генезисе этого ареала см.: Шагинян 2014: 9–21.

⁷⁷ Захария Ритор 2000: 594–595.

рии. Григор-Хамам, возродивший в 886 г. одновременно с Багратидской Арменией (886–1045) Албанское царство⁷⁸, в «Истории Армении» католикоса Йовханнэса V Драсханакертци (898–929) именуется *великим князем Востока* (մեծ իշխան արեւելից [mec išxan arewelic'])⁷⁹, подчеркивая местоположение страны в восточной периферии данного ареала.

О пределах Азербайджана и Албании-Аррана в условиях власти Арабского халифата по первоисточникам

Уже в 22 г. х. (642/3 г.) началось арабское завоевание Адурбадагана и его преобразование в вилайет⁸⁰. В составе халифата Адзарбайджан продублировал территорию и границы бывшего марзпанства, о чем свидетельствуют ведущие справочные издания⁸¹. Дублирование подтверждается сведениями из ранней исламской литературы. Начнем с того, как в «Краткой книге стран» (مختصر کتاب البلدان) уроженца иранского Хамадана Ибн ал-Факиха три раза⁸² недвусмысленно указаны северные рубежи Адзарбайджана:

1. «Пределы Азербейджана до Расса (Аракса. — А. III.), а река Кура находится в Армении (Арминийи. — А. III.)»;

2. «Путь из Берзенда в Варсан — а это крайняя область Азербейджана...»;

3. «Варсан — крайний пункт области Азербейджан с этой (северной. — А. III.) стороны».

Вар(т)сан — бывший Варданакерт, который, как показали, входил в состав великоармянского Пайтакарана, локализуясь на правом берегу Аракса. Сведения Ибн ал-Факиха относительно северных пределов Адзарбайджана Н.М. Велиханлы вынуждена признавать, так как, переводя «Книгу путей и царств» Ибн Хурдадзбиха, она в свое время столкнулась с описанием «Дороги из Адзарбайджана в Арминийу», где

⁷⁸ Шагинян 2014: 322.

⁷⁹ Drasxanakertc'i 2010: 463.

⁸⁰ Al-Beladsori 1866: 325–331.

⁸¹ В частности, процитированные выше энциклопедические статьи В.Ф. Минорского и К.Э. Босуорта.

⁸² СМОМПК 1902: 9, 11, 37.

отмечено: «...до Варсана, который является последней областью Азарбайджана» на пути в Арминию⁸³. В то же время ученый пишет, что Ибн ал-Факих «сообщал о пределах провинции Азербайджан, которая тянулась от Занджана на юге до Барды на севере»⁸⁴.

В подлиннике данный отрывок выглядит так: «وحدّ أنريجان من حدّ برذعة الى حدّ زنجان...»⁸⁵, а наш перевод, который не сильно отличается от версии Н.А. Караулова⁸⁶, звучит так: «Пределы Адзарбайджана от границ Бардза'а до границ Занджана». Из контекста следует, что пределы Адзарбайджана на юге не охватывали территорию смежной иранской области с центром в Занджане, а лишь окаймляли ее. А на севере пределы Адзарбайджана не охватывали, соответственно, окрестности столицы Аррана — Бардза'а, а лишь окаймляли их по долине Аракса. В пользу такой трактовки говорят не только приведенные три отрывка относительно северных пределов Адзарбайджана по Араксу, но и полный список городов данного вилайета, который следует сразу после переведенной фразы Ибн ал-Факиха, и который представлен нами ниже. В нем Ибн ал-Факих не упоминает ни арранский Бардза'а, ни иранский Занджан. Их нет в перечнях городов Адзарбайджана и у остальных писателей IX – начала X века! Наконец, в пользу нашей трактовки говорит процитированный в начале пассажа ал-Йа'куби: «Тот, кто приезжает в Адзарбайджан, выходит из Занджана и идет (на север. — А. Ш.) четырьмя переходами до города Ардабила, который является первым из встречающихся ему городов Адзарбайджана». Об этом же свидетельствует и описание ал-Истахри южных его пределов: «Граница Адзарбайджана — горная цепь, которая доходит (на юге. — А. Ш.)... до предела Занджана...»⁸⁷.

Забегая вперед, отметим, что с разложением халифата, Мухаммад Афшин ибн Аби ас-Садж (889/90–901), назначен-

⁸³ Ибн Хордадбех 1986: 107.

⁸⁴ Велиханлы 2017: 113.

⁸⁵ BGA 1885: 285.

⁸⁶ «Территория Азербейджана от земель Берда'а до земель Зенджана» (СМОМПК 1902: 9).

⁸⁷ BGA 1870: 190.

ный наместником в Адзарбайджане, провозгласил автономный эмират Саджидов (889/90–929) — арабизированных иранцев-согдийцев⁸⁸. Более того, по словам Йовханнэса Драсханакертци, в канун смерти католикоса Гэорга II (877–897), (Мухаммад) Афшин осуществил еще и завоевательный поход в Ути(к)⁸⁹, где располагался Партав-Бардза'а. Поэтому можно допустить, что, когда Ибн ал-Факих писал свой труд в 290 г. х. (902/3 г.), он зафиксировал произошедшую трансформацию границ. Но еще свыше тысячи лет назад ал-Мукаддаси утверждал, что «...если станешь просматривать сочинение Ибн ал-Факиха, то тебе представится, будто ты читаешь книгу Джахиза...»⁹⁰. Речь идет о недошедшей «Книге о великих городах и чудесах стран» (كتاب الامصار وعجائب البلدان) богослова из Басры, умершего задолго до аннексии Саджидами земель в Арране — в 255 г. х. (868/9 г.).

Что же касается периода функционирования в регионе арабской административной системы, то для определения территории вилайета Адзарбайджан достаточно взглянуть на подробный перечень его городов, сохранившийся у большинства мусульманских авторов второй половины IX – начала X века:

по ал-Баладзури: Ардабил, Баджарван (ист. Багаван), Нариз, Сарат, аш-Шиз, ал-Майанидж, Мукан, Вартсан (ист. Варданакерт), Барзанд, ал-Марага, Маранд, Урмийа, Табриз, Джабраван, Хой-Хувайй (ист. Хэр), Салмаст⁹¹;

по Ибн Хурдадзбиху: ал-Марага; ал-Майанидж, Ардабил, Вартсан (ист. Варданакерт), Сисар, Барза, Сабурхаст, Табриз, Маранд, Хувайй (ист. Хэр), Кулсара, Мукан, Барзанд, Джанза (ист. Ганзак), Джабраван, Нариз, Урмийа, Салмас(т), аш-Шиз, Баджарван (ист. Багаван) и Балванкирдж (ист. Балан-рот)⁹²;

⁸⁸ Bosworth 1996: 147.

⁸⁹ Drasxanakertc'i 2010: 467.

⁹⁰ См.: СМОМПК 1902: II.

⁹¹ Al-Beladsori 1866: 325–331.

⁹² BGA 1889: 119–120.

по ал-Йа'куби: Ардабил, Барзанд, Вартсан (*ист.* Вардана-керт), Бардза'а, аш-Шиз, Сарат, Маранд, Табриз, ал-Майанидж, Урмийа, Хувайй (*ист.* Хэр) и Салмас(т)⁹³;

по Ибн ал-Факиху (со ссылкой на Вакида): Варсан (*ист.* Варданакерт), Барзанд, ал-Марага, Маранд, Урмийа, Табриз, ал-Майанидж, Нариз и Сарат⁹⁴.

по Ибн Рустахе⁹⁵: Ардабил, Маранд, Баджарван (*ист.* Багаван), Вартсан (*ист.* Варданакерт) и ал-Марага⁹⁶.

Эти списки городов в основном покрывают друг друга. Но для нас важнее подчеркнуть, что в них нет упоминания Бардза'а или прочих городов Аррана⁹⁷ за исключением списка ал-Йа'куби. Однако, издатель его «Книги стран» и прочих мусульманских географических трактатов IX–X вв., голландский арабист М. де Гуге в примечаниях к тексту ал-Йа'куби указал на тот факт, что в рукописи фигурирует مرده [Mardah]⁹⁸, который из-за схожести написания со знакомым ему топонимом в лице столицы Аррана — برذعة [Barḍa'a] позволил принять за нее, проставив недостающие, как показались, диакритические точки и добавив срединную графему ع [ʿayn]⁹⁹.

Бардза'а единственный раз фигурирует в списке городов Адзарбайджана, в «Книге о поземельном налоге и ремесле

⁹³ BGA 1892: 271.

⁹⁴ BGA 1885: 284–285.

⁹⁵ Этот — автор «Книги о дорогах ценностях» (كتاب الأعلام النفيسة), датируемой началом X в., родом из иранского Исфахана.

⁹⁶ BGA 1892: 106.

⁹⁷ Заметим, что на первый взгляд в процитированном в начале статьи пассаже ал-Йа'куби может показаться, что среди городов Адзарбайджана фигурирует ал-Байлакан, расположенный в Арране, в междуречье Аракса и Куры. Но при перечислении городов на пути из Занджана автор после каждого из них уточнял, что тот расположен в Адзарбайджане, а после ал-Байлакана подобного уточнения нет!

⁹⁸ Нам известна византийская крепость на границе с Ираном с подобным наименованием (*сир.* ܡܪܕܐ [Mardo], *др.-арм.* Մարդ քաղաք [Marde berd]), которая после арабских завоеваний оказалась в пределах верхне-месопотамского вилайета *ал-Джазира* (al-Ǧazīra). Вокруг крепости, на современной турецко-сирийской границе, вырос курдский город Мардин (*курд.* Mêrdîn).

⁹⁹ BGA 1892: 271.

секретаря» (كتاب الخراج وصناعة الكتابة), принадлежавшей перу обращенного в ислам христианина Кудамы, добившегося высокого поста в Багдаде¹⁰⁰. И только потому, что та книга датируется в период после расширения границ эмирата Саджидов к северу от Аракса — 316 г. х. (928/9 г.) Во всех остальных синхронных исламских книгах она числится в Арране, в том числе и у его современника Ибн Рустаха. Даже анонимный географ первого в истории оригинального памятника на фарси — «Ḥudūd al-'Alām»-а (حدود العالم — букв.: «Пределы мира»), перечисляя под 372 г. х. (982/3 г.) все те же города, открывает список с самого южного из них, столичного Ардабила, а завершает его самым северным — Вартсаном¹⁰¹.

Список городов Адзарбайджана позволяет воссоздать территорию, и что самое главное — северные административные границы этого вилайета, просуществовавшего до провозглашения в 889/90 г. эмирата Саджидов. Пределы Адзарбайджана ограничивались на севере нижними течениями Аракса и Куры, то есть помимо перечисленных в начале статьи трех останов Исламской Республики Иран в его составе пребывали гавары великоармянского Пайтакарана, к югу от современного места впадения Аракса в Куру, омываясь водами Каспия и составляющие юго-восточные пределы Азербайджанской Республики. Поэтому у ал-Баладзури среди северных областей Адзарбайджана фигурируют Муканская степь (موقان [Mūqān]) и расположенный к югу от нее Талыш (الطيلسان [aṭ-Taylasān])¹⁰².

В востоковедной науке установленным фактом считается то, что Арран в условиях арабской власти (в VIII–IX вв.) являлся неотъемлемой частью вилайета Арминийа, и в никакие «определенные времена», как утверждал З.М. Бунятов, не входил в состав Адзарбайджана. Об этом гласят ведущие

¹⁰⁰ BGA 1889: 246.

¹⁰¹ Худуд ал-'Алам 1930: 65 (Л. 33b).

¹⁰² Al-Beladsori 1866: 327. Наши доводы о Талыш исходят из «Словаря стран» (معجم البلدان) обращенного в ислам византийца Йакута ал-Хамави ар-Руми (1179–1229). Там сказано, что Тайласан — это арабизированная форма персидского топонима Талишан (تالشان [Tālišān]) (Йакут ал-Хамави 1983: 29).

справочные издания мира, в том числе две статьи из «Энциклопедии Ислама» — «Armīniya» французского кавказоведа М. Канара и «Aṛṛān» американского ираниста Р. Фрая¹⁰³.

В административной принадлежности Аррана к Арминии мы еще раз убеждаемся, перелистывая все имеющиеся в распоряжении арабиста сведения из исламской литературы IX – начала X века. Хотя достаточно продемонстрировать огромный перечень топонимов Арминии у Ибн Хурдадзбиха, которые составляли Арран: Ширван (*др.-арм.* Շրուան [Šrowan]), ал-Баб [ал-Абваб] (*др.-арм.* Դարբանդ [Darband]), ал-Байлакан (*др.-арм.* Փայտակարան [P'aytakaran]), Кабала (*др.-арм.* Կաթակ [Kataḱak]), ал-Джардаман (*др.-арм.* Գարձման [Gardman]), Kisāl (*др.-арм.* Խալխալ [Xalxal]), aš-Šābirān (*др.-арм.* Շապորան [Šaporan]), Šakkī (*др.-арм.* Շաքի/Շաքե [Šak'i/Šak'ē]) и Хайзан (*др.-арм.* Խայզան [Ḥayzān])¹⁰⁴.

Следует отметить, что в академической литературе давно бытует мнение о том, что Арран не представлял самостоятельную административную единицу в составе Арминии, что последняя состояла из четырех частей, а Арран относился к *Арминии I*. Дело в том, что в «Книге завоеваний стран» ал-Баладзури, со ссылками на свидетельства старожитов Бардза'а и Дабила (Двина), автор в одной версии зафиксировал, что ас-Сисаджан (Сюник) и Арран обозначались вместе «Арминией Первой», а в другой — он добавлял к ним еще и Тифлис (Тбилиси)¹⁰⁵. О том же говорил и Ибн Хур-

¹⁰³ Canard 1986: 642; Frye 1986: 660.

¹⁰⁴ BGA 1889: 122–123. Мы строго следуем научной традиции, в которой албанские раннесредневековые термины и имена собственные принято передавать зафиксированными в древнеармянской литературе вариантами, в том числе и «Истории страны Алуанк», так как их самоназвания на языке оригинала остаются науке безызвестными. Поэтому в академической литературе не допускается использование современных тюркизированных вариантов передачи албанских топонимов.

¹⁰⁵ Al-Beladsori 1866: 194.

дадзбих: «Арминийа Первая — это ас-Сисаджан, Арран, Тифлис, Бардза'а, ал-Байлакан, Кабала и Ширван»¹⁰⁶.

Между тем в «Книге стран» ал-Йа'куби, Арминийа делится на три единицы: «Первая часть — это города Дабил, Каликала, Хилат, Шимшат и ас-Сауад. Вторая Часть — это города Бардза'а, ал-Байлакан, Кабала и ал-Баб ал-Абваб. Третья — это Джурзан, город Тифлис...»¹⁰⁷. Подобное деление соответствует территориям трех стран — Армении-Арминийи, Албании-Аррану и Иберии-Джурзану, включенных в состав Арминийи. При этом принцип нумерации частей вилайета объясняется очень просто: она шла по убыванию восстановленной нами площади¹⁰⁸ и численности населения¹⁰⁹ трех стран.

Принимая во внимание данные ал-Йа'куби, мы учитывали, что прадед его Вадих в 775 г. был наместником Арминийи и Азербайджана, а дед Вахб, затем и отец Джа'фар возглавляли почтовое ведомство в первой из них. Наконец, как он сам твердил Ибн ал-Факиху, «...долго жил в стране Армении и был секретарем при многих царях ее и правителях...»¹¹⁰. Стало быть, Арминийа состояла только из трех единиц, перечисленных у ал-Йа'куби, а Арран с центром в Бардза'а, полностью дублируя территорию одноименного марзпанства, занимавшего в основном территорию Азербайджанской Республики к северу от долин нижних течений Аракса и Куры, арабскими властями обозначался административным термином *Арминийа II*¹¹¹.

С разложением халифата во второй половине IX в. формировалась и Арминийа. В результате в прикаспийских областях, в Ширване, сформировались исламские эмираты. Неизвестный автор «*Tārīḥ al-Bāb wa-Širwān*» (تاریخ الباب وشروان) в 498 г. х. (1104/5 г.) сообщал, как брат наместника Арминийи

¹⁰⁶ BGA 1889: 122. Сведения эти продублировал Ибн ал-Факих (BGA 1885: 286, 287).

¹⁰⁷ BGA 1892: 364.

¹⁰⁸ Шагинян 2008: 68–85.

¹⁰⁹ Shahinyan 2019: 167–176.

¹¹⁰ СМОМПК 1902: 23.

¹¹¹ Шагинян 2014: 205–209.

и Адзарбайджана Мухаммада ибн Халида аш-Шайбани — Хайсам с титулом *ширваншах* после убийства халифа ал-Мутаваккила (847–861) провозгласил себя независимым эмиром из арабской династии Мазйадидов (799–1027)¹¹². Он также утверждает, что в 255 г. х. (868/9 г.) Хашим ибн Сурака ас-Сулами, назначенный эмиром Баб ал-Абваба, провозгласил собственную независимость, став основателем другой династии арабских эмиров — Хашимидов (869–1077)¹¹³.

Формирование эмиратов — это результат арабской колонизации¹¹⁴ и исламизации кавказоязычных албанцев. Новая религия, в свою очередь, привела к иранизации региона. Об этом свидетельствуют как древнеиранский шахский титул местных арабских эмиров, так и поздние их имена собственные¹¹⁵. И если ал-Истахри или Ибн Хаукал твердили о том, что фарси в Арране имел широкое распространение¹¹⁶, то арабский путешественник из Багдада ал-Мас'уди (896–956) в «Книге сообщений и знаний» (كتاب التنبیه والإشراف) зафиксировал тот факт, что «пределы территорий персидской нации обнимают... Адербейджан... территорию Арана и Байлакана до Дербенда...»¹¹⁷.

Что касается термина Арран, то он в исламской литературе рубежа IX и X в. закрепляется лишь за правобережными областями бывшей уже Арминии II, где в окрестностях Бардза'а ал-Истахри и ал-Мукаддаси застали последних носителей арранского (албанского) языка¹¹⁸, которые затем, как отмечает А.П. Новосельцев, растворяются в армянском этническом большинстве¹¹⁹. Закрепляется термин Арран и за той левобережной областью, которая, занимая небольшое пространство между Кавказским хребтом и Средней Курой, в пространной версии «Ašxarhaš'ouc'»-а именуется *Fnū*

¹¹² История ал-Баба и Ширвана 1963: 6 (A1052a) и 47.

¹¹³ История ал-Баба и Ширвана 1963: 18–19 (B730–731) и 64–65.

¹¹⁴ Shahinyan 2017: 1–17.

¹¹⁵ Минорский 1963: 42.

¹¹⁶ BGA 1870: 192; BGA 1873: 250.

¹¹⁷ СМОМПК 1908: 36.

¹¹⁸ BGA 1870: 192; BGA 1877: 378.

¹¹⁹ Новосельцев 1995: 39.

աշխարհ Աղուանից [Bun ašxarh Ałowaníc'] (букв.: «Исконная область Албанская»)¹²⁰. Это здесь, по свидетельству Мовсэса Дасхуранци, завершившего в середине X в. труд над «Историей страны Алуанк», «благочестивый hАмам, воцарившись... (в городе Шакэ. — А. III.) возобновил упраздненное царство Алуанка, как Ашот Багратуни — царство армянское»¹²¹.

Заключение

В эпоху поздней Античности и раннего Средневековья, при господстве в странах Юго-Западного Прикаспия Сасанидского Ирана, затем Арабского халифата не существовало сформированного в Новое время понятия *Северный Азербайджан* в отношении земель кавказоязычной и христианской страны Албании, а также великоармянских земель в междуречье Аракса и Куры — по большому счету территорий сегодняшней Азербайджанской Республики. Северные границы сасанидского марзпанства Адурбадаган, а позднее и арабского вилайета Адзарбайджан ограничивались нижними течениями Аракса и Куры, занимая пределы ираноязычной и зороастрийской страны Атропатены, а также великоармянских областей Пайтакаран, Персармении и восточных окраин Васпуракана с армянским этническим большинством — по большому счету территорий современного Иранского или Южного Азербайджана.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Баранов 2008 — *Баранов Х.* Большой арабско-русский словарь: в 2 т. 12-е изд., стереотипное. М., 2008. Т. 2.
- Бартольд 1963 — *Бартольд В.* Сочинения: в 9 т. М., 1963. Т. 2. Ч. 1: Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы.
- Бунятов 1965 — *Бунятов З.* Азербайджан в VII–IX вв. Баку, 1965.

¹²⁰ Ašxarhaś'oyc' 2003: 2151.

¹²¹ История страны Алуанк 1984: 168.

- Велиханлы 2017 — *Велиханлы Н.* Еще раз о пределах Азербайджана в IX–X вв. // Вопросы истории. 2017. № 9. С. 110–119.
- Гаджиев 2006 — *Гаджиев М.* Определение абсолютной даты строительства цитадели и северной городской стены Дербента и произведенных трудозатрат // Вестник Института ИАЭ Дагестанского НЦ РАН. 2006. № 1. С. 77–94.
- Захария Ритор 2000 — Хроника Захарии Ритора / Пер. Н.В. Пигулевской // *Пигулевская Н.В.* Сирийская средневековая историография (исследования и переводы). СПб., 2000.
- Ибн Хордадбех 1986 — *Ибн Хордадбех.* Книга путей и стран / пер., коммент., исслед., указ. и карты Н. Велихановой. Баку, 1986.
- История ал-Баба и Ширвана 1963 — Главы из истории ал-Баба и Ширвана, сочиненной ок. 498 г.х. (*فصول من تاريخ الباب وشروان الفت*) / Изд. и пер. В. Минорский // *Минорский В.* История Ширвана и Дербенда X–XI вв. М., 1963.
- История страны Алуанк 1984 — История страны Алуанк Мовсэса Каланкатуаци / Пер., предисл. и коммент. Ш. Смбатяна. Ереван, 1984.
- Йакут ал-Хамави 1983 — *Йакут ал-Хамави.* Муджам ал-Булдан (Сведения об Азербайджане) / Пер. З. Буниятова и П. Жузе. Баку, 1983.
- ал-Куфи 1981 — Абу Мухаммед Ахмад ибн А'сам ал-Куфи. Книга завоеваний (Извлечения по истории Азербайджана VII–IX вв.) / Пер. З. Буниятова. Баку, 1981.
- Латышев 1948 — *Латышев В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1948. № 2.
- Миллер 1930 — *Миллер Б.* К вопросу об языке населения Азербайджана до отуречения этой области // Ученые Записки Института этнических и национальных культур народов Востока. 1930. Т. 1. С. 199–228.
- Минорский 1963 — *Минорский В.* История Ширвана и Дербенда X–XI вв. М., 1963.
- Новосельцев 1995 — *Новосельцев А.* Закавказье в IV–XI вв.; Закавказье в XI–XV вв.; Иран в XIV–начале XV в. // ИВ. Т. 2. С. 34–40, 514–518, 431–443.
- Новосельцев 2000 — *Новосельцев А.* Государство Сефевидов в XVI–нач. XVIII в. // ИВ. Т. 3. С. 99–119.
- Пигулевская 2000 — *Пигулевская Н.В.* Сирийская средневековая историография (исследования и переводы). СПб., 2000.

- Себеос 1939 — История епископа Себеоса / Пер. С. Малхасянца. Ереван, 1939.
- СМОМПК 1902 — СМОМПК. 1902. Вып. XXXI: Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербейджане. Ч. II: Ибн-ал-Факих / Пер. Н. Караулова.
- СМОМПК 1903 — СМОМПК. 1903. Вып. XXXII: Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербейджане. Ч. VI: Ал-Якубий / Пер. Н. Караулова.
- СМОМПК 1908 — СМОМПК. 1908. Вып. XXXVIII: Сведения арабских географов IX и X веков по Р.Х. о Кавказе, Армении и Азербейджане. Ч. VII: ал-Мукаддасий. Ч. VIII: Масуди. Ч. IX: Ибн-Хаукаль / Пер. Н. Караулова.
- Худуд ал-‘Алам 1930 — Худуд ал-‘Алам (Рукопись Туманского) / изд. В. Бартольд. Л., 1930.
- Хуршудян 2010 — Шахрестаниха-йи Эран(шахр) 2010 — Города Ирана / Пер., транскрип. и транслитер. текста, коммент. Э. Хуршудяна // Иран-наме. 2010. № 3 (15). С. 108–159.
- Шагинян 2008 — *Шагинян А.* Система административного деления и управления в Армении и Арминии // Вестник Московского университета. Востоковедение. 2008. Вып. 3. С. 68–85.
- Шагинян 2014 — *Шагинян А.* Раннесредневековая география Армении и стран Южного Кавказа. СПб., 2014.
- ЭСБЕ 1890 — Энциклопедический словарь / Под ред. Брокгауза, Ефрона: В 86 т. СПб., 1890. Т. 2 (3).
- Aṣṣarḥaṣ‘oys‘ 2003 — Aṣṣarḥaṣ‘oys‘ (Uṣṣarḥaṣ‘oys‘) // ACA. 2003. Vol. II : 5th Century. P. 2123–2192.
- al-Beladsori 1866 — Liber expugnationis regionum auctore Imamo Ahmed ibn Jahja ibn Djabir al-Beladsori (كتاب فتوح البلدان تأليف الإمام أبي العباس أحمد بن يحيى البلاذري) / ed. M. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1866.
- BGA 1870 — BGA. Pars I: Viae regnorum, auctore al-Istakhri. P. 1–348.
- BGA 1873 — BGA. Pars II: Viae et regna, auctore Ibn Hauqal. P. 1–456.
- BGA 1877 — BGA. Pars III: Descriptio imperii Moslemici auctore... al-Moqaddasi. P. 1–498.
- BGA 1885 — BGA. Pars V: Compendium libri Kitab al-boldan auctore Ibn al-Fakih al-Hamadani. P. 1–365.

- BGA 1889 — BGA. Pars VI: Liber viarum et regnorum, auctore Ibn Khordadbeh. P. 1–183; Excerpta e Kitab al-kharadj auctore Kodama ibn Djafar. P. 184–266.
- BGA 1892 — BGA. Pars VII: Kitab al-Alak an-Nefisa auctore Abu Ali Ahmad ibn Omar ibn Rosteh. P. 1–229; Kitab al-Boldan auctore Ahmed ibn Abi Jakub ibn Wadhih al-Kitab al-Jaqubi. P. 231–373.
- Bosworth 1987 — *Bosworth C.* Azerbaijan: iv. Islamic History to 1941 // *Iranica*. 1987. Vol. III. Fasc. 2–3. P. 224–231.
- Bosworth 1996 — *Bosworth C.* The New Islamic Dynasties: A Chronological and Genealogical Manual. New York, 1996.
- Boyce 1983 — *Boyce M.* Ādur Gušnasp // *Iranica*. 1983. Vol. I. Fasc. 5. P. 475–476.
- Canard 1986 — *Canard M.* Armīniya // *EI. NE*. 1986. Vol. 1. 1986. P. 642.
- Diakonov 1999 — *Diakonov I.* The Paths of History. Cambridge University Press, 1999.
- Drasxanakertc'i 2010 — Yovhannu Kat'olikosi Drasxanakertc'woy Patmut'iwn Hayoc' (Յովհաննու Կաթողիկոսի Դրասխանակերտցոյ Պատմութիւն Հայոց) // *ACA*. 2010. Vol. XI : 10th Century. Historiography. P. 317–584.
- Frye 1986 — *Frye R.* Arran // *EI. NE*. 1986. Vol. 1. P. 660.
- Galichian 2007 — *Galichian R.* Countries South of the Caucasus in the Medieval Maps. Armenia, Georgia and Azerbaijan. Yerevan; London, 2007.
- Gippert, Schulze 2007 — *Gippert J., Schulze W.* Some Remarks on the Caucasian Albanian Palimpsest // *Iran and the Caucasus*. 2007. Vol. 11. Issue 2. P. 201–211.
- Iranica* 1987 — AZERBAIJAN (Ādarbāy[e]jān) // *Iranica*. 1987. Vol. III. Fasc. 2–3. P. 205.
- Hewsen 1978–1979 — *Hewsen R.* Introduction to Armenian Historical Geography // *Revue des Etudes Arméniennes*. 1978–1979. Vol. 13. P. 77–97.
- Hewsen 1987 — *Hewsen R.* Avarayr // *Iranica*. 1987. Vol. III. Fasc. 1. P. 32.
- Houtum-Schindler 1910 — *Houtum-Schindler A.* Azerbāijān (...) // *Britannica*. 1910. Vol. 3. P. 80–81.
- Minorsky 1986 — *Minorsky V.* Ādharbaydjān (Azarbāydjān) // *EI. NE*. 1986. Vol. I. P. 190–191.

- Michel le Syrien 1901 — Chronique de Michel le Syrien: en 4 t. / Ed. et trad. par J. Chabot. Paris, 1901. T. 2.
- Pliny 1938 — *Pliny*. Natural history with an English translation: in 10 vol. / Ed. & transl. by H. Rackham. London, 1938. Vol. 2.
- Schippmann 1987 — *Schippmann K.* Azerbaijan: iii. Pre-Islamic History // *Iranica*. 1987. Vol. III. Fasc. 2. P. 221–224.
- Schmitt 1986 — *Schmitt R.* Armenia and Iran: i. Armina, Achaemenid province // *Iranica*. 1986. Vol. II. Fasc. 4. P. 417.
- Shahinyan 2017 — *Shahinyan A.* The Colonization of the Early Medieval Vilayet of Armīniya by Arab Muslims // *Archiv Orientalni*. 2017. Vol. 85.1. P. 1–17.
- Shahinyan 2019 — *Shahinyan A.* The Number of the 'Ahl ad-Ḍimma in the Vilayet of Armīniya of the Arab Caliphate // *Iran and the Caucasus*. 2019. Vol. 23. Issue 2. P. 167–176.
- Tafazzolī 1988 — *Tafazzolī A.* Bāktar // *Iranica*. 1988. Vol. III. Fasc. 5. P. 539–540.
- Tafazzolī 1990 — *Tafazzolī A.* Čččast // *Iranica*. 1990. Vol. V. Fasc. 1. P. 107–108.
- T'ovma Arcruni ew Ananun 2010 — *T'ovma Arcruni ew Ananun*. Patmut'iwn tann Arcruneac' (*Թովմա Արծրունիի եւ Անանուն. Պատմութիւն տանն Արծրունեաց*) // *ACA*. 2010. Vol. XI : 10th Century. Historiography. P. 15–313.
- Uxtanēs Episkopos — *Uxtanēs Episkopos*. Patmut'iwn Hayoc' (*Ուխտանէս Եպիսկոպոս. Պատմութիւն Հայոց*) // *ACA*. 2012. Vol. XV : 10th Century, Historiography in two books, Book II. P. 439–616.
- Yarshater 1988 — *Yarshater E.* Azerbaijan: vii. The Iranian Language of Azerbaijan // *Iranica*. 1988. Vol. III. Fasc. 3. P. 238–245.

Список сокращений

СМОМПК — Сборник Материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис

ВДИ — Вестник древней истории

ИВ — История Востока: в 6 т. Т. 2. Восток в средние века / Отв. ред. Л.Б. Алаев, К.З. Ашрафян. М., 1995; Т. 3. Восток на рубеже средневековья и нового времени. XVI–XVIII вв. / Отв. ред. Л.Б. Алаев, К.З. Ашрафян, Н.И. Иванов. М., 2000.

ACA — Armenian Classical Authors / Dir. Dr. Zaven Yegavian.
Antelias-Lebanon, 2003-present

BGA — Bibliotheca Geographorum Arabicorum: in 8 pars / Ed. M. de
Goeje. Lugduni Batavorum, 1870–1894

Britannica — Encyclopedia Britannica: in 29 vol. 11th ed. / Ed. by
H. Chisholm and F. H. Hooper. Cambridge, 1910–1911

Iranica — Encyclopædia Iranica: in 45 vol. Bibliotheca Persica
Press, 1985-present

EI. NE — The Encyclopaedia of Islam / New ed. prep. by a number
of leading orientalists / Ed. by P.J. Bearman, Th. Bianquis, C.E. Bosworth,
E. van Donzel and W.P. Heinrichs: in 12 vol. Leiden, 1986–2004

Н.Л. Конюшихина

АНКЕТЫ 1575 и 1578 годов для «ТОПОГРАФИЧЕСКИХ ДОНЕСЕНИЙ ФИЛИППА II»

Аннотация: В публикации представлен перевод двух анкет 1575 и 1578 гг. и сопутствующих им документов — одних из важнейших исторических источников по испанской истории и исторической географии второй половины XVI века. Ответы на опросники составили корпус документации, известной как «Топографические донесения Филиппа II» (исп. *Las Relaciones Topográficas de Felipe II*). Наряду с переводом публикация содержит предисловие и комментарии, касающиеся истории создания этого корпуса документов. Анкеты охватывают самый разнообразный круг вопросов: от географического положения населенных пунктов, времени их основания, юридического статуса, естественных ресурсов, местного производства до вопросов, посвященных религии и культу, выдающимся людям и событиям, примечательным местам и явлениям. Большинство донесений было получено от территории Новой Кастилии (провинции Мадрид, Толедо, Сьюдад Реаль, Гвадалахара, Куэнка). Оставшиеся донесения приходятся на Альбасете, Эстремадуру, Аликанте, Хаэн, Мурсию и Саламанку.

Ключевые слова: Испания XVI века, «Топографические донесения Филиппа II», хронисты, анкета, респонденты, селения.

Пережив «ревизионизм» XX столетия, личность испанского короля Филиппа II, тем не менее, остается в фокусе внимания как отечественных, так и зарубежных историков, занимая свою нишу в исследовательском поле современной

исторической науки¹. Реабилитированный монарх, некогда изображаемый в историографии и художественной литературе как жестокий и ограниченный религиозный фанатик, после работ Дж. Эллиотта², Дж. Паркера³, И. Томпсона⁴, Г. Кеймена⁵ предстал в роли заботливого и любящего отца, мецената, покровителя наук и искусств, не чуждого гуманистическим идеям, страстного любителя и собирателя книг и произведений живописи. Определенному пересмотру подверглись и другие аспекты деятельности короля: война перестала быть исключительным объектом научного интереса исследователей, уступив место изучению других инициатив Филиппа II, среди которых важное место отводится его культурным проектам и, в частности, так называемым «Топографическим донесениям» (*Relaciones topográficas de Felipe II*)⁶.

Упомянутые донесения следует рассматривать, прежде всего, в рамках более широких историко-географических начинаний испанской короны середины – второй половины XVI века, имевших целью, с одной стороны, на основе достоверных материалов и первоисточников создать комплексное историческое описание Пиренейского полуострова, начиная с самых мелких территориальных единиц (селений) и заканчивая большими территориальными объединениями (королевствами), а с другой — измерить пространство метрополии и составить топографическую карту Испании (а также и испанских владений в Новом Свете). Эта программа предполагала реализацию целого ряда взаимосвязанных проектов, причем для ее воплощения требовались совместные усилия хронистов и картографов. Так, к наиболее крупным инициативам эпохи Карла V (1516–1556) и Филиппа II (1556–1598), цель которых заключалась в сборе сведений географического характера, относятся «Итинерарий» Фернандо Колумба

¹ García Cárcel 1999: 375–400. См. подробную библиографию: Калугина 2017: 393.

² Elliott 1963.

³ Parker 1998; Parker 1978; Parker 2010.

⁴ Thompson 1976.

⁵ Kamen 1997.

⁶ Конюшихина 2017: 143–166.

(1517–1523 гг.)⁷, Атлас Эскориала (50–60-е гг. XVI в.)⁸ (Илл. 1) и виды испанских городов фламандского рисовальщика Антона ван ден Вейнгарде (1562–1571 гг.)⁹. А стремление монархов к созданию всеобщей истории Испании нашло свое отражение в трудах Флориана де Окампо¹⁰, Хуана Паэса де Кастро¹¹, Амбросио де Моралеса¹² и Педро де Медина¹³.

Илл. 1

Атлас Эскориала. Карта Пиренейского полуострова
Real Biblioteca del Monasterio de El Escorial. K-I-1 ff1v2r
(Публикуется с разрешения Королевской библиотеки Эскориала)

⁷ Colón 1988.

⁸ Atlas de El Escorial. Real Biblioteca del Monasterio de El Escorial. Ms. K-I-1.

⁹ Kagan 2008.

¹⁰ Ocampo 2015.

¹¹ Páez de Castro 1990: 51–65.

¹² Morales 2012.

¹³ Medina 1944.

«Топографические донесения» — комплекс документации, состоящий из ответов респондентов различных населенных пунктов Испании на королевскую анкету 1575 года (57 вопросов) и ее последующую редакцию 1578 года (45 вопросов), которые охватывают самый разнообразный круг вопросов. К анкете также прилагаются королевское письмо, инструкция и памятная записка по составлению донесений, адресованные местной администрации. Письмо короля от 1575 г. и напечатанная анкета 1578 г. хранятся в архиве Симанкаса¹⁴. Еще один экземпляр анкеты 1578 г. находится в Национальной библиотеке Испании¹⁵. Кроме того, анкеты зачастую воспроизводятся в самих донесениях.

Оригиналы рукописей донесений хранятся в библиотеке Эскориала¹⁶. Это семь рукописных томов, в общей сложности — 4 242 листа (размер листа — 33 на 22 см). В XVIII веке с них были сделаны две копии — одна находится в библиотеке Королевской академии истории¹⁷, а другая, представляющая из себя лишь выборочные ответы селений, — в Генеральном архиве дворца¹⁸. Донесения практически полностью опубликованы. Процесс их издания и переиздания, начатый еще в начале XX века, продолжается до сих пор¹⁹. Впервые «Топографические донесения» были каталогизированы М. Мигелесом²⁰, которому также принадлежит заслуга

¹⁴ Archivo General de Simancas, Estado, leg. 157–103 y 104. Año de 1575. Al corregidor de Toledo.

¹⁵ Biblioteca Nacional. Madrid, Mss/5589, ff. 64–69v.

¹⁶ Real Biblioteca del Monasterio del Escorial. Mss. J.I.12 al 18.

¹⁷ Biblioteca de la Real Academia de la Historia. Mss. 9/3954 al 60 232.

¹⁸ Archivo General de Palacio. Madrid, Ms. II/2589, n.º 2, ff. 49–270 233.

¹⁹ Так, в 1903 году была начата работа по публикации донесений из провинции Гвадалахара, а в 2014 г. вышло издание донесений по провинции Альбасете. См.: Catalina García, Pérez-Villamil 1903–1915; Zarco Bacas y Cuevas 1927 (переизданы в 1983); Corchón García 1949 (без публикации источника); Viñas y Mey, Paz 1951–1963; López Navarro 1960; Valera de la Carra 1970; Cebrián Abellán 1992; Alvar Ezquerro 1993b; Arias González, Martín, Chocarro Martín 1995; Ortíz García 2000; Campos y Fernández de Sevilla 2009 (этому изданию предшествуют публикация 1971 г. Кармело Виньяса и Мэя и Рамона Паса и 2004 г. Кампоса и Фернандеса де Севилья); Carrilero Martínez, García Moratalla 2014.

²⁰ Miguélez 1917.

первого полноценного издания королевских писем, инструкций, памятных записок и анкет 1575 и 1578 годов соответственно.

Стоит отметить, что разработка анкет для метрополии была тесно связана с подготовкой схожих опросников для Нового Света, причем работу над теми и другими вели одни и те же люди — председатель Совета по делам Индий (с 1571 г.) Хуан де Овандо и Годой и космограф-хронист при Совете по делам Индий (с 1571 г.) Хуан Лопес де Веласко. Первый, используя усовершенствованный метод анкетирования, предложенный еще королевским хронистом Паэсом де Кастро для территории метрополии в самом конце 1560-х – начале 1570-х гг., разрабатывает ряд опросников для Нового Света²¹, на которые, тем не менее, не было получено удовлетворительных ответов ввиду их большого объема. Затем, возглавив в 1574 г. Совет по финансовым делам²², Хуан де Овандо и Годой приступает к созданию новой анкеты, но на этот раз уже для территории, входящей в юрисдикцию его родного епископства Кории. Не получив широкого распространения, она, однако, была взята за основу для последующей редакции 1575 г., став ее прямой предшественницей.

Параллельно шла работа по разработке американского опросника. После смерти Хуана де Овандо (в том же 1575 г.) ее возглавил Хуан Лопес де Веласко, и именно ему принадлежит авторство американского опросника 1577 года²³, который, наиболее вероятно, был создан по образцу испанской редакции 1575 года. Анкета 1577 года послужила основой для составления корпуса «Географических донесений из Индий» (*Relaciones Geográficas de Indias*)²⁴. Исходя из этого можно заключить, что Хуан Лопес де Веласко, скорее всего, принимал непосредственное участие и в разработке упомянутой анкеты для метрополии, о делах которой он был очень хо-

²¹ Solano, Ponce 1988.

²² Campos y Fernández de Sevilla 2003: 451.

²³ Solano, Ponce 1988: 79–87.

²⁴ Garza 1983. См. более подробно о «Географических донесениях из Индий»: Cline 1964: 341–374.

рошо осведомлен благодаря тесному сотрудничеству с Хуаном де Овандо и близким отношениям с Филиппом II²⁵.

В целом, анкета 1575 г. представляется результатом коллективной работы «высших чиновников из администрации Филиппа II»²⁶, куда входили в том числе космографы, хронисты и королевские секретари. Ответственным за ее окончательную редакцию, распространение и получение был Амбросио де Моралес, занявший после смерти Паэса де Кастро место главного королевского хрониста (официально — с 1563 г., между 1563 и 1577 гг. он занимался написанием «Древностей» и «Хроники»)²⁷.

Число донесений в зависимости от способа подсчета разными исследователями колеблется между 713 и 721²⁸. Они охватывают, прежде всего, территорию Новой Кастилии, попадающую под юрисдикцию Толедского архиепископства, а именно провинции Гвадалахара (175 донесений), Мадрид (108), Толедо (229) (Илл. 2), Сьюдад Реаль (75) и Куэнка (49), которые составляют 88,2 % от всех имеющихся донесений. Остальные 11,8 % — это донесения, полученные из Эстремадуры (39), Альбасете (20), Аликанте (2), Хаэна (19), Мурсии (3), Саламанки (2)²⁹. Основной акцент, сделанный Филиппом II на территории, входящие в юрисдикцию примаса Испании, был обусловлен той ролью, которую играл этот регион в политической жизни страны, учитывая столичный статус Мадрида, а также тем обстоятельством, что монарх видел в этих землях «опытный полигон» для проведения анкетирования.

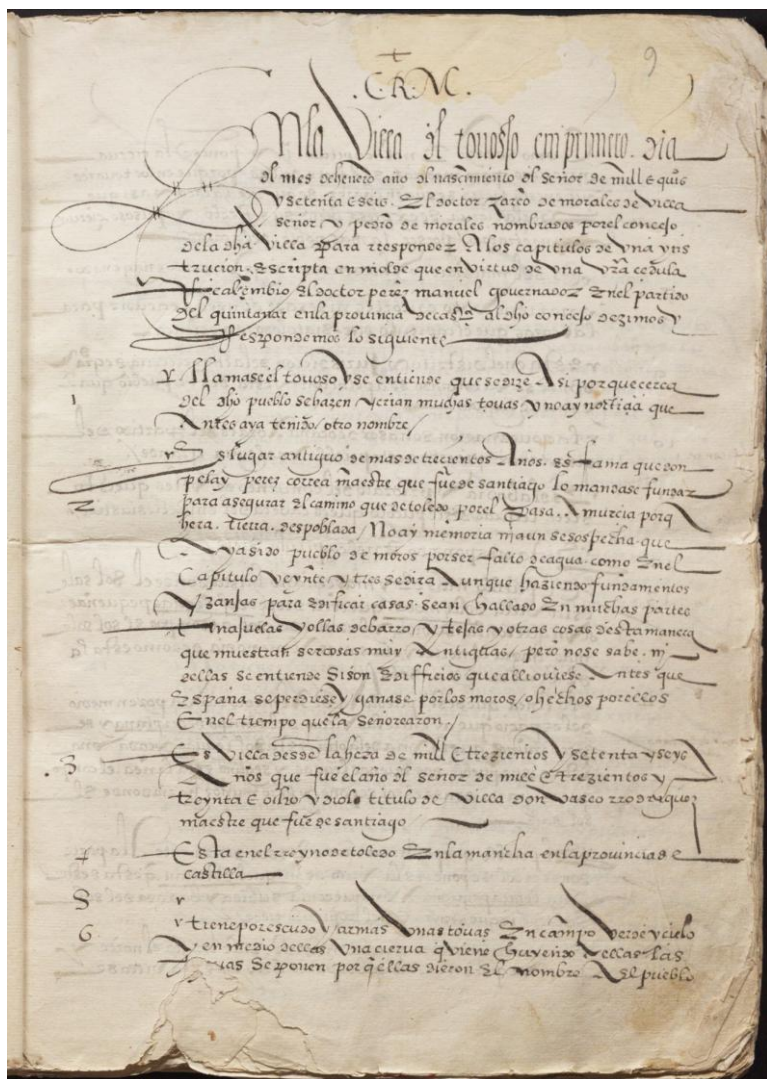
²⁵ См. подтверждение этого мнения: Campos y Fernández de Sevilla 1986: 5; Arroyo Ilera 1998: 175.

²⁶ Campos y Fernández de Sevilla 1986: 5.

²⁷ Alvar Ezquerro 2010: 85.

²⁸ Классической признана классификация Ф.Х. Кампоса и Фернандеса де Севилья, насчитывающая 721 донесение, из которых шесть повторяются: Campos y Fernández de Sevilla 2003: 495–496. Регера Родригес, однако, более точной считает цифру в 719 донесений: Reguera Rodríguez 2010: 343. Н. Саломон приводит цифру в 713 донесений (Salomon 1973: 14).

²⁹ Дано по классификации Ф. Х. Кампоса и Фернандеса де Севилья: Campos y Fernández de Sevilla 2003: 495–496.

Илл. 2

Первая страница донесения из Эль Тобосо
 Real Biblioteca del Monasterio de El Escorial. Tomo IV. J-I-15. f9r
 (Публикуется с разрешения Королевской библиотеки Эскориала)

В Мемориале от 26 октября 1583 г. Хуан Лопес де Веласко³⁰, обращаясь к Филиппу II, пишет о принципиальном значении донесений, полученных именно от территорий толедского архиепископства, которые Его Величество приказал составить в первую очередь с целью «посмотреть, как выйдет». В том же Мемориале говорится о необходимости продолжать собирать донесения по другим регионам Испании, для чего Лопес де Веласко предлагает создавать отдельные кабинеты при Совете Палаты³¹, который до этого занимался вопросами донесений, или же передать их в ведомство Королевского совета, поскольку «он лучше работает». Примечательно, что для королевства Арагон и вошедшей недавно в состав Испании Португалии³², также предполагалось создание соответствующих советов для курирования процессов сбора и составления донесений, представляющих «большое значение и цену» для короны. Тем не менее, донесений ни от Арагона, ни от Португалии получено не было.

По мнению Ф.Х. Кампоса и Фернандеса де Севилья³³ и А. Альвара Эскерры³⁴, возможно, первоначально было составлено больше донесений, некоторые из которых могли быть утрачены в дальнейшем: остаться в селении, затеряться в ходе отправки в центр или во время последующей архи-

³⁰ Мемориал 1583 года опубликован А. Альваром Эскеррой в книге: Alvar Ezquerria 1993a: 38.

³¹ В оригинале — *Consejo de la Cámara*. Речь идет об одном из подразделений Совета по делам Кастилии. В него входили председатель Совета по делам Кастилии и трое самых старших советников. Совет Палаты отбирал для короля кандидатов на должности коррехидоров, а также судей-оидоров для канцелярий и аудиенсий (высших судебных инстанций по гражданским делам). Его функции были окончательно определены к 1588 году: через него проходили назначения на вышеупомянутые должности, даровались милости и разрешались тяжбы, связанные с королевским патронатом, давались разрешения на браки приближенных. Члены Совета Палаты были очень близки к королю. См. Ulloa 1977: 58–59; González Alonso 1970: 148.

³² В Мемориале Лопеса де Веласко Арагон и Португалия называются королевствами (Reynos). См.: Alvar Ezquerria 1993a: 38.

³³ Campos y Fernández de Sevilla 1986: 8.

³⁴ Alvar Ezquerria 1993a: 28.

вации, осесть на руках у государственных служащих (так, например, донесения по селениям Корраль де Альмагер и Альмагро забрал математик и архитектор Эскориала Хуан де Эррера с целью показать их Филиппу II)³⁵. Однако поиск гипотетически затерявшихся донесений, осуществленный в 1840 г. в рамках государственной архивной политики, не дал результатов³⁶.

Донесения были получены между 1574–1581 годами, учитывая опросник Хуана де Овандо, первым ответом на который стало сообщение, составленное в Сотосеррано (Саламанка) от 1 декабря 1574 года. Первый ответ на анкету 1575 г. последовал от селения Вальдеконча (Гвадалахара) (27 октября 1575), а последний — на анкету 1578 года — был дан в Сересо (Гвадалахара) (31 марта 1581 г.)³⁷. В общей сложности на опросник 1574 г. было получено 11 донесений. На вторую анкету, то есть в период с конца октября 1575 по конец 1576 года, было составлено 369 донесений. Следующий 1577 год был ознаменован отсутствием ответов, в связи с чем 7 августа 1578 г. вышла новая редакция анкеты, на 12 вопросов короче предыдущей, на которую, за период 1578–1581 гг., ответило 255 населенных пунктов (в основном на вторую анкету ответили те населенные пункты, которые не ответили на первую, хотя в некоторых случаях донесения были составлены повторно). Еще в 84 донесениях точная дата составления не указана, однако по структуре ответов можно определить, на какую из анкет они даны³⁸.

В королевском письме 1575 года, сопровождающем анкету, цель составления донесений объясняется «отсутствием подробного описания» испанских королевств, «подобающего их величию и достоинству», а в инструкции и памятной записке напрямую говорится о том, что донесения «должны быть сделаны и посланы Его Величеству для составления Описания и Истории испанских городов и селений» «для славы и возвышения» этих королевств. В более поздней редак-

³⁵ Campos y Fernández de Sevilla 1986: 8.

³⁶ Campos y Fernández de Sevilla 1986: 8 (сноска 60).

³⁷ Campos y Fernández de Sevilla 2003: 446–447.

³⁸ Reguera Rodríguez 2010: 343; 346.

ции 1578 года уточняется, что корона, отправляя новую версию анкеты, не имеет «какого-либо другого умысла, кроме как узнать о всем значительном и примечательном, чем селения могут гордиться для написания их истории», тем самым пытаюсь убедить адресатов в искренности своих намерений, исключаящих фискальные притязания монархии. Более того, в упомянутом Мемориале Хуана Лопеса де Веласко, спустя два года после того, как из провинции Гвадалахара было получено последнее из сохранившихся донесений, снова говорится о необходимости «хорошего описания», которое должно «при помощи [визуального. — Н. К.] изображения показывать расположение селений, и письменно в виде сообщений — то, что в них есть примечательного». Под этим описанием подразумеваются донесения³⁹.

Тем не менее, в историографии существует точка зрения относительно фискальной природы донесений, которые рассматриваются, прежде всего, в качестве прототипа ценза или кадастра⁴⁰. Филипп II, проводивший активную внешнюю политику, постоянно нуждался в новых источниках доходов. Кроме того, события 1575 года — объявление о государственном банкротстве, потеря кораблей с шерстью, закрытие канала Ла-Манша, изматывающая война на два фронта во Фландрии и Средиземноморье⁴¹ — только усугубили и так непростую экономическую ситуацию в Испании. Можно также провести некоторую параллель между финансовой реформой Хуана де Овандо и Годой 1574 года, направленной на повышение налогов, и разработанными им опросниками. Тем не менее, против фискальной природы донесений говорит тот факт, что для получения казенной информации в 1528–1536 гг. и 1591 г. были составлены отдельные цензы («*Recuento de población*» и «*Vecindario*»). Более того, вопросов такого плана в обеих редакциях анкеты немного.

Механизм отправки анкет, сбор ответов и процесс составления донесений был четко регламентирован и осуще-

³⁹ Alvar Ezquerro 1993a: 38.

⁴⁰ См., например, работы: García Badell y Abadía 1948; Alcázar Molina 2000: 51–63.

⁴¹ Alvar Ezquerro 1993a: 42, 44.

ствлялся путем вовлечения в него административного аппарата местных органов власти. Данный метод, как подчеркивает в Мемориале Хуан Лопес де Веласко, превосходил метод самостоятельного описания и измерения испанских населенных пунктов внешними специалистами (то, что пытались осуществить Фернандо Колумб и Педро Эскивель), поскольку это предполагало большие денежные и временные затраты (со слов Хуана Лопеса де Веласко, это выходило «очень дорого и долго»). Та же мысль фигурирует и в королевских письмах, сопровождающих анкеты 1575 и 1578 годов, где говорится о том, что отправка в селения «особых посланцев» для получения сведений затянула бы все дело, в связи с чем донесения предполагалось собирать «при помощи священнослужителей, коррехидоров и местных властей, нежели иными способами».

Сначала королевское письмо, напечатанная анкета, инструкция и памятная записка рассылались коррехидорам или губернаторам — представителям короля в наиболее крупных городах кастильского королевства, которые далее отправляли их представителям местной власти — ординарным алькальдам, рехидорам или иным должностным лицам, составлявшим верхушку муниципального управления и возглавлявшим местные консехо (при отсутствии коррехидора и губернатора или совмещении должностей — сразу верхушке муниципальной администрации). Те, после составления общего списка населенных пунктов, как подвластных, так и не подвластных их юрисдикции, собирали консехо и назначали двух или более «сведущих и любопытных в делах своего селения жителей» для дачи свидетельства. Готовое донесение вместе с анкетой отправлялось обратно по такому же пути, по которому был прислан опросник, на имя королевского секретаря Хуана Васкеса де Саласар. Успех или неудача в деле составления донесения, таким образом, во многом зависели от местных властей, поскольку именно они интерпретировали королевские указания, собирали консехо для совместного выбора респондентов или назначали их самостоятельно, а нередко и сами отвечали на вопросы анкеты, а также организовывали работу писца. За невыполнение

королевского предписания предполагался штраф в размере от 10 до 50 тысяч мараведи⁴², однако вряд ли он взимался, учитывая то, сколько селений не ответило на анкету 1575 года.

Важно отметить, что в редакции 1578 года в процесс составления донесений были внесены изменения. Король не имел рычагов прямого воздействия на селения (несмотря даже на угрозу штрафа), так как все издержки, которые могли возникнуть при создании донесения, несли сами населенные пункты. Многие из них медлили с ответами, поскольку не верили в искренность намерений центральной власти, видя в анкете потенциальную угрозу и властный инструмент для получения информации фискального типа. В этом отношении показателен пример американских донесений, где основную категорию респондентов составляли энкомендерос, не желавшие предоставлять сведения о населенных пунктах своих юрисдикций, из-за страха потерять принадлежавшие им энкомьенды, не всегда полученные законным путем⁴³. Принимая во внимание эти обстоятельства, в редакции 1578 года появились должности специальных уполномоченных, задача которых заключалась в том, чтобы проследить, в каких населенных пунктах уже были составлены донесения, а какие должны были получить новую версию анкеты. Кроме того, они могли действовать наравне с представителями местной власти: назначать информантов и контролировать процесс отправки готового донесения королю. На них, таким образом, возлагалась работа наблюдателей и координаторов всего процесса.

Выборка респондентов, назначаемых консехо или представителями местной власти, была разнообразной с точки зрения социальных статусов, уровня грамотности и образования. Это обуславливало характер ответов и придавало им большую степень вариативности, чему в немалой степени также способствовало и открытое построение вопросов.

⁴² Изначально монета весом около 4 г с содержанием золота около 3,5 г. С 70-х годов XV в. 34 мараведи приравнивались к одному реалу. В XVI в. сумма в размере 10-50 тыс. мараведи не представлялась очень большой для крупных и средних селений.

⁴³ Garza 1983: 29.

Отвечающими могли быть назначены приходские священники, алькальды, рехидоры, члены религиозных братств, представители дворянских и аристократических родов, лет-радос или кто-то из жителей селения, пользующийся большим авторитетом. При ответе респонденты руководствовались, прежде всего, своими знаниями и жизненным опытом. Согласно инструкции и памятной записке, это должны были быть люди «любопытательные» и «ученые». Согласно М. Фернандес Монтес, подсчет подписей, поставленных самостоятельно, либо при помощи писца или третьего лица в конце каждого донесения по провинции Мадрид, свидетельствует о том, что для дачи показаний все-таки старались выбирать наиболее образованных жителей селений (135 самостоятельных подписей против 110 делегированных писцу или третьему лицу)⁴⁴.

Авторитет информантов также подтверждался их немалым возрастом, который в большинстве случаев указывался приблизительно (круглой датой), тем не менее в отдельных донесениях встречаются и точные цифры. Так, самым пожилым человеком провинции Мадрид являлся 95-летний житель селения Викальваро, а самым молодым — 40-летний респондент из Канильехас. Средний возраст информантов составлял 67 лет⁴⁵.

Еще одной ключевой фигурой при составлении донесения был писец, поскольку своим присутствием он легитимировал весь процесс: фиксировал показания респондентов и ставил свою отдельную подпись после каждого свидетельства. Именно в изложении писцов до нас дошли ответы респондентов, в некоторых случаях с явным отпечатком редакторской правки: сокращениями, литературными вставками и обработками, фразами-клише и ответами-шаблонами, повторяющимися в разных донесениях. Кроме того, писец следил за тем, чтобы ни один из вопросов анкеты не был пропущен при ответе, а также за их правильным толкованием, а в случае возникновений разночтений разъяснял респон-

⁴⁴ Fernández Montes 1997: 217–218.

⁴⁵ Fernández Montes 1997: 218.

дентам их содержание. Примечательно, что иногда сами писцы привлекались в качестве респондентов (Барахос, лос Сантос де Умоса и Вильярехо де Сальванес)⁴⁶. Каждый относительно большой населенный пункт располагал определенным количеством писцов, а жители маленьких селений вынуждены были прибегать к услугам публичных писцов из соседних более крупных селений и городков. Писцы назначались представителями местной власти и имели свои собственные полномочия в рамках консехо, будучи очень активно вовлечены в его дела. Однако несмотря на свое социальное значение, должность писца была самой низкой из всей пирамиды летрадос.

Отдельно в указании к анкете оговаривается вопрос о достоверности показаний: говорится о необходимости подтверждать «точность одних ответов» и отмечать «сомнительность тех, в которых отвечающий не очень уверен». Донесение, таким образом, должно быть «наиболее полное и насколько возможно точное». Свои слова респонденты подтверждали отсылками к авторитету предков или очень немногочисленным письменным свидетельствам. Корона, таким образом, возлагала задачу следить за точностью и правдивостью показаний на самих респондентов и представителей местной власти.

Несмотря на все усилия, которые предпринимались для получения наиболее достоверных данных, тем не менее, следует очень осторожно использовать ту информацию, которая содержит количественные показатели, а также разнообразные повествования о чудесах, легендарных событиях и персонажах, относящиеся к области фольклора и устной памяти. Так, каждый раз при ответе на вопрос о количестве весино, респонденты приводили явно заниженные цифры, которые не соответствовали действительности, что хорошо видно в сравнении с показателями ценза 1591 года. Если сопоставить данные донесений и ценза применительно к 418 населенным пунктам, то количество весино по донесениям составит 104, 612 тыс. (392,295 чел.) и 121, 129 тыс. (454, 234

⁴⁶ Fernández Montes 1997: 214.

чел.)⁴⁷ по цензу соответственно, с коэффициентом роста численности населения 10,1 % на тысячу человек за 1578–1591 годы⁴⁸. Такой скачок населения за 13 лет в аграрном обществе был невозможен, что говорит о занижении показателей численности населения в донесениях на 13–16 %⁴⁹ и объясняется страхом респондентов перед введением нового подушного налога. Кроме неточностей в показаниях респондентов на степень достоверности донесений во многом влияла последующая редакторская правка писца и представителей местной власти, а также наличие шаблонных формулировок.

Анкета затрагивала очень широкий круг вопросов и отражала практически все сферы жизни испанского аграрного общества второй половины XVI века. Для их систематизации исследователи предлагают разнообразные классификации⁵⁰, среди которых одной из наиболее удачных представляется схема Альвара Эскерры⁵¹. Он выделяет следующие группы вопросов: расположение населенного пункта в пространстве и времени (географическое положение, топонимия, сведения о названии, времени основания и основателях, соседние населенные пункты), администрация и юрисдикция (гражданская и церковная юрисдикция, сеньор, привилегии), природные и экономические ресурсы (лесные и водные ресурсы, полезные ископаемые, выращиваемые сельскохозяйственные культуры), религия и культ (церковь, религиозные

⁴⁷ Camacho Cabello 1996: 220.

⁴⁸ Camacho Cabello 1996: 222.

⁴⁹ Camacho Cabello 1996: 223.

⁵⁰ Например, классификация Г. Гарсии-Баделя: вопросы, касающиеся истории (1, 3, 4, 7, 8, 32, 33, 34); географии и топографии (5, 6, 13, 14, 15, 16, 17, 19, 20, 25, 26); сельскохозяйственного производства (18, 22, 23), горнодобывающей промышленности и сырья (24); экономического благосостояния и социальной жизни (2, 30, 35, 37, 43); вопросы здоровья и социального обеспечения (21, 39); обороны и защиты (28, 29); правосудия и властных органов управления (9, 10, 11, 12, 36, 42); объекты, представляющие художественную ценность, и здания культа (31, 38, 39, 40); ярмарки, рынки, народные праздники (57), все остальное из того, что имеет художественную или историческую ценность (55). См.: García-Badell 1948: 56.

⁵¹ Alvar Ezquerro 1993a: 21.

праздники, ордена и братства), необычные и выдающиеся явления (люди, события, природные явления), заброшенные места.

Эта классификация распространяется также и на редакцию 1578 года, содержащую на 12 пунктов меньше, которая является более краткой версией анкеты 1575 года. Такое сокращение вопросов было связано с чисто практическими целями — необходимостью получения донесений от тех населенных пунктов, которые не ответили на анкету 1575 года. Меньшее количество вопросов облегчало процесс составления донесений, делая его менее трудоемким и энергозатратным. Это подтверждают и переработанные версии американских анкет. Кроме того, удаление вопросов, носящих преимущественно фискальный и политический характер, связывается с желанием короны уверить отвечающую сторону в отсутствии у монархии каких-либо притязаний экономического характера на описываемые территории⁵². Примечательно, что сокращение анкеты 1575 года произошло без существенных потерь ее содержательной составляющей (однако порядок вопросов в анкетах не всегда совпадает и зачастую два пункта опросника 1575 г. объединены в один в анкете 1578)⁵³. В анкете 1578 г. были утрачены те вопросы, которые касались привилегий, дворянства, налогов и рент⁵⁴.

Несмотря на все усилия Лопеса де Веласко, направленные на возобновление и расширение деятельности по сбору донесений, инициатива не была поддержана королем, и все

⁵² Arroyo Ilera 1998: 187.

⁵³ Так, пункт 39 анкеты 1575 г. соответствует пункту 2 анкеты 1578 г., пункт 2 анкеты 1575 г. — пункту 3 анкеты 1578 года. Пункты 3 и 8 анкеты 1575 г. объединены в анкете 1578 г. в пункт 4; пункты 20, 21 и 22 (не полностью) объединены в пункт 20 в анкете 1578 года; пункты 27 и 28 — в пункт 24; пункты 48 и 49 — в пункт 38. Казалось бы, новый 39 пункт в анкете 1578 г. на самом деле взят из второй части пункта 48 и первой части пункта 54 анкеты 1575 г. с некоторым дополнением и т.д.

⁵⁴ Такие пункты как 25, 34, 40, 41 (информация о гербе), 44, 45, 47, 50, 54 и 55. Некоторые из них более подробно раскрывают предыдущие пункты анкеты 1575 года, например, пункт 34 анкеты 1575 года, отсутствующий в анкете 1578 г., логически продолжает пункт 33 той же анкеты.

собранные описания отправились в архив Эскориала без какого-либо практического применения. Существует несколько версий, объясняющих отказ от дальнейшей реализации проекта. Во-первых, он мог быть вызван трудностями финансового характера. Несмотря на минимизацию расходов и их перекладывание на плечи жителей населенных пунктов, столь масштабное мероприятие все равно требовало немалых затрат, которые только возрастали по прошествии времени. Кроме того, трудности могли возникать при поиске специалистов для организации процесса сбора донесений: не хватало подготовленных людей⁵⁵.

Во-вторых, Филипп II мог потерять интерес к своему проекту, перестать видеть в нем необходимость и целесообразность (по крайней мере в том формате, который предлагали донесения). Достижение поставленной цели — создание комплексного исторического и географического описания территории Пиренейского полуострова — было теперь возложено на отдельных специалистов⁵⁶. Описательная география отойдет на второй план, освобождая место профессиональной географии, основанной на строгом научном знании, историческая же мысль найдет воплощение в трудах Луиса Кабреры де Кордоба и Антонио де Эррера и Тордесильяс.

Более того, Филипп II очень осторожно относился к написанию современной ему истории и всячески препятствовал историкам, пытающимся получить доступ к необходимым материалам⁵⁷. Свидетельства о делах настоящего или недавнего прошлого, по мнению монарха, должны были оставаться в архивах и ждать будущих исследователей.

⁵⁵ Такую точку зрения разделяет Г. Гарсиа-Бадель. См. García-Badell 1948: 20.

⁵⁶ Начиная с 1582 года, проекты по географическому описанию Испании будут разрабатываться под эгидой Академии математических наук.

⁵⁷ Так, Филипп II отказал Паэсу де Кастро в доступе в королевский архив Симанкаса для написания общей истории его правления. Единственное исключение Филипп II сделал в 1567 г. для Суриты, разрешив ему доступ к материалам, связанным исключительно с дальним прошлым Арагона. Kagan 2010: 153–154.

В-третьих, собранные описания, хоть и структурированные в соответствии с пунктами анкеты, но имеющие явный личностный отпечаток, с трудом поддавались систематизации и быстро устаревали. Отправленные в архив, донесения, тем не менее, обретут новую жизнь в XVIII в. при разработке анкеты для Кадастра Энсенады (1749 г.)⁵⁸ и при составлении анкеты для историко-географического словаря Томаса Лопеса (1798 г.)⁵⁹.

Перевод с испанского языка выполнен по изданию: Campos y Fernández de Sevilla 2003. P. 453–468.

Автор выражает благодарность за консультации по переводу М.Е. Кабицкому и С.И. Пискуновой.

ПИСЬМО, ИНСТРУКЦИЯ, ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА И АНКЕТА 1575 ГОДА

Письмо

Король.

Как ныне стало понятно, до сих пор нет и не сделано подробного описания городов и селений наших королевств, подобающего их величию и достоинству, [посему] мы повелеваем, чтобы такое описание было сделано, равно как и отчет о том, что в них есть особенного и замечательного. И поскольку, если бы мы стали посылать особых посланцев собирать сведения, необходимые для названного дела, оно бы затянулось надолго, то мы сочли, что все это можно было бы сделать достоверно, безотлагательно и с большей точностью при помощи священнослужителей, коррехидоров⁶⁰ и мест-

⁵⁸ Camarero Bullón 2002: 61–88.

⁵⁹ Vallina Rodríguez, Konyushikhina 2017: 39–62.

⁶⁰ Коррехидоры — представители короля в нескольких десятках самых крупных городов кастильского королевства, назначаемые Советом по делам Кастилии. Институт коррехидоров появился в XIV в. при Альфонсо XI, однако его консолидация произойдет только в 1480 году. К 1494 году существовало 54 коррехимьенто (территория Кастилии, входящая в юрисдикцию коррехидора). Во время правления Филиппа II их число достигло 66. Иногда один коррехидор объединял под своей

ных властей, а не иными способами. Посему, вместе с этим письмом вы получите нижеследующую памятную записку. Мы приказываем и повелеваем вам в соответствии с ней распорядиться, чтобы консехо⁶¹ и местные власти всех населенных пунктов, попадающих под юрисдикцию вашего города, а также и тех, которые в нее не входят, были досконально осведомлены о содержимом указанной памятной записки и сделали на сей счет специальное донесение. И обя-зуйте их с особой настойчивостью всенепременно предста-вить донесение, и пусть каждый сообщает о том, что именно его касается, в наиболее полном, четком и достоверном виде и столь быстро, сколь представляется возможным. И по мере того, как указанные донесения будут к вам поступать, от-правляйте их напрямую к Хуану Васкесу де Саласар, нашему секретарю, чтобы не тратить на этом времени. В ожидании ваших сообщений и отчетов об исполнении указанного.

Подписано в Пардо⁶² 27 октября 1575.

властью два или даже три города, расположенные недалеко друг от друга. Полномочия коррехидоров были очень широкими: они занимались гражданскими, уголовными и административными делами, участвовали в сессиях консехо, представляя интересы короля, и координировали его работу. Коррехидор, таким образом, был ключевой фигурой между центральной властью и муниципальными органами. См. González Alonso 1970; Sánchez-Arcilla Bernal 1995: 134; Rodríguez García, Castillo Soto 1998: 8. Ведюшкин 2011: 452–453.

⁶¹ Города, местечки и сельские поселения подчинялись королевской или сеньориальной юрисдикции и не имели собственных публичных органов управления. Тем не менее здесь существовала практика общинных собраний. Эти собрания трансформируются в консехо, появление которых знаменует собой приобретение городами и поселениями автономии внутреннего управления (Варьяш 2011: 417). Консехо обладал особым статусом и привилегиями и был наделен полномочиями вершить власть в городе и приписанной к нему округе. В отечественной традиции принято использовать это слово в транслитерации, а не в переводе (Попова 2015: 394).

⁶² Строительство королевского дворца Эль-Пардо, находящегося в 15 км от Мадрида, было окончательно завершено во время правления Филиппа II, который использовал его в качестве своей охотничьей резиденции.

Инструкция и памятная записка

Инструкция и памятная записка об организации сего дела и о донесениях, которые должны быть сделаны и посланы Его Величеству для составления Описания и Истории испанских городов и селений, которые он повелевает создать для славы и возвышения этих королевств.

Первым делом, пусть губернаторы⁶³, коррехидоры и все прочие представители власти, а также лица, к которым обращено послание Его Величества, повелят тут же составить список населенных пунктов, попадающих под их юрисдикцию, вместе с теми, которые под нее не попадают (те, что именуются вильями⁶⁴), обозначив их, и направить все это Его Величеству.

И пусть поручат двум или более лицам, живущим в этих городах и селах, любознательным и ученым, чтобы они составили о них донесение, наиболее полное и насколько возможно точное, следуя порядку расположения глав в этой инструкции и памятной записке, даже если таковая была сделана церковными властями и послана ими, со своей стороны.

И пусть отправят в каждое селение и консехо своей юрисдикции напечатанные инструкцию и памятную записку из тех, что они сами уже получили, распорядившись, чтобы указанные консехо тут же назначили двух или более лиц из

⁶³ Должность губернатора появилась во время правления Энрике IV в виду необходимости предотвращения беспорядков, спровоцированных локальными конфликтами. Главная функция губернатора, таким образом, сводилась к поддержанию порядка на местах. Обладая большим авторитетом и подчиняясь непосредственно королю, губернаторы начали сталкиваться с коррехидорами, наделенными схожими полномочиями. Впоследствии институт коррехидоров поглотит институт губернаторов. Тем не менее, система губернаторства получит широкое распространение в Индиях (Sánchez-Arcilla Bernal 1995: 114).

⁶⁴ Вилья (исп. *villa*) — тип поселения, который сочетал черты городского и сельского поселения. Вилья могла представлять собой как довольно крупный город, так и средний или небольшой городок. В русском языке нет однозначного эквивалента исп. *villa*, поэтому при переводе слово передается в русской транскрипции. В XVI веке многие вильи, ранее находившиеся в сеньориальном владении, приобретают независимость.

наиболее осведомленных о том, что касается положения дел в селении и прилегающих к нему землях, и, чтобы вместе они составили донесение о нем, в соответствии с порядком и расположением глав этой инструкции и памятной записки. И как только донесение будет составлено, пусть они отправят его обратно без промедления вместе с этой инструкцией для того, чтобы его потом вместе со всеми остальными переслали Его Величеству.

И пусть селения и вилы, не подлежащие их юрисдикции, сходным образом отправят своим властям наряду с данной инструкцией копию письма Его Величества, обязуя их как можно быстрее составить донесения о своих селениях и деревнях, входящих в их юрисдикцию, если таковы имеются. И составленные согласно вышесказанному, они должны быть отправлены обратно вместе с напечатанными указаниями, полученными ранее.

И по мере того, как губернаторы и другие лица будут собирать указанные донесения, пусть отправляют их Его Величеству вместе с напечатанными указаниями, каковы им были посланы, если только их не надо будет отправлять в другие места.

Пусть лица, которым поручено составить подробное донесение по каждому из селений, ответят на вопросы нижеследующей памятной записки или на иные с ней связанные в соответствии со следующим порядком:

Сначала на отдельном листе пусть поставят название составляемого ими донесения: день, месяц и год, с именами составителей и именем священнослужителя или коррехидора, или какого-либо другого лица, от которого получена эта инструкция.

Внимательно прочитав первую главу указанной памятной записки и осмыслив, что нужно сообщить о том или ином селении, пусть они напишут каждый от себя, что знают в отдельной главе. И написав, снова прочитают главу, которой соответствует ответ, чтобы посмотреть, не осталось ли чего, что еще можно добавить. И затем перейдут ко второй главе, и, прочитав ее как первую, если есть что сказать по ней, напишут следующий ответ. И если нет, то пропустят ее и

перейдут к третьей и таким же образом к четвертой и к остальным, пока не прочитают их все, указывая в начале каждой записываемой главы цифру, которая стоит на полях у каждой главы этой памятной записки, чтобы было понятно, на какую главу дается ответ. А прочие вопросы, о которых нечего сказать, следует пропустить без всякого упоминания.

Отвечать во всем следует кратко и ясно, подтверждая точность одних ответов и отмечая сомнительность тех, в которых отвечающий не очень уверен, чтобы никакая сомнительная вещь не была воспринята как точная, и чтобы все ответы четко отделялись друг от друга.

Анкета

1. Сначала объявляется и говорится название селения, о котором составляется донесение; как оно сейчас называется, и почему оно так названо; и называлось ли раньше по-другому, а также почему оно так называлось, если известно.

2. Старинное ли это селение или новое, и когда основано, и кто был основателем, и когда оно было отвоевано у мавров или что об этом известно.

3. Город ли это, вилья или деревня, и если это город или вилья, то с какого времени, и как именуется; и если это деревня, то в юрисдикцию какого города или вильи она попадает.

4. Королевство, к которому обычно причисляют указанное селение, иными словами, попадает ли оно в королевство Кастилия, Леон, Галисия, Толедо, Гранада, Мурсия, Арагон, Валенсия, Каталония или Наварра, и в какую именно провинцию входит или комарку⁶⁵, как например, Тьерра де Кампос, Риоха, Алькаррия, Ла Манча и прочие.

⁶⁵ Под комаркой понималась особая зона внутри государственного образования, жители которой осознавали свою взаимосвязь, основанную на общности места проживания, хозяйственной деятельности и интересов. Пределы комарки не всегда совпадали с формальными границами провинции или королевства, чаще они соответствовали границам сеньорий (Юрчик 2005: 240).

5. И если это селение, которое находится на границе какого-нибудь чужеземного королевства, то как далеко оно расположено от границы и есть ли с ним какое-то сообщение. [Добавлено почерком того времени: или порт, или таможня, которая собирает пошлины.]

6. Герб, который имеет указанное селение, если он есть, и почему оно его получило, если что-то известно.

7. Сеньор, владеющий селением, будь то король или какой-либо его подданный или же один из орденов — Сантьяго, Калатрава, Алькантара или Сан Хуан, или же это бегетрия⁶⁶, и почему, и когда оно было отчуждено от короны и попало во владение того хозяина, которому принадлежит, если об этом есть какие-то сведения⁶⁷.

8. Если селение, о котором составляется сообщение, является городом или вильей, следует указать, имеет ли оно голос в кортесах, а если нет, то какой город или вилья его представляет, и где собираются хунты⁶⁸ или консехо и как разделяются полномочия.

9. Канцелярия⁶⁹, в расположении которой находится то или иное селение, и где происходят суды при наличии апел-

⁶⁶ Бегетрия может рассматриваться как разновидность сеньориального владения, получившее распространение во времена Реконкисты, при котором ее жители свободно выбирали себе сеньора из какого-то определенного рода (Valdeavellano 1973: 522). И.В. Луцицкий понимал под бегетрией разновидность крестьянской общины. М.М. Ковалевский образно сравнивал ее с «казацкой вольницей» на Руси (Луцицкий 1882; Пичугина 1965; Корсунский 1976: 73–76; 118–125; Пичугина, Попова 2012: 250).

⁶⁷ О церковных землях отдельно не спрашивается, но церковное землевладение подразумевается в том числе под формулировкой «какой-либо другой его подданный».

⁶⁸ Слово «хунта» здесь употребляется в значении «собрание».

⁶⁹ Канцелярия — высший судебный орган власти на территории Пиренейского полуострова. На момент составления донесений их было две: в Вальядолиде (разбирала дела, относящиеся к территории к северу от Тахо) и в Гранаде (к югу от Тахо, до 1505 г. находилась в Сьюдад Реале). Приговоры, выносимые канцелярией, были окончательными и только в очень тяжелых случаях отправлялись в Совет по делам Кастилии. В ее составе выделилось несколько палат: четыре палаты, занимавшиеся гражданскими делами, палата по уголовным делам, палата по делам идальго и палата по делам страны

ляции, и расстояние в лигах от указанного селения до местонахождения указанной канцелярии.

10. В округ какого губернатора, коррехидора, алькальда⁷⁰, мерино⁷¹ или аделантадо⁷² попадает указанное селение,

басков. Наряду с канцеляриями существовали аудиенсии, стоявшие ниже по рангу и обладающие меньшей компетенцией (Ведюшкин 2011: 450–451; Valdeavellano 1973: 567).

⁷⁰ В структуре местного управления и судопроизводства алькальды играли одну из ключевых ролей, в том числе входили в руководящий состав консехо. Выделялись главные алькальды (*alcalde mayor*) — два представителя из летрадов, которые ассистировали коррехидору в осуществлении правосудия, один — специалист по гражданскому праву, а второй — по уголовному. Ординарный алькальд (*alcalde ordinario*) — муниципальный служащий, с правом осуществления гражданской и уголовной юстиции, выбираемый сообществом жителей. В XIII–XIV вв. также появляются королевские алькальды, представляющие интересы короля на местах. Впоследствии они будут вытеснены коррехидорами (Ведюшкин 2011: 454; Rodríguez García, Castillo Soto 1998: 7–8).

⁷¹ Мерино — администратор и майордом крупных королевских владений, который осуществлял управление этими территориями, распределял ренты и налоги, а также оказывал услуги графам и потеста. Меринос подчинялись главному мерино, должность которого появилась в конце XI века. В обязанности главного мерино входило управление мериндадами — округами, входящими в его юрисдикцию, сбор налогов, сеньориальных податей и военных повинностей, осуществление судопроизводства. Мериндады сложились преимущественно на территории Леона, Кастилии, Галисии, Арагона и Наварры. Постепенно они были вытеснены институтом аделантадо (Варьяш 2011: 416–417; Valdeavellano 1973: 503–507).

⁷² Изначально аделантадо — должность военного управляющего областями, находящимися на границе с мусульманскими территориями, появилась во времена правления Альфонсо X. Аделантадо имел схожие с мерино функции, но стоял выше по иерархии, поскольку в отличие от мерино осуществлял высшую военную власть. В обязанности аделантадо также входило следить за сбором королевского налога, осуществлять судопроизводство, обеспечивать порядок на подвластной территории — аделантамьенто, в большинстве своем сложившиеся в Кастилии, Леоне, Галисии, Астурии, Мурсии и Андалусии. К началу XV в. должность аделантадо вытесняет мерино, а при католических королях практически исчезает, сохраняясь в некоторых случаях как почетный титул (Valdeavellano 1973: 508–510; Rodríguez García, Castillo Soto 1998: 6).

и если это деревня, то сколько лиг до города или вильи, под чьей юрисдикцией оно находится.

11. Также архиепископство, епископство, аббатство или архипресвитериат⁷³, к которому относится указанное селение, и сколько лиг до селения, где находится собор или которое является центром округа.

12. И если это селение какого-либо из орденов Сантьяго, Калатравы, Алькантары или Сан Хуана, пусть укажут приорат и округ, к которому относится указанное селение.

13. Сходным образом, следует указать название первого селения к востоку от места, о котором составляется донесение, и сколько лиг до него, указав приблизительно, находится ли вышеупомянутое селение прямо на востоке, или же с виду лежит чуть-чуть в сторону и в какую; и обычные ли это лиги, большие или маленькие и прямым ли путем или окольным.

14. Далее следует указать название первого селения к югу от места, о котором составляется сообщение, и сколько лиг до него, и большие ли они или маленькие, и прямым ли путем или кривым, и находится ли вышеупомянутое селение прямо на юге или же с виду лежит чуть-чуть в сторону и в какую.

15. И сходным образом, следует указать название первого селения к западу от места, о котором составляется сообщение, и сколько лиг до него, и большие ли они или маленькие, и прямым ли путем или нет, и находится ли вышеупомянутое селение прямо на западе или нет, как было сказано в предыдущих главах.

16. И то же самое следует сказать о первом селении к северу, указывая его название и расстояние в лигах до селения, о котором составляется сообщение, и большие ли они или маленькие, и прямым ли путем, и находится ли вышеупомянутый населенный пункт прямо на севере или нет; все, как было сказано в предыдущих главах.

⁷³ Архипресвитериат — приход, во главе которого стоял архипресвитер. Иногда также назывался деканат или архидиакона́т (Казбекова 2001: 581).

17. Что можно сказать о земле, на которой расположено это селение: холодная ли она или теплая, равнинная или гористая, плоская или бугристая и каменистая, здоровая или больная.

18. Достаточно ли в этой земле древесины или ее не хватает, и откуда ее берут; а ежели это лесная местность, то какие деревья там растут, и какие животные, какая дичь и иные дикие звери там водятся.

19. Если селение находится в горах, то как называются горы, на которых оно расположено, или ближайшие от него, и на каком расстоянии они находятся, и с какой стороны от селения, и где они начинаются, и куда тянутся.

20. Названия рек, которые протекают через указанное селение или около него, и как далеко, и с какой стороны они протекают, и насколько они большие и многоводные.

21. Возделываемые земли на берегах рек, сады, орошаемые земли с фруктами и другими плодами, которые там собирают, и рыба, которая в этих реках водится, и рыбные промыслы, и их хозяева, и владельцы этих промыслов, и то, какую ренту все это приносит.

22. Ветряные и водяные мельницы, и корабли, и примечательные мосты, которые есть на этих реках, и в их окрестностях, и как их используют и чьи они.

23. Достаточно ли здесь воды или ее не хватает, и примечательные источники или озера, которые есть в указанном селении и его окрестностях; и, если нет ни рек, ни источников, откуда берут питьевую воду и где производят помол.

24. Примечательные луга, которые имеются в округе вышеупомянутого селения, с лесами и охотничьими угодьями и особыми местами для рыбной лови, и чьи они, и сколько они стоят.

25. Здания энкомьенд⁷⁴, загородных домов и других примечательных владений, которые находятся в пределах территории этого селения, общественных или частных.

⁷⁴ Энкомьенда (исп. *encomienda*) — одна из форм сеньории, которая подразумевала отдачу тех или иных владений, поселений, монастырей, замков под защиту лиц, располагающих достаточной властью,

26. И если это пахотная земля — что на ней преимущественно сеют и какие урожаи она приносит, и какой скот там выращивают, и что обычно берут в качестве десятины, и какова цена этой десятины, и чего там более всего не достает, и откуда берут недостающее.

27. Есть ли там золотые и серебряные рудники, железная руда, медь, свинец, ртуть и другие цветные металлы, и минералы.

28. Соляные копи, имеющиеся на земле указанного селения, и месторождения яшмы, мрамора и других ценных камней.

29. И если селение приморское, то как далеко или близко оно находится от моря, и положение береговой линии, крутой ли берег или пологий, и рыба, которую там ловят.

30. Имеющиеся порты, бухты и пристани, с указанием их ширины и длины, с сообщением о подходах к берегу, их глубине и безопасности, как они обеспечены водой и дровами.

31. Оборонительные сооружения, имеющиеся в этих портах для обеспечения их безопасности, а также пирс и верфь.

32. Место и положение поселения, расположено ли оно на возвышенности или в низине, на равнине или в горах; и, если вокруг него возведены ограждения и стены, из чего они сделаны.

33. Замки, башни и крепости, которые есть в селении и в пределах его юрисдикции, и материалы, из которых они построены, с сообщением об имеющихся в них оружии и боеприпасах.

34. Коменданты крепостей и замков, и кто ими владеет, и какой доход приносит должность коменданта, их жалованье и довольствие, и привилегии, которые они имеют.

35. Виды домов и зданий, которые преобладают в селении, из каких материалов они сделаны и как построены, и отсюда ли эти материалы или привозные.

— короля, магнатов, орденов (Корсунский 1976: 151; Rodríguez García, Castillo Soto 1998: 69). В XVI веке под энкомьендой понималась орденская сеньория, доходами с которой пользовался командор ордена.

36. Особо важные здания, которые есть в селении, остатки древних построек, эпитафии и надписи, и древности, о которых есть сведения.

37. Славные дела и все, достойное памяти, хорошее или плохое, что произошло в указанном селении и в его окрестностях, и поля, горы и другие места, названные в честь битв, хищений или погибших, и другие примечательные вещи, которые там случились.

38. Лица, особо проявившие себя в воинском деле или в ученых занятиях, или в каких-либо других добрых или дурных делах, случившихся в этом селении, в нем родившиеся или из него вышедшие со всем тем, что об их делах и речах известно, а также другие памятные истории, которые в этих селениях случались.

39. Количество домов и весино⁷⁵, проживающих в указанном селении, и, если их прежде было больше или меньше, и причина, по которой их число сократилось.

40. Все ли весино землепашцы, или часть из них идальго, и количество идальго, живущих в настоящее время, и какими привилегиями, и льготами они обладают.

41. Майораты, которые есть в указанном селении, дома и родовые домовладения, которые есть в селении, и гербы, которые они имеют, и по какой причине, если об этом возможно что-то узнать.

42. Бедны ли или богаты жители указанного селения, доходы от сельского хозяйства, торговли и занятий, с которых они живут, и все, что там изготавливают и делают, или прежде делали лучше, чем в других местах.

43. Церковное и светское правосудие в данном селении, и кто его отправляет, и есть ли в управлении и администрации суда какое-либо отличие от того, как происходит судопроизводство в других местах.

⁷⁵ Весино (исп. *vecino* — житель, сосед) — статус полноправного члена общины (Попова 2015: 402). Под весино часто подразумевался глава одной нуклеарной семьи. С.А. Прокопенко предложил в качестве русского эквивалента исп. *vecino* рус. «двор» или «очаг» (Прокопенко 2002: 56). *Vecino* также можно перевести как «дом» или «домохозяйство».

44. Исполнители церковного и светского суда в указанном селении, и число рехидоров⁷⁶, альгвасилов⁷⁷ и писцов, и прочих должностных лиц консехо, и жалованье, и довольство, который каждый из них имеет.

45. Собственные земли указанного селения, и общинные, и коронные земли, которыми они пользуются и ренты, и доходы, которые принадлежат именно этому селу и какова их стоимость.

46. Привилегии, фуэро⁷⁸ и достопамятные обычаи, которые есть у этого селения и были раньше, и причина, по которой они были ему дарованы, если известно, и из этого то, что они сейчас соблюдают, либо перестали соблюдать, и почему не соблюдают, и с какого времени.

47. Если это селение входит в сеньорию⁷⁹, пусть будет сказано, находится ли оно под юрисдикцией сеньора или нет,

⁷⁶ Рехидоры — члены кастильской муниципальной администрации, которые осуществляли функции управления и правосудия. Число рехидоров варьировалось от 2 до 12, но в крупных городах их могло быть в разы больше. Подчинялись коррехидору (Ведюшкин 2011: 454; Rodríguez García, Castillo Soto 1998: 123).

⁷⁷ Альгвасилы — так же как и рехидоры являлись представителями местного самоуправления и членами консехо. Подчинялись коррехидору и выполняли полицейские функции (Ведюшкин 2011: 454; Rodríguez García, Castillo Soto 1998: 123).

⁷⁸ Термин «фуэро» означает правовую норму или совокупность норм, применяемых в отношении какого-либо лица, группы лиц или на определенной территории, а также документ, где эти нормы записаны. Фуэро возникают уже в VIII–IX вв. и в ходе Реконкисты постоянно видоизменяются, расширяются, превращаясь из коротких грамот, содержащих три-четыре рубрики, в огромные кодексы, всесторонне фиксирующие «народные законы и обычаи» (Червонов 2018: 14).

⁷⁹ Сеньория (исп. *señoría*) — совокупность земельных владений, переданных королем в управление и/или собственность представителям высшего сословия, с правом осуществления юрисдикции, публичной и судебной власти, сбора рент и других полномочий на данной территории. Сеньории были разных типов: территориальные (сеньоры являлись собственниками земли), юрисдикционные (сеньор не являлся собственником земли, но имел иммунитет), смешанные (сеньор являлся собственником и одновременно право юрисдикции). В зависимости от индивидуального владения или коллективного, светского или церковного, сеньории также подразделялись на разные типы:

и ренты, и довольства, и привилегии, и преимущества, которыми обладают в указанном селении упомянутые сеньоры или какие-либо другие частные лица.

48. Соборная или коллегиальная церковь в указанном селении и приходские церкви⁸⁰, с кратким сообщением о капеллах⁸¹ и захоронениях, и наиболее значительных рентах на их содержание, которые там имеются [и кому они посвящены].

49. Пребенды⁸² и каноникаты⁸³ в соборных и коллегиальных церквях, с указанием того, какой доход они приносят.

50. Архипресвитерияты, куратные бенефиции и синекуры⁸⁴ со всем тем, что к ним относится в приходских церквях, и какой доход они приносят.

реаленго (принадлежавшие королю), абаденго (принадлежавшие епископальным центрам и монастырям), соларьего (во владении светских магнатов), маэстрасго (принадлежавшие военным орденам), инфантасго (владения инфанта или сына короля), бегетрия, энкомьенда (Варьяш 2011: 417; Valdeavellano 1973: 522). В XVI веке число сеньорий резко увеличилось.

⁸⁰ Приход (исп. *parroquia*) — территориальный округ, который являлся частью диоцеза, но с собственной организацией. В течение Средних веков parroquias перестали быть просто церковными маркерами территории и превратились в административные границы муниципий, став основой организации локального управления, а также инструментом самоидентификации той или иной социальной группы (Rodríguez García, Castillo Soto 1998: 107).

⁸¹ Капелла (исп. *capilla*) могла представлять из себя молельню, специально оборудованное богослужбное помещение, сооружение, где хранились особо почитаемые реликвии, а также небольшое богослужбное здание при дворцах и домах светских и духовных сеньоров (Мереминский 2012: 530–532).

⁸² Пребенда (исп. *prebenda*, иначе — *beneficia*) — разновидность церковного бенефиция, под которым подразумевался постоянный доход духовных лиц в виде рент, земельных владений, домов, доходов от церкви (Тимашов 2007: 1731).

⁸³ В оригинале *calongias* и *dignidades*.

⁸⁴ Здесь под бенефициями подразумеваются церковные должности, с которыми были связаны права священнослужителей на недвижимые имущества и доходы с них. Они делились на высшие (епископские) и низшие (священнические) и, смотря по тому были ли они соединены с управлением духовной паствой или нет, на куратные бенефиции (*beneficia curata*) и не куратные, или синекуры (*beneficia non curata, sinecura*). См.: Казбекова 2002: 617–619.

51. Примечательные реликвии в этих церквях и селениях, и всем известные отшельнические скиты и культы святых в их юрисдикции, и чудеса, которые там произошли⁸⁵.

52. Праздники воздержания, и постные и мясопустные дни, которые жители села соблюдают по особому обету, помимо церковных, и их причины, и истоки появления⁸⁶.

53. Мужские и женские монастыри, и обители блаженных, которые имеются в селении и на его землях, вместе с тем, что известно об их основателях, о количестве их насельников и получаемых ими доходах.

54. Больницы и богоугодные заведения, которые есть в указанном селении, и ренты, которые они получают и сколько стоит их содержание, и их учредители.

55. Если через селение проходит королевская дорога, то какие доходы это приносит, кто их получает и какова их стоимость.

56. Местоположение покинутых селений и мест, и их названия, и причина, почему они обезлюдели.

57. И наконец, все остальное, примечательное и достойное того, чтобы о нем знали, касательно истории и описания указанного селения, даже если оно не было ни запрошено, ни записано в этой памятной записке. [И расстояние между этим селением и ближайшими к нему, и имеют ли они свое

⁸⁵ В Испании существовал культ мощей и реликвий. Главенствующую роль в христианском «пантеоне» занимал Иисус, затем — Богоматерь, далее следовали локальные святые. Диапазон объектов поклонения был очень широк, это могло быть тело святого целиком, если оно сохранилось, но чаще какая-либо его часть — от головы до пальца ноги. Одним из главных признаков подлинной святости являлась нетленность останков, еще одним признаком — чудеса, совершенные мощами (Федосов 2013: 46, 49).

⁸⁶ Католическая церковь четко определяла список дней, по которым верующим строжайшим образом запрещалось работать и подобало отстоять полную мессу. Таких дней было 70. Кроме того, было выделено 26 праздников меньшего значения, однако все равно требовавших обязательного присутствия на мессе. В честь одной только Богоматери в течение года устраивалось более десятка праздников. К этому списку надо добавить торжества в честь определенных чинов Богоматери (Федосов 2009: 330).

управление или нет. И количество весино и все другое, в согласии с этой памятной запиской].

Как только донесение будет сделано, пусть его от своего имени подпишут лица, которые его составляли. И затем, без промедления, пусть они передадут его или отправят вместе с этой инструкцией и памятной запиской тому лицу, которое их отослало для того, чтобы его вместе со всеми остальными донесениями, которые будут сделаны, отправили Его Величеству.

[Далее в оригинале следуют шесть рукописных строк, которые, по мнению Ф.Х. Кампоса и Фернандеса де Севилья, написаны А. Грасианом, секретарем Филиппа II. Имеются в виду приведенные ниже 58 и 59 пункты анкеты — *Н. К.*]

[58] Также в донесении о каждом селении пусть будут названы принадлежащие сеньориям или орденам населенные пункты, которые находятся в его округе, и чьи они, и приблизительное количество весино, с какими-либо их примечательными особенностями, если известно.

[59] Ярмарки и рынки указанного селения, насколько они большие и богатые, и являются ли они свободными во всем или только кое в чем; в какие дни они проводятся, кто их разрешил, и с какого времени, и с какими привилегиями.

ПИСЬМО, ИНСТРУКЦИЯ, ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА И АНКЕТА 1578 ГОДА

Письмо

Король.

Наш (здесь указывается титул коррехидора или губернатора, или кого-либо другого, к кому адресовано обращение) или ваш заместитель на указанной должности: Вы уже знаете, как нам стало понятно, что до сих пор нет и не сделано подробного описания городов и селений наших королевств, подобающего их величию и достоинству, мы повелили, чтобы такое описание было сделано, равно как и отчет о том, что в них есть особенного и замечательного.

И поскольку, если бы мы стали посылать особых посланцев собирать сведения, необходимые для названного дела, оно бы затянулось надолго, мы сочли, что все это можно было бы сделать достоверно, безотлагательно и с большей точностью при помощи священнослужителей, коррегидоров и местных властей. Мы повелели написать вам и отправить в письме от 27 октября прошлого 1575 года некую памятную записку, поручив вам, чтобы в соответствии с ней, вы распорядились о том, чтобы консехо и местные власти всех населенных пунктов, попадающих под юрисдикцию вашего округа, а также и тех, которые в нее не входят, были досконально осведомлены о содержимом указанной памятной записки и сделали на сей счет специальное донесение. И обяжите их с особой настойчивостью всенепременно представить донесение, и пусть каждый сообщает о том, что именно его касается, в наиболее полном, четком и достоверном виде и столь быстро, сколь представляется возможным. И по мере того, как указанные донесения будут к вам поступать, отправляйте их прямым Хуану Васкесу де Саласар, нашему секретарю. Вот продолжение того письма, о котором шла речь. Поскольку предполагается, что вы уже начали составлять описания и отправлять донесения с ответами на вопросы, содержащиеся в памятной записке, которые прилагаются к этому письму для того, чтобы дело было закончено и продолжено как подобает, будет необходимо составить донесения из тех мест, где они еще не были сделаны. Посему, мы вам поручаем и приказываем проследить, в каких селениях вашей юрисдикции, в том числе в тех, которые стали вильями и не входят в нее, донесения не были составлены, а также в тех, которые принадлежат сеньориям, так и в тех, которые находятся внутри пределов вашей юрисдикции и в соседних с ними, и пусть оные будут составлены, согласно памятной записке и инструкции, которые по приказанию отправляются еще раз вместе с нижеследующей. И обяжите местные власти и консехо с особой настойчивостью всенепременно представить донесение, и пусть каждый сообщает о том, что именно его касается, в наиболее полном, четком и достоверном виде и столь быстро, сколь представляется

возможным. И по мере того, как указанные донесения будут к вам поступать, отправляйте их нам, согласно тому, что было написано в указанном письме. В ожидании ваших сообщений и отчетов об исполнении указанного.

Из Сан-Лоренсо, 7 августа 1578 года.

Я Король.

Инструкция и памятная записка

По приказанию Его Величества, Хуан Васкес.

Инструкция и памятная записка о донесениях, которые должны быть сделаны и посланы Его Величеству для составления Описания и Истории испанских городов и селений, которые он повелевает создать для славы и возвышения этих королевств.

Первым делом, пусть специально назначенные посланники и лица, которым уже было поручено это дело, назначат двух или более человек, любопытных и ученых, живущих в этих городах и селах, чтобы они составили о них донесение, наиболее полное и насколько возможно точное, следуя порядку расположения глав в этой инструкции и памятной записке.

И пусть для составления указанного описания специально назначенные посланники отправят в каждое селение и консехо, как в те, которые входят в их юрисдикцию, так и в те, которые в нее не входят, будучи вильями, и во все селения сеньории, какие бы они ни были, входящие в пределы их юрисдикции, пограничные или соседние с ней, инструкцию и нижеследующую памятную записку, и пусть распорядятся, чтобы указанные консехо от имени Его Величества назначили тут же двух или более лиц из наиболее осведомленных о том, что касается положения дел в селении и прилегающих к нему землях, и, чтобы вместе они составили донесение о нем, в соответствии с порядком и расположением глав этой инструкции и памятной записки. И как только донесение будет составлено, пусть они отправят его обратно вместе с этой инструкцией.

И так поскольку нет необходимости составлять в одном селении вышеупомянутое донесение более одного раза, если где-нибудь, где оно уже было сделано, его снова востребуют, то пусть отправят специальному посланнику или посланникам, его требующим, подтверждение и свидетельство о том, что оно уже было сделано и отправлено тому, кто его просил. А если два уполномоченных или более, каждый со своей стороны, попросят донесение у селения, где оно не было сделано, то следует отправить донесение тому, кто его первый попросил, а остальным надо предоставить свидетельство и подтверждение того, что оно уже было сделано и отправлено тому, кто его первый востребовал.

И по мере того, как упомянутые посланники будут собирать указанные донесения или свидетельства и подтверждения того, что они уже были составлены, пусть отправляют их Его Величеству вместе с напечатанными указаниями, если только не нужно будет отправить их в другие места.

Пусть лица, которым поручено составить подробное донесение по каждому из селений, ответят на вопросы нижеследующей памятной записки или на иные с ней связанные в соответствии со следующим порядком:

Сначала на отдельном листе пусть поставят название составляемого ими донесения: день, месяц и год, с именами составителей и именем уполномоченного, или лица, от которого была получена эта инструкция.

И внимательно прочитав первую главу указанной памятной записки, и осмыслив, что нужно сообщить о том или ином селении, в соответствии с ней, пусть напишут каждый от себя, что знают в отдельной главе и затем снова прочитают ту же самую главу, чтобы удостовериться, не осталось ли чего, что еще можно добавить, и, не найдя такового, перейдут ко второй главе, и, прочитав ее как первую, если есть что сказать по ней, напишут следующий ответ.

И если нет, то пропустят ее и перейдут к третьей и таким же образом к четвёртой и к остальным, пока не прочитают их все, указывая в начале каждой главы цифру, которая стоит на полях этой памятной записки, чтобы было понятно, на какую главу даётся ответ, не пересказывая ее содержания.

Отвечать во всем следует кратко и ясно, подтверждая точность одних ответов и отмечая сомнительность других, так, чтобы обо всем была сказана правда, которая необходима для создания описания и истории селений, и это именно то, чего требует настоящее дело, без какого-либо другого умысла, кроме как узнать о всем значительном и примечательном, чем селения могут гордиться для написания их истории.

Анкета

1. Сначала объявляется и говорится название селения, о котором составляется донесение; как оно сейчас называется, и почему оно так названо; и называлось ли раньше по-другому.

2. Количество домов и весино, проживающих в указанном селении, и, если их прежде было больше или меньше, и причина, по которой их число сократилось или продолжает расти.

3. Старинное ли это селение или новое, и когда основано, и кто был его основателем, и когда оно был отвоёвано у мавров или что об этом известно.

4. Город ли это или вилья, с какого времени, и имеет ли голос в Кортесах, или какой город или вилья представляет это селение, и земли, попадающие под его юрисдикцию; и если это деревня, то в юрисдикцию какого города или вильи она входит.

5. Королевство, к которому обычно причисляют указанное селение, иными словами, попадает ли оно в королевство Кастилия, Леон, Галисия, Толедо, Гранада, Мурсия, Арагон, Валенсия, Каталония или Наварра, и в какую именно провинцию входит или комарку, как например, Тьерра де Кампос, Риоха, Алькаррия, Ла Манча и др.

6. И если это селение, которое находится на границе какого-нибудь чужеземного королевства, то как далеко оно расположено от границы и есть ли с ним какое-то сообщение, или порт, или таможня.

7. Герб, который имеет указанное селение, если он есть, и почему оно его получило, если об этом что-то известно.

8. Сеньор и владелец селения, будь то король или какой-либо его подданный или же один из орденов Сантьяго, Калатрава, Алькантара или Сан Хуан, или же это бегетрия, и когда, и как оно попало во владение того хозяина, которому принадлежит, если об этом есть какие-то сведения.

9. Канцелярия, в расположении которой находится то или иное селение, и где происходят суды при наличии апелляции, и расстояние в лигах от указанного селения до местонахождения указанной канцелярии.

10. В округ какого губернатора, коррехидора, алькальда, мерина или аделантадо попадает указанное селение, и если это деревня, то сколько лиг до города или вильи, под чьей юрисдикцией оно находится.

11. Также архиепископство, епископство, аббатство или архипресвитерият, к которому относится указанное селение, и сколько лиг до селения, где находится кафедральный собор, и до центра округа.

12. И если это селение какого-либо из орденов Сантьяго, Калатравы, Алькантары или Сан Хуана, пусть укажут приорат и округ, к которому относится указанное селение.

13. Сходным образом, следует указать название первого селения к востоку от места, о котором составляется донесение по времени указанного донесения, и сколько лиг до него, указав приблизительно, находится ли вышеупомянутое селение прямо на востоке, или же с виду лежит чуть-чуть в сторону и в какую; и обычные ли это лиги, большие или маленькие и прямым ли путем или окольным.

14. Далее следует указать название первого селения к югу от указанного селения, и сколько лиг до него, и большие ли они или маленькие, и прямым ли путем или кривым, и находится ли вышеупомянутое селение прямо на юге или же лежит чуть-чуть в сторону, и в какую.

15. И сходным образом следует указать название первого селения к западу по времени указанного донесения, и сколько лиг до него, и большие ли они или маленькие, и прямым ли путем или нет, и находится ли вышеупомянутое селение прямо на западе или уклоняется в какую-то сторону, как было сказано в предыдущих главах.

16. И то же самое следует сказать о первом селении к северу, указывая его название и расстояние до него в лигах, и большие ли они или маленькие, и прямым ли путем, или кривым, и находится ли вышеупомянутое селение прямо на севере или нет; все, как было сказано в предыдущих главах.

17. Что можно сказать о земле, на которой расположено это селение: следует указать, холодная ли она или теплая, здоровая или больная, равнинная или гористая, плоская или бугристая и каменистая.

18. Достаточно ли в этой земле древесины или ее не хватает, и откуда ее берут; а ежели это лесная местность, то какие деревья там растут, и какие животные, какая дичь и иные дикие звери там водятся.

19. Если селение находится в горах, следует сказать, как называются горы, на которых оно расположено, а также ближайшие от него, и на каком расстоянии они находятся, и с какой стороны от селения, и где они начинаются, и куда тянутся.

20. Названия рек, которые протекают через указанное селение или около него, и как далеко, и с какой стороны они протекают, и насколько они большие и многоводные, и есть ли возделываемые земли на берегах рек или орошаемые земли с плодовыми деревьями, примечательные мосты и корабли, и рыба [которая здесь водится. — *Н. К.*].

21. Достаточно ли здесь воды или ее не хватает, и примечательные источники или озера, которые есть в указанном селении и его окрестностях; и, если нет рек, откуда берут питьевую воду и где производят помол.

22. Достаточно ли здесь пастбищ, или их не хватает, примечательные луга, которые имеются в округе вышеупомянутого селения, с лесами и охотничьими угодьями и особыми местами для рыбной лови, достойные упоминания в истории указанного селения для его славы.

23. И, если это пахотная земля, что на ней преимущественно сеют, и какой скот там выращивают, и достаточно ли в селении соли и всего необходимого, и откуда ее берут, а также все остальное, чего не достает в указанном селении.

24. Есть ли там золотые и серебряные рудники, железная руда, медь, свинец, ртуть и другие цветные минералы, и месторождения яшмы, мрамора и других ценных камней.

25. И если селение приморское, то как далеко или близко оно находится от моря, и положение береговой линии, крутой ли берег или пологий, и рыба, которую там ловят.

26. Имеющиеся порты, бухты и пристани, с указанием их ширины и длины, подходов к берегу, глубины и безопасности судоходства, а также как они обеспечены водой и дровами.

27. Оборонительные сооружения, имеющиеся в этих селениях, для обеспечения их безопасности, а также пирсы и верфи.

28. Расположение каждого селения, находится ли оно на возвышенности или в низине, на месте равнинном или гористом; и, если вокруг него возведены ограждения и стены, из чего они сделаны.

29. Замки, укрепленные башни и крепости, которые есть в селении и в пределах его юрисдикции, и материалы, из которых они построены.

30. Виды домов и зданий, которые преобладают в селении, из каких материалов они сделаны и как построены, и отсюда ли эти материалы или привозные.

31. Особо важные здания, которые есть в селении, остатки древних построек в пределах его комарки, эпитафии и надписи, и древности, о которых есть сведения.

32. Славные дела и все, достойное памяти, что произошло в указанном селении и в его окрестностях, и поля, горы и другие места, названные в честь битв, хищений или погибших, и другие известные происшествия, которые там случились.

33. Лица, особо проявившие себя в ученых занятиях или в воинском деле, или в каких-либо других делах, случившихся в этом селении, или в нем родившиеся и из него вышедшие со всем тем, что об их славных делах и речах известно.

34. И если в селениях есть какие-то дома и родовые домовладения, то о них следует сделать особенное упоминание в указанном донесении.

35. Какую жизнь ведут и какие доходы от сельского хозяйства получают жители указанного селения, и все, что там изготовляют и делают лучше, чем в других местах.

36. Церковное или светское правосудие, которое имеет-ся в данном селении, и кто его отправляет.

37. Много ли или мало у селения земель, и каковы привилегии, и свободы, полученные за достойную службу и составляющие предмет его гордости.

38. Соборная или коллегиальная церковь в указанном селении, и кому она посвящена, и приходские церкви, с кратким сообщением о пребндах и каноникатах в соборных или коллегиальных церквях.

39. И также есть ли в указанных церквях какие-либо захоронения и капеллы или настолько важные капелланства⁸⁷, что их следовало бы упомянуть вместе с их основателями в указанном донесении, а также больницы и богоугодные заведения, которые есть в указанном селении, с их учреждениями.

40. Примечательные реликвии в этих церквях и селениях, и всем известные отшельнические скиты и культы святых в их юрисдикции, и чудеса, которые там произошли.

41. Праздники воздержания, и постные и мясопустные дни, которые жители села соблюдают по особому обету, помимо церковных и их причины, и истоки появления.

⁸⁷ С конца XII–XIII в. получила широкое распространение практика посмертных вкладов с условием совершения (в течение определенного периода или бессрочно) поминальных месс и других богоугодных дел. Размер пожертвований и формы поминовения варьировались. В случае, если выделявшаяся для этих целей собственность являлась полноценным церковным бенефицием, она называлась «церковное капелланство» и ее мог получить лишь священнослужитель — бенефицированный капеллан, который пользовался бенефицием пожизненно. Если завещанное имущество не было полноценным церковным бенефицием, оно называлось «секулярное капелланство». В этом случае его получателем мог быть и мирянин, который нанимал капелланов для совершения требуемых богослужений. В завещании нередко определялись конкретная церковь или алтарь, где должны были совершаться поминальные мессы (Мереминский 2012: 530–532).

42. Мужские и женские монастыри, и обители блаженных, которые имеются в селении и на его землях, вместе с тем, что известно об их основателях, о количестве их насельников и о всем другом примечательном.

43. Местоположение покинутых селений и мест, и их названия, и причина, почему они обезлюдели, с названиями близлежащих земель, родовых владений и больших и примечательных пастбищ, которые есть в комарке, потому что обычно их называли по старинным опустевшим селениям.

44. И наконец, все остальное, примечательное и достойное того, чтобы о нем знали, касательно истории и описания каждого селения, даже если оно не было запрошено в этой памятной записке.

45. Как только донесение будет сделано, пусть его от своего имени подпишут лица, которые его составляли. И затем, без промедления, пусть они передадут его или отправят вместе с этой инструкцией уполномоченному, который его послал для того, чтобы тот отослал донесение Его Величеству, как было сказано выше.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Archivo General de Palacio. Madrid, Ms. II/2589, n.º 2, ff. 49–270 233.

Archivo General de Simancas, Estado, leg. 157–103 y 104. Año de 1575.

Al corregidor de Toledo.

Atlas de El Escorial. Real Biblioteca del Monasterio de El Escorial Ms. K-I-1.

Biblioteca de la Real Academia de la Historia. Mss. 9/3954 al 60 232.

Biblioteca Nacional. Madrid, Mss/5589, ff. 64–69v.

Real Biblioteca del Monasterio de El Escorial. Mss. J.I.12 al 18.

БИБЛИОГРАФИЯ

Варьяш 2011 — *Варьяш И.И.* Потестарные институты и должности в Испании в V–XV вв. // Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время / Отв. ред. Т.П. Гусарова. М., 2011. С. 387–435.

- Ведюшкин 2011 — *Ведюшкин В.А.* Система государственного управления в Испании в Раннее Новое время (конец XV–XVII вв.) // Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время / Отв. ред. Т.П. Гусарова. М., 2011. С. 436–456.
- Казбекова 2001 — *Казбекова Е.В.* Архипресвитер // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 3. С. 581.
- Казбекова 2002 — *Казбекова Е.В.* Бенефиций // Православная энциклопедия. М., 2002. Т. 4. С. 617–619.
- Калугина 2017 — *Калугина Е.О.* «Черная легенда» о Филиппе II в русской литературе // Испания и Россия: Исторические судьбы и современная эпоха. М., 2017. С. 393–400.
- Конюшихина 2017 — *Конюшихина Н.Л.* «Топографические донесения Филиппа II»: Предыстория и контекст // Средние века. 2017. Вып. 78 (3). С. 143–166.
- Корсунский 1976 — *Корсунский А.Р.* История Испании IX–XIII веков. М., 1976.
- Луцицкий 1882 — *Луцицкий И.В.* Бегетрии: очерк из истории испанских учреждений // Университетские известия (Киев). 1882. №10. С. 404–418.
- Мереминский 2012 — *Мереминский С.Г.* Капеллан // Православная энциклопедия. М., 2012. Т. 30. С. 530–532.
- Пичугина 1965 — *Пичугина И.С.* Из истории средневековых общин-бегетрий Кастилии // Социально-экономические проблемы истории Испании. М., 1965. С. 104–128.
- Пичугина, Попова 2012 — *Пичугина И.С., Попова Г.А.* Леон и Кастилия в XII–середине XIV в. // История Испании. Т.1. С древнейших времен до конца XVII века / Отв. ред. В.А. Ведюшкин, Г.А. Попова. М., 2012. С. 250.
- Попова 2015 — *Попова Г.А.* Леоно-Кастильские консехо: современные научные дискуссии // Средние века. 2015. Вып. 76 (1–2). С. 393–404.
- Прокопенко 2002 — *Прокопенко С.А.* Население Испании в XVI–XVII вв.: Демографическая и социальная характеристика. Историографическое исследование. М., 2002.
- Тимашов 2007 — *Тимашов О.С.* Пребенда // Католическая энциклопедия. М., 2007. Т. III. С. 1731.
- Федосов 2013 — *Федосов Д.Г.* Католическая церковь и народная религиозность: о некоторых аспектах культа мощей и священных

- ных реликвий в Испании XVI – середины XVII века // Проблемы ибероамериканского искусства. М., 2013. Вып. 3. С. 43–62.
- Федосов 2009 — *Федосов Д.Г.* Религиозные братства и праздничная культура Испании и Латинской Америки XVI–XVII веков // Эстетико-культурологические смыслы праздника. М., 2009. С. 327–343.
- Червонов 2018 — *Червонов С.Д.* Испанский средневековый город / Ред.-сост. О.В. Ауров, Е.И. Щербакова, Н.И. Мойса, А.А. Астайкин. СПб., 2018.
- Юрчик 2005 — *Юрчик Е.Э.* Представления о нации и национальное сознание в Испании XVI – начала XIX в. // Национальная идея в Западной Европе в Новое время. Очерки истории. М., 2005. С. 231–287.
- Alcázar Molina 2000 — *Alcázar Molina M.* El Catastro y su evolución hasta el siglo XVI // CT Catastro. 2000. № 39. P. 51–63.
- Alvar Ezquerria 1993a — *Alvar Ezquerria A.* Estudio introductorio a las Relaciones Topográficas de Felipe II, Madrid. Madrid, 1993. Vol. III.
- Alvar Ezquerria 1993b — Relaciones topográficas de Felipe II, Madrid / Ed. por A. Alvar Ezquerria. Madrid, 1993. Vol. I–II.
- Alvar Ezquerria 2010 — *Alvar Ezquerria A.* Sobre la descripción de los pueblos de España y su ambiente historiográfico // La Historia sin complejos: la nueva visión del Imperio Español. Madrid, 2010. P. 79–98.
- Arias González, Martín, Chocarro Martín 1995 — Relaciones topográficas de Salamanca y Extremadura (1574): la Alberca y Sotoserrano (Y I) / Ed. por L. Arias González, H. Martín, F. J. Chocarro Martín // Salamanca: Revista de estudios. 1995. № 35–36. P. 325–338.
- Arroyo Ilera 1998 — *Arroyo Ilera F.* Las Relaciones geográficas y el conocimiento del territorio en tiempos de Felipe II // Estudios geográficos. 1998. Vol. 59. № 231. P. 169–200.
- Camacho Cabello 1996 — *Camacho Cabello J.* La población del arzobispado de Toledo en los Tiempos Modernos: (tesis doctoral). Madrid, 1996.
- Camarero Bullón 2002 — *Camarero Bullón C.* El Catastro de Ensenada, 1749–1759: diez años de intenso trabajo y 80.000 volúmenes manuscritos // CT Catastro. 2002. № 46. P. 61–88.
- Campos y Fernández de Sevilla 1986 — *Campos y Fernández de Sevilla F.J.* La mentalidad en Castilla la Nueva en el siglo XVI. Religión, Economía y Sociedad, según las “Relaciones Topográficas” de Felipe II. Madrid, 1986.

- Campos y Fernández de Sevilla 2003 — *Campos y Fernández de Sevilla F.J.* Las Relaciones Topográficas de Felipe II: índices, fuentes y bibliografía // Anuario jurídico y económico escorialense. 2003. №36. P. 439–574.
- Campos y Fernández de Sevilla 2009 — Los pueblos de Ciudad Real en las “Relaciones topográficas de Felipe II” / Ed. por F.J. Campos y Fernández de Sevilla. Ciudad Real, 2009. Vol. 1–2.
- Carrilero Martínez, García Moratalla 2014 — Pueblos de la provincia de Albacete en las relaciones topográficas de Felipe II / Ed. por R. Carrilero Martínez, P. J. García Moratalla. Albacete, 2014.
- Catalina García, Pérez-Villamil 1903–1915 — Relaciones topográficas de España: relaciones de pueblos que pertenecen hoy a la provincia de Guadalajara / Ed. por J. Catalina García, M. Pérez-Villamil. Madrid, 1903–1915. Vol. 1–6.
- Cebrián Abellán 1992 — Relaciones del Reino de Murcia, 1575–1579 / Ed. por A. Cebrián Abellán. Murcia, 1992.
- Cline 1964 — *Cline H. F.* The Relaciones Geográficas of the Spanish Indies, 1577–1586 // The Hispanic American Historical Review. 1964. Vol. 44. № 3. P. 341–374.
- Colón 1988 — *Colón F.* Descripción y cosmografía de España. Sevilla, 1988.
- Corchón García 1949 — *Corchón García J.* Relaciones topográficas referentes a Extremadura // Estudios geográficos. 1949. № 35. P. 299–321.
- Elliott 1963 — *Elliott J.H.* Imperial Spain 1469–1716. New York, 1963.
- Fernández Montes 1997 — *Fernández Montes M.* La contestación de un cuestionario en el siglo XVI: tradición oral y tradición escrita en la «Relaciones topográficas de Felipe II» (Madrid) // Entre la palabra y el texto: problemas de interpretación de fuentes orales y escritas: Curso de Etnología Española «Julio Caro Baroja» / Coord. por L. Díaz G. Viana, M. Fernández Montes. Madrid, 1997. P. 211–232.
- García Badell y Abadía 1948 — *García Badell y Abadía G.* Felipe II y los estudios geográficos y estadísticos de los pueblos de España / Boletín de la Real Sociedad Geográfica. 1948. № 84. P. 54–77.
- García Cárcel 1999 — *García Cárcel R.* La significación cultural de Felipe II: el revisionismo actual // Actas de la V Reunión Científica de la Asociación Española de Historia Moderna. Cádiz, 1999. T. I: Felipe II y su tiempo / Coord. por J. L. Pereira Iglesias. P. 375–398.
- Garza 1983 — Relaciones histórico-geográficas de la gobernación de Yucatán (Mérida, Valladolid y Tabasco) / Ed. por M. de la Garza. México, 1983.

- González Alonso 1970 — *González Alonso B.* El corregidor castellano (1348–1808). Madrid, 1970.
- Kagan 2008 — *Ciudades del siglo del oro. Las vistas españolas de Anton van den Wyngaerde* / Ed. por R. Kagan. Madrid, 2008.
- Kagan 2010 — *Kagan R.* Los cronistas y la corona: la política de la historia en España en las Edades Media y Moderna. Madrid, 2010.
- Kamen 1997 — *Kamen H.* Philip of Spain. New Haven, 1997.
- Konyushikhina 2017 — *Konyushikhina N.* Los cuestionarios para las Relaciones topográficas de Felipe II y las Relaciones geográficas de Indias de los años 1570 // CT Catastro. Abril 2017. № 89. pp. 9–30.
- López Navarro 1960 — *Pueblos de Jaén en las Relaciones Topográficas de Felipe II* / Ed. por G. López Navarro // *Giennenses*. 1960. № 24. P. 33–63.
- Medina 1944 — *Medina P. de.* Libro de grandezas y cosas memorables de España. Madrid, 1944.
- Miguélez 1917 — *Miguélez M.* Catálogo de los códices españoles de la Biblioteca del Escorial. Madrid, 1917.
- Morales 2012 — *Morales A. de.* Las antigüedades de las ciudades de España / Ed. por J. M. Abascal. Madrid, 2012.
- Ocampo 2015 — *Ocampo F. de.* Los cinco libros primeros de la Cronica general de España que recopila el maëstro Florian do Campo. La Coruña, 2015.
- Ortíz García 2000 — *Relaciones topográficas de la provincia de Guadalajara* / Ed. por A. Ortíz García. Guadalajara, 2000 (CD-Rom).
- Páez de Castro 1990 — *Páez de Castro J.* Memorial de las cosas necesarias para escribir historia // *Martín Martín T.* Vida y obra de Juan Páez de Castro. Guadalajara, 1990. P. 51–65.
- Parker 1978 — *Parker G.* Philip II. London, 1978.
- Parker 1998 — *Parker G.* The Grand Strategy of Philip II. London, 1998.
- Parker 2010 — *Parker G.* Felipe II: La biografía definitiva. Madrid, 2010.
- Reguera Rodríguez 2010 — *Reguera Rodríguez A.* Los geógrafos del rey. León, 2010.
- Rodríguez García, Castillo Soto 1998 — *Rodríguez García J., Castillo Soto J.* Diccionario de términos de Historia de España. Edad Moderna. Barcelona, 1998.
- Salomón 1973 — *Salomón N.* La vida rural castellana en tiempos de Felipe II. Barcelona, 1973.
- Sánchez-Arcilla Bernal 1995 — *Sánchez-Arcilla Bernal J.* Historia del Derecho. I. Instituciones Político-Administrativas. Madrid, 1995.

- Solano, Ponce 1988 — Cuestionarios para la formación de las relaciones Geográficas de Indias siglos XVI–XIX / Ed. por F. de Solano, P. Ponce. Madrid, 1988.
- Thompson 1976 — *Thompson I.A.A.* War and government in Habsburg Spain: 1560–1620. London, 1976.
- Ulloa 1977 — *Ulloa M.* La hacienda real de Castilla en el reinado de Felipe II. Madrid, 1977.
- Valdeavellano 1973 — *Valdeavellano L.G. de.* Curso de Historia de las Instituciones Españolas. De los orígenes al final de la Edad Media. Madrid, 1973.
- Valera de la Carra 1970 — Relaciones topográficas mandadas hacer por Felipe II (año 1575): relación de Sax / Ed. por J. Valera de la Carra. Sax, 1970.
- Vallina Rodríguez, Konyushikhina 2017 — *Vallina Rodríguez A., Konyushikhina N.* Los interrogatorios de los Catastros españoles de la Edad Moderna: fuentes geohistóricas para conocer los paisajes y las sociedades // CT Catastro. Diciembre 2017. № 91. P. 39–62.
- Viñas y Mey, Paz 1951–1963 — Relaciones histórico-geográfico-estadísticas de los pueblos de España hechas por iniciativa de Felipe II: Reino de Toledo / Ed. por C. Viñas y Mey, R. Paz. Madrid, 1951–1963. Vol. 1–2.
- Zarco Bacas y Cuevas 1927 — Relaciones de pueblos del obispado de Cuenca hechas por orden de Felipe II / Ed. por E. J. Zarco Bacas y Cuevas. Cuenca, 1927 (переизданы в 1983).

К.С. Худин, А.Д. ШАХОВА

ГЕОГРАФИЯ АПТЕКАРСКИХ ОГОРОДОВ И ДВОРОВ МОСКВЫ КОНЦА XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ ЛОКАЛИЗАЦИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Аннотация: Статья посвящена географии аптекарских садов (огородов) и дворов Москвы в конце XVI – первой половине XVIII века. Рассматриваются семь садов с дворами, существовавшие в распоряжении аптечного ведомства (Аптекарского приказа и Медицинской канцелярии). Определены границы участков и проведена их привязка к современным городским территориям, установлены хронологические рамки для каждого из садов, а также ассортимент растений, которые там культивировались. В статье использован большой комплекс картографических материалов и письменных архивных источников, часть которых впервые вводится в научный оборот.

Ключевые слова: источниковедение, история садоводства, XVII век, Аптекарский приказ, аптекарские сады, допетровские чертежи, география Москвы, история России

Городское пространство Москвы формировалось как поселение усадебного типа, обусловленного развитием натурального хозяйства. В усадьбе — в соответствии с самим термином, происходящим от глагола «садить», — наряду с жилыми и хозяйственными постройками подразумевалось наличие сада, или огорода — обособленной территории, предназначенной для выращивания растений, как древес-

ных, так и травянистых. В XVII веке под «огородом» понимали «огороженный участок земли для выращивания овощей, огород», а также «фруктовый сад, виноградник»¹. «Сад» и «огород» в этот период фактически являлись синонимами. В нашей статье мы также будем использовать оба слова наравне.

Краткий обзор историографии

Первым из исследователей, кто обратил внимание на существование аптекарских огородов в Москве, был историк медицины В.М. Рихтер. Он называл три сада — у Каменного моста возле стены Кремля, у Мясницких ворот и близ Немецкой слободы — и относил их все ко времени царствования Алексея Михайловича (1645–1676)². Вслед за ним И.М. Снегирев также датировал эти огороды началом XVII века³. И.Е. Забелин специально не останавливался на проблеме аптекарских садов, но упоминал огород у Каменного моста на Неглинной в числе дворцовых. К концу XVII в. в Москве и ее окрестностях И.Е. Забелин насчитывал не менее 52 лишь только дворцовых садов⁴. Л.Ф. Змеев в своей работе спорил с В.М. Рихтером, утверждая, что аптекарских садов были не три, а девять⁵. Он причислял к их числу и те сады, которые аптекарскими никогда не являлись, как, например, сады в Кремле и в Замоскворечье. К тому же он существенно путался в географии города, а также в хронологии событий.

Н.Я. Новомбергский так объяснял причины возникновения аптекарских огородов: «Затруднения, связанные с собиранием трав в отдаленных углах России, недобросовестность сборщиков, частые неурожаи трав, нередкие порчи их при пересылках на большие расстояния вскоре навели московское правительство на мысль о разведении нужных растений в самой Москве»⁶. Однако, как видно из письменных и

¹ СлРЯ XI–XVII 12 1987: 251.

² Рихтер 1820: 181.

³ Снегирев 1853: 13.

⁴ Забелин 1873: 317.

⁵ Змеев 1887: 6–7.

⁶ Новомбергский 1902: 14.

картографических источников, сады в Москве возникли еще до экспедиций по сбору трав, которые фиксируются не ранее 1640-х годов⁷. Автор приводит отрывочные сведения о каждом из трех вышеупомянутых огородов, относя к аптекарским также несколько дворцовых и частных садов. Кроме того, Н.Я. Новомбергский ошибочно считал, что аптекарские сады располагались по обе стороны Москвы-реки, около Каменного моста⁸, в то время как «каменным» в документах назывался мост через реку Неглинную возле Троицкой башни Кремля, а сад в Замоскворечье вообще никогда не был аптекарским.

На это заблуждение обратил внимание А.А. Новосельский в своей статье, написанной в 1925 г., но увидевшей свет лишь в 1994 г., когда рукопись была опубликована в сборнике его работ⁹. Статья не была завершена автором, а потому ее справочный аппарат не был выверен и реконструировался публикатором. Некоторые ссылки так и остались не раскрытыми. Между тем, работа А.А. Новосельского стала прорывной: до него исследователи в основном рассматривали сады в их совокупности, не обращая внимания на особенности каждого в отдельности, он же впервые привлек картографический материал и большое количество архивных материалов, систематизировал информацию о садах, определил их географию и время существования. Некоторые из датировок А.А. Новосельского в нашей статье будут пересмотрены, а источниковая база — расширена.

Наконец, уже в нынешнем веке опыт классификации средневековых (включая XVII в.) русских садов предпринял В.Д. Черный. Его исследование нельзя считать полным, поскольку автор использовал лишь опубликованные источники. Наряду с монастырским, церковными и светскими садами, а также садами в городских усадьбах и загородными, он выделяет «специализированные», существовавшие «как источник получения определенных видов плодов», например, яблоневые и вишневые. Внутри этой категории автор выде-

⁷ Худин 2013.

⁸ Новомбергский 1907: 136–138.

⁹ Новосельский 1994: 202.

ляет «специализированные медицинские или аптекарские огороды»¹⁰. Мы же будем определять их аптекарскими по принадлежности к аптекарскому ведомству, а не по составу растений.

Исследование

В данной статье речь пойдет о географии аптекарских садов (огородов), а также о прилегающих к ним территориях аптекарских дворов с хозяйственными постройками, предназначенными для переработки и хранения собранного растительного сырья. В изученных нами документах, термины «огород» и «двор», в определенном контексте, зачастую выступают синонимами, поскольку часть хозяйственных построек располагалась непосредственно на огородной земле, между садовых посадок.

Так же, как и в средневековой Европе, наиболее древние аптекарские огороды появились на Руси при монастырях (например, в Спасо-Евфимьевом монастыре в Суздале¹¹). Такие огороды имели свою специфическую функцию и в основном содержали в себе лекарственные травы. Мы рассмотрим сведения о московских садах и огородах, находившихся в конце XVI – первой половине XVIII в. в ведении аптечного ведомства: Аптекарского приказа, а затем Медицинской канцелярии. Ассортимент растений в этих садах не исчерпывался исключительно лекарственными травами, но включал в себя плодовые деревья, кустарники, гряды с овощами, ягодами и прочее.

В качестве источников нами использовались документы Аптекарского приказа¹², а также приказа Тайных дел¹³ — в первую очередь, чертежи, отложившиеся в фонде этого уч-

¹⁰ Черный 2010: 147–148.

¹¹ Птицына 2010.

¹² Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 143 (Аптекарский приказ), Ф. 396 (Архив Московской Оружейной палаты); Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ). Ф. 532 (Основное собрание актов и грамот).

¹³ РГАДА. Ф. 27 (Приказ тайных дел).

реждения. Кроме того, впервые для изучения этой темы привлечены приказные книги Аптекарского приказа конца XVII – начала XVIII в., попавшие в Государственный архив Российской империи¹⁴.

Нами впервые проведена систематизация документального материала о деятельности аптекарских огородов и дворов, сопоставлены изобразительные и письменные источники, определены географические границы участков и их привязка к современным городским территориям, установлены хронологические рамки для каждого из садов, а также ассортимент растений. Некоторые из обнаруженных сведений требуют дополнительных изысканий и уточнения топографической привязки к местности.

За исследуемый период нам удалось выявить семь аптекарских садов и дворов при них, которые функционировали в разное время в Москве. Последовательно рассмотрим каждый из них.

Аптекарский огород «что у каменного моста»

Этот самый древний из аптекарских огородов имел в разное время различные наименования: «что у каменного моста», «что за каменным мостом», «у Боровицкого мосту»¹⁵, «подле стены Кремля-города»¹⁶, «у городской стены»¹⁷, «на Неглинке-реке»¹⁸, а поначалу и вовсе не имел никакого уточняющего названия, потому что долгое время, до середины XVII в.¹⁹, был единственным. Он был создан первоначально вдоль правого берега реки Неглинной, не позднее конца XVI века²⁰. Во второй половине XVII в. огород был расширен

¹⁴ РГАДА. Ф. 16 (Внутреннее управление) и Ф. 19 (Финансы).

¹⁵ РГАДА. Ф. 16. Д. 320 ч. 2. Л. 11 об.

¹⁶ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 1566. Л. 1.

¹⁷ Там же. Д. 1459. Л. 1.

¹⁸ РГАДА. Ф. 143. Оп. 3. Д. 499. Л. 2.

¹⁹ До возникновения в 1653/54 г. огорода за Мясницкими воротами.

²⁰ В.Д. Черный предполагает, что аптекарские сады могли появиться раньше учреждения Аптекарского приказа, еще в середине XVI в. (Черный 2010: 149). На сегодняшний день эта гипотеза не может быть ни подтверждена, ни опровергнута. Сад на реке Неглинке фиксируется лишь планами второй половины 1590-х гг., а Аптекарский

до стен Кремля-города вдоль противоположного берега реки и просуществовал до 1731 г.: территория сада отчетливо читается на всех картах Москвы, начиная с Петрова чертежа (ок. 1597 г.; Илл. 1)²¹ и до плана Максимилиана фон Фюрстенхофа (1732 г.)²². Но уже на Мичуринском плане (1739 г.)²³ он отсутствует. Расположение аптекарского огорода именно на этом месте продиктовано наличием источника воды и непосредственной близостью Кремля — царской резиденции. Царская семья и ее приближенные были первыми потребителями продукции, выращенной на аптекарском огороде.

Самые ранние письменные упоминания об этом саде содержатся в опубликованной И.Е. Забелиным челобитной садовника Назара Иванова, датированной публикатором 1623/24 годом. Челобитчик сообщает, что был взят к «садовому делу в Аптекарский сад», чтобы «тот сад дозреть и переписать и над садовники досматривать». В его обязанности также входил отбор подходящих растений (привоев), на которые можно был привить другие сорта растений (привики): «В том Аптекарском саду выбрал грушных пеньков, всего сто восемьдесят, и по твоему государеву указу взято у меня, холопа твоего, к тем пеньком из моего садишка в тот Аптекарской сад и в иные сады триста черенков грушных царских и волоских»²⁴.

Эти сведения челобитной соотносятся с записями делопроизводства Аптекарского приказа, сохранившегося лишь начиная с сентября 1629 года. 30 апреля 1632 г. в Приказ

приказ — документами не позднее 1581 г. (Жаринов 1994: 110). Мы исходим из того, что аптекарский огород на Неглинке едва ли мог появиться существенно раньше этой даты.

²¹ Гольденберг 1968: 53–64. Рис. 1.

²² План Москвы из книги Иоганна Георга Максимилиана фон Фюрстенхофа. Коллекция планов крепостей. Часть II. Планы Италии, Венгрии, Польши и северных королевств. Бумага, тушь, золото, графит, перо, графитный карандаш, кисть. Около 1732 г. 62,5 x 45,7 см. [режим доступа: <http://retromap.ru/forum/viewtopic.php?t=6224#p11307>, дата обращения — 28.09.2021].

²³ РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Московская губерния. № 4.

²⁴ Цит по: Забелин 1873: 318–321. Подлинник документа нам обнаружить не удалось.

Большого Дворца была отправлена память с повелением «дати в обтекарский огород садовника подчистить яблони да груши да велети дать на прививку двацати черенков грушевых добрых»²⁵. Спустя несколько дней (5 мая) из того же учреждения были выданы «на почистку яблонем да грушам да на прививку два гривенника воску да три гривенника смолы»²⁶. Из того, что садовник был предоставлен Приказом Большого дворца, Л.Ф. Змеев допускал, что до тех пор своего садовника в Аптекарском приказе не было²⁷. Это предположение сомнительно по двум причинам. Во-первых, труд садовников использовался на Аптекарском огороде как минимум на 10 лет ранее 1632 г., о чем свидетельствуют документы, опубликованные И.Е. Забелиным за полтора десятилетия до работы Л.Ф. Змеева. Во-вторых, Аптекарский приказ сформировался внутри дворцового ведомства и был органически с ним связан, поэтому разделить сферу компетенции Аптекарского приказа и Приказа Большого дворца, по крайней мере, для первой половины XVII в. не представляется возможным (как будет показано ниже). Так или иначе, первые садовник среди служащих собственно Аптекарского приказа упоминается только в начале 1660-х годов²⁸.

Самое раннее упоминание об аптекарском огороде в документах Аптекарского приказа связано со строительными работами по ограде этой территории. Оно содержится в памяти в Приказ Большого дворца, датированной 19 октября 1629 года. В ней идет речь об уплате двух гривен Федке Жандыбину — стрельцу²⁹ приказа Андрея Жукова — за то, что он «поделывал на обтекарском огороде... три прясла за-

²⁵ РГАДА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 75а.

²⁶ Там же. Д. 76.

²⁷ Змеев 1887: 7.

²⁸ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 470. «Травники» числились в Аптекарском приказе как минимум с 1618 г., однако у нас нет достаточных оснований связывать их деятельность с огородом. Хотя позднее, во второй половине XVII в., травники и работали на аптекарских огородах, но основной их функцией все же являлся сбор дикорастущих растений.

²⁹ Стрельцы часто выполняли подсобные строительные работы (см., например: Черный 2010: 141).

бору», к чему были также куплены два сосновых столба³⁰. Уже упоминавшийся выше Л.Ф. Змеев считал, ссылаясь на этот документ, что «в 1629 году тут (то есть на аптекарском огороде. — К. Х.) ставится забор»³¹. Утверждение Л.Ф. Змеева можно понять так, что ограждение было поставлено впервые. Однако, в свете имеющихся источников, в первую очередь, картографических, на наш взгляд, в этом документе идет речь о ремонте уже существовавшего забора: к тому же вряд ли весь забор состоял только из трех прясел и двух столбов.

Забор выполнял несколько функций: с одной стороны, он обозначал границы территории, а с другой — должен был защищать огород от лишних посягательств. Однако и он не был достаточной преградой. Сад приходилось «оберегать» стрельцам, несшим караул возле Кутафьи башни: по одному человеку «переменяясь», о чем мы узнаем из памяти из Аптекарского в Стрелецкий приказ от 16 июля 1658 года³². Оба приказа, как правило, возглавлял один и тот же боярин³³, наиболее близкий к царю. Стрелецкие дворы располагались неподалеку от аптекарского двора (Илл. 2–5), что отражено на чертежах, созданных в середине 50 – середине 70-х гг. XVII в.³⁴ в Приказе Тайных дел — фактически личной канцелярии царя. «Которые воровские люди учнут яблоки имать и яблони ломать или лошадей пущать, и тех людей и лошадей» надлежало доставлять («имать и приводить») в Аптекарский приказ для дальнейшего разбирательства³⁵.

На огороженной территории аптекарского сада-двора различные постройки располагались с XVI века. Они обнаруживаются уже на Петровом чертеже 1597 г. в северо-

³⁰ РГАДА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 8.

³¹ Змеев 1887: 7.

³² «Оберегать стрельцом, которые стоят на карауле у отводной башни каменного мосту» (РГАДА Ф. 143 Оп. 2. Д. 406. Л. 1).

³³ ПМГ 2015: 32, 179.

³⁴ Для точной датировки чертежей необходимо более глубокое их исследование и атрибуция владельцев дворов, отмеченных на планах. Пока мы даем крайние даты по времени создания и ликвидации Приказа Тайных дел.

³⁵ РГАДА Ф. 143 Оп. 2. Д. 406. Л. 1.

западной и юго-восточной частях огорода (Илл. 1). Кроме того, снаружи, с северной стороны, на чертеже показаны еще несколько строений, примыкающих к саду. Вероятно, это жилые дворы садовников: на планах второй половины XVII в. они расположены в непосредственной близости от аптекарского сада (Илл. 3–5).

В документах Аптекарского приказа первые известия о хозяйственных постройках на территории аптекарского сада относятся к началу 1630-х гг.³⁶ — упоминаются «поварня» и «сушильня». 14 мая 1631 г. Приказу Большого дворца было велено «дати на обтекарский огород пять бочек стоек дубовых, а бытии тем бочкам на обтекарском дворе на поварнях да на сушиле, да на хоромах с водою»³⁷. Данное распоряжение соответствовало практике того времени и было продиктовано началом пожароопасного сезона. Бочки с водой, как правило, ставились на крышах деревянных и каменных строений и случае необходимости использовались при тушении пожаров. Они были поставлены там, где находилось огнеопасное производство («поварни»), а также имелись легко воспламеняемые материалы — травы в «сушильне» и бумага в «хоромах». Память о жестоком пожаре в мае 1626 г. была еще очень свежа. Тем не менее, пожары случались и после этого — в документе 1645 г. содержатся сведения о починке забора, который на «оптекарском дворе погоре»³⁸.

21 мая 1632 г. на аптекарском дворе дворцовые плотники строят «заметы» и «казенку». Повелевается снабдить их всем необходимым, «что к тому делу на поделку надобе»³⁹. Замет — это «дощатый забор с пряслами, с закладкою досок в пазы столбов», а также вообще «любой забор, ограда»⁴⁰. Слово «казенка» имеет несколько значений — это «помещение для хранения ценностей, документов, денег», а также — «чулан, кладовая в доме; подполье»⁴¹. Видимо, в этом соору-

³⁶ Отсутствие более ранних сведений, в том числе обусловлено и плохой сохранностью документов.

³⁷ РГАДА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 54.

³⁸ Там же. Д. 188.

³⁹ Там же. Д. 78.

⁴⁰ СлРЯ XI–XVII 5 1978: 239.

⁴¹ СлРЯ XI–XVII 7 1980: 19.

жении содержался инвентарь, необходимый «к водочному делу», или хранились сырье или готовая продукция. Обычно такие помещения строились из кирпича и имели железные решетки в окнах и железные двери.

Через год, 6 июня 1633 года, Аптекарский приказ запрашивал в Приказе Большого Дворца «на кровлю, чем покрыть пять острамков сена худова» на аптекарском огороде⁴². «Острамок» — «небольшой возок сена или соломы». Это слово употреблялось также в значении меры количества сена и соломы⁴³. Речь, видимо, идет о починке прохудившейся крыши одного из тех сооружений, который были построены в предыдущие годы.

В текущем делопроизводстве регулярно, почти ежегодно, встречаются упоминания о различных ремонтных работах. К примеру, в июле 1633 г. Приказу Большого дворца было приказано «зделати на обтекарском огороде в поварне две печи перепускных новых, да старые водочные печки починить»⁴⁴.

Как уже было сказано выше, часть хозяйственных построек располагалась непосредственно на огородной земле, между садовых посадок. В текстах наказов объезжим сказано: «А у которых людей поварен нет, и тем людем печи велети сделать на огородах». Такое расположение было также связано с противопожарными мерами. Под открытым небом находись сковороды, высевки, печи, а также медные перегонные кубы — алембики, в которых изготавливали водки, масла⁴⁵. Их топили углем и обмазывали тестом: «Дати на обтекарский огород водкам на перепусканье двадцать мехов уголья крупнова да на обмаску осмина муки ржаные да два высевка»⁴⁶.

Аптекарская посуда производилась силами местных «мастеров». Так, в сентябре 1629 г. «оловянишним мастерам

⁴² РГАДА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 110а.

⁴³ СлРЯ XI–XVII 13 1987: 154.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 114.

⁴⁵ Там же. Оп. 3. Д. 92. Л. 2. «(А)лембик — прибор для перегонки жидкостей» (СлРЯ XI–XVII 1 1975: 28; СлРЯ XI–XVII 8 1981: 203).

⁴⁶ Высевки — остатки, получаемые при просеивании муки через сито.

Ивану Еуфимьеву с товарищи» было дано «два пуда с полупудом» (2,5 пуда) «олова прута», а также «пять гривенок воску», чтобы «делать пять лембиков»⁴⁷. Вероятно, на каждый «лембик» пошло примерно полпуда олова, то есть около 8 кг. «Да две сковородки полудить, да таз на ново переделать, да к кувшину кровлю (крышку. — К. Х.) приделать»⁴⁸.

Садовые работы начинались в «марта с 1 числа» и продолжались «по октябрь месяц или как минетца огородная работа», а лудить посуду на аптекарском огороде начинали каждый год в апреле⁴⁹ или мае⁵⁰ для того, чтобы подготовить ее к сезону основных работ по «перепусканью» и «водочному делу»⁵¹. Эти работы производились в теплые месяцы: с мая по июль-август. Документы, связанные с поставкой в Аптекарский приказ угля, относятся главным образом к маю-июлю.

Сад возле Неглинной примечателен не только своими хозяйственными функциями. Он, например, со всей очевидностью выполнял задачи рекреационной зоны. Из документов, опубликованных Строевым, известно, что 17 августа 1634 г. «слушал государь заутреню у Рождества Богородицы, а обедню у Екатерины Христовы мученицы, ... после обеда ходил государь с сыном своим государевым с царевичем с князем Алексеем Михайловичем⁵² в аптекарский сад»⁵³.

Большая лакуна в делопроизводстве не позволяет нам реконструировать деятельность аптекарского огорода с середины 30-х по середину 50-х гг. XVII века. В 1653/54 г. появляется еще один огород на территории Огородной слободы, за Мясницкими (Фроловскими) воротами в Земляном городе, и часть производственного оборудования и растений перевозят туда (подробнее об этом речь пойдет ниже).

Уже упомянутые планы из Приказа тайных дел отображают топографическую ситуацию второй половины 1650-х –

⁴⁷ РГАДА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 2.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 30.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 28, 53, 74.

⁵⁰ Там же. Д. 30, 78, 106.

⁵¹ Там же. Д. 56.

⁵² Царевичу на тот момент было пять с половиной лет.

⁵³ Строев 1844: 36.

первой половины 1670-х годов. На всех планах аптекарский двор примыкает к саду с севера. Планы показывают разные въездные ворота, выходящие в переулок, названный на одном из чертежей «обтекарским». Вдоль переулка располагались дворы крестовых и певчих дьяков — одни из них граничили с аптекарским двором, а другие стояли по другой стороне переулка. С западной части вдоль территории сада и двора расположились стрелецкие дворы. Вдоль Неглинной тянулись дворы «оптекарского сада садовников», в непосредственной близости от сада. Судя по расстояниям, нанесенным на один из чертежей, сад располагался примерно в 45–49 саженьях (то есть метрах в ста) от Троицкого моста (Илл. 2).

На одном из планов⁵⁴ 1660-х гг. из Приказа Тайных дел на берегу реки Неглинки около аптекарского сада обозначена так называемая «накречейня»⁵⁵. Аналогичные сооружения были созданы возле дворцового села Семеновского и рядом с Новодевичьим монастырем в 1663 и 1664 гг. соответственно. Первая из них, построенная для смотра войск, представляла собой «обитый тканью помост на четырех столбах, на который вели четыре лестницы. По углам его украшали знамена. Помост был соединен с походным дворцом специальным переходом с перилами. Сооружение разделялось на три части. В первой находились музыканты с набатами, накрами и литаврами, во второй — трубачи, а в третьей — сурначей». Второе сооружение являло собой «обитую тканью постройку длиной около 6,5 м. На углу накречейни было устроено высокое место для сурначеев. Накрачеи стояли в накречейне с накрами и литаврами в один ряд. Для набатов в этот раз выделили отдельное место вне накречейни»⁵⁶. Пока не установлена точная датировка плана аптекар-

⁵⁴ РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 484. Ч. 1. Д. 40.

⁵⁵ «Накречейня (накрачейна) — специально устроенное место (род трибуны), где стоят музыканты (накрачеи и сурначи)», игравшие на ударных и духовых инструментах (СлРЯ XI–XVII 10 1983: 125, 126; СлРЯ XI–XVII 29 2011: 50).

⁵⁶ Шамин 2015: 331–332. Автор статьи описывает накречейни, располагавшиеся в различных частях города, однако накречейня возле Аптекарского огорода осталась ему неизвестна.

ского сада, невозможно установить, была ли сооружена данная наkrачейня ранее или позднее других.

Письменные источники начала 1660-х гг. зафиксировали практическую работу стрельцов, сторожей, огородников, связанную с функционированием аптекарского огорода.

В феврале 1662 г. было приказано «дворцовых подмосковных волостей крестьяном на государев на аптекарский огород, что у Каменного мосту, навозити в ледники л[ь]ду»⁵⁷. В мае того же года 20 стрельцов делали на этом же огороде «плотницкую всякую работу»⁵⁸. А в сентябре сторожи аптекарского огорода подали челобитную о награждении их за различную работу в аптекарском огороде⁵⁹. Тогда же, в сентябре, а затем повторно — в ноябре, огородник Николай Петров просил отпустить его на родину в Швецию, либо повысить ему жалованье⁶⁰, что и было сделано⁶¹, и он оставался во главе сада несколько десятилетий.

К июню 1663 г. относятся два уникальных и крайне любопытных документа, которые с новой стороны раскрывают повседневную жизнь аптекарского огорода. Во-первых, огородник Николай Петров подал челобитную, в которой просил разрешить ему отстрел птиц, портящих растения: «Посажены де в государеве аптекарском саде травы и цветы всякие, и с тех трав птицы щиплют безпрестанно, надобно в том огороде стрелять, а без государеву указу тех птиц на огороде он Миколоай стрелять не смеет»⁶². Во-вторых, Каменному приказу было указано «переделать трубу у Кремля города на городской стене, которая труба проведена з двора боярина князя Никиты Ивановича Одоевского в оптекарский сад, и тое трубу велеть зделать новыми с луками»⁶³ каменных дел

⁵⁷ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 506.

⁵⁸ Там же Д. 557.

⁵⁹ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 592.

⁶⁰ Там же. Д. 600, 629, 655.

⁶¹ Там же. Д. 655.

⁶² РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 688.

⁶³ «Луковатый — с кривизной, изогнутый» (СлРЯ XI–XVII 8 1981: 296, 303).

подмастерью, чтоб из той трубы воды и грязи, и вони и никакова дурна не было в аптекарском саду»⁶⁴.

В июле 1663 г., как и в другие годы, на аптекарском огороде проводились различные ремонтные работы, весьма подробно зафиксированные в росписи⁶⁵. Из этого источника видно большое разнообразие различных хозяйственных и жилых построек, располагавшихся на территории аптекарского огорода. «В поварне, где перепускаютца всякие простые водки и питейные, и спирты» починили «2 печи больших да 4 средних, да 2 печки перепускных, в которых перепускаютца через алембик всякие масла»⁶⁶. Кроме этого, упоминаются сушило, чулан к погребу, в котором «зделали 6 полок, где всякие скляницы класть», сарай за сушилом для телег⁶⁷, изба, «где сушить травы и цветы», а также вторая, меньшая изба, «где велено жить ученику Леонтью»⁶⁸.

Множество ценных сведений о повседневности аптекарского огорода сообщает приходо-расходная книга 1670/71 года⁶⁹. В течение октября-декабря 1670 г. производились регулярные покупки столярного и слесарного материала, необходимого для текущего мелкого ремонта в поварне (деревянные обручи для починки чанов), в столярной избе (железные решетки в окнах). Весной 1671 г. были куплены дубовые двери и вислый замок к воротам (повидимому, со стороны Кутафьей башни — см. Илл. 4–5). Одна запись в книге от 31 марта свидетельствует о том, что к этому времени некоторые постройки возводились непосредственно у кремлевской стены: сушило и крытый навес для угля. Этот навес после капитального ремонта представлял собой огороженное с торцов решетками пространство с бревенчатым настилом внутри длиною 12 сажень, продольными стенами служили внешняя стена деревянного сушила и кремлевская стена. Таким образом, было расширено поме-

⁶⁴ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 723.

⁶⁵ Там же. Оп. 3. Д. 92.

⁶⁶ Там же. Л. 2.

⁶⁷ Там же. Л. 10.

⁶⁸ Там же. Л. 11.

⁶⁹ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 812.

щение сушила с минимальными затратами. Хранение угля было переведено в специальный амбар на огороде, куда регулярно доставлялись большие партии березового угля⁷⁰ для «спирту и водочного сиденья»⁷¹.

В летний период проводились работы непосредственно на огороде: посадки смородины и малины были огорожены деревянными столбами с перилами. Одновременно в это же время покупался новый садовый инвентарь: лейки и кадки для полива трав, цветов и кореньев. Роспись покупок 1677 г. указывает также на еще одно интересное приспособление для работ на огороде: было куплено 30 рогож, которыми «беспрестанно в летнее, и в зимнее, и в вешнее, и в осеннее время накрывают и берегут всякие травы, и цветы, и коренья»⁷².

Письменные источники последней четверти XVII в. дают дополнительные сведения о развитии аптекарского огорода и производстве лекарств. В 1684 г. садовник Николай Петров (Алман) и его работники принесли в Аптекарский приказ необычную находку — три ободранных иконы. В изустной памяти отмечалось: «И те образы взяли они на аптекарском огороде, что за каменным мостом у городской стены. А откуда те образы взялись и кто их обдирал, про то они не ведают»⁷³. Таким образом, из данного документа следует, что территория огорода в это время примыкала к кремлевской стене.

Документы Аптекарского приказа 1690-х гг. отражают практику огородных работ. Например, для изготовления «мятного масла и водок 1 июля 1692 г. было куплено «десять гряд мяты немецкой села Красного» «на сиденье мятного масла и водки»⁷⁴. Иногда служащие огорода некоторые виды работ выполняли на дому. Так, травщик Иван Иванов просил разрешения топить печь в июле месяце в своем доме на

⁷⁰ Там же. Д. 958.

⁷¹ Там же. Л. 3.

⁷² РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 1154. Л. 3.

⁷³ Там же. Оп. 3. Д. 133. Л. 1.

⁷⁴ Там же. Оп. 2. Д. 1456. Л. 121.

Большой Смоленской улице (совр. Воздвиженке) специально для того, чтобы сушить собранные им на огороде корни⁷⁵.

Хранение готовой продукции требовало особого внимания. Во вновь построенный погреб, «в котором ставятся всякие аптекарские лекарственные статьи и спирты, и водки, и для сидения спиртов и водок» было велено «с Москвы реки навозить льду против прошлых лет»⁷⁶. По всей вероятности, лед из этой реки был чище, чем из близлежащей Неглинной, а поскольку он использовался для производства, то за его качеством следили. Качество льда было важно и для производства. Сохранился документ января 1699 г., в котором сообщается, что в «для сиденья спирта можжевельного и земляничного и иных травных и простых водок и масл в летнее время про аптекарский обиход привозили на аптекарский огород <...> ледаколышки по вся годы льда москворецкого по леднику». Царь указал и в этом январе так же доставить «москворецкого *чистого* (курсив наш. — К. Х., А. Ш.) льда против прошлых лет». Отвечать за это было поручено Приказу Большого двorca⁷⁷.

Большое значение для функционирования аптекарского огорода имела система полива. Вода использовалась из реки Неглинной. В 1692 г. насосных дел мастер Анцифер Степанов сделал деревянный насос, «которым насосом из Неглинной льют воду во тчаны для поливания всяких трав, цветов и корни»⁷⁸. Через два года, в июне 1694 г. у того же мастера были куплены «два насоса сосновые четырехсаженные» для тех же целей⁷⁹. По-видимому, в это время количество посадок увеличилось. С помощью трех насосов заполнялись водой чаны, из которых уже бралась вода для полива лейками. Помимо насосов, на огороде существовал колодец. В октябре 1693 г. «колодезник Покровской сотни тяглец Мишка Фомин уговорился» «починить колодец и вычистить»⁸⁰.

⁷⁵ Там же. Д. 1472. Л. 1.

⁷⁶ Там же. Д. 1464. Л. 1.

⁷⁷ РГАДА. Ф. 143. Оп. 3. Д. 425. Л. 1.

⁷⁸ Там же. Оп. 2. Д. 1468. Л. 1.

⁷⁹ Там же. Д. 1579. Л. 1.

⁸⁰ Там же. Д. 1542. Л. 1.

За всеми работами следил огородник. В 1694 г. Яган Алман был назначен «ведать» аптекарским садом. В указной памяти зафиксированы его обязанности и круг работ на огороде: «и у сиденья травных водок и масл и спиртов, которые сидятца на том выписанном аптекарском дворе, и у собрания всяких трав и цветов и корней, и у приему и отдачи стеклянной всякой посуды <...>, и над травниками и работникам смотреть ему, Ягану, чтоб водочному сиденью и травному всякому вышеписанному собиранию ни за чем остановки не было»⁸¹. А работа эта не прекращалась «марта с 1 числа по октябрь месяц или как минетца огородная работа»⁸². Таким образом, огородник следил за травниками, занимавшимися сбором и сушкой растений, а также работниками, выполнявшими обязанности, связанными с поливом и земляными работами.

В 1700 г. на аптекарском огороде происходили масштабные работы по строительству ограждения по всему периметру двора и сада. В деле зафиксированы общие размеры, которые существенно дополняют наши представления о развитии их территории. Если в конце XVI – первой половине XVII в. сад располагался между руслом Неглинки и современной ул. Моховой, то во второй половине века на противоположном правом берегу реки было выстроено сушило с навесом. К концу века территория вдоль стены Кремля уже была занята садом. Общая протяженность огорода и двора составляла 134 сажени, при этом в выписке из Аптекарского приказа указаны основные ориентиры: «Длиннику от плоские каменные башни, что по конец того огорода...до государевых дворцовых житниц, которые стоят близ аптекарского двора»⁸³. Аптекарский двор, как было сказано выше, располагался с северо-восточной части сада, следовательно житницы стояли, по-видимому, на месте бывших дворов певчих дьяков. Юго-западная граница сада проходила около так называемой «плоской» башни (совр. Оружейной башни). Ширина огорода и двора в разных концах была различной: «В

⁸¹ Там же. Д. 1566. Л. 1.

⁸² Там же. Д. 1502. Л. 17–18.

⁸³ РГАДА.Ф. 143. Оп. 3. Д. 499. Л. 6.

огороде ж поперечнику в верхнем конце у каменной башни 10 сажень, да через чардак (навес. — *К. Х., А. III.*) 23 сажени, да возле садовых ворот 20 сажень, да подле передних дворовых ворот 12 сажень, да возле государевых дворцовых житниц 7 сажень»⁸⁴.

Возведение ограды в виде дубовых «обрубов с тарасами»⁸⁵ было необходимо для укрепления береговой линии огорода вдоль обоих берегов реки Неглинной, а также садовых посадок и грядок по внешнему периметру. Конструкция такого ограждения представляла собой ряды вертикально набитых дубовых бревен толщиной 4 вершка (около 18 см) по 20 штук в одном звене. Всего было сделано 70 звеньев⁸⁶. Позади них сооружались деревянные укрепления в виде вертикальных свай и горизонтальных связей, пространство между частоколом и сваями засыпалось землей. Высота такого «обрубного» забора составляла 2 сажени (4,2 м). Верхний уровень обшивался горизонтальными деревянными перилами. Специальные грядки для посадки смородины, а также травяные грядки огораживались деревянными столбиками с маковками, которые соединялись между собой деревянными дубовыми связями из усечков на двух уровнях⁸⁷. В это же время были проведены ремонтные работы каменного погребца и деревянного навеса, а также засыпан ров около Кутафьей башни.

В 1706 г. по указу Петра I старые аптекарский двор и огород около Кремля были переданы из Приказа Большого Дворца в ведомство приказа Новой Аптеки. Огород занимал достаточно обширную территорию в длину вдоль Моховой улицы 140 сажень, вдоль реки Неглинной 131 сажень, ширина составляла «возле дворов верховых священников», то есть около Кутафьей башни и Троицкого моста 49 сажень, в другом конце около Боровицкого моста 40 сажень⁸⁸.

⁸⁴ Там же. Л. 17.

⁸⁵ Там же. Л. 2.

⁸⁶ Там же. Л. 6.

⁸⁷ Там же. Л. 20.

⁸⁸ РГАДА. Ф. 248. Кн. 390. Л. 543–543об.

В 1707 г. вокруг Кремля были возведены деревянные бастионы (больверки) для укрепления обороны от шведской армии. Стремясь сохранить сад у Неглинной, Петр I в письме от 3 июля к инженеру-фортификатору В.Д. Кочмину пишет: «Оптекарсково саду до времени портить не надо, а когда надобно в том месте палисады⁸⁹ поставить»⁹⁰. Важно было сохранить растения, поскольку сад в Лефортово только появился в тот же год, а огород под Новонемецкой слободой, по всей видимости, уже был ликвидирован (подробнее об этом см. в соответствующих разделах данной статьи). Растения из садов использовались для лечения больных и раненых военнослужащих, что в период Северной войны было исключительно необходимо.

Медицинская канцелярия финансировала строительство для управителя сада окулиста Богдана Вагнера, сторожей и работников огорода деревянных светлиц и изб, а также для содержания трав амбаров, сушилен, а также сухих погребов и ледников⁹¹. Перечисленные объекты составляли обычную номенклатуру построек для осуществления функционирования аптекарских огородов, и они периодически перестраивались и обновлялись, о чем свидетельствуют приходо-расходные книги Аптекарского приказа 1709–1711 годов⁹². К этому времени на территории огородного двора две жилые избы сдавались внаем калачнику, портному мастеру, кваснику. Последний владел здесь также квасной лавкой⁹³. Оброчные деньги с них собирались тем же аптекарским ведомством.

В 1712 г. во время обширного московского пожара все строения и огородные растения «выгорели без остатку», после чего на этой территории были выстроены вновь для управителя огорода деревянные жилые хоромы, а также для

⁸⁹ Палисад (палисада) франц. palissade, непоср. и через нем., гол. Palissade. «Оборонительное сооружение в виде частокола из заостренных сверху бревен». [СлРЯ XVIII 18 2011: 182].

⁹⁰ ПБП 6 1912: 4.

⁹¹ Там же. Л. 543об.

⁹² РГАДА. Ф 19. Оп. 1. Д. 1. Л. 37–37об, 44об–45; Ф. 16. Оп.1. Д. 320. Ч. 2. Л. 43об–46.

⁹³ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 320. Ч. 2. Л. 11об, 17об, 23, 26об; Ф. 16. Оп. 1. Д. 320. Ч. 3. Л. 13, 21.

травников, которые занимались сбором трав, кореньев и прочего в лесах и полях «про аптекарский обиход», для аптекарских работников Верхней Аптеки и сторожей деревянные жилые избы. Кроме того, для разведения и обработки трав оранжереи и погреба. Восстановление аптекарского двора и огорода осуществлялось за счет Медицинской канцелярии. При этом размеры огорода были несколько изменены. Теперь они составляли в длину по Моховой 140 саженей, вдоль Неглинной 83 сажени, поперечник в одном конце 44 сажени, в другом конце 53 сажени. Существенное сокращение длины вдоль Неглинки, по-видимому, объясняется возведением в 1707 г. бльверков вокруг Кремля. В связи с этим для дополнительной посадки трав стала использоваться земля на низком берегу реки Неглинки шириной в 30 саженей⁹⁴.

Во время коронации императрицы Анны Иоанновны весной 1730 г. на части территории аптекарского огорода на Неглинной были размещены мортиры для производства фейерверка. Одновременно на аптекарском дворе стояли деревянные жилые избы для аптекарей, травников, сторожей, всего 15-ти человек, а также в огороде для нужд Медицинской канцелярии размещались деревянные сараи, конюшни, лаборатория с угольными амбарами. В результате проведения коронационных праздников строения аптекарского огорода около Кремля были сломаны и лекарственные посадки также были повреждены⁹⁵. В сентябре того же года в прошении докторов отмечалось: «Аптекарский сад, лежащей между старого Каменного и Боровицкого мостов занят учрежденным фейерверком, и, хотя некоторая часть осталась, токмо видимо оное место к огороду быть не прочно, а без огорода Верхней аптеки пребыть не возможно <...> и впредь трав заготовить будет негде»⁹⁶.

Во время пожара 1737 г. старая территория Аптекарского огорода на Неглинной окончательно выгорела вместе с остатками деревянных построек. Освободившийся участок использовался как место для народных гуляний и развлече-

⁹⁴ РГАДА. Ф. 248 (Сенат и его учреждения). Оп. 1. Кн. 390. Л. 543об.

⁹⁵ Там же. Л. 543–544.

⁹⁶ Там же. Л. 565.

ний, во время праздников Масленицы, Рождества и Пасхи. В частности, здесь проводились популярные кулачные бои. В апреле 1743 г. в доношении обер-полицмейстера Нащокина отмечалось, что «усмотрено в Белом городе на Аптекарском саду великой кулашной бой»⁹⁷.

Аптекарские двор и огород за Мясницкими (Фроловскими) воротами

Из более поздних выписок в доклад из архива Аптекарского приказа известно, что этот огород просуществовал с 1653/54 г.⁹⁸ до октября 1690 года⁹⁹. Кроме того, из челобитной Андрея Виниуса декабря 1688 г. мы узнаем и причину высадки огорода на этом месте: после «морового поветрия» — эпидемии чумы, которая пришла в Москву в июне 1654 г. — в казну были взяты «розные порозжие выморочные места за Мясницкими вороты близ Земляного города и на тех местах построен <...> аптекарской огород»¹⁰⁰. Это дает возможность уточнить датировку создания аптекарского огорода за Мясницкими воротами и отнести ее, скорее, к августу 1654 года.

Местоположение огорода и его размеры позволяют определить документы Аптекарского приказа и опубликованные документы Тайного приказа 1676 года. Территорию сада и двора при нем можно локализовать в Земляном городе за Мясницкими воротами между Мясницкой улицей в приходе ц. Николая Чудотворца в Мясниках и Большим Харитоньевским переулком¹⁰¹. Размеры огорода были достаточно большими: длинник вдоль Мясницкой улицы — 96 сажень, по другой стороне — 120 сажень, поперечник от Земляного го-

⁹⁷ Там же. Кн. 7862. Л. 1.

⁹⁸ Поскольку ни дата, ни даже месяц в документе не указаны, можно говорить лишь о промежутке между сентябрем 1653 г. по август 1654 года.

⁹⁹ РГАДА. Ф. 143. Оп. 3. Д. 440. Л. 2.

¹⁰⁰ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Оп. 13. Д. 2557. Л. 343.

¹⁰¹ РГАДА. Ф. 143. Оп. 3. Д. 39. Л. 6; Ф. 143. Оп. 3. Д. 120. Л. 18; РИБ 1907: 200–201.

рода — 73 сажени, а по границе с Государевым Птичьим двором — 47 сажень¹⁰² (Илл. 6).

Самые ранние из дошедших до нас документов Аптекарского приказа о Мясницком дворе свидетельствуют о дворах служащих огорода. Летом 1657 г. значительная часть строений была перенесена в Огородную слободу, за Фроловские ворота¹⁰³: «Аптекарской двор от Кремля-города перенести, и истопников и сторожей перевести за Фроловские ворота, в Огородную слободу, и устроить подле двора Думного дьяка Семена Заборовского на пустых местах Федьки Лебетки да Третьячка Микитина да Самошки Пушкина; а по мере тех мест в длину в одном конце пятьдесят семь сажень в другом конце семнадцать сажень, поперек в одном конце сорок семь сажень с полусаженью, в другом конце двадцать сажень»¹⁰⁴. Свои жилые и хозяйственные постройки («дворовое их строение: хоромы, и заборы, и ворота»), которые располагались на этой территории, тяглецы слободы просили «сдать»¹⁰⁵, поскольку ранее они сами выращивали на этой земле продукты и запасали их: «С той земли всякие столовые запасы они пасли¹⁰⁶ и службы служили». Истопнику «Митке Петрову» был выделен двор при аптекарском огороде (очевидно, старом, возле Кремля) взамен его земли в Огородной слободе¹⁰⁷.

К апрелю 1658 года, то есть к началу следующего сельскохозяйственного сезона, относится память из Аптекарского приказа в Приказ Большого дворца с просьбой прислать двух человек «с сохами и с лошадьми», чтобы «вспахать» «новый» аптекарский огород¹⁰⁸ — вероятно, имеется в виду огород за Мясницкими воротами.

¹⁰² РИБ 1907: 200–201.

¹⁰³ Около современной Мясницкой улицы.

¹⁰⁴ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 241; РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 2557. Л. 344.

¹⁰⁵ Сдати — передать что-либо, кого-либо в чье-то ведение или владение (СлРЯ XI–XVII 23 1996: 240).

¹⁰⁶ «Паси² — ... 5. Готовить, запасать» (СлРЯ XI–XVII 14 1988: 164).

¹⁰⁷ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 247. Л. 1об.

¹⁰⁸ Там же. Д. 350.

Приходо-расходная книга 1670/71 г.¹⁰⁹ зафиксировала мелкие ремонтные работы на этом огороде: кровли на на-погребнице и на сарае¹¹⁰. Одновременно проводились текущие садовые работы: «На Аптекарском огороде что за Мясницкими вороты что у Земляного города зделано¹⁵⁰ гряд и выщены и борозды вскопаны, а от тех гряд работником Ивашку Васильиву с товарищи по 2 деньги от гряды»¹¹¹. Тогда же «для копания гряд куплено 10 заступов з деревьем в железном ряду у торгового человека у Андрея Пестенка, а за те заступы ему Андрею по 4 алтына»¹¹².

Известно, что работникам Аптекарского приказа — истопникам, лекарям, «алхимистских» дел ученику, толмачу и сторожам — по именным указам 1659/60, 1673/74, 1676/77, 1681 гг. разрешалось «жить на аптекарском огороде <...> на огородной земле». «Истопникам и лекарем, толмачю для близости к государевым делам (то есть к Кремлю, что ближе, чем остальные иностранцы, обязанные жить в Немецкой слободе. — К. Х., А. Ш.), а сторожам для сторожи и поливки всяких трав, цветов и коренья и иных прилежащих статей, которые прилежат к аптекарским делам»¹¹³. Там же, рядом с огородной землей была выделена земля под дворы аптекарей Ягана Гутбира и Петра Пиля: «Длиннику 49,5 сажень да поперечнику в одном конце 21 сажень, а в другом 15 сажень». Они прожили там, видимо, до апреля-мая 1682 г., «а того года в смутное время они те дворы покинули и ныне живут в Новонемецкой слободе»¹¹⁴. Под «смутным временем», вероятно, подразумевается период между смертью царя Феодора Алексеевича 27 апреля и стрелецким восстанием 15 мая и наступившем затем двоецарствием Петра и Ивана под регентством их сестры царевны Софьи. Спустя два года в мае 1684 г. аптекари стали просить вернуть им эти их дворы в качестве

¹⁰⁹ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. 812.

¹¹⁰ Там же. Л. 67об.

¹¹¹ Там же. Л. 74об–75.

¹¹² Там же. Л. 75.

¹¹³ РГАДА. Ф. 143. Оп. 3. Д. 39. Л. 1.

¹¹⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 2557. Л. 343.

загородных, что оспаривал дьяк Аптекарского приказа¹¹⁵ Андрей Виниус и бил челом, чтобы двор отдали ему за службу и заслуги¹¹⁶.

Осенью 1676 г. на огороде были высажены 41 грядка кустов красной смородины (1500 кустов), 20 грядок яблоневых семян, шесть грядок сливовых семян, четыре грядки терновых семян¹¹⁷. А в 1684 году, по свидетельству алхимиста Петра Пиля, в аптекарском саду «аптекарских трав, цветов и коренья нет»¹¹⁸.

Видимо, уже тогда весной появилась идея об упразднении аптекарского огорода за Мясницкими воротами и передачи его в частные руки. 15 апреля 1685 г. датируется указ о том, что «буде есть какие деревья *лишние* (курсив наш. — К. Х.), и те лишние деревья велеть продать по настоящей цене и те записывать в приходную книгу»¹¹⁹.

В 1688 году «продано с того огорода цветов и петрушки и посторнаку и яблочных прививков и огурцов и ягод смородины на 6 рублей на 10 алтын»¹²⁰, а в 1689 г. «продано смородины и петрушки и посторнаку на 6 рублей на 10 алтын»¹²¹.

4 октября 1690 г. по именному указу Петра I «аптекарский двор и огород, что за Мясницкими вороты в Земляном городе» были переданы из Аптекарского приказа во владение дяде царя — боярину Льву Кирилловичу Нарышкину. К этому времени огород возле Новонемецкой слободы (о нем см. ниже) существовал уже семь месяцев¹²². Однако и после смены собственника работники Аптекарского приказа продолжали жить на территории двора, где располагалась «изба белая с сеньми да в сенях два чулана» на две семьи¹²³.

¹¹⁵ Служил дьяком в Аптекарском приказе с 30 декабря 1677 г. (ПМГ 2015: 35).

¹¹⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 2557. Л. 343.

¹¹⁷ РИБ 1907: 200.

¹¹⁸ РГАДА. Ф. 143. Оп. 3. Д. 39. Л. 6.

¹¹⁹ Там же. Д. 160. Л. 1.

¹²⁰ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 320. Ч. 1. Л. 17.

¹²¹ Там же. Л. 35.

¹²² РГАДА. Ф. 143. Оп. 3. Д. 440. Л. 2.

¹²³ Там же. Оп. 2. Д. 1433. Л. 1.

Аптекарский двор на Смоленской улице

В составе документов Аптекарского приказа сохранился черновик указной памяти¹²⁴ в Костромскую четь¹²⁵ о выдаче денег «на строение ево великого государя нового аптекарского двора, что на Смоленской улице и на строенье ж и на починку аптекарского огорода, что возле каменного мосту» — он датируется 17 февраля 1671 года¹²⁶.

Двор на пересечении Смоленской улицы (совр. Воздвиженки) и Шуйского переулка (совр. Староваганьковского) известен с середины XVII в. как двор боярина Ивана Михайловича Милославского, который в 1667–1670 гг. возглавлял Аптекарский приказ¹²⁷. По-видимому, не случайно этот двор был передан в названное ведомство в качестве нового Аптекарского двора. Непосредственная близость этого владения к аптекарскому огорода и аптекарскому двору XVI–XVII вв. на берегу реки Неглинной около стен Кремля и Троицкой башни позволила расширить возможности по производству лекарств и создать единый комплекс старого и нового Аптекарских дворов. Приходо-расходные книги 1670-х гг. зафиксировали сведения о строительных работах на территории Аптекарского двора на Смоленской улице. В 1670/71 г. на старых каменных палатах (возможно, оставшихся от боярина И.М. Милославского) надстраивают новые верхние палаты, для которых из государевых Хамовных сараев привозят 10 000 штук кирпича, из Каменного приказа заготавливают связное железо, известь, в Лесном ряду за Покровскими во-

¹²⁴ Там же. Оп. 3. Д. 21. Л. 1.

¹²⁵ Известно, что не ранее 15 января, но и позднее 8 апреля 1671 г. Костромская четь была подчинена приказу Большого дворца (ПМГ 2015: 231–232). Исходя из того, что этот приказ играл существенную роль в жизни Аптекарского приказа, рискуем предположить, что уже в середине февраля Костромская часть находилась в распоряжении дворцового ведомства.

¹²⁶ Необходимо тем не менее отметить, что сохранились упоминания, датируемые августом 1670 г. об отпуске лекарств «на новый аптекарский двор» (РГАДА. Ф. 143. Оп. 3. Д. 17. Л. 8). Относятся они к аптекарскому двору на Смоленской улице или же к двору у Мясницких ворот, пока точно установить не удалось.

¹²⁷ Богоявленский 2006: 263.

ротами закупают кружала и бревна¹²⁸. В нижних и верхних палатах были сделаны печи и камины, а также слюдяные «окончины» с железными решетками, расписанные разными красками¹²⁹. Среди назначения помещений в каменных палатах названы лекарская палата, поварня с алхимической печью. Кроме того, на территории двора были построены деревянные жилые хоромы для доктора Лаврентия Блюментроста и для аптекаря Андрея Гезениуса. Строения были возведены в виде двойни с сенями на жилом подклете, с кирпичными печами, с крыльцами с рундуком. К жилым хоромам были возведены также хозяйственные строения: поварня, амбары, погреб¹³⁰.

В 1676 г. в делах Тайного приказа описаны только каменные постройки на Новом Аптекарском дворе на Смоленской улице. По границе с Крестовоздвиженском монастырем обозначен двухэтажный каменный объем с пивоварней, поварней и хлебной палатой на первом этаже и казенными палатами во втором этаже. По Шуйскому переулку обозначен каменный объем большой кормовой столовой палаты с 14 окнами, тридцатью столами и шестьюдесятью скамьями, большой кирпичной печью. К ней было пристроено деревянное крыльцо. Эта палата поставлена на каменных погребках. Среди деревянных построек названы четыре амбара с сушилами, где делали морсы и находился так называемый «ягодный стол»¹³¹.

Сравнительный анализ текстовых документов и чертежей Нового Аптекарского двора из фонда Тайного приказа 1660-х – 1670-х гг. позволяют частично представить его объемно-планировочную структуру. На одном из чертежей (Илл. 7) изображены деревянные хоромы-двойни с сенями по западной границе участка, а также поварни по границе с Крестовоздвиженским монастырем¹³². При этом каменные палаты по Шуйскому переулку не представлены. Два других, наибо-

¹²⁸ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 812. Л. 3–10.

¹²⁹ Там же. Л. 25–25об., 36, 84–84об.

¹³⁰ Там же. Л. 104об., 108.

¹³¹ РИБ 1907: 195–199.

¹³² РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 484. Ч. 1. Л. 26.

лее известных, чертежа (Илл. 8–9), показывают каменные палаты, которые занимают всю территорию Аптекарского двора с юга на север без учета наличия деревянных построек¹³³. Причем, если каменный объем по границе с монастырем действительно изображен двухэтажным и занятым поварнями и ледниками, то каменные палаты по Шуйскому переулку показаны частично трехэтажными, частично двухэтажными. Только одна палата обозначена как «Большая для кормок», то есть столовая палата, которая сохранилась до настоящего времени (совр. Староваганьковский пер., 25). По Смоленской улице и Шуйскому переулку нарисована каменная ограда с воротами, что соответствует текстовым документам. Возможно, что на вышеназванных чертежах изображена ситуация, не реализованная до конца при строительстве двора.

В 1676 г. Новый Аптекарский двор на Смоленской улице был передан в приказ Большого Дворца вместе со всеми хлебными и прочими запасами. Таким образом, Аптекарский двор перестал функционировать в качестве центра производства и продажи лекарств.

Аптекарский огород под Новонемецкой слободой

В конце XVII в. был заложен аптекарский огород около Новонемецкой слободы. Документально его функционирование прослеживается с 1690 по 1700 год. Локализовать территорию огорода можно по материалам приходо-расходной книги Аптекарского приказа, в которой он определен как «Аптекарской Бахартов огород, что под Новонемецкою слободою»¹³⁴. Бахартов двор назывался по имени датского купца Давыда Бахарта (Бахерахта), приехавшего в Россию в 1640-е гг.¹³⁵ и занимавшегося здесь коммерческой деятельностью. В частности, он выполнял обязанности зелейного уговорщика, то есть государственного агента по подготовке селитры. Такого рода поручения курировались Пушкарским приказом.

¹³³ Там же. Л. 28, 37.

¹³⁴ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 320. Ч.1. Л. 102.

¹³⁵ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1648 г. Д. 1; Ф. 150. Оп. 1. 1647 г. Д. 6.

Одновременно Давыд Бахарт имел собственную пороховую мельницу на Яузе¹³⁶. В 1652 г. Бахарт подрядился в течение десяти лет поставлять в казну 8 тыс. пудов пороха в год. Опасность данного производства требовала определенных условий. Поэтому датскому купцу по указу царя Алексея Михайловича была «досматривана и мерена» обширная территория ведомства Пушкарского приказа на Гороховом поле между руслами реки Яузы и ее притока ручья Ольховца около Старой Басманной слободы¹³⁷.

До 1690 г. владение на Гороховом поле принадлежало в качестве загородного двора руководителю Пушкарского, а затем и Посольского приказа князю В.В. Голицыну. 11 марта этого года по указу Петра I за приписью думного дьяка Протасья Никифорова¹³⁸ «двор и огород <...> со всяким дворовым и огородным строением, что за Земляным городом»¹³⁹, были конфискованы и переданы в Аптекарский приказ «для сеянья всяких трав, цветов и коренья и иных вещей, которые покупаютца за морем про аптекарской великих государей обиход»¹⁴⁰. Размеры двора В.В. Голицына указаны в выписке из Земского приказа, присланной в Аптекарский приказ: «Длиннику по воротам 201 сажень, поперешнику в заднем конце от Немецкой слободы 101 сажень, да в том же заднем конце от Немецкой же слободы по Яузе реке 440 сажень, в переднем конце поперешнику от Яузы реки от Земляного города от бани 58 сажень»¹⁴¹. Описание размеров свидетельствует о сложной конфигурации участка, обусловленной особенностями топографии местности.

Сразу же, еще весной того же 1690 г., к аптекарскому огороду было прикуплено луговое место иноземца полковника Алферья Выберха¹⁴². Размеры нового участка в деле не

¹³⁶ Ковригина 1998: 183.

¹³⁷ Лукьянов 1961: 141.

¹³⁸ Служил на тот момент в Поместном приказе (Веселовский 1975: 375; ПМГ 2015: 130). У Н.Ф. Демидовой, вероятно, опечатка — ошибочно указан «Пос.[ольский] пр.[иказ]» (Демидова 2011: 398).

¹³⁹ РГАДА. Ф. 143. Оп. 3. Д. 440. Л. 2.

¹⁴⁰ Там же. Оп. 2. Д. 1514. Л. 2.

¹⁴¹ Там же. Л. 3

¹⁴² Там же.

указаны. Об общих окончательных размерах всего владения можно судить по данным переписных книг 1745 г.: «На Гороховом поле двора <...> что был иноземца Бахарта, мерою того двора в переднем конце поперечнику от Ольховского притоку до Горохова поля, до угла, что против фартины 95 сажень, от того угла перелому до поперечника ж 60 сажень, поперечнику по воротам до угла 167 сажень, от того угла перелому до поперечника ж, что к Яузе по переулку 133 сажень, от показанного перелома поперечника по правой стороне к Яузе по пруду 100 сажень, в заднем конце поперечнику подле Яузы 154 сажени, по левую сторону длиннику подле Ольховского притоку 190 сажень, в середине длиннику от Горохова поля до Яузы 239 сажень, середине поперечнику 270 сажень»¹⁴³. Большая площадь участка, близость водных артерий определили выбор данной территории для размещения аптекарского огорода и построек аптекарского двора. Передача бывшего Бахартова двора Аптекарскому приказу именно в 1690 г. была продиктована тем, что к тому времени перестал функционировать аптекарский огород в Земляном городе за Мясницкими воротами. Как было сказано выше, он был пожалован Петром I своему дяде Льву Кирилловичу Нарышкину¹⁴⁴.

Как и другие, огород возле Новонемецкой слободы нуждался в охране. По сведениям источников он имел весьма внушительное ограждение: в 1694 г. руководитель Аптекарского приказа боярин Я.Н. Одоевский распорядился построить забор¹⁴⁵ в виде плетня, «вышиною в три аршина» (213 см), вдоль дороги в Басманную слободу, около луга и запруды до реки Яузы. Дополнительно предполагалось «опушить тот плетень можжевельным хворостом и подпереть дубовым кольем добрым»¹⁴⁶. Такие работы по укреплению, по всей видимости, были связаны с кражей забора, произошедшей в январе 1691 г.: «28 числа в ночи в 11 часу» рот-

¹⁴³ ПК 1885: 12–13.

¹⁴⁴ РГАДА. Ф. 143. Оп. 3. Д. 440. Л. 2.

¹⁴⁵ Это был не первый забор — известно, что забор существовал как минимум с начала 1691 г. (РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 1449) и поновлялся в мае 1692 г. (РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 1456. Л. 97–98).

¹⁴⁶ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 1571. Л. 1.

мистр Матвей Борисов сын Морец приезжал к тому аптекарскому огороду с товарищами своими и разобрал полтора звена забора, и перевез к себе на двор»¹⁴⁷.

В соответствии с общепринятой практикой содержания аптекарских огородов, на Бахартовом дворе также располагались жилые и хозяйственные постройки. Источники фиксируют наличие там в 1699 г. двух отдельных жилых изб для сторожей и работников сада, построенных на средства Аптекарского приказа¹⁴⁸. Кроме того, здесь располагались жилые деревянные хоромы, оставшиеся, по-видимому, от застройки В.В. Голицына. Из хозяйственных построек в документах упоминаются: амбар¹⁴⁹, «угольник», где хранили березовый уголь, «длиною трех сажен без локтя, поперег сажень, вышиною полторы сажени»¹⁵⁰. Функционирование огорода требует наличие водных ресурсов. Близость реки Яузы позволила сделать запруду, которая выполняла роль дополнительного источника воды непосредственно на территории огорода¹⁵¹.

Специализация огорода около Немецкой слободы отражена в делах текущего делопроизводства Аптекарского приказа и его прихода-расходных книгах. В 1698 г. была составлена роспись семян необходимых для огорода. В документе перечислены 17 видов семян: майоран, розмарин, лаванда, тимьян, шалфей, базилик, мелисса, фенхель, «рута» (мята), «кахлеарий» (ложечница лекарственная), цикорий, «изоп» (иссоп лекарственный), «борага» (огуречная трава), метрекария (ромашка аптечная), «милот» (кормовая трава семейства бобовых), «кардубендия» (кникус), шафрановый цвет. Наибольшее количество семян по весу предполагалось закупить майорану (126 г), шалфея (168 г), милота (100 г) и шафранового цвета (100 г)¹⁵². Из перечисленных семян мята, ложечница лекарственная, цикорий, иссоп, ромашка и шафрановый цвет были сразу переданы из аптекарского огорода на

¹⁴⁷ Там же. Д. 1449. Л. 1.

¹⁴⁸ Там же. Оп. 3. Д. 406. Л. 2.

¹⁴⁹ Там же. Д. 602. Л. 1.

¹⁵⁰ Там же. Оп. 2. Д. 1456. Л. 111.

¹⁵¹ Там же. Оп. 3. Д. 397. Л. 1–3.

¹⁵² Там же. Д. 386. Л. 2.

реке Неглинной. Остальные семена требовалось закупать. Одновременно в это же время на огороде собирались уже готовые травы — «боторость», «попавер» (пионовидный мак), «ромон» (ромашка), клевер, ноготки, настурция¹⁵³. Для аптекарского огорода под Новонемецкой слободой неоднократно закупались семена и садовый инвентарь на средства Аптекарского приказа. В 1692 г. по росписи, составленной со слов¹⁵⁴ огородника иноземца Якова Лихтенберга (который заведовал этим огородом), были куплены семена майорана, розмарина, «лавендулы» по 15 золотников, шалфея — 30 золотников, тимьяна 12 золотников, базилика — 6 золотников и мелиссы — 8 золотников¹⁵⁵; в целом масса семян составила 101 золотник¹⁵⁶ (около 431 г). В 1699 г. были закуплены семена майорана, розмарина, лаванды, тимьяна, базилика, шалфея, мелиссы, фенхеля, мяты, цикория, иссопа, огуречной травы, шафранового цвета¹⁵⁷. Позднее дополнительно были приобретены семена сельдерея и петрушки, которые отсутствовали в указанном выше списке. Тогда же были куплены удобрения и инвентарь для различных огородных работ: 100 возов навоза, 7 возов соломы «на покрывание гряд что с сереборинником (шиповником. — *К. Х., А. Ш.*), 20 рогож, 10 вязок мочал, вар на заварку яблоней», а также заступы, лопаты, топоры, садовые ножницы, гвозди¹⁵⁸. Солому использовали «для накрывания гряд от морозов»¹⁵⁹, навоз клали поверх грядок¹⁶⁰. Упоминание в тексте яблонь дает возможность предположить, что на огороде были сохранены растения из сада бывшего загородного двора В.В. Голицына. Ежегодно происходила починка старого инвентаря и закупка нового. Например, в мае 1694 г. «пояльщик»¹⁶¹ из Семеновской сло-

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ «По словесной скаске».

¹⁵⁵ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 1456. Л. 72.

¹⁵⁶ Один золотник — ок. 4,267 г (Каменцева, Устюгов 1965: 122).

¹⁵⁷ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 320. Ч. 1. Л. 102.

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 1456. Л. 148.

¹⁶⁰ Там же. Оп. 3. Д. 440. Л. 2.

¹⁶¹ Видимо лейки были из металла, так как их изготавливал и чинил паяльщик (СлРЯ XI–XVII 14 1988: 182).

боды Тимофей Михайлов «делал <...> две лейки новыя да починавал три лейки старыя»¹⁶².

В конце XVII в. на территории огорода под Новонемецкой слободой селились иноземцы, что часто приводило к конфликтам. В 1692 г. на аптекарском лугу люди полковника иноземца Артемия Росформа скосили и увезли траву для собственных нужд, при этом лошади полковника «на аптекарском великих государей огороде гряды и лекарственные травы потоптали»¹⁶³. В сентябре 1693 г. слуга жившего здесь танцевального мастера Карла Клуда «застрелил ис пистоли» «одно лебеда», из стаи государевых лебедей, пливших по Яузе¹⁶⁴.

29 сентября 1698 г по указу Петра I за приписью дьяка Ивана Алексеева¹⁶⁵ было приказано «Давыдов двор Бахерахта очистить. И буде на том дворе хто стояльцов есть из Аптекарского приказу, тех стояльцов всех сослать без мотчания для того, что на том дворе указал великий государь поставить нововыезжего иноземца майора Ленорта Фандорстана»¹⁶⁶. Проследить за исполнением указа следовало Пушкарскому приказу, в чьи руки вновь это владение фактически переходило, за исключением сада. Он, тем не менее, продолжал функционировать и в том же году работники сада подали челобитную с жалобой на поселившегося иноземца, который «гряд копать и навоз класть и семян сеять не дает и с огороду збивает»¹⁶⁷. Впрочем, как было показано выше, этот земельный конфликт не стал первым на данной территории.

Наиболее поздний из обнаруженных нами документов о функционировании огорода относится к 1700 г., в котором есть указание на передачу в приказ Новой Аптеки «трав, кореньев и цветов сухих и сырых торговою ценою на 52 рубли»¹⁶⁸. Не позднее 1718 г. бывший Бахартов двор перешел в

¹⁶² РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 1572. Л. 1.

¹⁶³ Там же. Д. 602. Л. 1.

¹⁶⁴ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 1540. Л. 1.

¹⁶⁵ Служил на тот момент в Пушкарском приказе (Веселовский 1975: 17; Демидова 2011: 25; ПМГ 2015: 150).

¹⁶⁶ РГАДА. Ф. 143. Оп. 3. Д. 440. Л. 2–3.

¹⁶⁷ Там же. Л. 3.

¹⁶⁸ Там же. Оп. 3. Д. 492. Л. 1.

частные руки и развивался как загородная усадьба Головкиных, а затем Разумовских (совр. ул. Казакова, 18–20). Царское решение о пожаловании двора Г.И. Головкину было продиктовано изменившейся ситуацией, связанной с развитием новой столицы. Указом Петра I 1714 г. один из островов Петербурга был отдан под нужды Медицинской канцелярии и Главной аптеки. Для выращивания лекарственных растений в юго-восточной части острова разбили аптекарский сад, давший название острову. Таким образом, ликвидация аптекарского огорода около Новонемецкой слободы в Москве в связи с переносом столицы в Петербург рассматривалась вполне закономерно.

Аптекарский огород около Лефортовского госпиталя

В XVIII в. развитие аптекарских дворов и содержание аптекарских огородов получили во многом новое направление. Северная война со Швецией диктовала создание военных госпиталей, действующих в качестве постоянных стационаров. Первый такой госпиталь был создан в 1706 г. по указу Петра I в Москве в Лефортово. В дальнейшем он успешно развивался и в настоящее время существует как Главный военный клинический госпиталь им. Н.Н. Бурденко (совр. Госпитальная площадь, 3). Первоначально организация этого медицинского учреждения возлагалась на доктора Н. Бидлоо, которому было поручено «построить за рекою Яузою против Немецкой слободы в пристойном месте гошпиталь для лечения болящих людей»¹⁶⁹. Первое здание госпиталя представляло собой деревянный прямоугольный в плане протяженный двухэтажный корпус, состоящий из нескольких срубов, соединенных сенями. В центральной части постройки располагалась церковь «Обновления Храма Воскресения Христова», все здание было украшено статуей «Милосердия». В состав штата служащих госпиталя входили 50 аптекарей. В 1707 г. около вновь выстроенного госпиталя были высажены лекарственные растения, положившие начало новому аптекарскому огороду, который функционировал не только для чисто практических медицинских целей, но и служил

¹⁶⁹ Максимов, Денисов 2007: 3; ИМВГ 1907: 74.

учебной базой для учеников медико-хирургической школы, открытой при госпитале. Известно, что сам Петр I посещал аптекарский огород и «неоднократно сажал травы и собирал растения»¹⁷⁰. Определить местоположение аптекарского сада позволяют планы Москвы 1767–1819 гг., фиксирующие к северу от комплекса построек госпиталя большую зеленую зону, ограниченную с запада рекой Яузой, а с востока — красной линией площади, по которой были поставлены несколько деревянных жилых построек. Документы свидетельствуют о том, что это были дома служащих госпиталя и аптека. В 1745 г. главный доктор госпиталя Л.Л. Блюментрост в своем доношении жаловался на недостаточное финансирование и сообщал о необходимости ремонта зданий и приведения в порядок аптекарского сада и огорода, которые из-за обрушившегося забора разорялись местными мальчишками и бродягами, а также обывателями, кравшими овощи для домашнего стола¹⁷¹.

Аптекарский огород у Сухаревой башни

Аптекарский огород за Сретенскими воротами у Сухаревой башни был заложен в марте 1731 г. вследствие того, что огород на Неглинной был существенно разрушен фейерверками во время коронации Анны Иоанновны, о чем речь шла выше. Под огород был отдан двор лейб-гвардии Преображенского полка генерал-майора В.Д. Корчмина¹⁷². Двор на стрелецкой земле у Сухаревой башни был отдан В. Корчмину в 1717 г. в оброк на 14 лет. Размеры двора в деле на 1717 г. указаны достаточно внушительные: длиннику 124 сажени, поперечнику 224 сажени. На территории двора был большой пруд. В 1729 г. решением Московской губернской канцелярии двор Корчмина за неуплату оброчных денег был отписан в казну. Местоположение двора, его размеры и наличие пруд-

¹⁷⁰ РГАДА. Ф. 143. Оп. 3. Д. 492. Л. 1.

¹⁷¹ ИМВГ 1907: 295, 297–298.

¹⁷² Корчмин Василий Дмитриевич (?–1731 г.), военный инженер петровского времени, руководил во время Северной войны осадной Нарвы, Ивангорода, Ниеншанца, строил оборонительную линию между Смоленском и Брянском, оборонительные укрепления Севска. В 1707 г. занимался укреплением Московского Кремля.

да сделали его привлекательным для устройства аптекарского сада. На прошении докторов Медицинской канцелярии об отдаче бывшего двора В.Д. Корчмина собственной рукой императрицы было написано: «Отдать в аптеку»¹⁷³.

Приложенный к делу план двора (Илл. 11) фиксирует ситуацию на 1730 г.: на нем показана территория значительно меньше отданной в 1717 г. В.Д. Корчмину — с длинником вдоль вала Земляного города 91 сажень и поперечником 59 сажень¹⁷⁴. Изменение размеров двора, отданного под аптекарский огород, на данный момент не имеет документального объяснения. По указу Сената уцелевшие жилые постройки и сараи со старого огорода были разобраны и перенесены на новый аптекарский двор.

В 1743 г. лейб-медик императрицы и директор Медицинской канцелярии Г. Лесток приказал составить опись «имеющимся на Московском медицинском огороде казенному строению и в ранжереях деревьям и прочим плантам и травам»¹⁷⁵. Так называемый «Инвентарь деревьям, находящимся в здешней оранжерее в медицинском саду» был составлен огородником Арнольдом Кайзером и дает представление об основных оранжерейных растениях аптекарского сада¹⁷⁶. В основном это деревья южного происхождения — акация, вишня, миндаль, абрикос, персик, самшит, кипарис, гранат, лавр, олеандр, орех, мирт, шелковица, инжир.

Развитие оранжерейных культур способствовало тому, что в конце XVIII в. аптекарский огород за Земляным городом у Сухаревой башни был реорганизован в ботанический сад ведомства Медицинской канцелярии. При этом в открытом грунте высаживались традиционные для аптекарских огородов травы — шалфей, перечная мята, ромашка, тысячелистник, душица, можжевельник, петрушка, тмин¹⁷⁷. В начале XIX в. ботанический сад был передан Московскому университету и существует до настоящего времени (совр. Про-

¹⁷³ РГАДА. Ф. 248. Оп.1. Кн. 390. Л. 565–572.

¹⁷⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. № 20.

¹⁷⁵ РГАДА. Ф. 346. Оп. 1. Кн. 73. Л. 7.

¹⁷⁶ Там же. Л. 11.

¹⁷⁷ РГАДА. Ф. 344. Оп. 2. Кн. 18. Д. 18. Л. 102–106.

спект мира, 26). Нужно отметить, что ошибочно принято считать датой основания ботанического сада МГУ 1706 г. по указу Петра I. Вышеизложенная документальная история убедительно опровергает данное утверждение.

Аптекарский огород в Алевиновом рву

В 1706–1737 гг. Главная аптека и позже Медицинская канцелярия размещались в здании бывшего Земского приказа около Воскресенских ворот, построенного в конце XVII в. (снесено в 1874 г., в настоящее время на этом месте располагается Исторический музей). Официально статус Главной аптеки был введен указом Петра от 10 декабря 1706 г. и определял его как центральную аптеку, которой были подчинены все казенные аптеки, в том числе и военные (полевые и госпитальные). Главная аптека занималась производством и продажей лекарств гражданскому населению. Такую аптеку возглавлял комиссар, которому подчинялись остальные казенные аптеки. В частности, в том числе, Нижняя аптека в Гостином дворе. При Главной аптеке был огород, который находился в это время в так называемом Алевиновом рву между Никольской и Арсенальной башнями Кремля¹⁷⁸. Ширина рва составляла от 32 до 36 м, глубина 12 м. В начале XVIII в. сам ров также принадлежал Медицинской канцелярии. Археологические раскопки 1970-х гг. подтвердили факт использования указанного отрезка рва под аптекарские растения¹⁷⁹. Полив огорода осуществлялся из колодца около Спасской башни.

29 мая 1737 г. во время большого московского пожара здание около Воскресенских ворот горело. В донесении московского градоначальника С.А. Салтыкова от 30 мая перечислены пострадавшие постройки на Аптекарском дворе около Кремля: «На Аптекарском Дворе с аптекарскими разными материалами и припасы, вверху большая материальная полата с двумя при ней полатами ж, да против той полаты еще три полаты с сеньми, в коих жил аптекарь, и на тех всех полатах на деревянных стропилах железная кровля сго-

¹⁷⁸ РГАДА. Ф. 346. Оп.1. Кн. 62. Д. 21. Л. 82.

¹⁷⁹ Панова 2014: 382–386.

рела и упала. На верху на аптекарских полатах кругом всего двора, под лещедными кровлями, разные припасы и в нижнем апартаменте погреба с разными аптекарскими материалами и припасами выгорели». Пострадал также и аптекарский огород: «Во рву у Никольских ворот казенная рабочничья изба и большой сарай с угольями сгорели»¹⁸⁰.

После этого Главную аптеку и аптекарский огород при ней было решено перенести на Моховую улицу.

Аптекарский огород возле Главной аптеки на Моховой

Городская усадьба на пересечении Моховой и Никитской улиц известна со второй половины XVII в. как владение князей Черкасских. Во время большого пожара 1712 г. каменные палаты Черкасских сгорели. К этому времени двор перешел в руки адмирала Ф.М. Апраксина, который выстроил в 1712–1714 гг. новую каменную усадьбу с главным домом и двумя флигелями¹⁸¹. Короткое время в 1728–1731 гг. дом на Моховой принадлежал князю В.В. Долгорукову, а после конфискации отошел в казну. В 1737 г. бывший жилой дом Ф.М. Апраксина был передан Московской медицинской канцелярии для размещения Главной московской аптеки¹⁸².

Перевод Главной аптеки на бывший двор Ф.М. Апраксина на Моховой улице проходил постепенно, в связи с ремонтом и приспособлением всех строений для нужд аптеки после того же пожара. В каменных главном доме, людских флигелях и хозяйственных корпусах сгорели кровли, деревянные оконные колоды (стекла лопнули), двери и полы. Пострадали также интерьеры в главном доме: штукатурные и лепные украшения, живописные детали¹⁸³. Нужно отметить, что для ремонта были частично использованы кровельное железо, а также железные, деревянные и стеклянные двери из старого здания аптеки на Красной площади¹⁸⁴. В процессе ремонтно-

¹⁸⁰ Салтыков 1858: 6.

¹⁸¹ Петров 1956: 144–146.

¹⁸² РГАДА. Ф. 1239. Оп. 1. Д. 1686. Л. 4.

¹⁸³ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 1. Д. 1686. Л. 5–7.

¹⁸⁴ РГАДА. Ф. 346. Оп. 1. Кн. 63.

строительных работ главного дома на Моховой была полностью заменена железная кровля с деревянными чердачными перекрытиями, сделаны новые окна, двери, деревянные перегородки, починены полы и печи. Отдельно нужно сказать об отделке «главной залы», в которой предполагалось разместить собственно аптеку. На своде был расписан живописный плафон с изображением государственного герба, по периметру стен штукатурный лепной фриз покрыт золотом¹⁸⁵. Все работы окончились к 1742 году. Тогда же из огорода во рву были перенесены аптекарские растения. В перечне упомянуты «яблони, четыре гряды кустов сереборинника [шиповника], смородины, кругом всех гряд коренья самбуковые [черной бузины], четыре гряды пионов, две гряды белых лилий, две гряды барбариса, четыре гряды спаржи». Дополнительно в новом аптекарском огороде на Моховой посажены фиалки и «другие разные нужные к аптеке коренья и травы»¹⁸⁶. Владение Главной аптеки и огород показаны на плане 1780-х гг. (Илл. 10)¹⁸⁷. Парадный двор был сформирован каменными объемами главного корпуса в глубине участка на высокой точке рельефа и двумя флигелями, выведенными торцевыми фасадами на Моховую улицу. Позади здания аптеки выстроен каменный корпус лаборатории. Аптекарский сад к северо-западу от комплекса построек изображен в виде регулярных квадратных куртин с дорожками между ними. На территории парадного двора показаны два каменных колодца для полива. Устройство такого колодца с насосом изображено на проекте 1737 г., предполагаемого к постройке при аптеке на Моховой улице¹⁸⁸. Московская Главная аптека с садом занимала указанное владение до конца 1790-х гг., когда ее обветшавшие строения были куплены А.И. Пашковым, построившим городскую усадьбу. В настоящее время на данной территории располагается здание факультета журналистики МГУ, построенное в 1830-е гг. и включающее частично объем бывшей Главной аптеки (совр. Моховая ул., 9).

¹⁸⁵ Там же. Л. 217.

¹⁸⁶ Там же. Л. 216.

¹⁸⁷ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 57. Д. 102.

¹⁸⁸ РГАДА. Ф. 346. Оп.1. Кн. 63. Л. 199.

Заключение

В рамках настоящего исследования уточнены география местоположения аптекарских садов и дворов в исторической структуре Москвы, что позволило осуществить привязку к современным городским территориям. За исследуемый период нам удалось выявить семь аптекарских садов и дворов при них, которые функционировали в разное время в Москве:

- Аптекарские огород и двор «что у каменного моста» (конец XVI в. – 1731 г.): *современная территория между Кремлем и Моховой улицей вдоль бывшего русла реки Неглинной*. С конца 1660-х гг., рядом с ними был возведен так называемый Новый Аптекарский двор на Смоленской (Воздвиженской) улице: *на территории современного владения по ул. Воздвиженке, 5/25*.

- Аптекарские огород и двор «за Мясницкие ворота в Земляном городе», «за Фроловскими воротами в Огородной слободе» («новый аптекарский огород»¹⁸⁹) (1653/54 г. – 4 октября 1690 г.): *современная территория между улицей Мясницкой и Большим Харитоньевским переулком*.

- Аптекарские огород и двор «что под Новонемецкой слободою», «за Земляным городом близ Новонемецкой слободы» («Бахартов двор») (11 марта 1690 г. – начало XVIII в.): *на территории современного домовладения по ул. Казакова, 18–20*.

- Аптекарский огород около военного госпиталя: *на территории современного домовладения по Госпитальной площади, 3*.

- Аптекарский огород за Сухаревой башней (1731 г. – начало XIX в.): *на территории современного домовладения Прспект мира, 26*.

- Аптекарский огород на Моховой ул. (1737 г. – конец 1790-х гг.): *на территории современного домовладения по ул. Моховая, 9*

- Аптекарский огород на Красной площади (1706–1737 гг.): *на месте бывшего Алевизова рва около Кремля*.

¹⁸⁹ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 350. Л. 1.

Таким образом, география аптекарских огородов и дворов на территории Москвы в течение XVII – первой половины XVIII в. охватывала несколько исторических районов города — Китая-города (около стен Кремля), Белого города (улицы Воздвиженка, Моховая), Земляного города (около Земляного вала рядом с Огородной дворцовой слободой), за Земляным городом (в Немецкой слободе и за Сухаревой башней).

Вновь выявленные источники позволили проследить производственную деятельность аптекарских дворов и огородов: выращивание трав, цветов и фруктов, их первичная обработка и изготовление на их основе различных лекарств. Процесс функционирования напрямую связан с застройкой аптекарских дворов, поэтому на основе анализа письменных и графических архивных материалов стало возможным представить структуру дворов и их трансформацию за весь указанный исторический период. Таким образом, можно сделать вывод, что по мере расширения социальной базы реализации лекарств среди населения города строились каменные дополнительные производственные помещения или использовались уже имевшиеся ранее постройки: в XVII в. – Новый Аптекарский двор на Воздвиженке, в XVIII в. – Главная аптека на Красной площади (бывшее здание Земского приказа), где проводилась и продажа лекарств.

Авторы выражают благодарность П.В. Коршуновой за помощь в подготовке иллюстраций.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Богоявленский 2006 — *Богоявленский С.К.* Московский приказной аппарат и делопроизводство XVI–XVII веков. М., 2006.
- Веселовский 1975 — *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XVI–XVII вв. М., 1975.
- Гольденберг 1968 — *Гольденберг П.И.* Петров чертеж Москвы как источник изучения ее планировки конца XVI – начала XVII в. // Археографический ежегодник за 1966 год. М., 1968. С. 53–64.

- Демидова 2011 — *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700): Биографический справочник. М., 2011.
- Жаринов 1994 — *Жаринов Г.В.* Записи о расходе лекарственных средств (1581–1582 гг.) // Архив Русской Истории. М., 1994. Вып. 4. С. 103–125.
- Забелин 1873 — *Забелин И.Е.* Московские сады в XVII ст. // Опыты изучения русских древностей и истории: Исследования, описания и критические статьи И.Е. Забелина. М., 1873. Ч. II. С. 266–321.
- Змеев 1887 — *Змеев Л.Ф.* Первые аптеки в России // Медицинское обозрение. 1887 г. № 21.
- ИМВГ 1907 — История Московского военного госпиталя к 200-летнему его юбилею 1707–1907 гг. М., 1907.
- Каменцева, Устюгов 1965 — *Каменцева Е.И., Устюгов Н.В.* Русская метрология. М., 1965.
- Ковригина 1988 — *Ковригина В.А.* Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII – первой четверти XVIII века. М., 1998.
- Лукьянов 1961 — *Лукьянов П.М.* История химических промыслов и химической промышленности в России. М.; Л., 1961. Т. 5.
- Максимов, Денисов 2007 — *Максимов И.Б., Денисов С.Л.* Вклад Главного военного клинического госпиталя имени академика Н.Н. Бурденко в становление и развитие отечественного государственного больничного дела, медицинского образования и науки // Роль московской гошпитали в становлении и развитии отечественного государственного больничного дела, медицинского образования и науки. М., 2007.
- Новомбергский 1902 — *Новомбергский Н.Я.* Очерки по истории аптечного дела в до-Петровской Руси. СПб., 1902.
- Новомбергский 1907 — *Новомбергский Н.Я.* Врачебное строение в допетровской Руси. Томск, 1907.
- Панова 2014 — *Панова Т.Д.* Алевизов ров — история и материалы исследования // Московский Кремль XVI столетия. Древние святыни и исторические памятники. М., 2014. С. 382–386.
- Петров 1956 — *Петров А.Н.* Палаты фельдмаршала Б.П. Шереметева и Ф.М. Апраксина в Москве // Архитектурное наследство. М., 1956. № 6. С. 144–146.
- ПБП – Письма и бумаги императора Петра Великого. Спб.-М., 1887–2021.
- ПК 1885 — Переписные книги г. Москвы 1737–1745 гг. М., 1885. Т. 6.

- ПМГ 2015 — *Лисейцев Д.В., Rogojin Н.М., Эскин Ю.М.* Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: Словарь-справочник. М.; СПб., 2015.
- ПСЗРИ 1830 — Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 1.
- Птицына 2010 — *Птицына О.Ю.* Аптекарский огород Спасо-Евфимьева монастыря // Владимирский Земледелец. 2010. № 3. С. 37.
- РИБ 1907 — Русская Историческая Библиотека. СПб., 1907. Т. XXI. Кн. 1. Дела Тайного приказа.
- Салтыков 1858 — *Салтыков С.А.* О московском большом пожаре, случившемся мая 29 дня 1737 г. М., 1858.
- СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. М.; СПб., 1975–2019. Вып. 1–31.
- СлРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; — Л. (СПб): Наука, 1984—2019.
- Строев 1844 — Выходы государей царей и великих князей, Михаила Феодоровича, Алексея Михайловича, Феодора Алексиевича, всея Руси самодержцев (с 1632 по 1682 г.) / Авт. предисл. П.М. Строев. М., 1844.
- Худин 2013 — *Худин К.С.* «Травники» и «помясы». К вопросу о деятельности Аптекарского приказа (1629–1645 гг.) // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. М., 2013. Вып. 3: Третьи чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 21–23 ноября 2013 г. С. 423–427.
- Черный 2010 — *Черный В.Д.* Русские средневековые сады: Опыт классификации. М., 2010.
- Шамин 2015 — *Шамин С.М.* Накры как один из атрибутов государственной власти: От Ивана IV до Петра I (к вопросу о царском трубничем чине) // Каптеревские чтения. М., 2015. Вып. 13. С. 322–337.

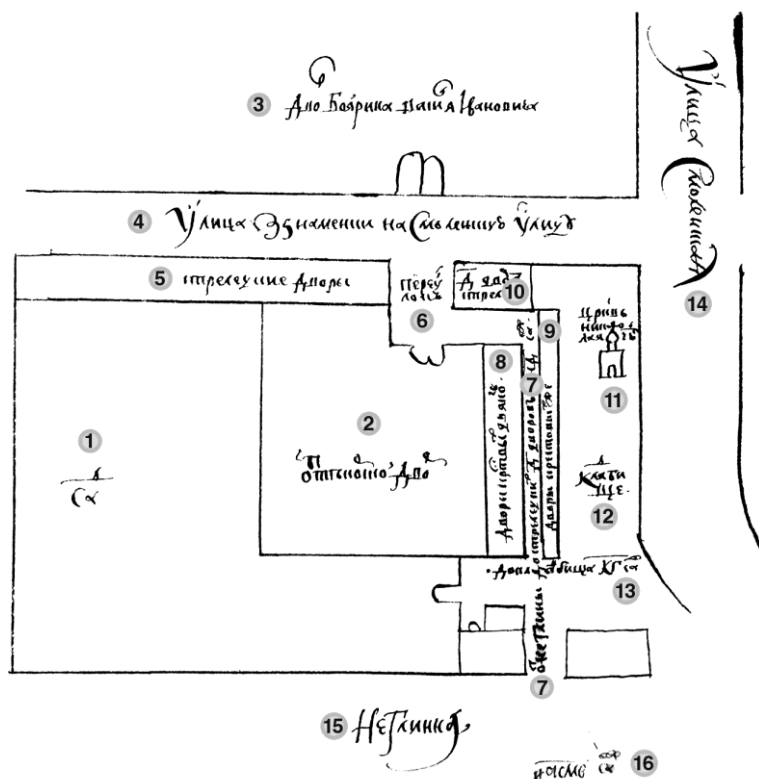

Илл. 1

Фрагмент Петрова чертежа Москвы с видом аптекарского огорода около Кремля вдоль реки Неглинки. Около 1597 г.

Графическая прорисовка П.В. Коршуновой.

Цифрой «3» обозначен аптекарский огород на берегу реки Неглинки

Илл. 2

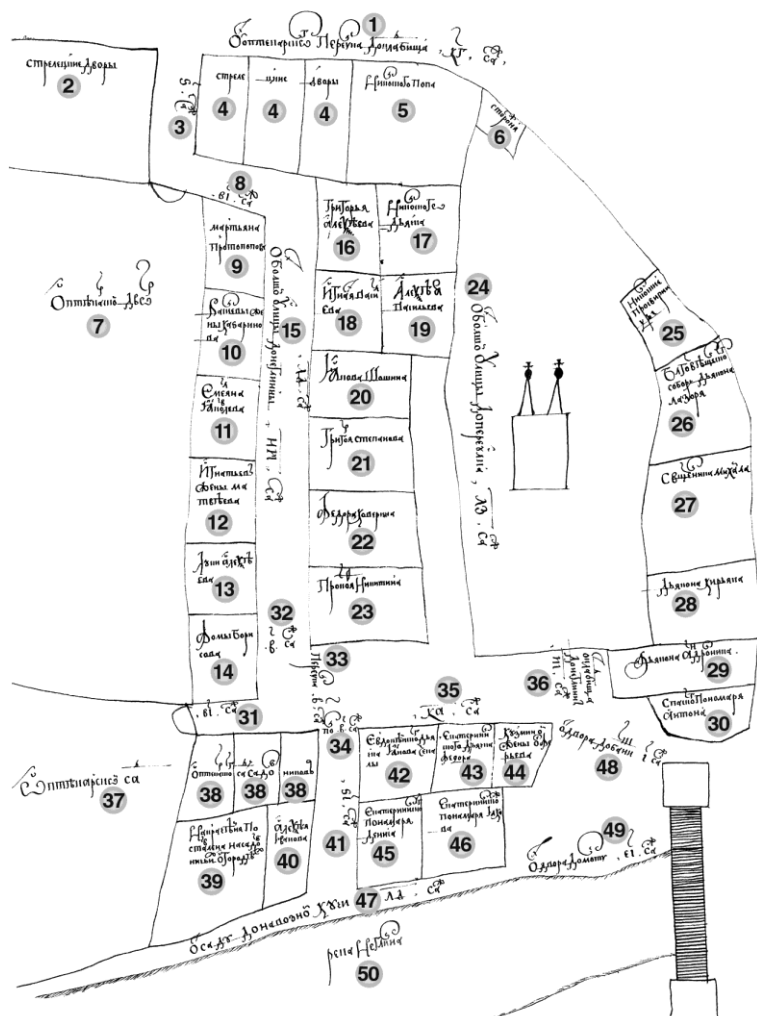
Чертеж аптекарского двора и сада
между Неглинной и Моховой улицей. 1650–1670-е гг.

Графическая прорисовка П.В. Коршуновой.

РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 484 ч. 1. № 23

Обозначения:

1 — Сад. 2 — Аптекарской двор. 3 — Двор боярина Василия Ивановича [Стрешнева]. 4 — Улица з Знаменки на Смоленскую улицу. 5 — Стрелецкие дворы. 6 — Переулок. 7 — От Неглины до стрелецких 4 дворов 54 саж[ени]. 8 — Дворы крестовых дьяков. 9 — Дворы крестовых же [дьяков]. 9 — 4 двора стрелецких. 10 — Церковь Николая Чюд[отворца]. 11 — Кладбище. 12 — До кладбища 23 саж[ени]. 13 — Улица Смоленская. 14 — Неглинна. 15 — 1242 саж[ени].

Илл. 3

Чертеж части аптекарского двора и сада с прилегающими дворами
около Кутафьей башни. 1650–1670-е гг.

Графическая прорисовка П.В. Коршуновой.

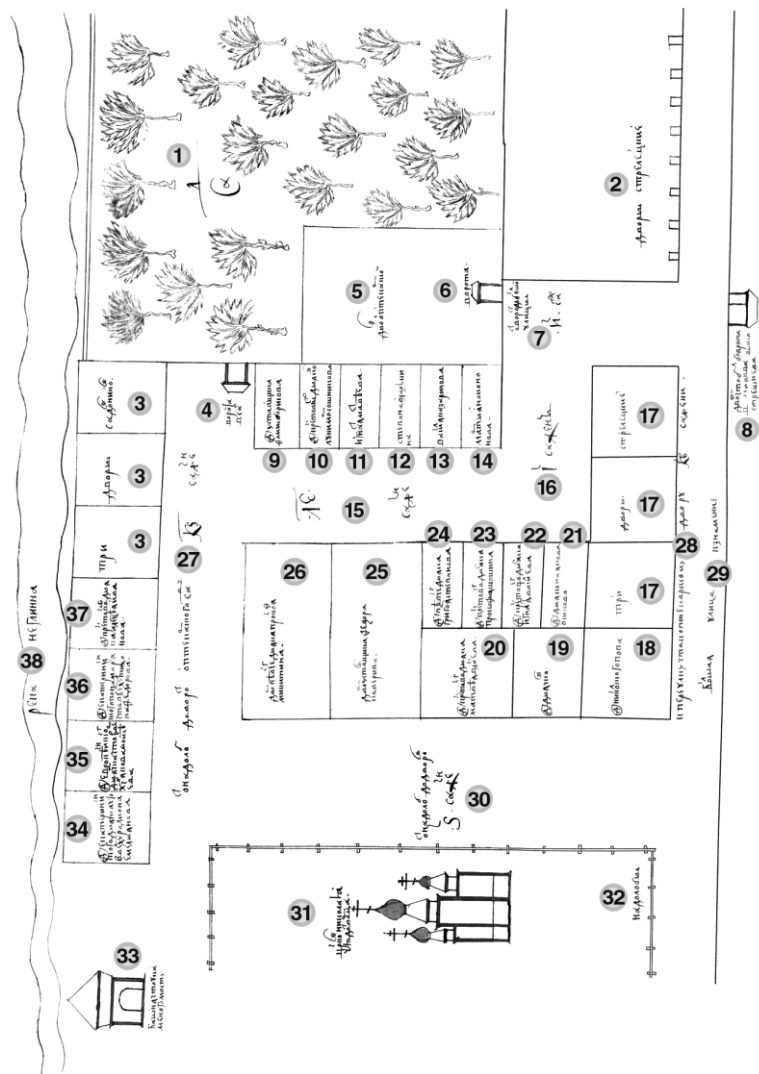
РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 484 ч. 1. № 40

Обозначения:

1 — От Аптекарского переулкa до кладбища 23 саж[ени]. 2 — Стрелецкие дворы. 3 — 6 саж[ен]. 4 — Стрелецкие дворы. 5 — Никольского попа. 6 — Сторожня. 7 — Аптекарской двор. 8 — 12 саж[ен]. 9 — Мартьяна Протопопова. 10 — Васильевы жены Казаринова. 11 — Емельяна Яковлева. 12 — Игнатьевы жены Матвеева. 13 — Луки Алексеева. 14 — Фомы Борисова. 15 — От Большой улицы до Неглинны 58 саж[ен]. 16 — Григорья Алексеева. 17 — Никольского дьячка. 18 — Игнатья Васильева. 19 — Алексея Васильева. 20 — Якова Шошина. 21 — Григорья Степанова. 22 — Федора Коверина. 23 — Прокофья Никитина. 24 — От Большой улицы до переулкa 37 саж[ен]. 25 — Никольские просвирицы. 26 — Благовещенского собору дьякона Лазоря. 27 — Священника Михайла. 28 — Дьякона Кирьяна. 29 — Дьякона Андронника. 30 — Спасского пономаря Антона. 31 — 12 саж[ен]. 32 — 2 саж[ени]. 33 — Переулкa 2 саж[ени]. 34 — По 2 саж[ени]. 35 — 21 саж[ень]. 36 — От кладбища до Неглинны 18 саж[ени]. 37 — Аптекарской сад. 38 — Аптекарского саду садовников. 39 — Накрачейня поставлена на садовничьих огородах. 40 — Алексея Иванова. 41 — 16 саж[ен]. 42 — Евдокейского дьячка Якова Чекалы. 43 — Екатерининского дьячка Федора. 44 — Кузминой жены Олферьева. 45 — Екатерининского пономаря Дениса. 46 — Екатерининского ж пономаря Якова. 47 — От саду до навозной кучи 34 саж[ени]. 48 — От двора до Башни 10 саж[ени]. 49 — От двора до мосту 15 саж[ен]. 50 — Река Неглинна

Обозначения:

1 — Сад аптекарской. 2 — Стрелецкие дворы. 3 — 3 д[вора] садовника. 4 — Ворота в сад. 5 — Двор аптекарской. 6 — Ворота. 7 — От ворот до большой улицы 8 саж[ен]. 8 — Ворота. 9 — Двор, что был преж сего боярина Василья Ивановича Стрешнева. 10 — Саж[ень] с третью. 11 — [Уставщика] Фомы Борисова. 12 — 5 дворов крестовых дячков. 13 — Переулкa 35 саж[ен]. 14 — Дьяка крестового Алексея Иванова. 15 — Екатерининского понамаря Тихона Федорова. 16 — Евдокейского дячка Якова Моисеева. 17 — Екатерининского дячка Радиона Емельянова. 18 — 36 саж[ен]. 19 — 5 саж[ен]. 20 — <1> саж[ень]. 21 — Государева певчего дяка Прокофья Микитина. 22 — Государева уставщика Федора Коверина. 23 — Певчего же Григорья Степанова. 24 — Крестового Прохора Шошина. 25 — Крестового Игнатия Васильева. 26 — Дьякона [...]вой. 27 — Дьяка крестового Матвея Власьева. 28 — Никольского дячка Никиты. 29 — 10 саж[ен]. 30 — Стрелецких 3 д[вора]. 31 — Попов д[вор]. 32 — По мере 22 сажени. 33 — Улица Большая к Знаменке. 34 — Меж дворов 6 саж[ен]. 35 — Надолбы. 36 — Церковь великого чудотворца Николы. 37 — Саж[ень] 3 чети аршина. 38 — Башня. 39 — От Башни до дворов 10 саж[ен] с поларшином. 40 — От церковной ограды до реки 20 саж[ен]. 41 — Д[вор] 18 саж[ен] длина. 42 — Река Неглинна. 43 — Кремль

Илл. 5

Аналогичный чертеж с наложением красок. 1650–1670-е гг.

Графическая прорисовка П.В. Коршуновой.

РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 484 ч. 4. № 59.

Обозначения:

1 — Сад. 2 — Дворы стрелецкие. 3 — Три дворы садовников. 4 — Ворота в сад. 5 — Двор аптекарской. 6 — Ворота. 7 — От ворот до Большой улицы. 8 — Двор, что был боярина Василия Ивановича Стрешнева. 9 — Д[вор] уставщика Фомы Борисова. 10 — Д[вор] крестовых дячков Луки Морсошникова. 11 — Игнатъя Матееева. 12 — Степана Владыкина. 13 — Василья Казаринова. 14 — Мартъяна Кононова. 15 — 35 сажен. 16 — 10 сажен. 17 — Три дворы стрелецкие. 18 — Д[вор] никольского попа. 19 — Д[вор] дячков 20 — Д[вор] крестового дяка Матвея Власьева. 21 — Д[вор] дякона Якова Осипова. 22 — Д[вор] крестового дяка Игнатъя Васильева. 23 — Д[вор] крестового дяка Прокофья Шошина. 24 — Д[вор] певчего дяка Григорья Степанова. 25 — Двор уставщика Федора Коверина. 26 — Двор певчего дяка Прокофья Микитина. 27 — От надолбов до ворот аптекарского саду 26 сажен. 28 — К переулку, что к аптекарскому двору 22 сажени. 29 — Большая улица к Знаменке. 30 — От надолбов до дворов 6 сажен. 31 — Церковь Николая Чюдотворца. 32 — Надолбы. 33 — Башня, что у каменного мосту. 34 — Д[вор] Екатерининского дячка, что вверху Родиона Емельянова. 35 — Д[вор] Евдокейского дячка, что вверху ж Якова Моисеева. 36 — Д[вор] Екатерининского понамаря, что вверху Тихона Федорова. 37 — Д[вор] крестового дяка Алексея Иванова. 38 — Река Неглинна

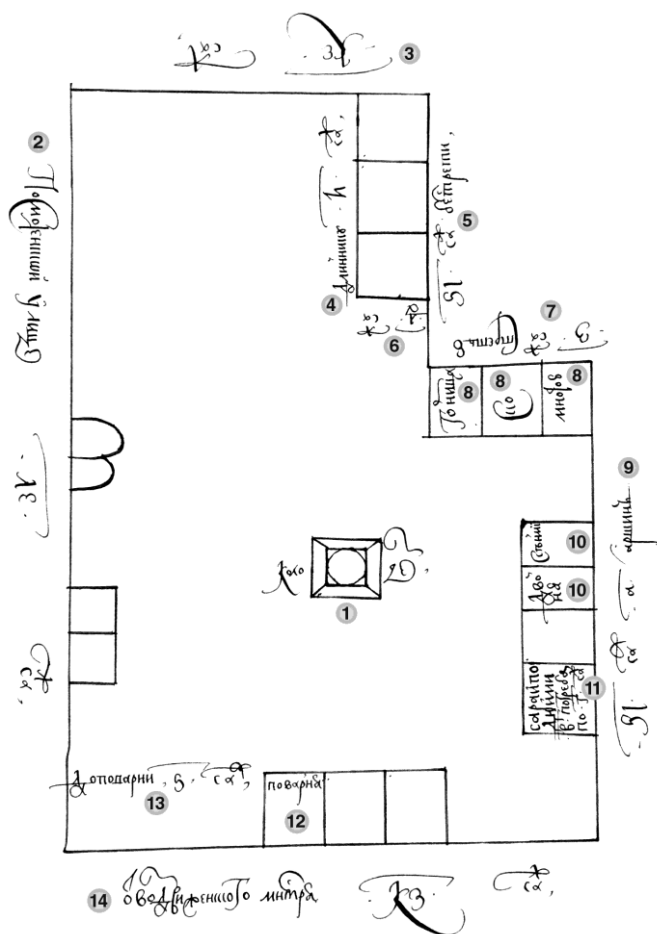

Илл. 6

Фрагмент плана Москвы инженера Горихвостова с обозначением территории аптекарского сада за Мясницкими воротами. 1768 г.

Графическая прорисовка П.В. Коршуновой.

Цифрой «1» обозначено примерное место Аптекарского сада за Мясницкими воротами

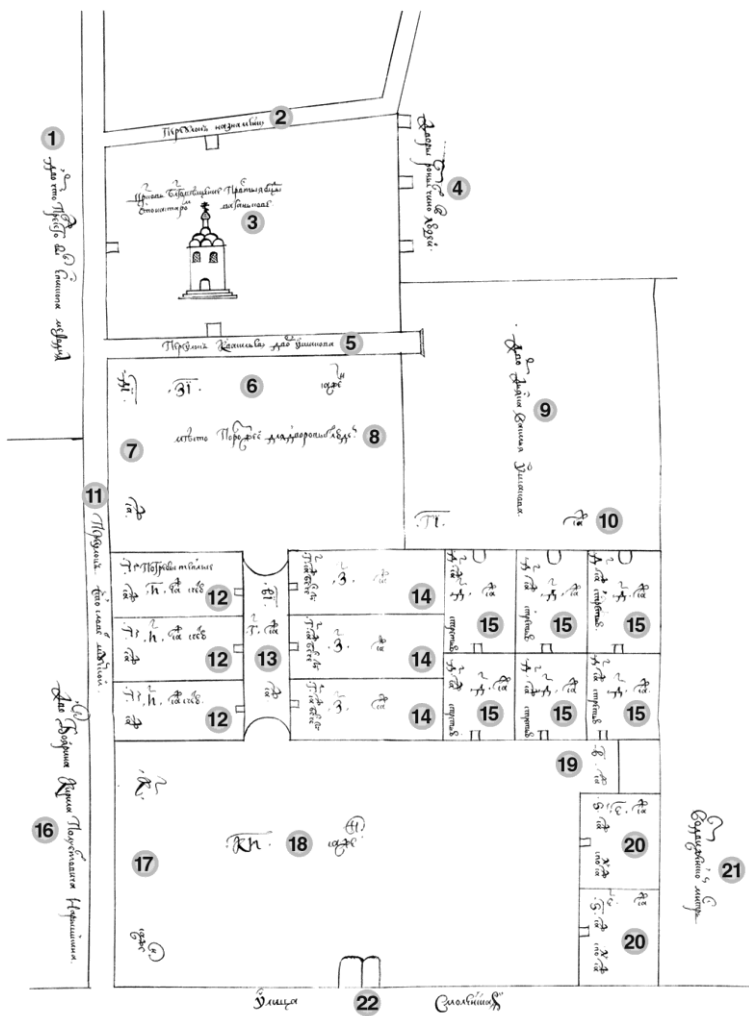
Илл. 7

Чертеж Аптекарского двора на Воздвиженке. 1670-е гг.

Графическая прорисовка П.В. Коршуновой.

РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 484 ч. 1. № 26.

Обозначения: 1 — Колодезь. 2 — По Смоленской улице 35 саж[ен]. 3 — 25 саж[ен]. 4 — Длиннику 8 саж[ен]. 5 — 16 саж[ен] бес трети. 6 — 4 саж[ени]. 7 — 7 саж[ен] с третью. 8 — Горница с комнотою. 9 — 16 саж[ен] 10 аршин. 10 — Двойна с сеньми. 11 — Сарай, под ними 2 погреба по 3 саж[ени]. 12 — Поварня. 13 — До поварни 6 саж[ен]. 14 — От Воздвиженского монастыря 27 саж[ен]

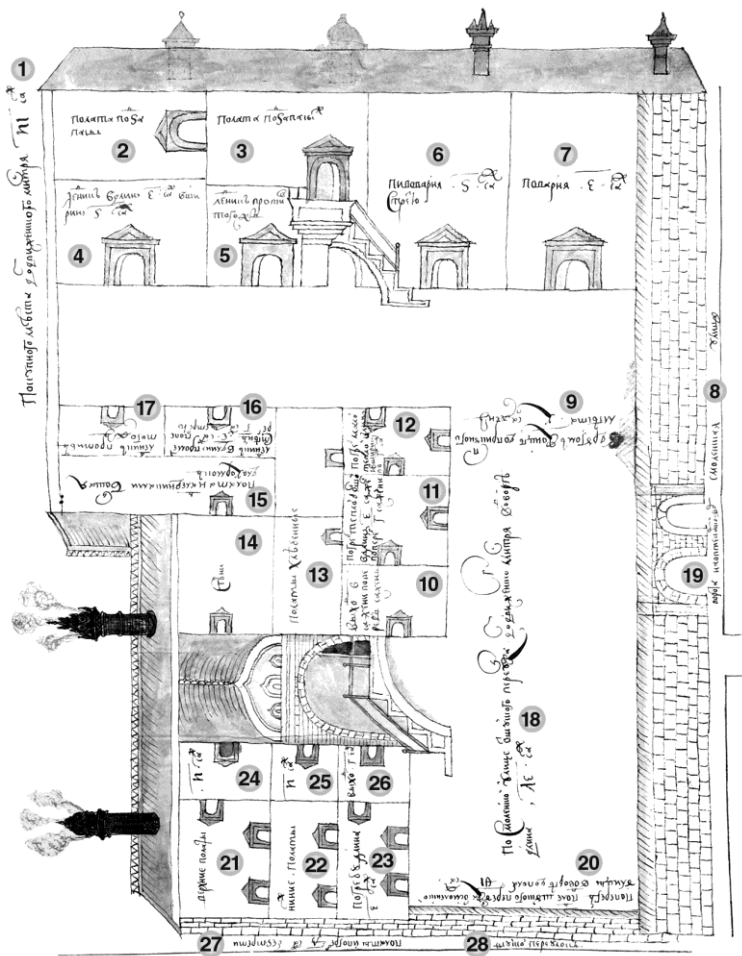

Илл. 8

Чертеж Аптекарского двора на Воздвиженке
с обозначением застройки. 1670-е гг.
Графическая прорисовка П.В. Коршуновой.
РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 484 ч. 1. № 28.

Обозначения:

1 — Двор, что преж сего был епископа Мефодия. 2 — Переулок на Знаменку. 3 — Церковь Благовещение Пресвятыя Богородицы, что на Старом Ваганькове. 4 — Дворы розных чинов людей. 5 — Переулок к Васильева двору Ушакова. 6 — 17 сажен. 7 — 14 саж[ен]. 8 — Место порозжее для дворовых людей. 9 — Двор дьяка Василья Ушакова. 10 — 13 саж[ен]. 11 — Переулок, что словоет Шуйской. 12 — Погребы теплые 8 саж[ен] с четью - 3 саж[ени]. 13 — 12 саж[ен] - 3 саж[ени]. 14 — 7 саж[ен] - 3 саж[ени] бес чети. 15 — 4 саж[ени] - 4 саж[ени] с третью. 16 — Двор боярина Кирила Полуехтовича Нарышкина. 17 — 20 сажен. 18 — 28 сажен. 19 — 2 саж[ени]. 20 — 6 саж[ен] с полусаж[енью] - 5 саж[ен]. 21 — Воздвиженской монастырь. 22 — Улица Смоленская

Илл. 9

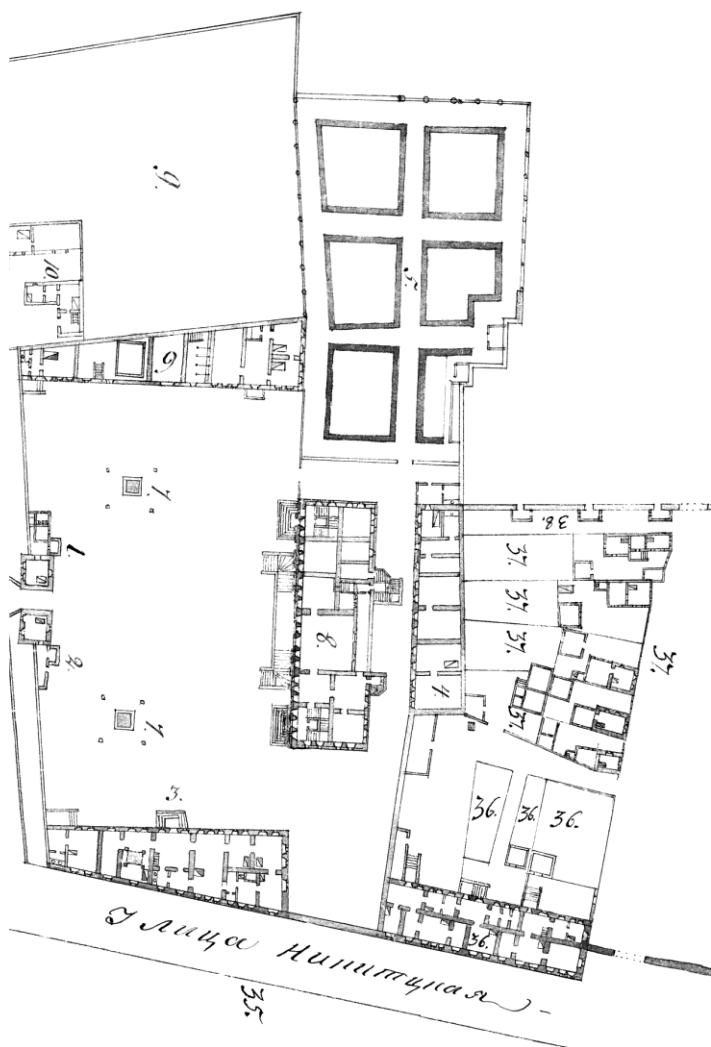
Чертеж Аптекарского двора на Воздвиженке с обозначением архитектурных деталей строений с наложением красок. 1670-е гг.

Графическая прорисовка П.В. Коршуновой.

РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 484 ч. 1. № 37.

Обозначения:

1 — Покупного места Воздвиженского монастыря 18 саж[ен]. 2 — Полата под запасы. 3 — Полата под запасы ж. 4 — Ледник в длину 5 саж[ен], ширину 6 саж[ен]. 5 — Ледник против того ж. 6 — Пивоварня 6 саж[ен] с третью. 7 — Поварня 5 саж[ен]. 8 — Смоленская улица. 9 — В другом конце до прикупного места 20 саж[ен]. 10 — Выход 2 сажени, поперек саж[ен]. 11 — Погреб теплой большой в длину 5 саж[ен], поперек 3 сажени. 12 — Погреб малой теплой в длину и в ширину по 3 саж[ени]. 13 — Полаты хлебные. 14 — Сени. 15 — Полата над ледниками большая для кормок. 16 — Ледник в длину промеж стен 5 саж[ен], поперек 3 саж[ени] с третью. 17 — Ледник против того ж. 18 — По Смоленской улице от Шуйского переулкa до Воздвиженского монастыря во дворе, длина 35 саж[ен]. 19 — Ворота на аптекарской двор. 20 — Поперек подле Шуйского переулкa от Смоленской улицы во дворе до полат 19 саж[ен]. 21 — Верхние полаты. 22 — Нижние полаты. 23 — Погребу длина 5 саж[ен]. 24 — 8 саж[ен]. 25 — 8 саж[ен]. 26 — Выход 3 саж[ен]. 27 — Полаты и погреб 4 саж[ени] без трети. 28 — Шуйской переулк

Илл. 10

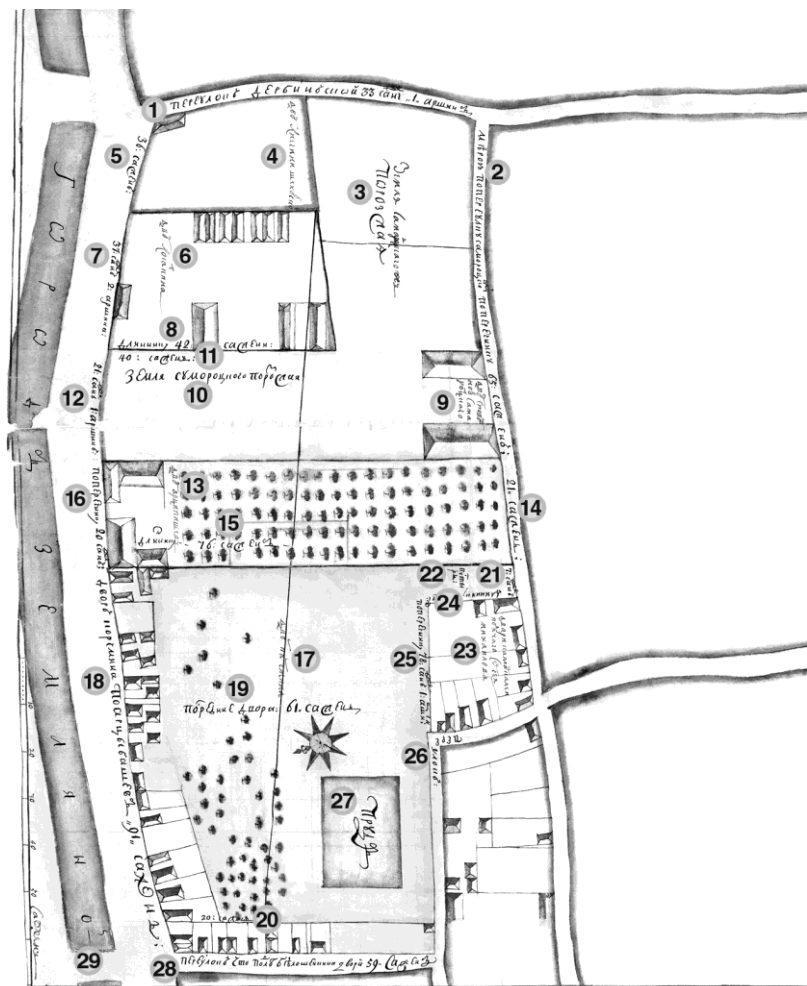
Фрагмент плана территории в районе Моховой улицы с обозначением Главной аптеки и аптекарского сада. 1780-е гг.

Графическая прорисовка П.В. Коршуновой.

РГАДА. Ф. 1239. Оп. 57. Д. 102.

Обозначения:

1 — Каменная приворотная полата с деревянными сеньми. 2 — Полата каменная караульная с сеньми деревянными. 3 — Покой, к которых живет аптекаръ Липолд с фамилиею. 4 — Лабратория и при ней в линии кладовые припасные полаты. 5 — Аптекарский огород. 6 — Линия полат, где живут аптекарские гезели и ученики, и меж ими конюшни и анбар с погребом. 7 — Два колодезя. 8 — Аптека с материал[...] и с канторными полаты и с сеньми. 9 — Вновь принятая на обмен земля князь Федора Голицына, которая приобщена к аптекарскому огороду. 10 — [...] с каменным и деревянным строением церкви Уара мученика, что при дворце [...] Проковья Михайла

Илл. 11

Фрагмент плана аптекарского огорода за Суаревою башней за Земляным городом (совр. Проспект мира, 26). 1730 г.

РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Д. 20.

Обозначения:

— Переулок Дербинской 33 сажени 1 аршин. 2 — Мерею по переулку Самороцкому по перечник 65 сажен; 21 сажен. 3 — Земля Самороцкого ж порозжая. 4 — Двор кнегини Шехобской. 5 — 36 сажен. 6 — Двор Косаткина. 7 — 37 сажен 2 аршина. 8 — Длиннику 42. 9 — Двор с поварною Самаротцкаго. 10 — Земля Сумороцкого порозжая. 11 — 40 сажен. 12 — 21 сажен 1 аршин. 13 — Двор Арципишев. 14 — 21 сажен. 15 — 76 сажен. 16 — Поперечнику 20 сажен. 17 — Двор Карчмина. 18 — Двор Корчмина по Арцыбашев 91 сажен. 19 — Посредине двора 61 сажень. 20 — 20 сажен. 21 — 7 сажен. 22 — Пустырь. 23 — Двари камаркалеи подъячаго Сергея Михайлова. 24 — Длиннику 15 сажен. 25 — Поперечнику 78 сажен 1 аршин. 26 — Переулок. 27 — Пруд. 28 — Переулок, что подле Белошенкина двора 59 сажен. 29 — Город Земляной

А.Л. КАРЕТНИКОВ

МЕЖЕВЫЕ ЯМЫ ПЕРИОДА ГЕНЕРАЛЬНОГО МЕЖЕВАНИЯ

ОПЫТ ПОИСКА

Аннотация: В статье рассматриваются межевые ямы, выявленные в ходе натурных исследований на границе современных Ростовского и Переславского районов Ярославской области в урочище «Гора святой Марии». Автор анализирует планы Генерального межевания, параметры выявленных ям, особенности их местоположения и предлагает алгоритм поиска подобных объектов на местности. Исследовательские возможности, которые открывает точная локализация межевых ям, рассмотрены на примере ближайших окрестностей летописного погоста Марии Египетской, охваченных современной топо съемкой в масштабе 1:500.

Ключевые слова: Генеральное межевание, межевая яма, межевой столб, исторический ландшафт, землевладение, Переславский уезд, погост Марии Египетской

Теперь я поведу тебя посмотреть...
границу, где оканчивается моя земля...
Прошедши порядочное расстояние,
увидели, точно, границу, состоявшую
из деревянного столбика и узенького рва.

(Н.В. Гоголь. Мертвые души)

Материалы Генерального межевания — планы, межевые книги, полевые записки землемеров, экономические примечания — уникальный источник по истории России

второй половины XVIII–XIX веков¹. Кроме того, они могут дать значительный объем ретроспективной информации².

В 1970-е–1990-е гг. планы Генерального межевания стали привлекаться археологами (С.З. Чернов, В.А. Буров, А.А. Фролов) для проведения комплексных микрорегиональных исследований структур расселения и шире — исторического ландшафта³. В результате был накоплен значительный опыт по работе с ними⁴.

Эпиграф к данной статье выбран не случайно. В ходе проведения комплексных историко-археологических исследований в урочище «Гора святой Марии» автор статьи пытался точно соотнести выявленные памятники археологии с планами Генерального межевания, однако нанесение прорисовок границ на карту землепользования давало сильную погрешность. Цитата из произведения Н.В. Гоголя «Мертвые души» позволила задуматься о необходимости систематического поиска «межевых признаков»: раз ими пользовались вплоть до революции 1917 г.⁵, то есть вероятность, что их остатки сохранились в современном ландшафте.

Урочище «Гора святой Марии» находится на границе Ростовского и Переславского районов Ярославской области. Это покрытый лесом моренный холм с отметками 170–210 м (по Балтийской системе высот), расположенный в междуречье Сары (приток оз. Неро) и Нерли Клязьминской. Местность впервые упоминается в статье 1216 года Новгородской первой летописи в связи с междоусобной войной, закончившейся битвой на Липице. В апреле 1216 г. у церкви святой Марии на Городище встретились два союзных войска — ростовское под предводительством князя Константина Всево-

¹ Милов 1965; Кусов 2004; Голубинский, Хитров, Черненко, 2011.

² Чернов 2019б.

³ Чернов 1982; Буров 1997; Чернов 1998: 30–37; Фролов, Пиотух 2008: 39–43.

⁴ Буров 1997; Фролов 2008; Чернов 2019: 491–493.

⁵ Примечательно, что в 1908 г. был издан подробный указатель к межевой карте Ростовского уезда с указанием шифров Генерального и Специального межеваний, а в 1916 г. была напечатана карта уезда с нанесенными на нее границами и номерами дач Генерального межевания, см.: Указатель 1908; Карта 1916.

лодовича и объединенное новгородско-псковско-смоленское, которое возглавлял князь Мстислав Удатный. Летописная запись показывает, что поселение с церковью Марии Египетской, которое, скорее всего, было сельским административным центром, находилось на перекрестке дорог из Ростова в Новгород (через Тверь) и из Ростова в Переславль⁶.

В урочище выявлен комплекс памятников археологии XII–XVI вв., один из которых уверенно отождествляется с летописным пунктом⁷. В XIII–XVI вв. здесь на водораздельном плато сформировалась сеть поселений. К началу XVII в. все они, в том числе и погост Марии Египетской, запустели, а их пашни постепенно заросли лесом. Местность до недавнего времени не подвергалась значительному хозяйственному воздействию, что дает хорошие возможности для комплексного изучения историко-культурного ландшафта.

Для исследования привлечены восемнадцать планов Генерального межевания, три из них хранятся в ГМЗРК, остальные — в РГАДА. Межевание проводилось в июне-сентябре 1774 г. первого класса землемером надворным советником Логином Витовтовым, о чем свидетельствуют заголовки планов. Тогда эта территория относилась к Кистемскому стану Переславского уезда. С образованием в 1777 г. Ярославского наместничества часть земель Кистемского стана, примыкающая к р. Саре, отошла в новообразованный Петровский уезд. Все земли последнего в 1796 г. вошли в состав Ростовского уезда Ярославской губернии. Таким образом, в 1777–1778 гг. по водоразделу прошла граница между Ярославским и Владимирским наместничествами, которые позднее были преобразованы в губернии.

Из восемнадцати дач две или три по каким-то причинам были обмежеваны заново в 1791–1792 годах. Межевание пустошей Марья Святая и Поповка в Ростовском уезде провел Иван Шмид, пустоши Волзина в Переславском уезде — Василий Хохлов⁸. О том, что пустошь Марья Святая, находящаяся

⁶ Каретников 2016; Каретников 2019.

⁷ Леонтьев 1994; Купцов 2011; Каретников 2016; Леонтьев 2016; Каретников, Каретникова, Тарака 2019.

⁸ План пустоши Волзина 1792.

внутри пустоши Поповка, была обмежевана заново, известно из сохранившейся межевой книги 1774 г.⁹, о межевании пустоши Волзина в 1774 г. сообщается в заголовке плана 1792 года.

На трех дачах из восемнадцати имелись населенные пункты — с. Краснораменье, сц. Голкино, сц. Савино, четырнадцать были пустошами (Аксеново, Бурцева и Ведерки, Варганцева, Волзина, Высокова, Красная Курилова Вишенка, Колоколенка, Левашиха, Новоселка и Рожествена, Марья Святая, Мозжевелка, Пенье (Пенья), Поповка, Семенцова и Ворыгина), одна — пожней (Браниха). Площадь рассматриваемых дач различна: от 1–1,5 десятин (пустошь Колоколенка, пожня Браниха) до 848,5 десятин (с. Краснораменье). Территория большей части пустошей была покрыта лесом. Пашни (в том числе на полянах в лесу) имелись лишь на пустоши Поповка, которая входила в хозяйственный ареал граничившего с ней с. Филимоново, и пустоши Пенье, которая относилась к с. Краснораменье.

Теория и практика межевания подробно рассмотрена в статье А.А. Фролова¹⁰. К написанному следует добавить, что на каждом повороте отрезка межи выкапывалась межевая яма, а в одной сажени от нее по линии межи устанавливался межевой столб. Первые на планах обозначались окружностями, вторые — квадратами или прямоугольниками. Об этом свидетельствует расшифровка условных обозначений, приведенная на некоторых планах¹¹.

Выкапывание межевых ям и установка столбов регламентировались формой № 7 «Описание межевым признакам» из инструкции «Наставления Правительствующего Сената из Межевой экспедиции...» (июль 1766 г.)¹². Форма состоит из двадцати пунктов. Пунктом 2 определялись размеры ям в зависимости от категории земель: «По обоим сторонам межника на тех местах, где будет почин межи, выкопать

⁹ Межевая книга 1774.

¹⁰ Фролов 2008.

¹¹ План писцовой церковной земли 1774; План пустоши Марья Святая 1774.

¹² Полное собрание 1830: 905–908.

две ямы, одну на стороне одного владения, а другую против той у смежного с ним владельца, на градской меже шириною во все четыре стороны по две сажени с половиною, в глубину по две сажени, на становой в ширину по две сажени, в глубину по полторы сажени; а меже дворцовых и вотчинниковых земель, то есть на специальных межах, в ширину во все четыре стороны по полторы сажени, в глубину по сажени; при всех же поворотах и при окончаниях каждого селения или владения, ямы копать на середине межи, шириною и глубиною против тогож»¹³. Пункт 7 посвящен установке межевых столбов: «Пред всеми ямами в сажени ставить столбы утвердительных меж, вышиною от земли по два аршина, да в земле по одному аршину, и высекать по две такие грани какия деланы были в последнее межевание, одну назад, а другую вперед по меже, и на тех столбах над гранями выжигать государственныя гербы, взяв в диаметр в полтора раза того стемпеля, каковой на межевой инструкции положен, но токмо без всякой надписи»¹⁴. Таким образом, в процессе межевания крупной по площади дачи нужно было произвести значительный объем земляных работ и установить большое количество межевых столбов. Так, например, межа пустоши Поповка¹⁵ (площадь около 281 десятины, см. Илл. 1 и Илл. 5) состоит из сорока семи отрезков, между которыми должно было быть такое же количество межевых ям. Общая протяженность межи составляла 3632 сажени (около 7,8 км). Длина участков межи в лесу составляла от 18 до 171 сажени, в среднем — 65 саженей. И лишь вдоль реки межевщик мог выкапывать ямы на значительном удалении друг от друга: через 196 и 455 саженей.

В настоящее время в окрестностях с. Филимоново, с. Краснораменье, д. Савино выявлено 85 ям, которые надежно интерпретируются как межевые (Илл. 1). Из них 37 было обнаружено в ходе многократного посещения местности (с 2004 по 2019 г.), причем первоначально они фиксировались просто как рукотворные объекты неизвестного назна-

¹³ Полное собрание 1830: 905.

¹⁴ Полное собрание 1830: 905.

¹⁵ План пустоши Поповка 1791.

чения. Тридцать две ямы были обнаружены за несколько выездов, проведенных с октября 2020 г. по май 2021 года. Из них пятнадцать выявлены при прохождении маршрутов по координатам, полученным из публичной кадастровой карты. Предварительно перед выездом было установлено, что очертания пустоши Мозжевелка и сц. Савино похожи на контуры современной границы Ростовского и Переславского районов, а северо-западный рубеж пустоши Поповка соотносится с границей земель с. Филимоново (ЗАО «Фатьяново») и Гослесфонда.

Тридцать три ямы найдены благодаря координатам, вычисленным в программе *Google Earth Pro*. Для этого уже известные межевые ямы были соотнесены с планами Генерального межевания. Далее от их координат с помощью инструмента «линейка» в программе *Google Earth Pro* были нарисованы отрезки, соответствующие параметрам математической основы межи. Предварительно длины в саженях переводились в метры (1 сажень = 2,16 м)¹⁶, а значения румбического угла пересчитывались в числа кругового азимута¹⁷. Применение этой методики показало свою эффективность: так, за один из выездов было обнаружено 16 межевых ям.

Несмотря на тщательные поиски 14 ям не удалось найти. Причины этого могут быть разные: уничтожение ям у дорог или на краях полей в результате хозяйственной деятельности, повреждение ям сильным весенним водотоком в ложине у с. Краснораменье, трудность поиска объектов среди порубочных остатков или густой растительности на полянках. При этом отметим, что ямы могут сохраняться на территории, подвергавшейся сведению леса: в шести случаях ямы были обнаружены на вырубках разного времени.

Параметры межевой ямы рассмотрим на примере ямы, расположенной на границе пустошей Поповка и Пенье¹⁸. Замеры 69 межевых ям показали, что эту яму можно рассматривать как типичную для периода Генерального межевания.

¹⁶ Каменцева, Устюгов 1965: 194-197.

¹⁷ Практика показала, что во всех случаях для рассматриваемой местности от полученного значения необходимо вычесть 5 градусов.

¹⁸ План пустоши Пенье 1774.

Она находится в 70 м к северу от урочища Крест и в 4 м к востоку от дороги, идущей из с. Филимоново в д. Савино (Илл. 2–3). Яма имеет подквадратную форму с оплывшими углами и котлообразным дном. Ее контуры вписываются в квадрат со сторонами 2,5–2,6 м (Илл. 3). Грунт, образовавшийся при копке ямы, был складирован на две противоположные от ее краев стороны, образовав два бугра, которые отчетливо читаются на местности. Глубина ямы от поверхности — 57 см, от наивысшей точки бугров — 96 см. Согласно межевой книге¹⁹, яма должна была иметь стороны 1,5 x 1,5 сажени и глубину 1 сажень, то есть 3,24 x 3, 24 x 2,16 м. В реальности глубина не доходит и до половины сажени даже с учетом высоты бугров. Размеры по длине сторон более или менее соблюдены, при этом необходимо отметить, что во время осмотра размеры ямы кажутся меньшими, чем на профиле, построенном по замерам нивелира (Илл. 2). В дальнейшем необходимо провести археологические раскопки межевых ям, чтобы установить их первоначальные размеры, степень оплывания, соответствие натурных данных сведениям межевых книг о закладке в ямы «каменьев и угольев».

Некоторые из обследованных ям отличаются большей глубиной по сравнению с описанной выше. Так, например, три ямы на границе пустошей Волзина и Высокова имеют трапециевидный профиль с ровными боковыми сторонами, наклоненными ко дну. Длина оснований (устья и дна) составляет 3 и 1 м соответственно, а глубина — около 1 м. Эти ямы, вероятно, были обновлены во второй половине XIX – начале XX в., при восстановлении межевых признаков пустоши.

Наши исследования показали, что наличие двух бугров на противоположных сторонах ямы — характерный признак межевых ям периода Генерального межевания. Однако встречаются ямы с не читающимися на местности отвалами. Связано это с сохранностью объектов или какими-то другими причинами, можно установить только в ходе археологических раскопок. Нанесение контуров межи, построенных по

¹⁹ Межевая книга 1791: 16.

математической основе на современную топосъемку, выполненную в масштабе 1:500 с помощью электронного тахеометра, позволяет утверждать, что эти ямы тоже являются межевými.

Некоторые ямы на границе пустошей Поповка и Мозжевёлка²⁰ имеют значительно большие размеры, чем типичные. Они должны были быть выкопаны в 1774 г., когда проводилось межевание пустоши Мозжевёлка. В межевой книге соседней пустоши Поповка 1791 г. они называются «уездными» с указанием параметров: 2,5 x 2,5 сажени при глубине 1,5 сажени, что при переводе в метрическую систему составляет 5,4 x 5,4 x 3,24 м. Замеры профиля одной из ям, произведенные с помощью нивелира (Илл. 4), дали следующие цифры: 3 x 5,4 м при глубине 1,27 м. И здесь мы видим, что в реальности параметры соблюдались не полностью, особенно по глубине. Указанные межевые ямы были расширены, по всей видимости, между 1777–1778 гг. и 1791 г., то есть после формирования границы Ярославского и Владимирского наместничеств, но до составления межевой книги.

Выявление значительного количества (85) межевых ям позволяет рассмотреть некоторые закономерности их размещения. На дне ложбин или лощин находятся 16 ям. Из них две расположены посреди заболоченного участка в верховьях лощины, обозначенной на плане как Глухой Враг. У бровки лощин выявлено две ямы, у болота — две, рядом с обочиной дорог — восемь (на расстоянии не более 2–4 м). Две трети всех выявленных ям расположено на водоразделе (57).

Обнаружение ям и сопоставление их местоположения с планами Генерального межевания позволяет оценить последние с точки зрения точности и подробности отражения географических реалий местности. Выясняется, что на плане пустоши Поповка 1791 г. (Илл. 5) верховья Глухого Врага изображены неверно. Он показан на значительном (более 60 саженей) расстоянии к западу от границы межи пустоши Поповка с пустошью Мозжевёлка. На самом деле его должны были изобразить прямо на меже: три межевые ямы найдены

²⁰ План пустоши Мозжевёлка 1774.

на его дне, одна у бровки склона. Более того, низина продолжается южнее, выходя за пределы пустоши Поповка, там она служит границей пустошей Высоково и Бурцева. Отметим, что составитель планов 1774 г. (Илл. 6) этот объект не изобразил ни на одной из трех пустошей.

Другим примером являются два участка границы между с. Краснарамень и сц. Савино. Они проходят через две крупные лощины, здесь обнаружено пять межевых ям, однако, ни на одном из планов лощины не изображены. Кроме того, выясняется, что составители планов 1774 г. не изображали и болота, расположенные на меже. Так, например, межа между пустошью Высоково и Мозжевелка, судя по вычислениям, должна пересечь Большое болото (известно жителям с. Филимоново), однако на планах оно отсутствует. Одна из межевых ям расположена у болота на границе сц. Рыково и сц. Савино, на землях последнего, однако на плане болото не отмечено. На плане пустоши Поповка 1791 г. (Илл. 5) показано, что участок межи (61 сажень) пересекает болото, но на плане соседней пустоши Левашиха 1774 г. оно не изображено. Составитель плана 1792 г. пустоши Волзина должен был отметить болото на границе с пустошью Мозжевелка, однако он этого не сделал, вероятно, следуя за автором предшествующего плана 1774 г. Судя по вычислениям, у края этого болота должны были находиться две ямы.

Сопоставление планов также показывает, что их авторы не ставили цели точного отображения всех дорог, пересекавших межу. Выявлено 11 несовпадений. Большинство из них выглядит так: на одном из планов дорога изображена как упирающаяся в межу, но на плане соседней дачи она не нарисована. В одном случае дорога от сц. Савино упирается в край пахотного поля с. Краснараменя, тогда как дорога от с. Краснараменя проведена не по краю, а по центру поля²¹. Очевидно, что составители планов 1774 г. и 1791–1792 гг. не придавали информации о дорогах большого значения. Так, на планах трех пустошей не обозначено ни одной дороги, что является маловероятным, ведь дорога была нужна для хо-

²¹ План сц. Савино 1774; План с. Краснарамень 1774.

заяственного использования пустоши, например, рубки и вывозки дров или строевого леса.

Показательна в этом отношении ситуация с современной лесной дорогой, идущей от урочища Крест (перекресток дорог) на запад. В настоящее время она служит границей между Ростовским и Переславским районами и лесничествами. У обочин дороги выявлено три межевые ямы. Согласно вычислениям, вдоль дороги должны были находиться еще две ямы, одна из них в урочище Крест. Однако ни на плане пустоши Мозжевелка 1774 г., ни на плане пустоши Поповка 1791 г. дорога не обозначена. На последнем среди леса показаны две распаханнные поляны, примыкающие с севера к меже (Илл. 5). Очевидно, что дорога к 1791 г. существовала — она нужна была для проезда из с. Филимоново к полянам в лесу. Кроме того, косвенно о существовании здесь дороги говорит то, что именно на этом участке леса межевщик сделал наиболее длинные промеры — 171, 150, 143 сажени, тогда как максимальные отрезки на других участках межи, тоже проходивших по территории леса, редко превышают 100 сажень.

Представляет интерес расположение межевых ям на западной границе сц. Савино. Межа проходит к западу от дороги из сц. Савино в с. Филимоново, постепенно приближаясь к ней, затем пересекает дорогу и идет в 20–30 м к востоку от нее. Затем снова выходит на дорогу, после чего вновь отклоняется к востоку на 20–30 м. То есть, несмотря на удобство проведения межи строго вдоль дороги этого по каким-то причинам сделано не было: межа то приближалось, то отдалялась от нее. Дорога существовала к 1774 г., она отмечена на планах сц. Савино, пустоши Мозжевелка, пустоши Поповка, упоминается в межевой книге пустоши Марья Святая 1774 г., не отмечена она лишь на плане пустоши Волзина 1792 г., хотя очевидно, что это упущение автора плана. Дорога, скорее всего, восходит к эпохе средневековья и является одним из претендентов на отождествление с летописным путем от Ростова на Тверь и Новгород, который использовался в 1216 году. Она идет от брода через р. Сару у с. Филимоново мимо следующих памятников археологии: погост Марии Египет-

ской (XIII–XVI вв.), курганный могильник (XII в.), селище XIII–XV вв. в пустоши Мозжевелка²². Вдоль дороги, согласно вычислениям, располагалось восемь межевых ям, три из которых сохранились до настоящего времени, однако семь межевых ям по каким-то причинам были заложены в стороне от дороги.

Таким образом, обнаружение межевых ям позволяет максимально точно соотнести какой-либо участок местности с конкретным планом Генерального межевания. Необходимо отметить перспективность данного направления, ведь в результате такой работы изучение топографических аспектов Генерального межевания получает качественно новые возможности.

Возможности, которые открывает точная локализация межевых ям, рассмотрим на примере участка, охваченного современной топосъемкой в масштабе 1:500. Данная территория размерами около 0,9 x 0,6 км вытянута с юга на север — от урочища Крест до р. Сары (Илл. 7). Она полностью покрыта смешанным лесом. Это ближайшие окрестности летописного поселения с церковью святой Марии, которое надежно идентифицируется с селищем XIII–XVI веков. Местность сильно пересеченная, здесь проходят две крупные лощины, устья которых обращены к реке. Перепад высот от реки до урочища Крест составляет 66 м.

На рассматриваемой территории должна находиться 21 межевая яма, но семь из них не сохранились. Среди последних три были уничтожены в ходе карьерных разработок 2015–2019 гг, они не обследовались и нанесены на схему по данным планов Генерального межевания. Одиннадцать ям отмечены в ходе топосъемки, три с помощью GPS-съемки. Последние были обнаружены в апреле 2021 г. на территории, не охваченной топосъемкой, благодаря координатам, вычисленным в программе *Google Earth Pro*.

Из рассматриваемых четырнадцати ям четыре не имеют четко выраженных отвалов, хотя отчетливо читаются на местности как объекты антропогенного происхождения. Через

²² Каретников 2019.

две такие ямы проходит канава, которая нами идентифицирована как межевая. Она была выкопана для разграничения земель помещика и крестьян с. Краснораменье в конце 1880-х годов²³.

С межевыми ямами четко соотносятся контуры пустоши Колоколенка²⁴. Так как план ориентирован по магнитной стрелке компаса, контуры пустоши пришлось повернуть на 15 градусов к западу (разница между магнитным севером и истинным для данной местности составляет около 10 градусов). Нанесение на план контуров пустоши Марья Святая вызывает затруднения и требует специального изучения. Несоответствие контуров 1774 г. и 1791 г. одной из межевых ям составляет от 30 до 50 м. При проверке выясняется, что оба контура имеют невязку. На плане 1791 г. один из участков межи показан как проходящий по дну оврага, однако на нашей схеме он смещается на 15–22 метра юго-восточнее и попадает на его склон. Западный отрезок пустоши, согласно межевой книге 1774 г., проходил вдоль дороги («идучи тою линию по дороге»). На нашей схеме контур межи отстоит от дороги на 17–25 м восточнее. По всей видимости, землемерами здесь были допущены ошибки из-за сильного перепада высот, который составляет не менее 33 метров.

К югу и западу от пустоши Марья святая проходила граница пустоши Поповка с пустошью Пенье, а последняя граничила с землями с. Краснораменье. Различия межи на планах пустошей Пенье и Поповка незначительны (Илл. 8–9). Два участка межи размерами 70 и 45,5 сажень на плане пустоши Поповка показаны как один протяженностью 114 сажень. Отметим, что на планах обеих пустошей точно изображен «безымянный овраг», по которому идет межа. Межа приходит к яме, выкопанной на склоне небольшой ложбины в 50 м к юго-западу от реки. От этой ямы начинается межевая канава с. Краснораменья (Илл. 7). Для более точного соответствия направлению межевой канавы контур межи пустоши

²³ Каретников 2021.

²⁴ Каретников 2021.

Пенье пришлось повернуть на 14 градусов, а не на 15, как остальные.

Контуры межи с. Краснораменье и пустоши Пенье не сильно отличаются. Судя по заголовкам планов, дачи межевались с разницей в один месяц. При этом получается, что при межевании последней участок межи с. Краснораменье протяженностью 85 саженой был разбит на два — 38 и 48 саженой. Это действие не было формальностью, так как между этими отрезками выявлена межевая яма.

Поскольку участки межи максимально точно локализованы на местности, это позволяет сравнивать информацию планов Генерального межевания с данными топосъемки и материалами археологических разведок.

Селище XII–XIII вв. соотносится с пустошью Поповка (Илл. 7). Центральная часть селища полностью занимает небольшую пустошь Колоколенка. Западная часть селища вошла в состав земель с. Краснораменья (пустошь Пенье в XVII в. относилась к селу). В той же пустоши Поповка расположен большой курганный могильник XII в., состоящий из около 190 курганных насыпей (Илл. 7). Селище и курганный могильник составляют единый комплекс. Примечательно, что и территория, на которой они находятся, дошла как единое целое до эпохи Генерального межевания. К 1791 г. пустошь принадлежала совладельцам с. Филимоново, которое граничило с ней по р. Саре, — И.Н. Горяинову и Л.Н. Шубиной.

Селище XIII–XVI вв. (погост Марии Египетской) довольно точно (даже с учетом ошибок межевания 1774 г. и 1791 г.) соотносится с пустошью Марья Святая (Илл. 7). В межевой книге эта дача характеризуется как «пустовая церковная земля именуемая Святыя Марья с ее сенными покосы лесными и протчими угодьями»²⁵. Примечательно, что эта небольшая пустошь, согласно книге, «отдается из оброку» трем помещикам, которые владели ближайшими населенными пунктами и пустошами, — И.И. Радышевскому (с. Рыково), И.Н. Горяинову (с. Филимоново) и В.С. Карцеву (с. Алферьево).

²⁵ Межевая книга 1774: 1.

В пустоши Пенье выявлено селище XV(?) – XVI вв. и четыре земляные курганообразные насыпи к западу от него, одна из которых выделяется своими размерами — 16,2 x 14,8 x 1,5 м²⁶ (Илл. 7). Благодаря локализации границ мы можем точно перенести на карту контуры пашни с плана пустоши Пенье (Илл. 9). Очевидно, что составитель плана привязал северо-западную и восточную границы пашни к четырем межевым ямам. Тогда как северная и южная границы пашни проведены, видимо, условно. Тем не менее, топографический план показывает, что для северной границы существовало естественное ограничение в виде западного и южного от-вершков лощины. Таким образом, археологические объекты в пустоши Пенье находились прямо посреди пашни (Илл. 7). Выявленное селище является остатками деревни, название которой сохранилось в наименовании пустоши, — Пенье. Судя по археологическим данным, населенный пункт запустел во второй половине XVI – начале XVII века. В выписи из писцовой книги писца А.А. Загряжского и подъячего Гаврилы Володимерова 1629–1630 гг. пустошь Пенье охарактеризована следующим образом: «Пашни лесом поросло худые земли пять четей с осминою в поле, а в дву потому ж»²⁷. Зафиксированное на плане 1774 г. поле явно восходит к пашне этой деревни. Видимо, в районе селища поле не так сильно заросло и было расчищено после 1629–1630 годов. Это пока единственный в урочище Гора Святой Марии пример хозяйственного использования поляны на месте старого поселения. В Подмосковье такие поляны сохранялись еще в 1970-е годы²⁸. Здесь же даже эта единственная поляна была заброшена: в межевом атласе Ярославской губернии А.И. Менде (1850-е гг.) на месте рассматриваемого участка обозначен лес²⁹. Полученная информация является ориентиром для изучения пашни археологическими методами. На перспективность таких исследований указывают отдельные предметы XV–XVI вв., обнаруженные в ходе археологических разведок

²⁶ Каретников, Каретникова, Тарарака 2019: 46–49.

²⁷ Выпись 1669.

²⁸ Чернов 1982: 99.

²⁹ Топографическая межевая карта 1855-1857.

2017 г. рядом с селищем в реконструированных границах пашни. К сожалению, восточный край рассматриваемого поля уже частично уничтожен карьером, а частично завален вскрышными породами.

Пахотное поле имело продолжение на территории пустоши Поповка (Илл. 8). Оно показано к северо-востоку от дороги, привязано к одной межевой яме и не полностью стыкуется с краем поля пустоши Пенье, так как изображено с некоторым отступом от другой межевой ямы. Поле в пустоши Поповка почти доходило до курганного могильника XII в. (Илл. 7). Оно также, скорее всего, восходит к эпохе средневековья и является перспективным участком для поиска следов пашни древнерусского времени.

Нанесение исторических границ на топографический план позволяет более детально рассмотреть вопрос об исторических дорогах. Так, например, на плане пустоши Поповка (Илл. 8) показана дорога, идущая вдоль реки. Она пересекает участок межи (ближайший к реке) длиной 78 саженей. Однако ни на плане пустоши Пенье, ни на плане с. Краснораменье дорога не обозначена. В реальности продолжение дороги существует (Илл. 7). Она пересекает участок межевой канавы и идет в сторону с. Краснораменье. Еще одним примером является дорога, идущая от с. Краснораменье и упирающаяся в межу пустоши Пенье в районе межевой ямы, между отрезками межи 40 и 51 сажень. На плане пустоши Пенье дорога не обозначена. В настоящее время сохранился участок этой дороги, идущий от карьерного рва до урочища Крест (Илл. 7). Восточная часть дороги уничтожена карьером. Эти два примера показывают, что составители планов Генерального межевания не ставили цели отображения всех дорог, даже если они пересекали межу.

Топосъемка — важный инструмент для анализа топографической приуроченности старинных границ. Например, межа между пустошами Поповка и Пенье на протяжении 190,5 саженей идет по дну лощины, тогда как граница между пустошью Пенье и с. Краснораменье — к востоку от лощины (Илл. 7). Этот факт может указывать на большую древность первой границы. Действительно, пустошь Пенье в XVII в., как и

д. Савино, относилась к поместью Лешуковых, центром которого было с. Краснораменьё³⁰. К моменту Генерального межевания пустошью Пенье владели четыре помещика (М.А. Лешуков, Л.Н. Шубина, И.Н. Горяинов, В.С. Карцев), что, видимо, и стало основанием для выделения ее в особую дачу, так же как и д. Савино, которой владели М.А. Лешуков, Л.Н. Шубина, девицы Н.Д. Патрекеева и Е.А. Квашнина-Самарина. А самим же с. Краснораменьем к 1774 г. владели М.А. Лешуков, В.С. Карцев, и малолетние дети умершего прокурора А.Д. Языкова.

В заключение мы предлагаем алгоритм работы, нацеленный на обнаружение межевых ям периода Генерального межевания в ходе натурных исследований.

1. Вначале необходимо построить контур межи по данным математической основы, указанным на планах Генерального межевания, и вычислить невязку — погрешность съемки межи — для понимания ее точности. Среди сложностей этого этапа может быть плохая сохранность документа, трудный для прочтения почерк, описки составителей. Для их устранения необходимо привлекать межевые книги, полевые записки или планы смежных дач. Контур может быть построен как в специализированных программах, предназначенных для создания чертежей или обработки геодезических измерений, например, *Autocad*³¹, *CREDO_DAT*,³² так и в графическом редакторе, работающем с векторными объектами, например, *CorelDRAW*, однако в последнем случае контур придется строить полуавтоматическим способом: программа может помочь лишь в повороте отрезка на заданный градус.

2. Далее необходимо сопоставить контур с космоснимком, публичной кадастровой картой или картой землепользования М 1: 10000 для поиска участков межи, сохранивших свою актуальность до настоящего времени или географических реперов — надежных соответствий объекта на плане с объектом на современной карте: дороги, оврага, ручья, боло-

³⁰ Ввозная грамота 1620; Выпись 1669.

³¹ Фролов 2008: 367–368.

³² Акашева, Чечин 2020.

та и др. Отметим, что настольное приложение *Google Earth Pro* позволяет не только просматривать космоснимки разного времени, выбирая наиболее подходящий, но и скачивать их в формате **jpeg* с хорошим разрешением. Сайт Публичной кадастровой карты (<https://pkk.rosreestr.ru>) позволяет, используя инструменты рисования, определять координаты поворотных точек современных границ, которые впоследствии можно перенести в *Google Earth Pro*. Практика показывает, что отдельные участки старых границ сохранили свою актуальность до настоящего времени. В случае если размеры нужной дачи невелики или если она не имеет характерных географических маркеров, нужно вернуться к пункту 1 и построить контуры соседних дач.

3. Далее следует предпринять натурное обследование перспективных участков местности с целью поиска сохранившихся межевых ям. При обнаружении необходимо определить их координаты. Для этой цели подойдет портативный GPS-навигатор или обычный смартфон с установленной на него программой, например, *Locus Map Free*³³.

4. В случае успешного выполнения пункта 3, следует занести координаты выявленных межевых ям в настольное приложение *Google Earth Pro*. С помощью инструмента «линейка» можно рисовать отрезки межи заданных параметров от занесенных точек, что позволяет вычислять примерные координаты перспективных для поиска межевых ям мест. Такие отрезки можно создавать как по ходу межевщика, так и в противоположную сторону. В процессе работы замечено, что откладывание отрезков от одной точки может привести к накоплению погрешности. С обнаружением новых ям контур межи в программе необходимо корректировать. Определение примерных координат местоположения межевых ям значительно облегчает работу по их поиску, даже несмотря на значительную погрешность определения координат навигатором (более 6 м).

³³ Нами использовались портативный навигатор *Garmin Oregon 300* и смартфон *Xiaomi Redmi 8A*. Точность определения координат у последнего не хуже, чем у первого.

Автор выражает искреннюю благодарность коллегам и волонтерам за помощь в работе: волонтеру А.В. Верину, научному сотруднику Археологического отдела ГМЗРК В.А. Каретниковой, священнику Александру Парфенову, геодезисту В.В. Петрову, научному сотруднику отдела фондов ГМЗРК З.В. Тарараке.

БИБЛИОГРАФИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

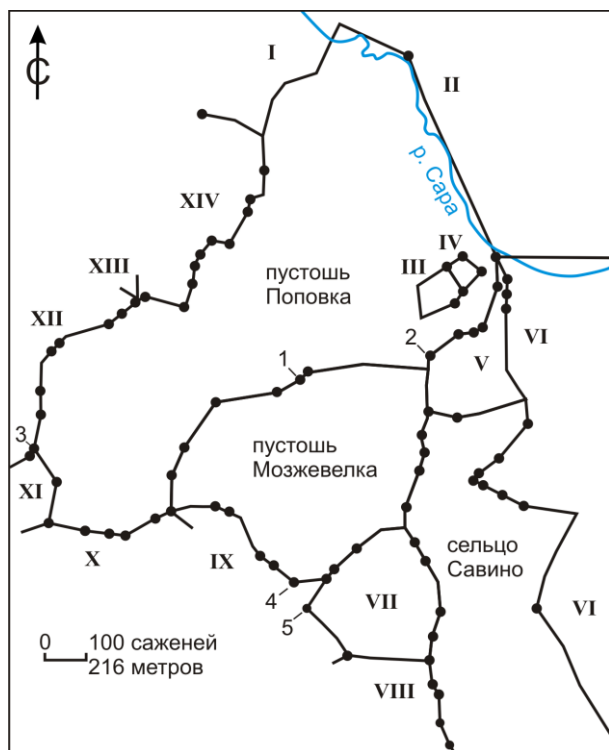
- Акашева, Чечин 2020 — *Акашева А.А., Чечин А.В.* Методика реконструкции межевого плана и границ Нижнего Новгорода 1784 года на базе специализированных геодезических программ // Историческая информатика. 2020. № 1. С. 111–142 [режим доступа: https://e-notabene.ru/istinf/article_32103.html, дата обращения 06.02.2021].
- Буров 1997 — *Буров В.А.* Материалы Генерального межевания XVIII в и средневековая археология (по данным новгородской волости Жабна) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 1997. Вып. 2. С. 341–343.
- Ввозная грамота 1620 — Ввозная грамота Григорию Лешукову, 18 июня 1620 г. // ГМЗРК. Р-1215.
- Выпись 1669 — Выпись из писцовой книги Переславль-Залесского уезда писца А.А. Загряжского и подъячего Гаврилы Володимерова 1629–1630 гг. Ивану Григорьеву сыну, Ивану и Лариону Сергеевым детям Лешуковым на поместное село Красное Раменье Кистемского стана Переславль-Залесского уезда, 1669 г. // ГМЗРК. АД-190/105.
- Гакель 2019 — Отчет о проведении научно-исследовательских археологических работ (разведок) на территории добычных работ на месторождении «Краснораменье» Ростовский район Ярославская область. М., 2019. Т. 2. // Архив ИА РАН.
- ГАЯО — Государственный архив Ярославской области.
- ГМЗРК — Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль».
- Голубинский, Хитров, Черненко 2001 — *Голубинский А.А., Хитров Д.А., Черненко Д.А.* Итоговые материалы Генерального межевания: о возможностях обобщения и анализа // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2011. № 3. С. 35–51.
- Каменцева, Устюгов 1965 — *Каменцева Е.И., Устюгов Н.В.* Русская метрология. М., 1965.

- Каретников 2016 — *Каретников А.Л.* Гора святой Марии в окрестностях Ростова Великого // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 2016. Вып. 21. С. 205–246.
- Каретников 2019 — *Каретников А.Л.* Урочище «Гора святой Марии» в окрестностях Ростова Великого: итоги и перспективы междисциплинарных исследований // Археология евразийских степей. 2019. № 5. С. 123–128.
- Каретников 2021 — *Каретников А.Л.* Межевые объекты третьей четверти XVIII в. – конца XIX в. в урочище «Гора святой Марии»: Проблема выявления, изучения и сохранения // История и культура Ростовской земли 2020. Ростов, 2021. С. 275–298.
- Каретников, Каретникова, Тарарака 2019 — *Каретников А.Л., Каретникова В.А., Тарарака З.В.* Гора святой Марии: археологические открытия 2018 года // История и культура Ростовской земли 2018. Ростов, 2019. С. 41–72.
- Карта 1916 — Карта Ростовского уезда Ярославской губернии. Ярославль, 1916 // ГМЗРК. Ар-182.
- Купцов 2011 — *Купцов И.В.* Археологические разведки на территории Ростовского района в 2006 и 2010 гг. Предварительные итоги // История и культура Ростовской земли 2010. Ростов, 2011. С. 68–79.
- Кусов 2004 — *Кусов В.С.* Земли Московской губернии в XVIII веке. Карты уездов. Описания землевладений. В 2-х тт. М., 2004.
- Леонтьев 1994 — *Леонтьев А.Е.* «Гора святой Марии» // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 1994. Вып. 7. С. 218–230.
- Леонтьев 2016 — *Леонтьев А.Е.* «...на реце Саре у Святеи Марии...» археологические памятники народного памятного места // Краткие сообщения Института археологии. 2016. Вып. 244. С. 425–436.
- Межевая книга 1774 — Межевая книга пустоши Марья Святая, 1774 // ГАЯО. Ф. 455. Оп.1. Пр. Д. 263, 4 л.
- Межевая книга 1791 — Межевая книга пустоши Поповка, 1791 г. // ГАЯО. Ф.455. Оп.1. Пр. Д. 265, 21 л.
- Милов 1965 — *Милов Л.В.* Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию: к истории русского крестьянства и сельского хозяйства второй половины XVIII в. М., 1965.
- План пустоши Волзина 1792 — План пустоши Волзина 1792 // РГАДА. Ф. 1354. Оп.52. Ч. 1. В-28 син.

- План пустоши Марья Святая 1774 — План пустоши Марья Святая 1774 // РГАДА. Ф.1354. Оп. 606. Ч. 1. М-50 син.
- План писцовой церковной земли 1774 — План писцовой церковной земли с. Троицкое Нарядово тож 1774 // ГМЗРК. АР-629.
- План пустоши Мозжевелка 1774 — План пустоши Мозжевелка 1774 // РГАДА. Ф. 1354. Оп.52. Ч. 1. М-14 син.
- План пустоши Пенья 1774 — План пустоши Пенья 1774 // РГАДА. Ф.1354. Оп. 606. Ч. 1. П-215 син.
- План пустоши Поповка 1791 — План пустоши Поповка 1791 // РГАДА. Ф.1354. Оп. 606. Ч. 1. П-196 син.
- План с. Краснораменье 1774 — План с. Краснораменье 1774 // ГМЗРК. АР-952.
- План сц. Савино 1774 — План сц. Савино 1774 // РГАДА. Ф.1354. Оп. 606. Ч. 1. С-77. крас.
- Полное собрание 1830 — Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. XVII.
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов.
- Топографическая межевая карта 1855–1857 — Топографическая межевая карта Ярославской губернии 1855–1857 // РГАДА. Ф. 1357. Оп. 2. Д. 368.
- Указатель 1908 — Указатель к межевой карте Ростовского уезда. Ярославль, 1909.
- Фролов, Пиотух 2008 — *Фролов А.А. Пиотух Н.В.* Исторический атлас Деревской пятины Новгородской земли по писцовым книгам письма 1495–1496 гг. В 3-х тт. М.; СПб., 2008. Т. 1.
- Фролов 2008 — *Фролов А.А.* Дополнительные возможности использования материалов Генерального межевания для изучения исторических ландшафтов русского Средневековья // *Сельская Русь в IX–XVI веках.* М., 2008. С. 363–372.
- Чернов 1982 — *Чернов С.З.* Воскресенская земля Троице-Сергиева монастыря (к интеграции методики археологии и специальных исторических дисциплин) // *Археографический ежегодник за 1981 год.* М., 1982. С. 95–109.
- Чернов 1998 — *Чернов С.З.* Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. М., 1998 (Акты Московской Руси: Микрорегиональные исследования. Т. 1).
- Чернов 2019а — *Чернов С.З.* Волок Ламский старый и новый: историческая топография и археологические данные //

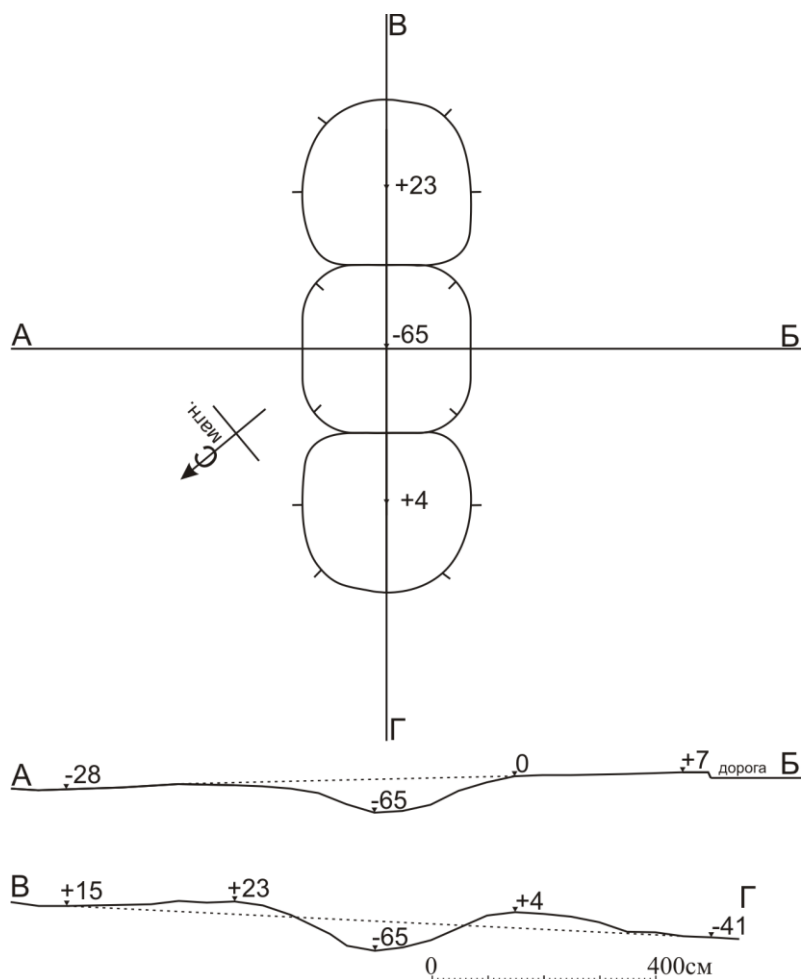
У истоков и источников: На международных и междисциплинарных путях. Юбилейный сборник в честь Александра Васильевича Назаренко. М.; СПб., 2019. С. 483–516.

Чернов 2019б — *Чернов С.З.* Дачи Генерального межевания: портал между Новым временем и Средневековьем (земли Аксиньи-на и Иславского Звенигородского удела) // Жизнь в Российской империи: Новые источники в области археологии и истории XVIII века: Материалы международной научной конференции / Отв. ред. Л.А. Беляев, В.Н. Захаров. М., 2019. С. 246–288.

Илл. 1

Схема расположения выявленных межевых ям в урочище «Гора Святой Марии», составленная на основе планов Генерального межевания. Римскими цифрами обозначены контуры дач Генерального межевания: I — село Голкино; II — село Филимоново; III — пустошь Марья Святая; IV — пустошь Колоколенка; V — пустошь Пенные; VI — с. Краснораменье; VII — пустошь Волзина; VIII — деревня Рыково; IX — пустошь Высоково; X — пустошь Бурцево; XI — пустошь Красная Курилова Вишенка; XII — пустошь Левашиха; XIII — село Медведево; XIV — пустошь Семенцова Ворыгина. Арабскими цифрами обозначены: 1 — «уездная» межевая яма, профиль которой приведен на Илл. 4; 2 — типичная яма периода Генерального межевания, профиль см. на Илл. 2; 3 — две межевые ямы, расположенные на расстоянии 2 м друг от друга; 4 — две соприкасающиеся межевые ямы; 5 — три межевые ямы, расположенные на расстоянии 2 и 13 м друг от друга

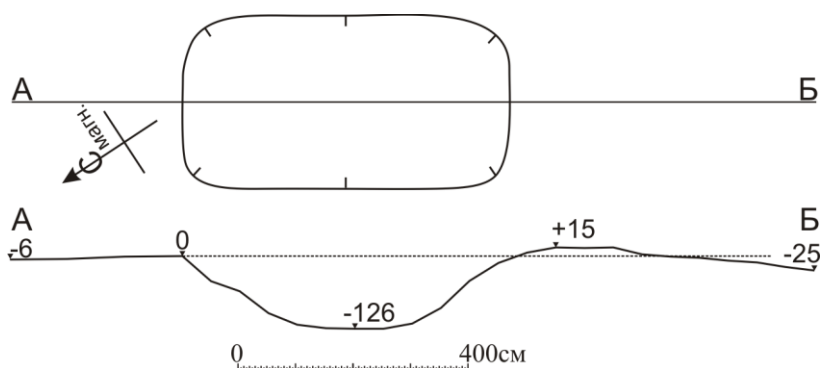
Илл. 2

План и профили межевой ямы на границе пустошей Поповка и Пенье. Пунктирной линией на профилях отмечен предполагаемый уровень дневной поверхности до выкапывания ямы.

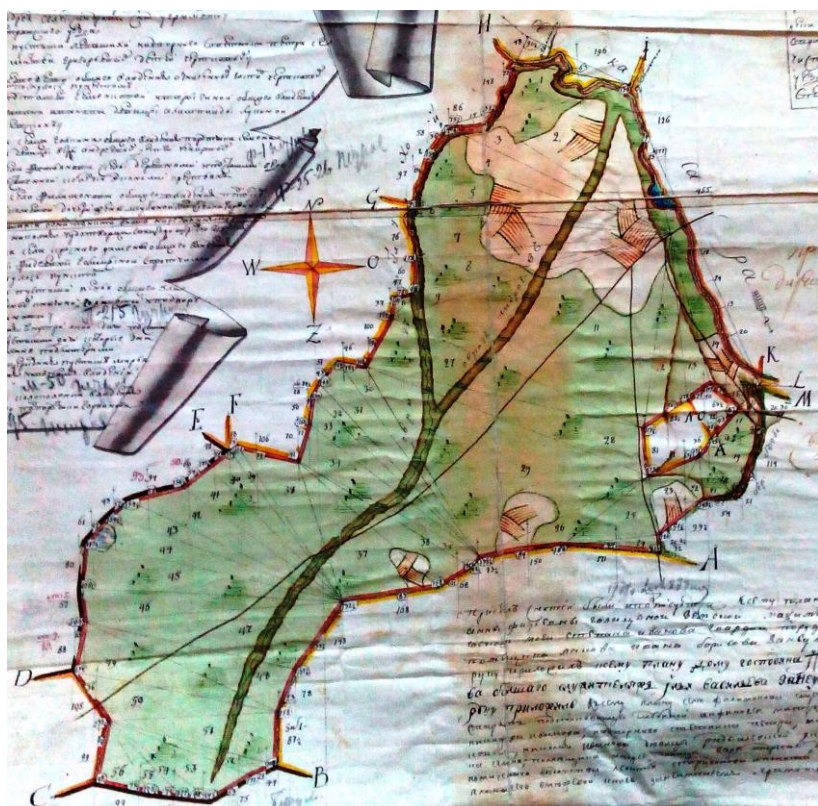
Илл. 3

Межевая яма на границе пустошей Поповка и Пенье.
Вид с запада, 1.06.2021 г.

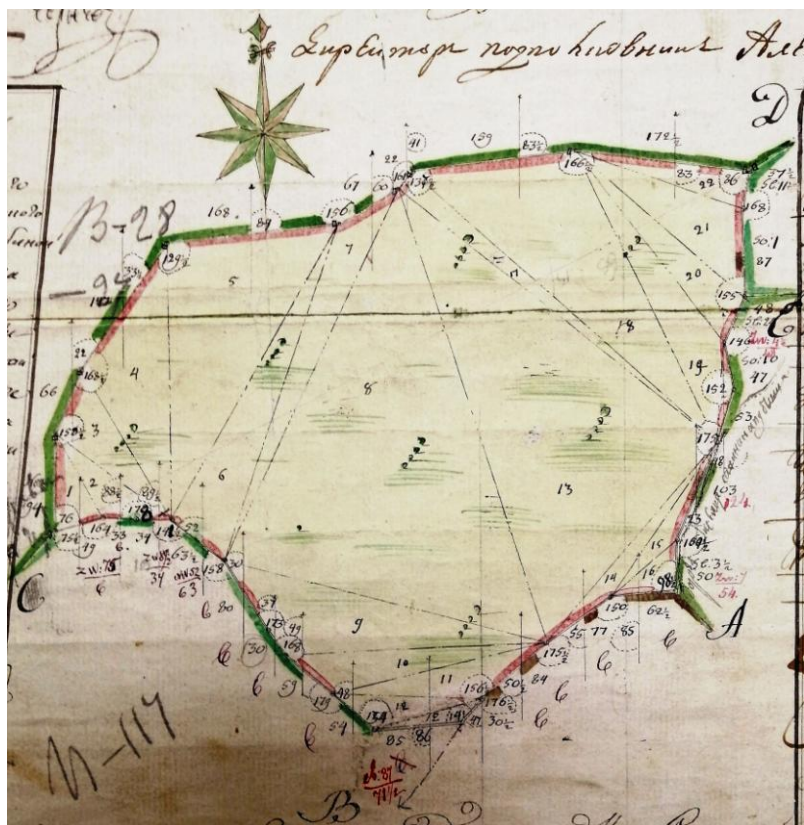
Илл. 4

План и профиль «уездной межевой ямы на границе пустошей Поповка и Мозжевелка. Пунктирной линией на профиле отмечен уровень условного «0».

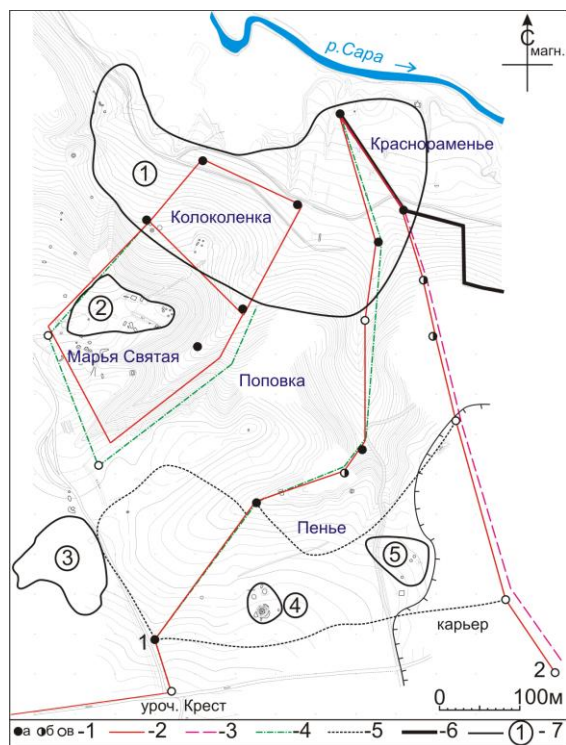
Илл. 5

Фрагмент плана пустоши Поповка, 1791 г.

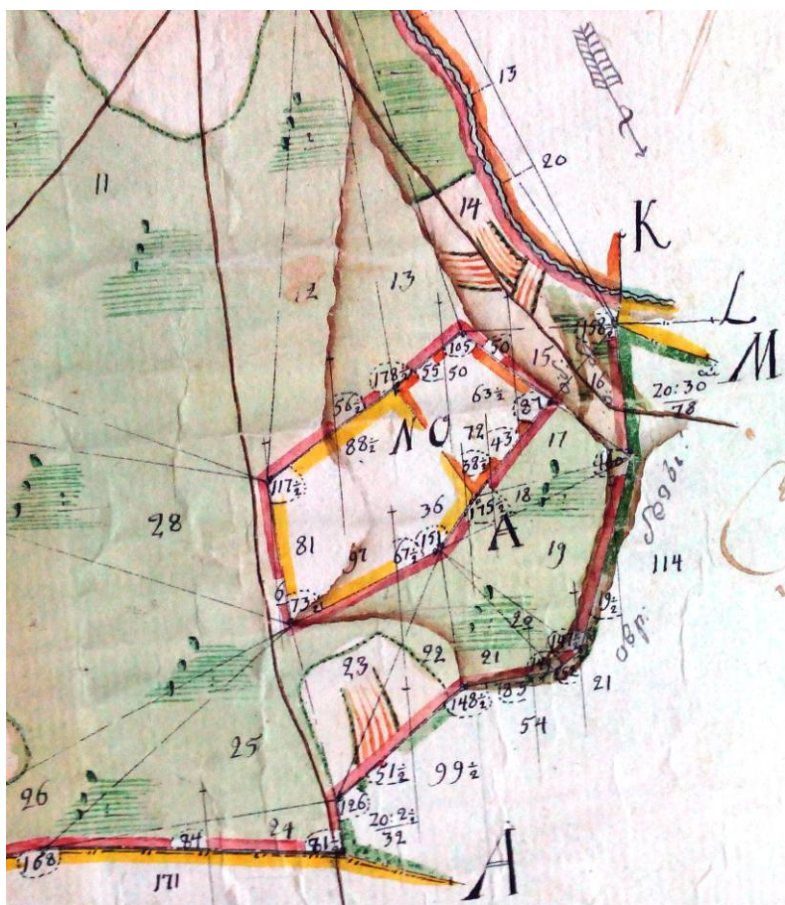
Илл. 6.

Фрагмент плана пустоши Мозжевелка, 1774 г.

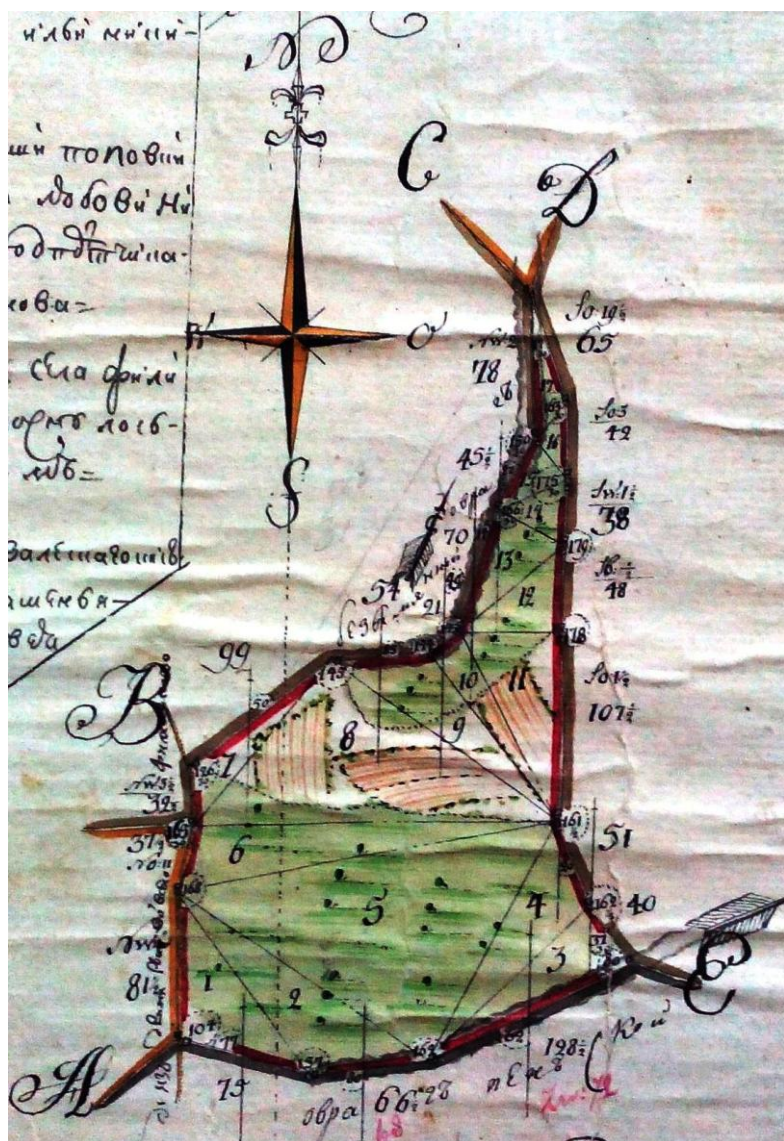
Илл. 7

Межевые ямы, исторические границы, памятники археологии на топографическом плане М 1:500 (съемка В.В. Петрова, 2016–2020 гг.). Условные обозначения: 1 – межевые ямы (а – учтенные в ходе топосъемки, б – нанесенные на план с помощью GPS-съемки; в – несохранившиеся); 2 – межа 1774 г.; 3 – межа 1774 г. между пустошью Пенье и землями с. Краснораменье; 4 – межа 1791 г.; 5 – контуры пашни; 6 – межевая канава конца 1880-х гг. на землях с. Краснораменье; 7 – контур памятника археологии и его номер: 1 – селище XII-XIII вв.; 2 – селище XIII-XVI вв. (погост Марии Египетской, границы приведены по А.Е. Леонтьеву, см.: Леонтьев, 2016: рис. 1); 3 – курганный могильник XII – нач. XIII в.; 4 – курганный могильник XII-XIII вв. (?); 5 – селище XV (?) -XVI вв. (границы указаны с учетом данных разведок Е.В. Гакель, см. Гакель, 2019: илл. 25). Цифрой «1» обозначена межевая яма, план и профили которой представлены на илл. 2., цифрой «2» несохранившаяся яма, к которой подходила дорога от с. Краснораменье согласно плану 1774 г.

Илл. 8

Восточная часть пустоши Поповка на плане 1791 г.

Илл. 9.

Фрагмент плана пустоши Пенье, 1774 г.

А.В. Постников, М.В. Константинов

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ КОЛЛИЗИИ, СВЯЗАННЫЕ С МЕЖДУНАРОДНЫМ ПРОЕКТОМ СОЕДИНЕНИЯ ЧУКОТКИ С АЛЯСКОЙ ПОСРЕДСТВОМ ТЕЛЕГРАФНОГО КАБЕЛЯ

Аннотация: Статья посвящена истории создания трансконтинентальной телеграфной линии, которая должна была соединить российские владения в Северной Америке с метрополией и обеспечить надежную связь между Евразией и Америкой. История возникновения и реализации этого проекта поставлена в контекст международных отношений в северной части Тихого океана во второй половине XIX в., ключевыми сторонами которых были Россия, стремившаяся укрепить свои позиции на Дальнем Востоке, и США, намеревавшиеся поставить под свой контроль всю Северную Америку и распространить коммерческие интересы США на российский Дальний Восток. Детально рассматриваются различные российские и иностранные проекты прокладки телеграфной линии, а также ход телеграфной экспедиции и географические исследования, проведенные в ее рамках.

Ключевые слова: Российская империя, США, Чукотка, Аляска, Берингов пролив, трансконтинентальная телеграфная линия, международный проект, географические исследования

Телеграф, осуществлявший мгновенную передачу информации с помощью электрического тока и азбуки Морзе, стал использоваться как средство оперативной связи на дальние расстояния с середины XIX века. До организации телеграфа информационные новости доставлялись из Европейской России в Забайкалье и Приамурье курьерской почтой не быстрее чем за три – четыре недели. Идея создания телеграфной линии, соединяющей российские владения в северной части Тихого океана (островные дуги и большую часть Аляски), возникла не только в связи с необходимостью создания надежной и быстрой связи российской метрополии и ее заокеанских владений, но и с определенной настороженностью властей империи по отношению к ее североамериканскому партнеру, невзирая на достаточно дружеские отношения между двумя государствами в тот период.

Объясняется это прежде всего грандиозными геополитическими мечтами некоторых американских влиятельных политических деятелей. Идея «неизбежности» распространения североамериканцев на весь континент родилась еще в XVII столетии, когда первые английские колонии были основаны в Новом Свете. Само название нового государства, появившегося в 1776 году, — Соединенные Штаты Америки — содержало идею распространения юной республики на весь американский континент. В 1819 г. государственный секретарь США Джон Квинси Адамс (*John Quincy Adams*) объявил, что все другие государства мира должны смириться с мыслью о том, что весь континент Северной Америки является законным владением Соединенных Штатов. Он пытался доказать, что с того времени как Соединенные Штаты стали независимым государством это притязание является таким же законом природы, как факт впадения реки Миссисипи в океан. Испания владела территориями на юге, Англия — на севере от границ Североамериканских Штатов. Адамс считал немыслимым, что по прошествии столетий они не будут аннексированы Соединенными Штатами. Что касается владений Российско-Американской компании на Аляске, Адамс придерживался абсолютно той же точки зрения и полагал, что лучшими способами завоевания этой части Америки у

русских будут терпение и время. Он вообще считал, что пора объявить европейцам, что Америка закрыта для их дальнейшей колонизации, что было фактическим провозглашением Доктрины Монро (*the Monroe Doctrine*) «Америка для американцев»¹. Однако по отношению к России Соединенные Штаты в этот период должны были отложить осуществление экспансионистских планов Адамса и признать, по договору от 17 апреля 1824 г., южную границу российских колониальных владений в Новом Свете проходящей по параллели 54°40' Северной Широты².

В 1840-х годах экспансионизм Соединенных Штатов в Северной Америке приобрел характер четко выраженной государственной политики. В 1845 году был аннексирован Техас, затем присоединена Калифорния, а граница установлена по Рио Гранде в результате войны против Мексики 1846–1848 годов. Именно в этот период издатель журнала *Democratic review* и нью-йоркской газеты *Morning News*, Джон Л. О'Сулливан (*John L. O'Sullivan*) «отчеканил» фразу «Явное Предназначение» (*Manifest Destiny*)³. Для апологетов экспансионизма этот термин означал, что само Провидение Господне предопределило Соединенным Штатам править всем американским континентом. Самым последовательным проводником этой политики был Уильям Х. Сьюард (*William H. Seward*) — губернатор штата Нью Йорк (1838–1842), сенатор (1849–1861) и государственный секретарь Соединенных Штатов (1861–1869), который считал себя учеником Джона Квинси Адамса, скончавшегося в 1848 году. В том же году Сьюард твердо заявил, что населению Штатов предназначено беспрепятственно распространиться до самих ледяных границ севера, а также встретиться с восточной цивилизацией на берегах Тихого океана⁴. По проектам Сьюарда, выдвинутым в 1860 году, Соединенные Штаты должны были распространиться на весь континент Северной Америки, остро-

¹ Adams 1875: 438–439. Об экспансионистских взглядах Адамса см. также: John Quincy Adams 1965.

² Kushner 1975: 59–60.

³ Pratt 1927: 793–798. См. также: Pratt 1935.

⁴ Seward 1972: 409.

ва Тихого и Атлантического океанов и, со временем, возможно, включить также Южную Америку вплоть до Мыса Горн. Соединенные Штаты, охватывающие Северо-Американский континент, должны были состоять из 60 штатов, со столицей в Сент-Поле (штат Миннесота). Этот план экспансии должен был быть завершен к 1960 году. Для того чтобы реализовать этот грандиозный геополитический проект Сьюард считал необходимым, в противоположность завоеваниям, распространение республиканских структур и создание равноправных штатов на присоединенных территориях. Калифорнийский сенатор Уильям МакГенри Гвин (*William McHenry Gwyn*) стал союзником Сьюарда в экспансионистской политике, причем их альянсу не помешали диаметрально противоположные взгляды этих двух государственных деятелей. Сьюард был лидером республиканской партии, активно выступавшей против негритянского рабства, а Гвин был рабовладельцем, тесно сотрудничавшим с демократической партией. Не разделяя партийных пристрастий, оба были постоянными союзниками в поддержке усилий правительства по строительству тихоокеанской железной дороги, развитию китобойного промысла и другим коммерческим начинаниям, направленным на процветание всего государства и на распространение его влияния на соседние территории. Как отметил американский исследователь Х.М. МакФёрсон, Гвин вынашивал идею всемирной империи, центром которой будут Соединенные Штаты. Его планы предвидели соединение Атлантического и Тихого океанов через Панаму, строительство трансконтинентальной железной дороги и т.д. Как и Сьюард, он призывал обратить внимание на сотни миллионов обитателей Китая и Японии, а также на российские владения вдоль Амура — как на рынки сбыта американских товаров, что обеспечит Соединенным Штатам контроль над всемирной торговлей и бизнесом⁵.

Сенаторы Сьюард и Гвин хорошо осознавали важность географического изучения районов, имеющих по их мнению

⁵ McPherson 1934: 31–32. Жизнь и деятельность Гвина исследованы в неопубликованной диссертации того же автора: McPherson 1931.

потенциальное геополитическое значение для Соединенных Штатов. Об этом, к примеру, свидетельствует тот факт, что именно они инициировали в Конгрессе принятие законопроекта об организации первой серьезной океанографической экспедиции в северной части Тихого океана под командованием лейтенанта Джона Роджерса (*John Rogers*). По возвращении в 1855 году, Роджерс, помимо всего прочего, особо подчеркнул громадный потенциал реки Амур, которая, по его мнению, была великой трассой, созданной природой от берегов Тихого океана в центр Азии и, что в будущем значительная торговля будет процветать вдоль ее берегов, а город, построенный в ее устье станет русским Сан-Франциско⁶.

Американские геополитические мечтания, процветавшие в 1850–1860-х годах, были хорошо известны в российских правительственных кругах, не в последнюю очередь в связи с устойчивым сближением России и США перед лицом общего противника (Великобритании) во время Крымской войны⁷. В связи с этой войной царское правительство особенно ясно осознавало необходимость укрепления позиций Российской империи на Дальнем Востоке, так же как необходимость расширения отношений с Соединенными Штатами. Генерал-губернатор Восточной Сибири, граф Н.Н. Муравьев-Амурский (1809–1881), был инициатором этого движения. Весной 1853 года, по прибытии в Санкт-Петербург, Муравьев-Амурский представил императору Николаю I доклад, в котором высказал мнение о необходимости усиления позиций Российской империи на Дальнем Востоке и о будущей судьбе российских владений в Северной Америке и, в связи с этим, о важности близких отношений с Соединенными Штатами. Муравьев напомнил, что двадцатью годами ранее Российско-Американская компания обратилась в правительство с петицией об оккупации Калифорнии, в то время свободной и практически никем (из европейских держав) не занятой. Одновременно с этим Правление РАК подчеркивало, что скоро

⁶ *Yankee Surveyors* 1947: 55–56.

⁷ Российско-американские отношения в период Крымской войны были детально изучены В.Н. Пономаревым: Пономарев 1984а; Пономарев 1984б.

этот район станет добычей Американских Соединенных Штатов. Даже тогда было очевидным, что Штаты, утвердившись на Тихом океане, вскоре станут там ведущими среди всех морских держав и им потребуется все северо-западное побережье Америки. Муравьев-Амурский полагал, что России не следует сожалеть о том, что она не закрепились в Калифорнии, так как рано или поздно ей пришлось бы оставить этот регион. Причем изобретение и развитие железных дорог должно, еще более чем раньше, убедить Россию в том, что Североамериканские Соединенные Штаты распространят свои владения на всю Северную Америку. Генерал-губернатор Восточной Сибири считал, что правительство неизбежно должно понять, что рано или поздно Российская империя будет вынуждена расстаться со своими североамериканскими владениями. С другой стороны, по его мнению, неизбежным и абсолютно естественным для России было осознание факта необходимости господства России если не во всей Восточной Азии, то на протяжении всего азиатского побережья Восточного (Тихого) океана. Пока, подчеркивал Муравьев-Амурский, обстоятельства сложились так, что Россия допустила установление господства Англии в этой части Азии, но ситуацию можно исправить созданием прочных связей с Североамериканскими Соединенными Штатами⁸.

Петербургские власти одобрили меморандум и предложения генерал-губернатора Восточной Сибири об укреплении позиций империи в Приамурье и на Сахалине. Эти предложения были детально изучены с участием Генерал-адмирала, великого князя Константина Николаевича Романова и членов Правления Российско-Американской компании. Одним из непосредственных результатов этого обсуждения было *повеление* императора от 11 (23) апреля 1853 года, разрешающее Российско-американской компании занять остров Сахалин на тех же основаниях, на которых она владела другими землями, перечисленными в ее официаль-

⁸ Струве 1889.

ной правительственной *привилегии*, с тем, чтобы не допустить каких-либо иностранных поселений на Сахалине⁹.

Одной из важных конкретных мер, непосредственно направленных на реализацию как американских, так и российских геополитических целей, было создание надежной телеграфной связи внутри обоих государств и между Евразией и Америкой. Идея строительства такой трансконтинентальной телеграфной линии возникла практически одновременно в России и США. Ее осуществление приняло форму последней крупномасштабной научной экспедиции в Русской Америке и знаменовала собой начало исследований Аляски американскими учеными и, в какой-то степени, подготовило почву для покупки Североамериканскими Соединенными Штатами единственных заморских владений Российской империи.

Как свидетельствуют материалы Министерства почт и телеграфов Российской империи, сохранившиеся в Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге, уже в 1854 году, некто Шафнер (*Shafner*), гражданин Североамериканских Соединенных Штатов, предложил российскому правительству проложить телеграфную линию через Россию, Сибирь, Камчатку и Берингов пролив или (в порядке альтернативы) — от Иркутска вдоль Амура и Алеутской островной дуги в Северную Америку для соединения с американскими телеграфными линиями¹⁰. Господин Шафнер был готов осуществить проект за свой счет в случае, если ему будет предоставлена рабочая сила и даны эксклюзивные права использования телеграфа на 100 лет. Предложение американца было вежливо отклонено.

В 1856 году капитан Первого кавалерийского пионерного дивизиона Д.И. Романов разработал проект Российско-Американского телеграфа. Он представил свой проект генерал-

⁹ Струве 1889: 157. О деятельности Российско-Американской компании на острове Сахалин см.: Тихменев 1862: 99–128.

¹⁰ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1289. Оп. 1. № 1444: По предложению полковника Кемпбелла о проведении телеграфной линии через Сибирь для соединения Европы с Америкой. Август 16, 1858 – ноябрь 6, 1862 (196 листов), лл. 48–48об.

губернатору Восточной Сибири Н.Н. Муравьеву-Амурскому в 1857 г. в Кяхте. Проект был доложен императору, который повелел его опубликовать с цензурными купюрами¹¹. Одной из причин решения российских властей предать гласности этот проект было их желание объявить о нашем национальном приоритете в выдвижении этой идеи, особенно в связи с тем, что иностранцы продолжали попытки заинтересовать высшее руководство империи их трансконтинентальными телеграфными проектами, в чем они в конце концов и преуспели.

В 1858 г. российское правительство получило одновременно три иностранных проекта такого соединения. В частности, парижанин Лиже-де-Либессар (*Ligè-de-Libessar*), который именовал себя Главным директором Всемирного телеграфного общества, считал возможным проложить телеграфный кабель по дну Берингова пролива. Лондонские банкиры *Deveau and Co* предложили устроить телеграф через Россию, Северную Америку и Орегон в Калифорнию, не уточняя конкретной трассы линии¹². Более активным, если не сказать нахальным, был подполковник Кэмпбелл-Слей (*Campbell-Sleigh*), который привез в Россию проект своего брата, полковника Кэмпбелла. По их мнению, телеграфная линия могла быть проложена либо по дну Берингова пролива, либо вдоль Алеутской островной дуги. Помимо сооружения телеграфной линии, Кэмпбелл также предлагал построить железную дорогу от Нижнего Новгорода до Татарского пролива в Тихом океане. Напомним, что как французское, так и английское предложения были выдвинуты вскоре после Крымской войны 1853–1856 годов, в известной мере имевшей характер мировой войны англо-франко-турецкой коалиции, действия которой распространялись и на акваторию

¹¹ РГИА. Ф. 1289 Оп. 1. № 1444: Переписка об устройстве телеграфа между Америкой и Сибирью, Февраль 25 – Март 10, 1859 (на пяти листах), лл. 1–10б. Материалы Романова были незамедлительно опубликованы, а он сам направлен в США для ознакомления с телеграфным бизнесом. Там он принял участие в обсуждении проекта, см.: Романов 1859; Романов 1861; Романов 1864.

¹² Там же. Л. 48об.

Тихого океана. Не удивительно поэтому, что российские власти приняли эти предложения весьма скептически. Это очевидно, в частности, из письма Главноуправляющего путей сообщения и публичных зданий К. Чевкина¹³ от 20 марта 1858 г. Министру иностранных дел России, князю А.М. Горчакову, в котором он выразил свое решительное мнение о невозможности осуществления столь грандиозного мероприятия всего лишь за один год, а также сомнение в честности автора проекта, тем более что трудно было представить полковника английской армии, занимающегося постройкой телеграфной линии через Сибирь в Америку, будто бы английская армия не нуждалась в офицерах¹⁴. Генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев-Амурский саму идею, особенно ее сибирскую составляющую, решительно поддержал. Он заявил А.М. Горчакову, что телеграф от Санкт-Петербурга до устья Амура настолько необходим, что не стоит скупиться на деньги, необходимые для его постройки, так как Англия, Франция и Америка так закрепились в Японии и Китае, что без установления прочной связи Дальнего Востока с Санкт-Петербургом невозможно будет защитить интересы Российской империи на ее дальневосточных форпостах, непосредственно граничащих с этими странами Юго-Восточной Азии.

¹³ Константин Владимирович Чевкин (1802–1875) — генерал от инфантерии, генерал-адъютант, один из организаторов железнодорожного строительства в России: с 1845 г. член комитета по постройке железной дороги Петербург — Москва (ныне Октябрьская железная дорога), руководил строительством железных дорог Петербург — Варшава, Москва — Нижний Новгород и др. В 1834 г. назначен начальником штаба корпуса горных инженеров. В 1836 г. ездил за границу для осмотра иностранной горной промышленности, в 1840 г. осматривал за границей железные дороги, в 1843 г. осматривал горные и соляные промыслы Южной России, а в 1845 г. Уральские заводы. В 1855–62 гг. был главноуправляющим Ведомством путей сообщения и публичных зданий, а затем членом государственного совета и председателем департамента экономики, в 1872 г. состоял председателем комитета по делам Царства Польского.

¹⁴ РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. № 1444. Л. 4–4об. Английский текст предложения полковника Кембелла — *The Great Eastern and Western (via Behring's Straits) European and American Overland Telegraph Line* — Лл. 7–10об.

Однако, Муравьев-Амурский считал, что сооружение телеграфной линии на территории России должно быть осуществлено российскими компаниями, а «Сибирское русское общество Амурское» было готово взять на себя воплощение в жизнь этого проекта¹⁵.

11 декабря 1858 года император Александр II повелел Сибирскому комитету изучить предложение о постройке телеграфа¹⁶. Члены комитета практически единогласно поддерживали необходимость создания Сибирского телеграфа, особенно в свете того, что 16 декабря 1858 года было получено официальное согласие Китая на постройку телеграфной линии от Кяхты до Пекина¹⁷. Однако было решено отклонить предложение об услугах английского полковника, так как российскими дипломатами было выяснено из публикаций в лондонских газетах *Times* и *Daily News*, что полковник Кэмпбелл был мошенником, занятым валютными махинациями. На основании решения Сибирского комитета были предприняты немедленные практические шаги по изысканию предложенной трассы телеграфа. Для этого два инженера Управления путей сообщения были направлены в Сибирь¹⁸. История Кэмпбелла-Слея на этом, однако, не закончилась. Узнав в 1862 году о строительстве телеграфной линии от Иркутска до Кяхты, автор английского проекта попытался получить денежную компенсацию за идею и связанные с нею расходы. В этом ему, естественно, было отказано.

Американский автор проекта транстихоокеанского телеграфа, энергичный предприниматель и политический деятель из Сан-Франциско П.М. Коллинз (*Perry McDonough Collins*, 1813–1900) имел бóльший успех. Его планы основывались на понимании того, что возвращение Приамурья дало России великолепные возможности развития торговли с Америкой, а для его страны открывались неограниченные рынки сбыта Китая и других стран Южной Азии. Зимой 1856 г. Коллинз заручился поддержкой президента Соединенных

¹⁵ РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. № 1444. Л. 44–44об.

¹⁶ Там же. Л. 46.

¹⁷ Там же. Л. 54.

¹⁸ Там же. Л. 143.

Штатов Франклина Пирса (*Franklin Pierce*, 1804–1869) и посла России Эдуарда Андреевича Стёкля (1804–1892)¹⁹. Коллинз предложил президенту США направить его в Приамурье для исследования возможностей использования Амура для транзитной торговли и ознакомления с природными особенностями края. Он утверждал, что Приамурье исключительно важно для коммерции Калифорнии, Орегона и Вашингтона. 24 марта 1856 г. Перри МакДоно Коллинз²⁰ был назначен коммерческим агентом (представителем) Соединенных Штатов на Амуре²¹. 12 апреля того же года он отправился из Нью-Йорка в Ливерпуль и оттуда первым рейсовым пароходом прибыл 17 мая в Кронштадт. С помощью Н.Н. Муравьева-Амурского Коллинз в компании такого же предпринимчивого американца Бернарда Пейтона (*Bernard Peyton*) (который также вынашивал планы развития амурской торговли, но был в Санкт-Петербурге независимо от Коллинза)²² отправился в Восточную Сибирь на санях в декабре 1856 года. Они достигли Иркутска 7 января 1857 года²³. Несколько позднее Пейтон решил вернуться в Санкт-Петербург, а Коллинз детально ознакомился с ситуацией в Сибири и Кяхте, с состоянием торговли с Китаем, посетил Читу и Нерчинские рудники. Самым ярким моментом посещения Восточной Сибири коммерческим агентом Соединенных Штатов было его путешествие из Читы в Николаевск-на-Амуре в компании военного губернатора Приморской области Контр-адмирала Петра Васильевича Казакевича (1816–1887) и главы Российской дипломатической миссии в Китае, Вице-адмирала Евфимия Васильевича Путятина (1803–1883). Коллинз участвовал в сплаве вниз по течению Амура на всем его протяже-

¹⁹ Болховитинов 1990: 143.

²⁰Подробнее см.: Mackay 1946: 187–216.

²¹ Kushner 1975: 122.

²² Письма Пейтона опубликованы: Soul 1987: 405–420.

²³ Переписка Коллинза была полностью опубликована Конгрессом США в 1858 году (35th USC 1858). Позже Коллинз обобщил свои наблюдения в отдельной книге: Collins 1860. В 1962 году Чарльз Вивер переиздал эту книгу с небольшими изменениями и научными комментариями (*Siberian Journey* 1962).

нии до устья, где он встретил несколько американских судов из Сан-Франциско и Бостона, занятых торговлей. Находясь в Чите, Коллинз выдвинул предложение построить железную дорогу между Байкалом и Амуром для соединения реки Амур со столицей Восточной Сибири — Иркутском. Предложение американского коммерческого представителя, поддержанное Н.Н. Муравьевым-Амурским, было направлено Сибирскому комитету, который его отверг, так как считал первоочередным соединением Восточной Сибири с Европейской частью страны. Сибирский комитет также полагал, что реализация проекта Коллинза в будущем может оказаться весьма вредной еще и потому, что поставит внутренние интересы восточного региона в зависимость не от метрополии, а от иностранцев, особенно американцев²⁴.

Сам же Коллинз, однако, не оставил мысли о распространении североамериканских коммерческих интересов на российский Дальний Восток и с энтузиазмом писал в Департамент Соединенных Штатов о грандиозных возможностях, которые могут быть предоставлены для американской торговли на российском Дальнем Востоке. Он подчеркивал, что Амур — это «сибирская Миссисипи» и что развивавшаяся в то время торговля янки на Камчатке со временем расширится по всему течению Амура и, таким образом, волеется в обширную коммерческую сеть Северной Азии. В декабре 1857 года Коллинз через Сан-Франциско вернулся в Соединенные Штаты, оставив на Амуре в качестве своего представителя коммерческого вице-агента (*George Cushing*)²⁵.

Самым важным результатом путешествия Коллинза был выдвинутый им грандиозный проект Российско-Американского телеграфа по дну Берингова пролива, который должен был соединить существующие телеграфные системы двух полушарий. Для воплощения в жизнь этого проекта предприимчивый американец начал энергично действовать в нескольких направлениях — в США, России и Англии. Он сумел заин-

²⁴ РГИА. Ф. 1265. Оп. 6: Выписка из журнала Сибирского комитета, 22 апреля (4 мая) 1857 года, лл. 17–18. Болховитинов 1990: 147–148.

²⁵ Kushner 1975: 123.

тересовать не только правительственные круги этих стран, но также могущественного президента Западной Объединенной Телеграфной Компании Хайрама Сибли (*Hiram W. Sibley*, 1807–1888). В России сначала этот проект был принят с такой же осторожностью, как и все предыдущие аналогичные иностранные инициативы такого рода в прошлом.

В 1859 году Коллинз снова появился на Амуре, а в последующие два года он, без видимого успеха, пытался получить одобрение российского правительства на реализацию его планов сооружения внутриконтинентальной телеграфной линии.

С другой стороны, уже в 1861 году он и Сибли смогли заручиться поддержкой администрации президента США Авраама Линкольна. Даже Гражданская война не остановила реализацию этого проекта²⁶. В том же году русский военный инженер Романов, о котором мы упоминали ранее, посетил Соединенные Штаты, с тем чтобы изучить американский опыт постройки и использования телеграфных линий. Во время командировки Романов встретился со знаменитым Сэмюэлем Финли Бриз Морзе (*Samuel Finley Breese Morse*, 1791–1872) и так же, как с Сибли и Коллинзом, обсуждал с ним вопрос о телеграфной линии между Америкой и Сибирью, особенно в связи с тем, что к этому времени была завершена телеграфная линия и открыта регулярная связь Калифорнии через весь континент. Более того, подполковник Романов настаивал на организации совместной российско-американско-английской научной экспедиции для исследования территорий, по которым будет проложена телеграфная линия. Российский посол в Вашингтоне, барон Стёкл немедленно доложил о предложении Романова Великому князю Константину²⁷.

²⁶ Kushner, 1975: 124.

²⁷ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Фонд Санкт-Петербургский Главный архив I-9. Оп. 8. № 10, 1862–1868 гг.: По представлению по проведению телеграфа от Западного Прибрежья Северной Америки в Восточную Сибирь... Лл. 1–1об. Письмо барона Стёкла Великому Князю Константину от 14 апреля 1861 года.

В 1862 году американское правительство по дипломатическим каналам предприняло официальные шаги для получения согласия российского правительства на прокладку транстихоокеанского телеграфа.

5 (17) сентября 1862 года Саймон Кэмерон (*Simon Cameron*, 1799–1889), американский Чрезвычайный и Полномочный Посол в России, обратился к министру иностранных дел России, вице-канцлеру империи, святейшему князю А.М. Горчакову с официальным посланием, в котором изложил общую идею телеграфного соединения Азиатской России с Американским континентом посредством кабеля, проложенного либо по дну Берингова пролива, либо вдоль Алеутской островной дуги. Первый вариант представлялся предпочтительным. Подчеркивалось, что значение этого проекта простиралось за цели его авторов и даже за пределы национальных интересов двух стран. Он рассматривался как шаг в великом поступательном движении мира — очередной триумф цивилизации, к развитию которой как Россия, так и Соединенный Штаты приложили много усилий²⁸. Подчеркивая, что Россия получит немалый доход от телеграфного сообщения в Европу через ее территорию, американский посол не скрывал широкомасштабных планов Соединенных Штатов в отношении Азии, реализация которых была связана с сооружением этой телеграфной линии с продолжением ее от Иркутска к Кяхте и далее в Пекин, Шанхай и другие торговые порты Китая, что обеспечит Соединенные Штаты кратчайшей связью с их важными коммерческими интересами в Китае и Японии²⁹. Последние соображения не вызвали сильного энтузиазма у российских властей, которые вполне оправданно видели в Соединенных Штатах конкурента на азиатских рынках, особенно в связи с тем, что Кяхта с незапамятных времен являлась одним из крупнейших центров транзитной торговли между Россией и Китаем. При дальнейшем обсуждении проблем, связанных с созданием транстихоокеанского телеграфа, указанная настороженность отразилась в

²⁸ Там же. Л. 14об.

²⁹ Там же. Л. 14.

твердой позиции России относительно строительства телеграфной линии на территории Восточной Сибири, где все работы, по безальтернативному мнению властей, должны были выполняться российскими специалистами³⁰. Исключение было сделано лишь относительно крайнего северо-востока (литорали Охотского моря и Чукотки).

Значительная важность этого проекта для Соединенных Штатов была подчеркнута тем, что для обеспечения возможности Коллинзу без материальных издержек ожидать действий императорского правительства России президент США назначил его временным Вице-консулом в Санкт-Петербурге³¹.

В правительственных кругах Соединенных Штатов Уильям Сьюард был энтузиастом и пропагандистом сооружения транс-тихоокеанской телеграфной линии. Этот проект он рассматривал в свете своего убеждения в предназначенной Соединенным Штатам Провидением особой роли в мире. Он подчеркивал, что абсолютно невозможно обозначить пределы распространения государственного влияния его страны, которое будет расширяться в этих новых и благоприятных условиях коммуникаций, способствующих распространению по всему земному шару американских идей и начал политической и частной экономии, политики, морали, философии и религии³².

Не входя в детали длительных переговоров между Россией и Соединенными Штатами, далеко выходящие за пределы нашей темы и досконально исследованные в трудах

³⁰ Там же. Лл. 12–13.

³¹ Там же: Letter. United States embassy, dated October 29 –November 10, 1862, signed by Bayard Taylor.

³² Communication 1864. Воспроизведено: АВПРИ, ф. 339 РАК, оп. 888, № 408: Переписка и материалы относительно сделанного г. Коллинзом предложения об устройстве электрического телеграфа от устья р. Амура через русские и британские Северо-Американские владения. Л. 37. Такие суждения были замечены не только российскими официальными властями, но вызвали живой интерес и обеспокоенность читающей публики страны. В частности, это нашло отражение в публикации материалов Сьюарда в русском переводе в газете «Санкт-Петербургские ведомости» от 18 октября 1864 года, № 235.

Н.Н. Болховитинова³³, заметим только, что американская аргументация была основана, в немалой степени, на отмеченном ранее партнерстве между Россией и Соединенными Штатами. В то время обе державы были объединены против общего стратегического противника — Великобритании. Этот факт, в частности, подчеркнут в письме американского посла в Санкт-Петербурге, Кассиуса Марселлуса Клея (*Cassius Marcellus Clay*, 1810–1903) руководителю Азиатского департамента российского Министерства иностранных дел генералу Н.П. Игнатьеву³⁴. В этом письме, кроме того, сказано, что Соединенные Штаты так же, как и Россия, заинтересованы в том, чтобы телеграфные коммуникации мира не были сосредоточены лишь на Атлантической линии, находящейся в исключительном владении англичан³⁵.

Переговоры были завершены 9 (21) марта 1863 года, когда главноуправляющий почтовым департаментом (начиная с 15/17 июня — министр почт и телеграфов) граф И.М. Толстой³⁶ подписал с Сибли и Коллинзом соглашение, конкретизировавшее условия телеграфного сообщения России с США³⁷. В 1865 году эти условия были опубликованы в Полном своде законов Российской империи.

Рассмотрим теперь ход телеграфной экспедиции и географические исследования, проведенные в ее рамках.

³³ Болховитинов, 1990: 143–166.

³⁴ Граф Николай Павлович Игнатьев (1832–1908) — русский государственный деятель из рода Игнатьевых, российский посланник в Пекине (1859–1860), посол в Константинополе (1864–1877), министр внутренних дел (1881–1882), генерал от инфантерии (1878), генерал-адъютант. Сторонник идей панславизма. Во время командировки в Китай в 1859–1860 гг. подготовил и подписал от имени Российской империи Пекинский договор 1860 г., который возвратил России Приморье и присоединил Приморье до границы с Кореей (на юге). Подробнее см: Хевролина 2009; Граф Н.П. Игнатьев 2008–2009.

³⁵ АВПРИ. Ф. Санкт-Петербургский Главный архив I-9. Оп. 8. № 10. Л. 22.

³⁶ Граф Иван Матвеевич Толстой (1806–1867) — русский придворный и государственный деятель из рода Толстых, брат Н.М. и Ф.М. Толстых, внук М.И. Кутузова. Действительный тайный советник.

³⁷ Болховитинов 1990: 161.

Хотя в соответствии с экспедиционной программой изыскание маршрута постройки телеграфной линии должны были осуществляться одновременно с научными исследованиями, сами эти исследования играли вполне самостоятельную и существенную роль. В значительной мере это объясняется тем, что в правительственных кругах Соединенных Штатов, где активно обсуждался вопрос целесообразности покупки Аляски у России, большой интерес проявлялся к информации об этой территории, полученной из первых рук и, особенно — от граждан Соединенных Штатов.

Научные работы в рамках экспедиции было поручено возглавить молодому исследователю из штата Иллинойс Роберту Кенникотту (*Robert Kennicott*, 1835–1866)³⁸. Хотя он из-за слабого здоровья не получил университетского образования, но, благодаря великолепной домашней теоретической научной подготовке и последующих работ под руководством видных ученых — натуралиста Дж.И. Кёртлэнда (*J.E. Kirtland*) и орнитолога П.Р. Хоя (*P.R. Hoy*) — обладал необходимой квалификацией. Это позволило ему уже в 1855 г. провести детальные экспедиционные исследования природы Иллинойса, показав себя серьезным натуралистом. В 1857 г. он был назначен куратором Музея естественной истории Северо-западного. В 1859 г. Кенникотт решил заняться изучением природы и сбором естественнонаучных экспонатов для своего музея в Британской Колумбии и Русской Америке. Он отправился на Аляску благодаря финансовой поддержке Смитсоновского института и Академии наук Чикаго (которая была и остается, на самом деле, Музеем природы). Зиму 1860–1861 гг. он провел в Форте Юкон. Кенникотт планировал исследовать Юкон, сплавившись по нему в российские владения, заручившись для этого ходатайством Главной конторы Российско-Американской компании об оказании ему всяческой поддержки со стороны русских властей³⁹. На этот раз доку-

³⁸ О Кенникотте см.: Alton 1942 : 1–19 .

³⁹ Текст ходатайства Правления Российско-Американской Компании о поддержке путешествия Кенникотта по владениям Компании любезно предоставлен А.В. Постникову господином Стефаном Свансоном, директором музея/резиденции Роберта Кенникотта — Нацио-

мент ему не потребовался, так как молодой американский исследователь не смог добраться до границ российских владений на Аляске. Он вернулся в Соединенные Штаты, мечтая отправиться на Аляску снова и исследовать детально долину реки Юкон на всем ее протяжении. В Вашингтоне Кенникотт провел почти целый год в Смитсоновском институте, обрабатывая собранные им научные данные, особенно — орнитологическую коллекцию. В этот период Смитсоновский институт начал активно планировать научную часть Телеграфной экспедиции под руководством профессора Спенсера Фуллертона Бэйрда⁴⁰. Руководителем научного отряда экспедиции был назначен Роберт Кенникотт; помимо него в отряд входили: ботаник Джозеф Тримбл Ротрок⁴¹, энтомолог Фердинанд Биссхофф (*Ferdinand Bischoff*), зоологи Чарльз Пиз (*Charles Pease*) и Генри Вуд Эллиот (*Henry W. Elliott*)⁴², палеонтолог Генри М. Баннистер (*Henry M. Bannister*) и ихтиолог (специалист по моллюскам) Уильям Хилей Далл (*William Healey Dall*). Судя по всем имеющимся свидетельствам, Смитсоновский институт уделял исключительное внимание научной программе Телеграфной экспедиции, потому что в этот период проводились активные и конфиденциальные консультации относительно покупки Российских владений на Аляске и властям Соединенных Штатов требовалась объ-

нальный памятник Гроув, Иллинойс (Stephan Swanson, director of the Museum/Residence of Robert Kennicott, The Grove National Landmark, Illinois).

⁴⁰ Профессор Спенсер Фуллертон Бэйрд (Spencer Fullerton Baird, 1823–1887) — американский орнитолог, ихтиолог и герпетолог. Член Национальной академии наук США (1864).

⁴¹ Профессор Джозеф Тримбл Ротрок (Joseph Trimble Rothrock, 1839–1922) был американским путешественником, хирургом, ботаником и экологом, признанным «Отцом лесоведения» в Пенсильвании, где он основал Лесную академию для подготовки лесных рейнджеров (лесников) для службы в этом штате. Подробнее см: Dudley, Goddard 1973: 37–50.

⁴² Генри Вуд Эллиотт (1846–1930) получил впоследствии известность как художник, мастер акварельной живописи, и эколог, работы которого в основном были посвящены Аляске. Он был автором договора об охране котиков 1911 года — первого международного договора об охране диких животных.

ективная информация о природных ресурсах Русской Америки.

Как совершенно справедливо отмечал американский исследователь Морган Шервуд⁴³, Кенникотт как человек с некоторым опытом исследований на Аляске теоретически мог возглавить научный отряд, но по своему характеру был малоподходящей кандидатурой на этот пост. Кенникотт испытывал большие трудности в связи с необходимостью сочетать научные исследования, с одной стороны, и практическую работу по сооружению телеграфной линии, с другой. Признаки психической нестабильности Кенникотта стали очевидны уже на начальном этапе подготовки и проведения экспедиции. Далл, который никогда не испытывал антипатии по отношению к Кенникотту, 10 мая 1865 г. отметил в своем дневнике, что молодой ученый находился в состоянии крайнего возбуждения или под воздействием алкоголя. Далл подчеркнул, что если бы он говорил о человеке менее ему знакомом, то ему следовало бы сделать заключение о том, что Кенникотт либо ненормальный, либо совершенно непригодный для выполнения доверенного ему дела, так как был абсурдно подозрителен по отношению к любому члену экспедиции⁴⁴.

Следует заметить, однако, что Кенникотт был примером самопожертвования и трудолюбия в сборе коллекции и анализе естественнонаучных данных. Даже на начальной стадии подготовки экспедиции он пытался организовать сбор образцов флоры, фауны и минералов Русской Америки как для самой Телеграфной экспедиции, так и для пополнения коллекций Смитсоновского института. Для этого Кенникотт вступил в оживленную переписку с российским генеральным консулом в Нью-Йорке, бароном Карлом Романовичем Остен-Сакеном⁴⁵. В частности, он попросил, чтобы консул

⁴³ Подробнее см: Sherwood 1967: 17–18.

⁴⁴ Sherwood 1967: 19.

⁴⁵ Барон Роберт (Карл Роберт) Романович Остен-Сакен (нем. Karl Robert Freiherr von der Ostten-Sacken, 1828–1906) — энтомолог и дипломат. Происходил из старинного дворянского рода. Родился в Санкт-Петербурге, воспитывался во второй гимназии (1841–1845) и в

рекомендовал главному правителю российских колоний наладить сбор образцов флоры и фауны Русской Америки еще до прибытия туда Телеграфной экспедиции⁴⁶. Для стимуляции этой работы Кенникотт обеспечил даже печать этикеток будущих экспонатов коллекции Смитсоновского института с именем главного правителя колоний на них. Из таких действий, при всем их благоразумии, становится ясно, что молодой американский ученый понятия не имел о том, что русские давно и успешно занимались изучением природы своих заокеанских владений, создавая ценные естественнонаучные коллекции и направляя их в Санкт-Петербург. В большей мере Кенникотт был осведомлен о значительных успехах русских в картографировании их владений и поэтому он сообщил барону Остен-Сакену о том, что просил секретаря российского представительства в Вашингтоне предоставить ему карты тех территорий, где предполагалось развернуть исследования Телеграфной экспедиции⁴⁷.

21 марта 1865 года Кенникотт, получивший в связи с ответственностью задания звание майора, со своим научным отрядом отправился из Нью-Йорка на борту парохода «Голден Рул» (*Golden Rule*). После пересечения по суше перешейка в

Санкт-Петербургском университете на камеральном отделении, в 1849 г. поступил в Министерство иностранных дел и служил секретарем миссии в Вашингтоне (1856–1862) и генеральным консулом в Нью-Йорке (1862–1871). В 1873 г. вышел в отставку, с 1877 г. поселился в Гейдельберге. Во время пребывания в Америке объездил Соединенные Штаты и составил обширные коллекции насекомых, особенно двукрылых, которые отчасти были разработаны самим Остен-Сакеном, отчасти Германом Лёвом. Многочисленные работы Остен-Сакена посвящены почти исключительно двукрылым, главные из них относятся к фауне Северной Америки, но часть также к фауне других областей (России, Малайского архипелага, Филиппинских островов, Центральной Америки).

⁴⁶Robert Kennicott to Osten-Sacken. TC/PC of ObMU 1626.10.3, Harvard, Museum of Comparative Zoology, ff. 2742 a-2742 b, Smithsonian Institution, Washington, D.C., February 15, 1965. Рукописные источники по истории работ американского научного отряда Телеграфной экспедиции любезно предоставлены А.В. Постникову Чикагской Академией наук (Chicago Academy of Sciences).

⁴⁷ Robert Kennicott to Osten-Sacken. TC/PC of ObMu 1626.10.3, Harvard, Museum of Comparative Zoology, f. 2742 b.

Никарагуа, отряд на другом пароходе прибыл в Сан-Франциско 25 апреля 1865 года⁴⁸.

Из-за внезапных неприятностей с сердцем и необходимости пополнения экспедиционных запасов Кенникотт на два с половиной месяца задержался в Сан-Франциско, где подружился с семьей агента Российско-Американской компании в Калифорнии и российского вице-консула Мартина Федоровича Клиновстрёма⁴⁹. Эта семья сыграла существенную роль в исправлении изначально сформировавшегося у Кенникотта отрицательного отношения к русским. Решающее значение имело присутствие двух очаровательных и блестяще образованных дочерей вице-консула. Младшая, Ольга, завоевала сердце американца, о чем он откровенно поведал в своем письме от 9 июля 1865 года Бейрду⁵⁰.

12 июля 1865 года Кенникотт во главе группы из десяти человек отправился на север на борту барка «Голден Гейт» (*Golden Gate*). Прибыв 13 июня в Залив Дрейка, Кенникотт с частью своего отряда пересел на пароход «Джордж С. Райт» (*George S. Wright*), чтобы посетить порт Ванкувер (центр канадской провинции Британская Колумбия) для покупки дополнительного продовольствия. Остальные, включая Банни-

⁴⁸ James 1942: 13–14.

⁴⁹ Мартин (Мартын) Федорович Клиновстрём (Клинкофстрем; 1812–1884) — российский мореплаватель, исследователь Берингова моря, агент Российско-Американской компании, вице-консул Российской империи в Сан-Франциско. Происходил из семьи эмигранта шведского происхождения. Предположительно окончил Кронштадтское штурманское училище. Плавал на различных судах Российско-Американской компании. Награжден золотой медалью «За храбрость». В 1846 г. руководил байдарочной экспедицией по описи устья р. Анадырь. Открыл неизвестную бухту в 20 милях к востоку от входа в реку. В 1853–1854 гг. командовал транспортом «Император Николай I», на котором 22 сентября (4 октября) 1853 г. в одну из бухт залива Анива на юге Сахалина прибыл начальник Амурской экспедиции Г.И. Невельской с командой и основал пост Муравьевский (ныне город Корсаков). Зимой 1853–1854 гг. Клиновстрём перенёс трагическую зимовку в Императорской гавани, когда умерло три члена экипажа. В 1862 г. был назначен вице-консулом Российской империи в Сан-Франциско и находился на этой должности до 1876 года. Умер 6 марта 1884 г. в Висбадене.

⁵⁰ Robert Kennicott to Osten-Sacken. TC/PC of ObMu 1626.10.3, Harvard, Museum of Comparative Zoology, f. 2799.

стера и Далла, который в отсутствие Кенникотта выполнял обязанности руководителя научного отряда, продолжили свое плавание к острову Баранова (Ситка). Из столицы Русской Америки экспедиционные партии отправились в Залив Нортон, одна — на борту парохода «Джордж С. Райт», другие — на борту барка «Голден Гейт». Таким образом, 13 сентября весь отряд собрался в Михайловском редуте.

По просьбе общего командующего экспедицией полковника Чарльза Л. Балклея (*Colonel Charles L. Bulkley*)⁵¹, местное руководство Российско-Американской компании предоставило в распоряжение экспедиции лоцмана и навигатора Кадина, который неоднократно ходил по Берингову морю и вообще хорошо знал колонию, а также, особенно для экспедиции по Квихпаку (Юкону), одного из промышленников, финна Гренберга (*Grenberg*) как переводчика с английского языка на русский и алеута в качестве переводчика с чукотского языка для анадырского отряда⁵².

Позднее в помощь исследователям направлены два юноши с севера: Иван Кожевников, который владел маламутским языком, и креол Иван Герман с острова Св. Павла. Оба изучали английский язык и готовились стать переводчиками⁵³. Помимо этого чиновник по особым поручениям Канцелярии Главного правления Восточной Сибири, коллежский асессор Павел Павлович Аносов, был назначен представителем российских властей. В его обязанности входило обеспечение полной поддержки деятельности Западной объеди-

⁵¹ Чарльз Сеймур Балклей (Charles Seymour Bulkley (1825 – ок. 1898) был выдающимся инженером и проводил обширные работы в России. Получил известность как Главный инженер и руководитель прокладки Международного телеграфного кабеля для соединения Соединенных Штатов с Россией. Экспедиция была организована на полувоенных основаниях под общим командованием Балклея (который был ее главным инженером) и разделялась на четыре отряда. Балклей отвечал за аренду кораблей, покупку снаряжения и продовольствия, а также за наем техников и инженеров.

⁵² АВПРИ. Ф. 339. Оп. 888. № 408 Л. 65: Рапорт капитана второго ранга Гаврилова.

⁵³ Там же. Л. 78об.: Из письма Капитана Первого ранга Д.П. Максута от 26 октября 1866 года.

ненной телеграфной компании, наблюдение за ходом работ и их полным соответствием контракту. В инструкции Аносову, подписанной Генерал-губернатором Восточной Сибири, генерал-лейтенантом М.С. Корсаковым⁵⁴, подчеркивалось, что ему необходимо собирать сведения о притеснениях местных племен со стороны иностранных судов, а также в отношении служащих Российско-Американской компании. Аносову требовалось постоянно иметь в виду соблюдение справедливых интересов компании и, особенно — сохранение дружеских отношений с местным населением⁵⁵.

8 сентября 1865 года полковник Балклей подтвердил назначение Кенникотта начальником научного отряда и в качестве одной из главных его задач предписал исследование реки Квихпак и установление ее зависимости, или тождественности Юкону⁵⁶. Еще во время своего первого путешествия на Юкон в 1860–1861 гг. Кенникотт вполне правильно предположил, что Кхвихпак — это нижнее течение Юкона. Выйдя на берег в Михайловском, он быстро выяснил, что его «основная географическая цель» была давно достигнута старожилами Русской Америки, наиболее выдающимся из которых был Иван Семенович Лукин⁵⁷. Вообще американцы

⁵⁴ Михаил Семенович Корсаков (1826–1871) — русский государственный деятель, военный губернатор Забайкальской области и наказной атаман Забайкальского казачьего войска (1855–1860), генерал-губернатор Восточной Сибири (1861–1871), генерал-лейтенант.

⁵⁵ РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. № 1967. Лл. 185–189: Инструкция чиновнику особых поручений Главного управления Восточной Сибири, коллежскому асессору Аносову. 13 января 1866 года.

⁵⁶ Charles L. Bulkley to RK, St. Michaels. T/C Russian Telegraph Expedition, Notes and Correspondence, Box 82, Museum of Natural History Library, S1, ff. 2831 a-2831 b. Копия документа любезно предоставлена А.В. Постникову Чикагской Академией наук.

⁵⁷ Иван Семенович Лукин (1823–1886?) — служащий Российско-Американской компании, правитель Колмаковского редута, исследователь реки Юкон. Родился на Аляске в семье креола С.И. Лукина — участника экспедиции И.Я. Васильева во внутренние районы Аляски. Помогал отцу во всех делах и успешно руководил торговыми экспедициями, особенно среди индейских племен атапасков (западная часть Канады и США). В 1855 г. назначен правителем Колмаковского редута. В начале 1860-х гг. за упущения освобожден от должности и переведен на о. Стюард в Михайловский редут. Правитель М. Вахрамеев поручил

убедились в том, что русские на Аляске прочно закрепились и весьма хорошо изучили ее природную среду и местное население, с которым у служащих Российско-Американской компании установились вполне мирные и даже партнерские отношения.

Утром 13 мая 1866 г. безжизненное тело майора Роберта Кенникотта было найдено неподалеку от форта Нулато. На берегу лежал карманный компас, линии на мягком аллювии, отмечавшие направления на различные горы, находящиеся в поле зрения, свидетельствовали, что в момент кончины он был занят дополнением материала к своей карте страны вокруг Нулато⁵⁸. Причина смерти Роберта Кенникотта до сих пор не может считаться окончательно установленной. Друг и соратник начальника научного отряда Телеграфной экспедиции Уильям Далл писал: «Его кончина была вызвана болезнью сердца, обострившейся из-за переохлаждения и лишений, от которых он оберегал других, но не себя самого»⁵⁹. Лейтенант Адамс считал, что Р. Кенникотт покончил с собой, приняв стрихнин, которого у ученого было много, но после его кончины яд целиком исчез. Как бы то ни было, но Кенникотт предчувствовал свой близкий конец: в письме, остав-

Лукину найти «английское поселение» (Форт-Юкон). С начала весенней торговли отправился в индейское селение Наклакайет (*Nuklukahyet*), где встретил группу индейцев из Форта-Юкон, и узнал, что Юкон и Квихпак — одна и та же река. В 1862 г. вторично посетил это селение и с помощью местных индейцев дошел до Форта-Юкон. Притворившись дезертиром, прожил там достаточно долго. Затем скрытно от англичан покинул селение и на каноэ спустился вниз по Юкону в селение Нулато, где находился передовой русский редут. Лукин стал первым в мире исследователем, поднявшимся от побережья Берингового моря вверх по Юкону до Форта-Юкон (по другим сведениям — почти до Доусона) и идентифицировавшим эту реку с Квихпаком. В 1865 г. назначен переводчиком и проводником в Западную объединенную телеграфную экспедицию. Ее участники в своих дневниках отмечали его выносливость, отличное знание местности и всестороннюю помощь. После 1867 г. Лукин по-видимому, поселился в центральной части или верховьях р. Юкон. Возможно, его смерть под именем Иоанна (Ивана) Лукина зарегистрирована на Юконе 22 марта 1886. См.: Морской биографический справочник 1998.

⁵⁸ James 1942 :17.

⁵⁹ Dall 1915: 268.

ленном им, давалось указание в случае его смерти назначить начальником юконской партии Кетчума, а У. Эннису предписывалось руководить исследованиями в районах к западу и северу от Нулато для изыскания трассы телеграфа в направлении Берингова пролива.

Балклей с пароходом «Райт» и барком «Голден Гейт» пошли в северную часть Берингова моря, где капитан Скаммон (*Scammon*) и навигатор Кадин занялись измерением глубин Берингова пролива по предполагаемому маршруту укладки телеграфного кабеля. «Райт», остановившись в бухте Пlover для пополнения запасов угля, затем предпринял измерения глубин Анадырского залива, завершив которые, прибыл 15 октября в Петропавловск-Камчатский, где пароход ожидал Сибирский отряд Телеграфной экспедиции под руководством майора Сергея Саввича Абазы⁶⁰. Передав ему все необходимые наставления, Балклей с обоими экспедиционными судами возвратился в Сан-Франциско⁶¹. Аносов с Томасом У. Ноксом (*Thomas W. Knox*) на борту российского парового корвета «Варяг» отправились вдоль берега Охотского моря в Николаевск-на-Амуре, откуда Нокс отбыл в Санкт-Петербург⁶². Американский контингент Сибирского отряда под командой Дункана МакРея (*Duncan A. McRae*) был направлен 21 августа на шхуне «Мильтон Роджер» (*Milton Rodger*) в устье реки Анадырь непосредственно из Ново-Архангельска. Планировалось, что высадившаяся в устье Анадыри партия МакРея поднимется по реке до Анадырского острога и встре-

⁶⁰ Сергей Саввич Абаза (1833 –?) — представитель русской дворянской фамилии с молдавскими корнями. Сведения о нем очень скудны. Известно лишь, что в 1861 г. он был титулярным советником, секретарем двора Ее императорского высочества Великой Княгини Елены Павловны. Наибольшее значение имело его участие, как руководителя Сибирского отряда, в Телеграфной экспедиции. Подробнее см.: Румель, Голубцов 1886: 7.

⁶¹ АВПРИ. Ф. Санкт-Петербургский Главный архив. Оп. I-9. № 10: Описание действий Компании Западных Телеграфов Соединенных Штатов по сооружению Российско-Американского Телеграфа (от чиновника Особых поручений при Главном Управлении Восточной Сибири Амосова министру Почт и Телеграфов). Лл. 132–132об.

⁶² Whympers 1868: 110.

тится там с партией, направленной майором Абаза из залива Гижига. Результаты работы отряда Абаза к этому времени были им направлены телеграммой через Восточную Сибирь. В частности, к этому времени он уже закончил исследования между Охотском и устьем Амура, для чего им были использованы две партии, направленные навстречу друг другу⁶³. Результаты работ, проведенных под руководством майора Абазы зимой 1865–1866 гг., отображены на «Карте северной дистанции Азиатской линии Российско-Американского телеграфа» масштаба 100 верст в дюйме. На ней отмечено, что исследования были проведены тремя партиями: 1. От Николаевска до Охотска капитана Мигуды; 2. От Охотска до Гижигинска Абазой; 3. От Гижигинска до устья Анадыри (руководитель не указан).

Изыскания трассы были проведены от Николаевска вдоль рек Амгунь и Тугир, затем вдоль берега моря к Аяну, вдоль реки Мая к Охотску. Исследователи придерживались крупных судоходных рек, избегая гористых и залесенных территорий⁶⁴.

На территории России строительство телеграфа развивалось быстрыми темпами. В 1863 г. было устроено телеграфное сообщение между Петербургом и Кяхтой. В 1867 году завершено строительство столбов от Верхнеудинска до Сретенска и прорубалась просека до Николаевска-на-Амуре, поскольку первоначально предполагалось, что к этому пункту подведет линию с Аляски американская компания. Строительство транстихоокеанского телеграфа, однако, было прекращено по инициативе российской стороны, потерявшей к нему интерес в связи с продажей владений Российско-Американской компании Североамериканским Соединенным Штатам 18 (30) марта 1867 года.

В 1871 году российскими специалистами телеграфная проволока по столбам была протянута по территории Забайкалья, сначала до Читы, затем вдоль Шилки и Амура до Алек-

⁶³ АВПРИ. Ф. Санкт-Петербургский Главный Архив. Оп. I-9. № 10. Лл. 133–134.

⁶⁴ Там же. Лл. 146–147. См. также: Абаза 1867.

сандровска и далее под водой до Нагасаки в Японии. Отсюда телеграфная связь выходила на Гонконг и через Индийский океан, Красное и Средиземное моря в Лондон с продолжением до Петербурга. В результате, как отмечали современники, образовался громадный электрический круг, опоясывающий северное полушарие Старого Света и увязанный с США кабелем, проложенным по дну Атлантического океана (1866). Таким образом, идея создания трансконтинентальной телеграфной линии была претворена в жизнь, хотя ее осуществление по форме значительно отличалось от первого российско-американского проекта⁶⁵.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абаза 1867 — *Абаза С.С.* Русско-Американский телеграф // Санкт-Петербургские ведомости. 1867. № 54 (23 февраля).
- Болховитинов 1990 — *Болховитинов Н.Н.* Русско-Американские отношения и продажа Аляски, 1834–1867. М., 1990.
- Граф Н.П. Игнatieв 2008–2009 — *Граф Н.П. Игнatieв.* Дипломатически записки (1864–1874). Донесения (1865–1876) / Прев., увод, коммент. И. Тодев. София, 2008–2009. Т. I–II.
- Константинов 2006 — *Константинов М.В.* Телеграф // Энциклопедия Забайкалья: Читинская область: В 4-х томах. Новосибирск, 2006. Т. 4: С-Я. С. 137 [режим доступа: <http://encycl.chita.ru/encycl/concepts/?id=7183>, дата обращения — 06.04.2021].
- Морской биографический справочник 1998 — *Морской биографический справочник Дальнего Востока России и Русской Америки* / Сост. Б.Н. Болгурцев. Владивосток, 1998.
- Пономарев 1984а — *Пономарев В.Н.* Русско-американские отношения в годы Крымской войны, 1853–1856. Дисс.... канд. ист. наук. М., 1984.
- Пономарев 1984б — *Пономарев В.Н.* Русско-американские отношения в годы Крымской войны, 1853–1856 // Исторические записки. 1984. Т. 110. С. 232–281.

⁶⁵ Телеграфическая сеть 1873; Константинов 2006: 137; Постников, Константинов 2012: 393–394.

- Постников, Константинов 2012 — *Постников А.В., Константинов М.В.* Международный телеграф // *Малая энциклопедия Забайкалья: Международные связи* / Отв. ред. М.В. Константинов. Новосибирск, 2012. С. 393–394.
- Романов 1859 — *Романов Д.И.* Проект российско-американского международного телеграфа // *Русское слово*. 1859. № 4. С. 91–146.
- Романов 1861 — *Романов Д.И.* Перезабытый вопрос о телеграфе через Сибирь между Старым и Новым Светом // *Санкт-Петербургские ведомости*. 1861. 28 февраля.
- Романов 1864 — *Романов Д.И.* Сибирский телеграф // *Русский инвалид*. 1864. № 57 (12 марта).
- Руммель, Голубцов 1886 — *Руммель В.В., Голубцов В.В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1886. Т. 1.
- Струве 1889 — *Струве Б.В.* Воспоминания о Сибири, 1848–1854 гг. СПб., 1889.
- Телеграфическая сеть 1873 — Телеграфическая сеть на земном шаре. Одесса, 1873.
- Тихменев 1863 — *Тихменев П.А.* Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени. СПб., 1863. Ч. 2.
- Хевролина 2009 — *Хевролина В.М.* Николай Павлович Игнатьев: Российский дипломат. М., 2009.
- 35th USC 1858 — 35th United States Congress. 1st Session. House Executive Document 98. Washington, 1858.
- Adams 1875 — *Adams J.Q.* Memoirs of John Quincy Adams, comprising portions of his diary from 1795 to 1848 / Ed. by Ch.F. Adams. Philadelphia, 1875. Vol. IV.
- Alaska 1967 — *Alaska and Its History* / Ed. by M.B. Sherwood. Seattle; London, 1967.
- Collins 1860 — *Collins P.M.* Voyage down the Amoor: With a Land Journey through Siberia, and Incidental Notices of Manchooria, Kamchatka, and Japan. NewYork, 1860 (second edition — 1864).
- Communication 1864 — Communication of Hon. William H. Seward, Secretary of State, upon the Subject of an Intercontinental Telegraph Connecting the Eastern and Westerns Hemispheres by way of Bering's Strait, in reply to Hon. Z. Chandler, Chairman of Commit-

- tee on Commerce of the United States, to which was Referred the Memorial of Perry McDonough Collins. Washington, 1864.
- Dall 1915 — *Dall W.H.* Spencer Fullerton Baird: A Biography including selections from his correspondence with Audubon, Agassiz, Dana, and others. Philadelphia; London, 1915.
- Dudley, Goddard 1973 — *Dudley S., Goddard D.R.* Joseph T. Rothrock and Forest Conservation // Proceedings of the American Philosophical Society. 1973. Vol. 117. No. 1. P. 37–50.
- James 1942 — *James J.A.* The First Scientific Exploration of Russian America and the Purchase of Alaska. Evanston; Chicago, 1942 (Northwestern University Studies in the Social Sciences, IV).
- John Quincy Adams 1965 — John Quincy Adams and American Continental Empire: Letters, Papers and Speeches / Ed. by W. LaFeber. Chicago, 1965.
- Kushner 1975 — *Kushner H.I.* Conflict on the Northwest Coast: American-Russian Rivalry in the Pacific Northwest, 1790–1867. Westport; London, 1975 (Contributions in American History, 41).
- Mackay 1946 — *Mackay C.* The Collins Overland Telegraph // The British Columbia Historical Quarterly. 1946. Vol. X. No. 3. P. 187–216.
- McPherson 1931 — *McPherson H.M.* William McKendree Gwin, Expansionist: Ph.D. dissertation, University of California, Berkeley, 1931. Vol. VII.
- McPherson 1934 — *McPherson H.M.* The Interest of William McKendree Gwin in the Purchase of Alaska, 1854–1861 // Pacific Historical Review. 1934. Vol. 3. No. 1. P. 28–38.
- Pratt 1927 — *Pratt J.W.* The origin of “Manifest Destiny” // The American Historical Review. 1927. Vol. 32. No. 4. P. 795–798.
- Pratt 1935 — *Pratt J.W.* The Ideology of American Expansion // Essays in Honor of William E. Dodd by His Former Students at the University of Chicago / Ed. by A. Craven. Chicago, 1935. P. 335–353.
- Seward 1972 — The Works of William H. Seward / Ed. by G.E. Baker. New York, 1972. Vol. 3.
- Siberian Journey 1962 — Siberian Journey down the Amur to the Pacific, 1856–1857: A new edition of *A Voyage down the Amoor by Perry McDonough Collins* / Ed. with introduction by Ch. Vevier. Madison, 1962.
- Soul 1987 — *Soul N.E.* American’s Siberian Dream // Russian Review. 1987. Vol. 37. No. 4. P. 405–420.

Whymper 1868 — *Whymper F.* Travel and Adventure in the Territory of Alaska. London, 1868.

Yankee Surveyors 1947 — Yankee Surveyors in the Shogun's Seas: Records of the United States Surveying Expedition to the North Pacific Ocean, 1853–1856 / Ed. by A.B. Cole. Princeton, 1947.

В.Л. КАГАНСКИЙ

ЗАБЫТЫЕ СЕРДЦА РОССИИ

АЗОНАЛЬНЫЕ АРЕАЛЫ В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ ЛАНДШАФТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ*

Аннотация. В статье дана характеристика распространенной (основной) картины пространства России, преимущественно Европейской России. Картина скорректирована и дополнена в аспекте историко-культурного ландшафта. Рассмотрены нетривиальные аспекты соотношения зональных и азональных компонентов культурного ландшафта Европейской России на материале преимущественно ополей. Ополья трактуются как особый тип историко-культурного ландшафта на специфичной природной основе. Рассмотрены иные существенные азональные компоненты ландшафта — ополчеподобные ландшафты, степные боры и т.п. Показано, что такие азональные компоненты культурного ландшафта куда более существенны, нежели обычно представляется на основе преимущественно зональной картины культурного ландшафта. Именно такие азональные ареалы закономерно исторически, генетически и структурно оказываются ядрами культурного ландшафта. Обращено внимание на соотношение зональности / азональности в картине ландшафта в зависимости от масштаба рассмотрения. Указано на неоднозначное соотношение ополей и пригородных зон. Подчеркнут культурный смысл трансформации ополей от руин исторического ландшафта к полноценному современному ландшафту.

* Благодарности: Б.Б. Родоман (обсуждения и маршруты по Северскому ополью), А.М. Максимова (материалы готовящейся к печати книги и обсуждения).

Ключевые слова: азональность, антропогенная зональность, бор, граница ландшафтная, зона ландшафтная, зональность, картина России, культурный ландшафт, ландшафт, масштаб, ополье, полесье, пригородная зона, природная зональность, характерный компонент ландшафта, Владимиро-Суздальское ополье, Европейская Россия, Северная Россия, Средняя Россия

Введение

Рецензент моей книги¹ отметил как ее достоинство то, что я соединяю географию теоретическую и историческую². Так ли это — судить читателю, но попытка налицо и в этом случае; однако сочинением по исторической географии в точном полном смысле данный текст не является.

Намерение настоящей работы — кратко представить сложившуюся картину пространства Европейской России и, по-возможности, ее отрефлексировать, скорректировать и дополнить в аспекте общей специфики и пространственной структуры историко-культурного ландшафта. Главное внимание уделено опольям и их разнообразным ландшафтным аналогам.

Работа — приложение схем российской школы теоретической географии³ к историко-географическим сюжетам и материалу на основе общей для указанных направлений категории **культурный ландшафт**. Это понятие фиксирует упорядоченность, взаимосвязанность и закономерность явлений на поверхности Земли в пространственном аспекте, прежде всего — единство природных и культурных компонентов. Мир земной поверхности — сплошной многослойный ковер ландшафтов, а не россыпь отдельных природных и/или культурных объектов. Понятие «культурный ландшафт» нейтрально и неоценочно; «культурный» — связанный с культурой, а не положительный (прекрасный, правильный). Культурный и природный ландшафт соотносены, а не противопоставлены. Культурный ландшафт формирует-

¹ Каганский 2001.

² Родоман 2002.

³ Родоман 1999; Каганский 2001; Каганский 2012.

ся на природной основе, но не сводим целиком к ее антропогенной трансформации; он имеет автономные закономерности. Культурный ландшафт — единство тел, форм, функций и смыслов на поверхности Земли⁴. Покров культурных ландшафтов — «многоцветный ковер земных мест», закономерное сочетание взаимосвязанных различных ареалов, вырастающий из природной основы (природного ландшафта), но не сводимый целиком к ней ни сущностно, ни по пространственной структуре. В отличие от природного ландшафта для ландшафта культурного характерно не сходство составляющих (однородные районы), а их дополнительность и связи (узловые районы в широком смысле).

Известные фактические утверждения дополнены простыми краткими теоретическими рассуждениями и выводами. В завершении даны предложения касательно возможной новой ландшафтной миссии ополтий; в культурном ландшафте «историческое» и «современное» не разнесено по разным далеким несопредельным сферам, а соединено в одних и тех же местах. Ссылки на литературу и комментарии сведены к необходимому минимуму. Главные понятия выделены полужирным шрифтом, главные суждения — курсивом.

Главная научная картина пространства Европейской России

В структуре и содержании основных представлений, обменов и/или **картин пространства** и исторической и современной **России** выделяются четыре основные особенности.

1. В этих представлениях Россия — очень большое пространство (ландшафт, территория и т.п.), составленное большими / очень большими немногочисленными несложными частями, территориальными блоками.

2. Сами наборы этих блоков — привычно-стандартные «по умолчанию»; они не обсуждаются и не поверяются, их основания не предъявлены и совершенно неясно, действительно ли пространство страны правомерно и целесообразно представлять таким образом.

⁴ Каганский 2001.

3. Российская Федерация (ранее — СССР) в советском XX веке и в постсоветское время представляется составленной прежде всего административно-территориальными единицами — регионами и их объединениями.

4. Все эти блоки — простые однородные либо внутренне просто связанные территории, тривиальные, хотя бы и огромные макрорайоны и зоны. Сложные неоднородные комплексы характерных частей игнорируются как базовые блоки пространства страны либо неизвестны авторам основных представлений. *Составные части пространства страны — монотонные территории, а не сложные комплексные районы.*

Обсуждение причин такого положения — не задача настоящего текста.

Таким образом, Россия в своих главных научных образах представляется устроенной просто либо даже очень просто. От школьных учебников до государственных стратегий страна предстает как набор больших природных зон или комплексных районов типа Арктики, как система экономических районов, федеральных округов, субъектов федерации и т.д. или иных территорий для реализации программ и проектов. Все такие территориальные блоки как составные части страны обычно выделяются не слишком обоснованно. Не менее важно и то, что составные блоки пространства страны не имеют связи со спецификой и структурой культурного и особенно историко-культурного ландшафта. В современном образе России большие части — природные зоны, экономические районы и федеральные округа — заслонили реальное устройство ландшафта страны. Культурный ландшафт «не попал» в образ пространства страны, а природный ландшафт входит только очень крупными очевидными единицами, грубыми мазками, скорее компонентами народной картины мира, нежели научно обоснованными представлениями.

Ландшафтно не релевантные макрорегионы — основа образов России. Такое представление чрезвычайно обедняет и осовременивает пространство страны. *Это делает карти-*

ну пространства страны⁵, в том числе и научную, тусклой, бедной и во многом неадекватной, даже «оскорбительной» для страны, гордящейся размерами своего пространства. Оказывается невозможным понять ту пространственную форму страны, каковая при известных изменениях сохранила немало важных исторических черт и форм; они известны, увы, только очень узкому кругу специалистов и публично до сих пор не предъявлены. В указанных образах и/или научных представлениях (грань зыбка) многие существенные черты, важнейшие особенности пространства страны просто игнорируются или, по меньшей мере, заслонены более привычными, простыми и крупными деталями.

Поразительно, но бедна, поверхностна и неполна даже географическая картина старого относительно компактного ядра страны — Европейской России и даже самой Средней России (Кавказ не рассматривается). Но пространство исторической (Европейской) России не состоит и не состояло *только* из природных зон, субъектов федерации, экономических районов и т.п. Это пространство было устроено иначе, и в культурном ландшафте это хорошо заметно и читается до сих пор.

Ополя и иные азональные ареалы на зональном фоне

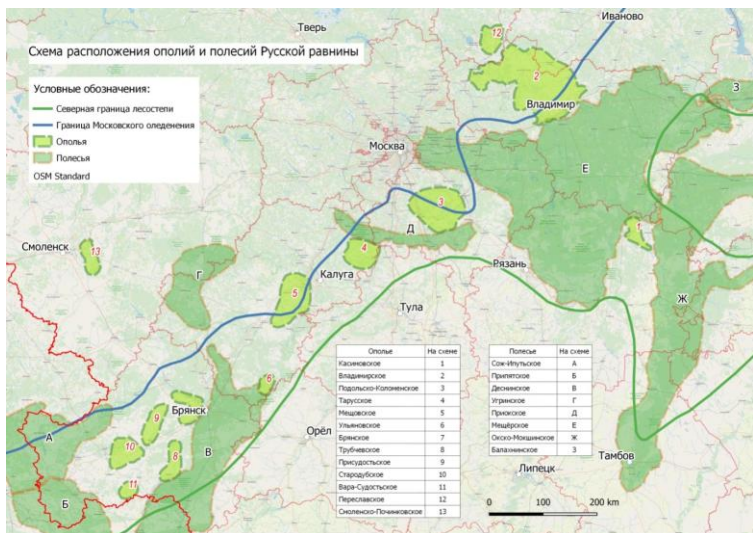
Важнейшая структурная доминанта пространства ядра, исторической сердцевины Европейской России — ландшафтная, хозяйственная, культурная, символическая *дополнительность* **ополий** и **полесий**, двух соседствующих на местности и контрастных по сути типов природно-культурных ландшафтов⁶ (Илл. 1).

Ополя и полесья различаются как открытые и закрытые пространства, более и менее освоенные, аграрные и лесные, сельскохозяйственные и промысловые, плотно заселенные и слабозаселенные, рано освоенные и поздно освоенные и т.д. Хорошо различаются эти ландшафты визуально

⁵ О различении страны и государства как таковых и для России см.: Каганский 2010.

⁶ Родоман 1995.

(при познавательных путешествиях) и отчасти картографически и в настоящее время.

Илл. 1

Ополя и полеся Русской равнины
(по: Максимова 2020)

*Ополя — северные анклавы-острова лесостепи в лесной зоне с более легкими и плодородными почвами, поэтому раньше и полнее освоенные, временами почти сплошь используемые в сельском хозяйстве, чуть ли не полностью некогда распаханые. Если это и не лесостепь в природном отношении, то это лесостепь типологически, аналог природной лесостепи для аграрного культурного ландшафта. Налицо разные мнения: Ф.Н. Мильков считает **Владимирское ополье** именно островом лесостепи⁷, и растительность это подтверждает. Визуально-морфологически это несомненно ан-*

⁷ Мильков 2018.

тропогенная лесостепь или даже степь; в естественной степи до распашки было немало лесов.

На рубеже ополій и полесій встали многие старые русские города. Пояс закономерного сопряжения «полесья — ополья» — историческая ось страны начиная примерно с XIV века. Именно массивы ополій составили ядра первых княжеств Северо-Восточной Руси и были их житницами⁸. Хотя вокруг Киева и нет ополья, город возник на границе «леса и степи», пересеченной Днепром, — *архетипическое местоположение*. Владимирское ополье стоит на берегах судоходной Клязьмы (по числу городов, стоящих на реке, Клязьма — вторая в России река после Волги), а Москва с близким Северским ополем также стоит на большой реке. Повидимому, это общая ситуация для определенного периода истории с важнейшей ролью лесного хозяйства, пашенного земледелия и водных путей.

Существенно не просто наличие ландшафтов разных типов, но их непосредственное соседство и взаимодействие. *Без леса, пашни, луга и реки вместе и рядом немыслима старая* (Европейская) *Россия; это верно* и для всей Восточной Европы. Кромки ополій среди лесов и больших боров в степи четкие и резкие — в отличие от широких расплывающихся границ природных зон. **Границы** угодий, различных и дополнительных по природной основе и хозяйству в культурном ландшафте обычно выполняют контактные функции⁹. Известно также, что четкость и ландшафтная выраженность границ (то есть непосредственное соседство массивов разных угодий) способствует интенсивности взаимодействий смежных районов. Не случайно города ополій с самого начала были торгово-распределительными и общественно-государственными центрами. Суздаль и Владимир — города ополья, но они с самого начала возникли и развились на его рубеже.

Совместное существование, дополнительность и взаимодействие ландшафтов и типов ландшафтов выражают существенный, атрибутивный для полноценного культурного

⁸ Максимова 2020.

⁹ Каганский 1982.

ландшафта *концепт равноправного диалога мест*. Поскольку то, что в основе (некоторых) ареалов лежат отчетливые сообщества, иногда обладающие самосознанием по крайней мере относительно «своей» местности, концепт диалога здесь более, нежели просто метафора¹⁰. В степной зоне диалог мест исторически осуществляли степные плакоры и долины рек с лесами¹¹, а также упомянутые боры.

Для единиц физико-географического ландшафтного районирования всех уровней, как и для таксонов / типов ландшафтных районов «по умолчанию» характерна однородность. Тогда исходно-природные ландшафты полесий и ополлий должны быть разнесены по разным разрядам систематизации и разведены по разным природным районам, что и имеет место¹². Для культурного ландшафта и его систематизации ситуация совершенно иная — на первый план выступает связанная целостность территорий; тогда ополья и полесья в силу дополнительности, генерирующей связи, должны оказываться в пределах одних и тех районов (зон) и систематизироваться, пусть и по-отдельности, но не как самостоятельные районы, но как компоненты таких районов. Возможно эти и подобные соображения окажутся небесполезными в историко-географических районированиях. Концепт диалога позволяет утверждать, что *однородные классы и однородные районы — пространства монолога, а разнородные, комплексные, связанные системы и районы — пространства диалога*¹³.

Провинция как тип культурного ландшафта пространственно и культурно существует именно в диалоге состав-

¹⁰ О диалоге мест см.: Каганский 2020б.

¹¹ Каганский 2006б.

¹² Базовый атрибут «однородность» для систематизации природного ландшафтного разнообразия вовсе не очевиден, но здесь сюжет обсуждать неуместно.

¹³ Диалог тождественных субъектов возможен (Каганский 2020б). Верно ли это для мест, районов и зон неясно хотя бы потому, что представление о тождественных местах/районах существует исключительно в рамках теоретических схем или генерализованных систематизаций; реальный ландшафт исключает абсолютно тождественные компоненты.

ляющих ее компонентов, в равноправных симметричных отношениях мест. Это отличает Провинцию от зон Центра и Периферии, где преобладают неравноправные, асимметричные отношения доминирования-подчинения¹⁴. Обращу внимание на интересное обстоятельство, закономерность которого я не могу оценить; призываю к тому профессионалов. А именно, в эпоху ландшафтной и смысловой важности диалога «ополья — полесья» обширный вмещающий район был полицентричен (известные отношения Владимира, Твери, Москвы и т.п.). Уход ополей с ландшафтно-исторической сцены в общем совпал с переходом к моноцентрической монологической системе организация пространства, возглавляемого Москвой. Есть ли здесь какая-либо связь?

Средняя Россия — не однообразный переходный пояс от тайги к степи. Это самостоятельная «пестрая»¹⁵ зона, *чередование разных, исходно природных, а исторически и культурных ландшафтов*. Для «полноценной» переходной зоны¹⁶ и характерна сравнительно большая ландшафтная сложность, нежели у основных зон¹⁷. Зона явно *центрирована небольшими а зональными ядрами*. Средняя Россия — полоса от Поднепровья до Поволжья (зона ополей и/или их аналогов тянется далее на восток до Урала). Зона — историческое ядро современной Европейской России и всей России¹⁸.

¹⁴ Каганский 2001.

¹⁵ Пестрые районы — подтип сложных однородных районов с характерным чередованием компонентов в пределах района (Родоман 1999).

¹⁶ О разных типах переходных зон (экотонов) см.: Каганский 2017.

¹⁷ Пример такой зоны в культурном ландшафте — классический пригород в дореволюционной России (не советский «дачный пригород») с ближними дворянскими усадьбами, соединявший городскую элитарную и крестьянскую народную культуру, урбанизированное и сельское, культурное и природное пространство. В зоне ополей было немало таких усадеб (Максимова 2020), хотя усадьбы не были однозначно приурочены к определенным типам ландшафта.

¹⁸ Как считается, именно по этой полосе разнообразных природных ландшафтов и шло расселения восточных славян с Поднепровья; но специфика зоны от этого не зависит

Восточно-Европейская равнина (такова и одноименная природная страна¹⁹) — не два ландшафтных мира — лесов и степей, а по меньшей мере три; пояс ополей — связующая комплексная зона природно-культурного ландшафта. *Ось ландшафта Европейской России — череда ополей среди полей.* Всю полосу ополей целиком можно считать контактной макрограницей Севера и Юга Европейской России. К северу и югу от нее ландшафт не просто различается своим природным фоном, но обладает существенно различными пространственными формами, рисунком ландшафтной ткани²⁰. Заложение небольшого ядра будущего огромного пространства именно на ландшафтной границе как оси понятно, закономерно и теоретически объяснимо, тем более что эта граница-ось пересечена несколькими историческими транс-континентальными водно-волоковыми путями. Сказанное — не утверждение исторической предопределенности конкретного местоположения (образованный вменяемый географ не может разделять пагубные предрассудки географического детерминизма), но пояснение реальной исторической географии.

Приуроченность очагов, ядер, исторических центров культурного ландшафта к небольшим ярким аazonальным ареалам на фоне больших однообразных зон — и общая закономерность и особенно яркая черта полосы ополей. Характерна она и для всей Европейской России и Восточно-Европейской равнины в целом; разумеется, не только. Размещение ядер освоения и будущего культурного ландшафта именно в аazonальных островах и особенно на их рубежах закономерно и теоретически объяснимо. Зоны контраста «притягивают» антропогенные компоненты ландшафта и возвращают разнообразие среды жизни и деятельности. Именно разнообразие природных угодий — основа разнообразия человеческой деятельности, особенно хозяйства в до-

¹⁹ Высшая единица российского ландшафтного (физико-географического) районирования с площадью порядка 10^6 км² (Исаченко 1985).

²⁰ Лучший способ это увидеть — дневной маршрут на самолете летом в ясную антициклональную погоду.

индустриальном и индустриальном обществе: поля — леса — луга — судоходные реки. Разные ландшафты - источники разных ресурсов и сырья, поставляют разные готовые продукты. Перифразируя классика российской школы теоретической географии Б.Б. Родомана, поделившегося со мной любовью к опольям²¹ — вначале различие (ландшафтов), а потом наличие (благ). Это и есть ресурсы ландшафта.

Севернее пояса ополій, в зоне тайги также есть свои «ополья», с тем же по типу местоположением и функцией в культурном ландшафте, но уже на совсем иной природной основе — не острова лесостепи, а массивы более пахотно-пригодных почв; именно на них выросло немало старых городов. Такова известная Каргопольская сушь с более плодородными почвами, нежели вокруг в тайге; Каргополь также встал на большой судоходной реке Онеге. Островные ландшафты лесостепных ополій и ополиеподобных антропогенных ландшафтов таежной зоны — каркас всей Северной и Средней Восточно-Европейской равнины, разумеется, в соединстве с речными долинами.

У ополій есть интересные *ландшафтные аналоги* и одновременно ландшафтные противоположности и южнее — **боры**, лесные острова в лесостепи и степи, нередко рядом с судоходными реками. Это гомологи и позиционные антонимы ополій. Боры также функциональные ядра культурного ландшафта. На них также встали старые города. Таковы Усманский (Воронеж на Дону), Бузулукский (Бузулук), Теллерманов (Борисоглебск на Хопре) боры и немало иных; нередко и здесь города-центры приурочены к ландшафтным рубежам. *Дополнительность «леса и степи» на севере обеспечивали ополья, а на юге — боры.* Если полагать такую дополнительную атрибут историко-культурного ландшафта определенной эпохи, то вывод формулируется и чисто теоретически.

Если для ополій и ополиеподобных ландшафтов не было исходной природной основы, то необходимое аграрное дополнение, антропогенная лесостепь создавалось освоени-

²¹ Родоман 1995.

ем. Если полагать боры полесьями (неполными аналогами полесий), то налицо *симметрия: азональные ополья в лесной зоне — азональные полесья в степной зоне*. Ландшафт огромной территории обнаружил красивую симметрию. В наивно-детском приближении — поляны в лесу и боры в степи, на опушках — города. Различение полян и ополей — проблема масштаба.

Азональные ландшафты подразделяются на *экстразональные* и *интразональные*. Первые — вкрапления ландшафтов одних зон в иные зоны; если ополья — частицы лесостепи, то это экстразональные ландшафты. Как культурные ландшафты они, несомненно, таковы. Интразональные ландшафты также отличны от фонового ландшафта, но соответствующей зоны не существует. Есть пойменные ландшафты — нет зоны пойм. Если ополья не «выбросы» лесостепи, то они интразональны. Но все непросто: в степи и тем более лесостепи «восстановленный ландшафт» (природный ландшафт, «каким он был до человека?» или «каким он был бы без участия человека?» — модальность неясна) содержит немалые лесные массивы — часто сосновые боры. Это дополнение картины и аргумент в пользу ее неочевидности и сложности.

*Различия ландшафтов северной и южной половин Восточно-Европейской равнины значительны и существенны. Их впервые ясно и даже наглядно представил В.П. Семенов-Тян-Шанский*²² уже более века тому назад, но даже ученой публике они вряд ли известны, как неизвестно ей даже и то, что и небольшое Подмосковье весьма неоднородно и включает несколько контрастных, хорошо различающихся и сейчас, даже непосредственно визуально данных природно-культурных ландшафтных районов.

Север России (кроме тундры) до сих пор преимущественно ландшафт лесной, включая и обширные болота, *это ландшафтный фон*, все остальное — вкрапления в фон, рисунок на лесном фоне. Юг — ландшафт безлесный, но называть это степью или лесостепью сейчас уже нельзя, по-

²² Семенов-Тян-Шанский 1910.

сколько они уже давно почти полностью распаханы и утратили былые немалые лесные массивы. Север России освоен, прежде всего, по берегам рек, леса (и болота) занимают далекие от стоящих на реках городов водоразделы (плакоры), города и лесные массивы далеки друг от друга, это противоположные полюсы спектра зон культурного ландшафта, позиционные антонимы, поскольку разделены большими зонами сельского хозяйства. На юге же *все ровно наоборот*. Леса занимают речные долины и «жмутся» к городам (это на карте — исторически же наоборот, это города жмутся к приречным лесам), а вот массивы сельского хозяйства размещены дальше от городов, за приречными лесами.

Это еще одно интересная симметрия/асимметрия ландшафта. *Обобщенная до уровня концепции картина ландшафта большой территории обязана представлять, акцентировать и объяснять симметрии.*

Игра масштабами: Зональность vs аazonальность

В разных **масштабах**, с разной степенью детальности, картины ландшафта одной и той же территории будут заведомо разными. Тождественная картина ландшафта одной и той же территории в разных масштабах (единственная полная масштабнo-инвариантная структура) теоретически присуща либо абсолютно однородному пространству безо всякой дифференциации (такое пространство несовместимо с понятием ландшафта) либо пространству единственной тотальной фрактальной структуры; к последнему приближается как тип советское пространство²³. Ландшафт содержит масштабнo-инвариантные формы, но заведомо ими не исчерпывается. Найти содержательный баланс масштабов — и наука, и искусство как компоненты профессионализма. Методически формализованно эта задача решена быть не может.

Существенно, что для разных слоев ландшафта одной и той же территории главный рисунок ландшафта может проявляться в разных масштабах. Картина с птичьего полета, на школьной мелкомасштабной карте — сменяющиеся с севера

²³ Каганский 2001.

на юг большие полосы природных зон от полярных пустынь до сухих степей (далее и пустынь, но их нет на территории России). Их в общем повторяют зоны традиционного культурного ландшафта, до сих пор такова картина плотности сельского расселения в России за «вычетом» пригородов. В своем масштабе эта картина абсолютно верна, но слишком генерализирована; важные детали не проступают, будучи «растворены» в зональном фоне. В более крупном масштабе картина дополняется чередой небольших аazonальных массивов ополей, боров и речных долин на фоне огромных природных зон; зональное начало тогда расплывается. **Зональное и аazonальное в ландшафте, его постижении и его картине** дополнительные, как дополнительные и соответствующие масштабы.

Последний век в картине ландшафта страны зональность решительно доминирует; она заняла в картине ландшафта куда большее и куда более важное место, нежели чем в самом ландшафте, и природном и культурном. В последние десятилетия в картине культурного ландшафта России все более выдвигается на передний план и иная зональность (под влиянием работ Б.Б. Родомана²⁴) — тюненовская антропогенная концентрическая урбоцентрическая зональность²⁵. Несомненно, она и реально стала куда более важной, нежели век назад, но ее значение, как представляется, может быть и преувеличено. При чрезвычайном значении типологических схем членения и описания территории на основе гениальных открытий И. фон Тюнена и В.В. Докучаева²⁶ они вуалируют закономерности следующего уровня, дезиндивидуализируют ткань ландшафта.

Поиск номотетики, простых общих универсальных закономерностей оттеснил на периферию внимания и знания

²⁴ Родоман 1999.

²⁵ Иоффе, Нефедова 2000.

²⁶ Примечательно, что антропогенная тюненовская зональность была теоретически открыта существенно раньше (Тюнен 1926, год первой публикации — 1826), нежели докучаевская широтная природная зональность; последняя вообще была научно четко зафиксирована уже после открытия А. Гумбольдтом высотной поясности.

индивидуальные уникальные феномены, идиографию²⁷. В развиваемой мною вслед за Б.Б. Родоманом версии теоретической географии снимается противоречие индивидуальных и общих феноменов и форм ландшафта — первые трактуются как совмещение, интерференция, реализация нескольких общих форм²⁸. Здесь все непросто — характерный рисунок природных зон может создавать и выражать уникальность большого пространства. Природная страна «Восточно-Европейская равнина» уникальна именно особо ясным, ярким и четким рисунком природной широтной зональности; проблема полной сводимости уникальности мест к неуникальным феноменам налицо, но здесь не обсуждается.

Зональность как принцип устройства, представления и объяснения закономерностей ландшафтного покрова привлекает больше внимания в силу того, что это простое полное сплошное фоновое, четкое и ясно-закономерное «покрытие» большого пространства²⁹. Преимущество и привлекательность зональности как схемы еще и в том, что зональность, как представляется ее сторонникам, выводима из объективных количественно измеримых данных (широта места, солнечная радиация, теплообеспеченность). Это касается и антропогенной зональности вокруг крупнейших городов, где измеримо расстояние или иное отношение близости от центра агломерации. Даже географ, но без специального знания природно-культурного ландшафта рассматриваемой

²⁷ Я попытался (предварительно) показать, что внетеоретичность уникальных феноменов — распространенное недоразумение, см.: Каганский 2020а.

²⁸ Каганский 2001; Каганский 2020а.

²⁹ Однако привычный всем получившим российское (и советское) школьное образование рисунок «зон природы», красиво и четко идущих (почти) прямо с севера на юг из всех природных регионов Земли характерен только для Восточно-Европейской равнины и Африки. На иных, резко преобладающих территориях суши закономерности, пространственные рисунки природной зональности носят иной, более сложный и менее наглядный характер. Природная зональность и была открыта в Восточной Европе, и как недавно отметила О. Климанова, природная зональность могла бы быть открыта только там и в Африке с аналогичным рисунком природных зон (устное сообщение).

территории, склонен представлять сейчас «Российскую Европу» как наложение антропогенной зональности на природную. Это верно лишь отчасти, но этого недостаточно — неясно, в какой именно части это верно. Зональность хороша/плоха тем, что она впитала и передает доминирующие факторы, структурирующие пространство «преимущественно», «в основном», для большинства мест, для большей части территории. При этом факторы, роли и места меньшинства мест, меньших частей территории, не укладывающиеся в схемы зональности, нередко игнорируются. Зональности, что и говорить, четкие, ясные, объемные — но только фоновые представления и отнюдь не единственные представления.

Не должно создаться впечатление, что зональные структуры ассоциированы лишь (преимущественно) с большими пространствами, мелкими масштабами, низкой детальностью рассмотрения, а азональные формы непременно даны только (преимущественно) в более крупном масштабе, где проступают более мелкие формы. Это не так, и в отечественном физико-географическом районировании зональное и азональное начало выступают как равноправные³⁰ и даже чередуются в иерархии ландшафтных единиц. Феномен микрозональности также имеет место и известен, хотя бы он именовался иначе. Крупнейшие азональные природные выделы — сами материки (не путать с «частями света») и океаны. Но вот отдельные выделы, не покрывающие территорию сплошь в силу именно «отдельности» лучше понимать как азональные структуры. Это следует отличать от зональности «роевых» географических объектов. Для сельской местности и сельского хозяйства очагово-освоенных территорий (Сибирь, Канада) вполне характерна зональность, как она в определенном отношении характерна и для озер. Но в силу самого представления о зональности ее структуры и формы требуют большего пространства для реализации и воплощения в ландшафте. Кроме того, даже в чисто природном отношении зональных структур может быть более одной. При-

³⁰ Исаченко 1985.

менительно к нашим опольям равно существенны и комплексные ландшафтные зоны и зоны оледенений (Илл. 1).

Широтная зональность культурного ландшафта³¹ отнюдь не копирует природную зональность, картина сложнее; карты сельского хозяйства — не просто «перекрашенные» (реинтерпретированные) карты природного ландшафта. Агроландшафт — не еще один слой природного ландшафта, поскольку деятельности человека сама ранжирует природные различия и факторы. Легкость почв для обработки и их плодородие была важнее общей теплообеспеченности, что и создало северные квазиополья.

Зональность без труда изображается на самых мелко-масштабных картах самым простым способом качественного фона. Этот рисунок в огрублении, приемлемом для концепции природной зональности мог бы фигурировать на почтовых марках; но время марок, однако, ушло...

Принятое картографическое представление зональности игнорирует типичные сочетания ландшафтов, давая вместо них ландшафт большей части территории. Даже сугубо ограниченный материал данной работы показывает, что *далеко не для всех территорий оправдано представление о преобладающем типе ландшафта*, «большинстве» мест одного типа в пределах одного ареала, района, зоны. Это показывает и куда более обширный материал, здесь не отраженный, и правдоподобные рассуждения. Отнюдь не везде есть преобладающий по распространенности, площади, природе, сущности, типу, функции и смыслу тип ландшафта, формирующий целостный район/зону. Зональность задает набор вариантов ландшафта и фоновый рисунок «плотности» природной и/или культурной среды, а азональность — собственно рисунок на ткани ее ландшафта. Либо же зональные районы должны пониматься как зоны характерных сочетаний разных ландшафтов, повторяющихся в пределах района³². Это не исключение из специфики однородных зон, а само правило, поскольку простая однородность есть част-

³¹ Особенно агроландшафта (Трапезникова 2020).

³² Пестрые районы (Родоман 1999).

ный, вырожденный, предельный случай закономерного сочетания различных ареалов, типов мест.

В физико-географическом ландшафтоведении и районировании зональность и азональность совмещены и дополняют друг друга; оба слоя сплошные, а азональный аспект передает, прежде всего, особенности рельефа³³. И в этом случае ополья вуалируются или даже «растворяются» в зональном фоне как несплошные, выделенные ландшафты. *Замечательное научно-географическое изобретение «районирование» не универсально.*

Требование полного покрытия равнообъемной характеристикой — атрибут районирования — может заслонять особые, выделенные типы ландшафтов, не имеющие широкого распространения, но существенные в конкретную эпоху и/или в конкретном отношении. В конце концов, для современной России в границах Российской Федерации выборочное ленточно-островное освоение характерно для большей части территории, где освоенный ландшафт резко сконцентрирован и отнюдь не сплошен. Такова же картина и Канады, Южной Америки, Африки, аридной и горной Азии.

Налицо закономерность приуроченности очагов исторического культурного ландшафта к его **характерным линиям**. Это границы и кромки ополей, квазиополей и боров, реки и речные долины, озера. В рисунке культурного ландшафта в своем масштабе эти характерные линии (и особенно узлы их пересечений) более существенны, нежели собственно зональные массивы. Приуроченность ядер к таким местам — приуроченность к особым точкам, локусам ландшафтного разнообразия, очагам концентрации особенностей среды. *Зональность задает общий фон, а характерные линии — рисунок на этом фоне.* Зональность имеет здесь и иной важный аспект, определяя набор характерных линий и элементов (характерных частей) для каждой зоны, а не просто описывая преобладающие по площади типы ландшафтов для каждой зоны³⁴.

³³ Исаченко 1985.

³⁴ Трапезникова 2020. Ссылка дана на обобщающую работу, но использованы и предшествующие труды цитируемого автора.

При общей явной яркой зональной структуре огромной равнины локусами, ядрами, центрами исторического культурного ландшафта стали небольшие азональные ареалы, особенно их кромки. Характерна приуроченность человеческой деятельности именно к таким кромкам, и разнообразие «опушечного» (экотонного) и природного и культурного ландшафта хорошо заметно и в визуальных наблюдениях и при современных путешествиях³⁵. Ополя же азональны вдвойне — и в природном отношении, и в антропогенной зональности «центр — периферия». Ополиеподобные ландшафты среди лесов и боры в степи тем более азональны.

Все названные типы азональных ландшафтов относительно их малой площади и/или по их граничной кромке более разнообразны, нежели зональные, хотя обычно такое сравнение не проводится (не встречал в литературе). Возникает вопрос — *действительно ли повышенное ландшафтное разнообразие присуще кромкам выделов именно азональных ландшафтов?* Выскажу гипотезу, что границы/переходные зоны собственно зональных районов в силу плавности, широты и размытости перехода обладают меньшим ландшафтным разнообразием, нежели границы районов азональных. Академический — географический и исторический, особенно историко-географический — интерес понятен, но в случае положительного ответа его нужно учитывать при заповедании территорий (вообще наделении мест особыми статусами), где зоны высокого разнообразия имеют особую ценность, а равно и при проектировании экологических сетей и вообще ландшафтном проектировании и планировании.

Лишь в первом, плакатно-грубом приближении Европейская Россия — череда сменяющихся с севера на юг внутренне однородных зон с широкими размытыми границами. В адекватном же приближении, сомасштабном реальному ритму природного и особенно культурного ландшафта картина существенно иная — мозаика четко окаймленных азональных ареалов, вложенных как ядра в фоновые зональные

³⁵ Это ландшафтный коррелят известного в психологии отношения «фон — фигура»; последняя стягивает внимание.

пространства. *Северная Европейская России — семейство лесных зон, прошитых освоенными речными долинами и островами квазиополей, Средняя Россия — череда ополей и полей с речными долинами; Южная Россия — чередование лесистых речных долин и (сейчас) почти безлесных водоразделов, дополненных борами.*

Разумеется, это не затемняет и не отменяет комплекса узловых административно-экономических районов с присущей им антропогенной зональностью «центр — периферия», а также очагов добывающей промышленности и пр. Но такие очаги и районы сложились: а) на основе вышеприведенной картины, б) как дополнение к ней, в) значительно позже.

Такова более точная, живая и сочная, красивая (ритм, симметрии) картина исторического культурного ландшафта Европейской России. Она сложнее, детальнее и интереснее, теснее связана с природой и историей страны. Разумеется, и она неполна — есть и сплошная сеть аazonальных районов и несплошная сеть освоенных очагов вроде котловины озера Неро и иных озер и т.д.³⁶. Критически важно для полноты и адекватности общей картины представлять значительную закономерно-целостную территорию не просто и не столько как набор или даже комплекс ареалов (зон, районов), сколько как *комплекс характерных компонентов*, характерных блоков в связи с рисунком ландшафта и характерными линиями и направлениями. Ополья и являют ярчайший пример характерного компонента историко-культурного ландшафта Средней России.

Ополья и пригороды

Известно, что вблизи крупнейших городов современной России плотность населения, жизнеспособность сельской местности и успешность сельского хозяйства выше и скач-

³⁶ Именно такова базовая структура исторического агро-ландшафта Севера и Центра Европейской России. Он дифференцирован и, более того, структурирован не столько на основе крупных различий ландшафтного фона, сколько на базе сложного рисунка природных аazonальных ареалов (Трапезникова 2020). Позволю себе рекомендовать историко-географам эту капитальную работу.

ками убывает по направлению «центр — периферия», что объясняется на основе квазитюннской модели³⁷. Но ведь большинство крупнейших городов Европейской России с сельской округой — старые города (кроме Тольятти и Набережных Челнов), выросшие из своих ополей и ополieподобных районов или вблизи боров (в степи). Но совершенно неясно, в какой именно мере «успех» пригородной зоны обязан первому или второму фактору; сравнительных исследований нет. Вообще проблема соотношенности в культурном ландшафте природной и антропогенной зональности не трансформировалась в методически четкую задачу выявления «сравнительной силы» этих факторов дифференциации и организации ландшафта.

*Ополя — функционально несомненно **пригородные зоны**, но их формирование в таком качестве шло (генетически, не чисто исторически) синхронно с городом. Исторические «пригородные зоны» не порождались городами — это они порождали города! Но касательно пригородов очень многое неясно.*

О границах пригородных зон/городских агломераций ломаются копыта не менее века. Вопрос значим и для исторической географии — *где же кончается влияние города? Каковы пригородные ландшафты?* От того, как именно будет оконтурена пригородная зона, какие ландшафты окажутся в ее составе зависит ее характеристика. Для территорий, где сопоставимы по существенности и выраженности и природная зональность как таковая, хотя бы только как закономерная мозаика природных ландшафтов и антропогенная урбоцентрическая зональность есть решение для определения границ пригородной зоны на основании закономерностей культурного ландшафта. Эта граница проходит там и именно там, где неслучайные (закономерные, объяснимые) черты культурного ландшафта по-разному детерминируются. *Граница разделяет зоны разных закономерностей и разных ведущих характерных, дифференцирующих направлений.* Внутри этой границы ведущий фактор — обобщенное (транс-

³⁷ Нефедова 2003.

портное, временное и пр.) расстояние от городского центра, а главное характерное направление — «центр — периферия»; ландшафт меняется именно по градиенту этого направления. Вне этой границы пригорода ведущий фактор — природная основа, в частности зональность, но не только. То, что на такой границе резко и радикально *меняются характерные направления* — общее правило для «естественных» границ. Иная такая граница — сама четкая граница ополей. Можно сказать и иначе: внутри пригородной зоны важнее («сильнее») антропогенная детерминация культурного ландшафта, вне — природная детерминация. Однако природные факторы действуют и внутри пригородной зоны, а антропогенные — снаружи. Лапидарно: внутри пригородной зоны важнее расстояние от города, за ее пределами — от Северного полюса. Схема работает не вообще, а лишь в определенном диапазоне масштабов.

Самоочевидность ополей как атрибутивного ландшафтного компонента любой значительной территории, централизованной крупным городом трансформировалась через века в СССР в идею необходимости иметь/создать вокруг всякого большого города собственный аграрный пригород. Экономически это не очевидно и было сомнительно с самого начала. Искусственная «реинкарнация» ополей практически и жестко-директивно воплощалась в СССР формированием вокруг всех крупнейших городов (примерно более 300 тыс. жителей) двух частично вложенных в одни и те же территории зон — государственных сельскохозяйственных предприятий и дач. Это делалось даже наперекор ландшафту: целые дачные пояса я наблюдал в Норильске, Мурманске, Петропавловске-Камчатском; вокруг двух последних пытались и безуспешно создать пригородное сельское хозяйство. Такие «советские пригороды» в общем были гораздо обширнее, нежели исторически сложившиеся до революции 1917 г. зоны пригородного хозяйства и дач, и, как для всего советского пространства, им присуща универсальность — вокруг всех городов больше определенного размера и/или определенного статуса.

Характерно противоположное по типу использование земель в пригородах в лесной и степной зонах с формированием в общем сходного, чуть ли не экстерриториального типа пригородного ландшафта. В пригородах в лесной зоне за счет сведения лесов лесистость снижалась, но в степной зоне за счет садов и посадок дач фактическая лесистость, если считать многолетние насаждения разновидностью леса росла. Пригороды в лесной зоне весьма сходны с естественными опольями, а пригороды в степной зоне отчасти напоминают естественные боры. Идея ополей и глубже — дополнительно «ополья — полесья» как комплексного компонента полноценного культурного ландшафта ожила в такой карикатурной форме? Ныне эти государственные советские аграрные псевдоополья колхозов и совхозов исчезают, но дачные пояса растут вокруг всех городов России. В аспекте культурного ландшафта эти комплексные пригородные зоны могут трактоваться и как современная реализация «стереотипа» ополей — полукоткрытые пространства (антропогенная квазимикролесостепь), тем более что они имеют и производственную функцию («шесть соток»), малосущественную лишь в Подмоскowie. Это отнюдь не общемировое явление для сопоставимого природного пояса. Соотнесение концептов «пригород» и «ополье» (и квазиополье) — особая интересная тема.

Ополья: От руин истории к современной жизни

Общественно и культурно важно сделать изложенную картину узнаваемой и сейчас, не только в знании, но и в самом ландшафте, обозначить и *подчеркнуть сеть заповедных природно-культурных территорий*. В настоящее же время сеть таких территорий существует безотносительно этой картины исторического ландшафта России, как и сеть национальных парков, даже ориентированных на культурный ландшафт. Сейчас в огромной стране нет ни одного «опольного» заповедника, национального парка и т.п. Характерно, что лесные острова в степи заповедуются — Воронежский и Хоперский заповедник, новый Бузулукский национальный парк, — но по совершенно иным основаниям. Они включают

исключительно лесные территории, игнорируя исторически и культурно ценную кромку боров с цепочкой поселений и, тем самым, фрагментируя целостные массивы культурного ландшафта. Существующая сеть таких территорий совершенно нерепрезентативна для историко-культурного ландшафта Европейской России и даже ее ядра. *Это не портрет и даже не карикатура.*

После приобретения российским государством больших земель на степном юге и их распашки земледельческое значение ополей стало падать. Начался их хозяйственный упадок, ускорившийся в советское время (уничтожение существенных для таких ландшафтов промыслов и мн. др.), а сейчас уже близкий к утрате целого типа ландшафта и целых ландшафтных районов. Ополья, казалось бы, потеряли свое значение и смысл в России навсегда.

Так ли это? Сводим ли значение ополей к роли локальных исторических житниц далекого прошлого? Имеет ли их ландшафт ценность сейчас, в XXI веке?

Исторические заслуги перед страной, обществом и государством имеют не только персоны и институции, но и места и ландшафты. Ополья — полузабытый, но безусловно *«заслуженный ландшафт России»*. Во многом именно в этом ландшафте, на его основе и сформировалось российское общество и государство. Ополья были и первыми житницами и школой освоения больших лесостепных и степных просторов России, ареной судьбоносных событий российской истории. На их ресурсной и смысловой базе выросли исторические города, которые вне связи с ландшафтной основой нельзя мыслить, оценивать и развивать.

Обычное увековечивание исторических городов, их мемориализация в отрыве от ландшафтного фона культурно непродуктивна, общественность и массы лишь дезинформирует. Сделать центрами «культурного туризма» Владимир и Суздаль безотносительно и без актуализированной связи с Опольем — культурная безответственность. Без Северского ополья (но кто же его знает, видел своими глазами и прошел своими ногами?) судьба Москвы могла бы быть иной (единственная житница в начале истории), как Суздаль и Влади-

мир выросли из почвы (буквально) своего ополья. Ввести (вернуть) ополья в картину ландшафта России в ее образе и в самой местности — совершенно необходимый акт памяти, научной и исторической справедливости. *Ополья и есть ландшафты истории и памяти.*

Ландшафты меняются, но не исчезают. Историко-культурным, мемориальным значением ценность и современная роль ополей и особенно ополья Владимиро-Суздальского совершенно не исчерпывается.

С утратой ополей как антропогенно остепненного открытого типа ландшафта исчезает и важный компонент разнообразия жизненной среды; утрачиваются и экосистемы и культурные смыслы; становится монотоннее ландшафт и пейзаж, образ страны, делаются однообразнее большие зоны страны. Это относится не только к самим опольям, но и ко всей обширной территории, чьим существенным компонентом были ополья, но сейчас перестают быть. Ополья зарастают сорными лесами, съезживается и редееет некогда густая сеть расселения, живое пространство становится руинами, в умирающей среде трудно живется и «памятникам истории и культуры». Пока ополья разделяют общую участь всей сельской местности Средней России вне ближних пригородов и особых аграрных ландшафтов — Внутренняя Периферия³⁸.

Но ценность сельской местности, освоенной и полноценной состоит отнюдь не только, а в Средней России уже и не столько в аграрном производстве. Сам специфичный уютный культурно насыщенный ландшафт — ценность. Его нужно поддерживать в разумно-освоенном состоянии (без дачно-коттеджного бума) для будущих функций, может быть сейчас еще неизвестных.

Экономическое развитие (или экономический рост? — для данной территории это не синонимы) последних веков обошло ополья стороной, они отчасти даже хозяйственно деградировали. Это констатация, а не оценка и не призыв переиграть историю «новым освоением». Экономический упадок и стагнация имеют не всегда замечаемое, но важное

³⁸ Каганский 2012.

продуктивное последствие. Ополья, особенно Владимирское во многом *сохранили свой богатый культурный ландшафт*, по-прежнему насыщены объектами культурного наследия именно потому что индустриализация и модернизация в общем обошли их стороной. Главным в этом наследии является сам культурный ландшафт, сеть расселения и местных дорог, храмово-монастырские и усадебные комплексы и т.д.

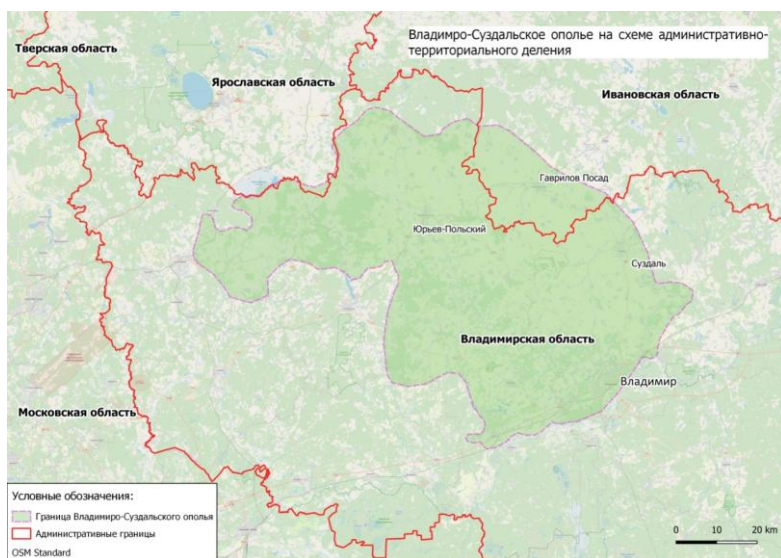
Население России концентрируется в крупнейших городах и агломерациях, а функции сельскохозяйственного производства приняли иные территории — значит, ополья — это пространство для новых ролей и функций. Ополья по местоположению, смыслу и истории находятся близ городов и потому могут продолжить свою службу городам и горожанам. Близкие к городам уголья нечем заменить. Города крайне не нуждаются в своем ландшафтном окружении и дополнении — не первородной непроходимой тайге, а уютной сельской местности. *Города и ополья могут заново реализовать фундаментальную ландшафтную дополнительную*. Это и ландшафтная, и экологическая, и культурная, и рекреационная, и образовательная, и воспитательная дополнительность (союз «и» соединительный, а не противительное «или»); возможностей и вариантов много. Дело не сводится к вульгарной утрате опольями и подобными ландшафтами «производственной функции» и поисками ее замены, поскольку само производство претерпевает радикальные трансформации, на первый план вышло производство социального и культурного капитала. *Дороже, труднее и сложнее всего сейчас «производить» полноценные места*, по крайней мере в России — но ополья уже таковы...

Самое большое, известное и изученное Владимирское (правильнее — Владимиро-Суздальское) ополье просто ожидает роли огромного ландшафтного парка, дополняющего сливающиеся в суперконурбацию агломерации Москвы, Владимира и Нижнего Новгорода³⁹. Выросшие из ополей и буквально ими вскормленные города обязаны вернуть опольям исторический долг. Особенно важно сохранение / восстано-

³⁹ Махрова, Нефедова, Трейвиш 2016.

ление ополя как типа умеренно освоенного комфортного ландшафта без крайностей и «дикой природы» и сплошной распашки и застройки.

Высокую, уникальную экологическую, культурную и познавательную ценность представляет *ландшафтная граница Владимирского ополя*. Ополя как аazonальные массивы очерчены четкими узенькими ландшафтными рубежами — в отличие от размыто-плавных и очень широких переходов между главными природными зонами. Чрезвычайно интересно и совпадение северо-западной ландшафтной границы Владимиро-Суздальского ополя с границей регионов (Илл. 2),

Илл. 2

Владими́ро-Сузда́льское опо́лье
(по: Максимова 2020)

узловых районов и кажется, границей старых русских княжеств. При становлении на этой территории какого-либо варианта особо-охраняемой природно- культурной территории это могло бы стать в России первым прецедентом *заповеда-*

ния историко-культурного ландшафтного рубежа, а кстати — и рубежа административного. Стоит вспомнить существование ландшафтных, административных, экономических и государственных границ в самой морфологии российского пространства.

Рассуждения явили и нетривиальный аспект ополей как ярких азональных ядер ландшафта. *Ополя — продуктивный предмет размышления, исследования и путешествия.* Предлагается конференция с полевым этапом «Ополя в российском ландшафте, истории, культуре и науке».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ахромеев 2008 — Ахромеев Л.М. Природа, генезис, история развития и ландшафтная структура ополей Центральной России. Брянск, 2008.
- Иоффе, Нефедова 2000 — Иоффе Г.В., Нефедова Т.Г. Квазитюоновский ландшафт в регионах России // Российские регионы и центр: Взаимодействие в экономическом пространстве / Под ред. Ю.Г. Липеца. М., 2000. С. 104–113.
- Исаченко 1985 — Исаченко А.Г. Ландшафты СССР. Л., 1985.
- Каганский 1982 — Каганский В.Л. Географические границы: Противоречия и парадоксы // Географические границы. М., 1982. С. 7–19.
- Каганский 2001 — Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сборник статей. М., 2001.
- Каганский 2006а — Каганский В.Л. Россия. Провинция. Ландшафт // Отечественные записки. 2006. № 6. С. 244–257.
- Каганский 2006б — Каганский В.Л. Средний Хопер // Отечественные записки. 2006. № 6. С. 195–206.
- Каганский 2009 — Каганский В.Л. Теоретические представления о пространстве Б.Б. Родомана и его школы // Известия РАН. Серия географическая. 2009. № 2. С. 2–9.
- Каганский 2010 — Каганский В.Л. Россия как большая страна: Проблематизация // Страны-гиганты: Проблемы территориальной стабильности. М., 2010. С. 75–104 [режим доступа:

- http://www.intelros.ru/intelros/reiting/rejting_09/material_sofiy/7852-rossiya-kak-bolshaya-strana-problematizaciya.html, дата обращения — 03.04.2021].
- Каганский 2012 — *Каганский В.Л.* Внутренняя периферия — новая растущая зона культурного ландшафта России // Известия РАН. Серия географическая. 2012. № 6. С. 23–34.
- Каганский 2017 — *Каганский В.Л.* Ленточные боры равнинного Алтая глазами путешествующего теоретико-географа // Известия Алтайского отделения РГО. 2017. № 2 (45), С. 130–142.
- Каганский 2020a — *Каганский В.Л.* Российский Байкал как глобальная культурная проблема // Известия РАН. Серия географическая. 2020. № 2. С. 301–309.
- Каганский 2020б — *Каганский В.Л.* Вопрошение о пространстве диалога // *Judaica Petropolitana*. 2020 (в печати).
- Максимова 2020 — *Максимова А.М.* Владимиро-Суздальское ополье: Пространство и время. М., 2020 (в печати).
- Махрова, Нефедова, Трейвиш 2016 — *Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И.* Поляризация пространства Центрально-Российского мегалополиса и мобильность населения // Вестник Московского университета. Сер. 5: География. 2016. № 5. С. 77–85.
- Мильков 2018 — *Мильков Ф.Н.* О природе ополей на Русской равнине // *Мильков Ф.Н.* Ландшафтная география: Избранные труды. Воронеж, 2018.
- Нефедова 2003 — *Нефедова Т.Г.* Сельская Россия на перепутье. М., 2003.
- Ракитников 2003 — *Ракитников А.Н.* Избранные труды. Смоленск, 2003.
- Родоман 1995 — *Родоман Б.Б.* Полесья и ополья. Две половины России // География. Еженедельное приложение к газете «Первое сентября». 1995. № 4 (65). С. 8.
- Родоман 1999 — *Родоман Б.Б.* Территориальные ареалы и сети. М.; Смоленск, 1999.
- Родоман 2002 — *Родоман Б.Б.* Ландшафт, пространство, Россия // География. Еженедельное приложение к газете «Первое сентября». 2002. № 2 [режим доступа: <https://geo.1sept.ru/article.php?ID=200200209>, дата обращения — 03.04.2021].

Семенов-Тянь-Шанский 1910 — *Семенов-Тянь-Шанский В.П.* Город и деревня в Европейской России. Очерк по экономической географии. СПб, 1910.

Трапезникова 2020 — *Трапезникова О.Н.* Парадоксы северного земледелия: История и география агроландшафтов лесной зоны Восточно-Европейской равнины М., 2020.

Тюннен 1926 — *Тюннен И.* Изолированное государство. М., 1926.

А.Р. А. УЛУНЯН

ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТ «ГОЛУБАЯ РОДИНА» (*Mavi Vatan*) В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕЙ ТРАДИЦИИ ГЕОИСТОРИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация: С момента создания Турецкой республики в ее общественно-политическом и научно-академическом пространствах большую роль играли геоисторические пространственные концепты, призванные объяснить и легитимизировать этнонациональные и государственно-политические конструкты возникновения и развития процесса этно- и политогенеза современных турок. По мере увеличения числа этих концептуализированных конструктов, объединяющих широкий спектр составляющих их элементов, расширились «морские» горизонты для формирования маринистских геоисторических по своему происхождению построений, имеющих вполне конкретные стратегические политические, экономические и военные цели. К их числу относится сформулированный в 2006 г. и использующий историко-географический аргумент геостратегический конструкт «Голубая Родина» (*Mavi Vatan*), который в силу сложившихся в самой Турции внутриполитических условий приобрел в официальной интерпретации властей страны характер общенациональной доктрины, направленной на изменение правового положения в акваториях Эгейского и восточной части Средиземного морей и расширение турецкого присутствия в окружающих водных пространствах.

Ключевые слова: Восточное Средиземноморье, геостратегический конструкт, геоисторическое пространство, «Голубая Родина», Турция, Франция

Формулировавшиеся в общественно-политических и научных кругах Турецкой Республики с момента ее создания этно-национальные и культурно-исторические теории, призванные легитимировать ее этнический, политический и государственный образ, сформировали фактически за сто прошедших лет традицию, которая свидетельствует о постоянном дискурсивном характере идеи этногосударственной идентичности, тесно связанной с исторически обуславливающим ее геопространственным фактором. Примечательной особенностью этого процесса является его направленность как на внутреннюю, так и на внешнюю аудиторию¹. Основные вехи в эволюции выдвигавшихся ранее и появляющихся ныне концептов, сочетающих широкий спектр элементов, совпадают с основными изменениями внутриполитической ситуации в самой Турции. Поиск и утверждение этнонациональной, культурно-исторической и географической идентичности прошли несколько этапов, начало которым было положено на официальном уровне в так называемых «Тезисах турецкой истории» (*Türk Tarih Tezi*) и 4-х томном учебнике «Основные положения турецкой истории» (*Türk Tarihinin Ana Hatları*), в относительно недолго просуществовавшем концепте «солнечного языка» (*Güneş-Dil Teorisi*)² и в рассматривавшихся первоначально как перспективные, но впоследствии отвергнутых теориях близости турецкого языка с языком майя и ацтеков, а также в идеях, связывавших происхождение турок с мифологическим «исчезнувшим континентом Му»³.

Сформулированные в конце XIX – начале XX в. концепции этнополитической и этнонациональной идентичности, с присущей им культурно-исторической и историко-географической составляющей в форме идеологически оформленных конструктов османизма (*osmanlılık*), исламизма (*islamcılık*), тюркизма (*Türkçülük*), туранизма (*Turancılık*), к которым впоследствии добавился и объективно противостоявший им более либеральный концепт анато-

¹ Подробнее об этом см.: Улунян 2014.

² Lewis 2002; Demir 2010; Aytürk 2009.

³ Şenoğlu 2007.

лизма (*Anadoluculuk*)⁴, после смерти Кемаля Ататюрка становились при определенных обстоятельствах с различной степенью важности элементами новых официальных доктрин.

К концу 80-х годов XX в. это нашло свое отражение в проевропейском концепте «Турция в Европе, Европа в Турции», практически сочетавшем многие из ранее озвученных этно-национальных, культурно-исторических и историко-географических дискурсивных постулатов⁵ и направленном на легитимизацию включения Турции в европейское сообщество. Окончание Холодной войны и изменения на международной арене усилили инструментальный характер подобных концептов как с точки зрения внешнеполитических устремлений Анкары, так и по внутривнутриполитическим причинам, с целью мобилизации и консолидации общества в новых внутривнутриполитических условиях, важной чертой которых стали происходившие изменения партийно-политической системы и выдвижение на первый план Партии Справедливости и Развития (*Adalet ve Kalkınma Partisi, AKP*) во главе с Реджепом Тайипом Эрдоганом, который был сначала премьер-министром, а затем занял пост президента страны и инициировал изменения в конституции.

Если на протяжении 1991 г. и вплоть до начала 2000-х годов, как отмечали турецкие аналитики, имея в виду Балканы и Ближний Восток, внешняя политика страны проявляла черты неоосманизма (*Yeni-Osmanlı Türk Dış Politikası*), то с приходом к власти AKP в 2002 г. ее суть была сформулирована на определенный период в виде концепции «стратегической глубины» (*stratejik derinlik*)⁶, автором которой был университетский профессор, а впоследствии глава МИД, премьер-министр и глава AKP Ахмет Давутоглу. Он объединил в своей концепции сразу несколько факторов, включая историко-политический и историко-географический, трансформировав их в «цивилизационный» проект с широкой функциональной повесткой дня с точки зрения внешнепо-

⁴ Dirican 2014.

⁵ Özal 1988; Özal 2010.

⁶ Karadeli 2007. S. 35.

литических устремлений Турции⁷. В действительности, как показало дальнейшее развитие событий, так называемое «историческое» османское наследие продолжало использоваться как историко-идеологический фон выдвигаемых конструируемых «инструментальных» концептов, которые с утверждением у власти в качестве президента Эрдогана свидетельствовали о все большем дрейфе в сторону эклектичного и противоречивого по своим составляющим элементам, но функционально значимого османо-тюркско-туранско-исламского проекта. Важной и характерной чертой доктринального оформления внешнеполитических устремлений пришедших к власти в Турции сил стало сочетание историко-географического фактора с политическим целеполаганием для реализации внешнеполитических планов на широком как сухопутно-континентальном, так и водном пространстве как особой «сфере», что нашло свое отражение в концептуальных построениях Давутоглу. Именно пространственно-исторический аспект отмечался рецензентами его книги, когда они обращали внимание на предлагавшуюся автором «стратегической глубины» так называемую систематизацию геополитических пространств, в соответствии с которой ближайшей сухопутной сферой (*Yakın kara havzası*) считались Балканы, Средний Восток и Кавказ, ближайшей морской сферой (*Yakın deniz havzası*) — Черное море, Адриатическое море, Восточное Средиземноморье, Красное море, Персидский залив и Каспийское море и, наконец, ближайшей континентальной сферой (*Yakın kıta havzası*) — Европа, Северная Америка, Южная, Центральная и Восточная Азия⁸. Стратификация геополитического пространства в виде триады *yakın kara, yakın deniz ve yakın kıta havzaları* рассматривалось турецкими аналитиками как совершенно новый подход к формулированию приоритетов турецкой внешней политики⁹. На протяжении предыдущих десятилетий существования Турецкой Республики ее морская политика носила ограниченный характер, акцентируя внимание на реализации

⁷ Davutoğlu 1999; Davutoğlu 2001.

⁸ Yenigün 2002. S. 301.

⁹ Palabıyık 2010. S. 738.

положений Конвенции Монтрё (1936 г.) в отношении Проливов, обеспечении обороны протяженной береговой линии и развитии торгового флота.

Таким образом, начинавшаяся актуализация темы «ближайшей морской сферы» вполне естественно могла инициировать процесс формулирования самостоятельного концепта, включающего историко-политические и геоисторические элементы и направленного на реализацию широкого спектра задач, главными из которых должны были логически стать взаимосвязанные экономические и военно-стратегические.

Первым и пока наиболее отчетливо артикулированным в концептуальном отношении проектом стало появление в 2006 году, то есть параллельно с существовавшей и провозглашавшейся на официальном уровне концепцией «стратегической глубины», открыто не призывавшей к активным действиям, более радикальной геопространственной идейно-политической, базирующейся на экономической целесообразности, доктрины «Голубой Родины» (*Mavi Vatan*). В то же время ее возникновение было связано не с правившей Партией Справедливости и Развития, а с представителями радикально-националистических военных кругов, фактически находившихся в оппозиции к АКР, хотя это и не демонстрировалось ими (по понятным причинам). Их последующая тесная связь с пришедшей в феврале 2015 г. на смену Рабочей партии Партии Родины (*Vatan Partisi*), созданной и возглавляемой Догу Перинчеком, по своим идеологическим постулатам ультра-националистической левой, промаоистской, с проевразийски ориентированным вектором, настроенной крайне антиевропейски и антиамерикански, лишь дополняет конкретные черты общего политического профиля данной группы. Однако на начальном этапе своего существования, как отмечают сами турецкие политические публицисты, «в то время, казалось бы, либеральные/исламистские тезисы Давутоглу были популярны, а концепция Голубой Родины, затененная дискурсом Нулевой проблемы с соседями

(*Komşularla Sıfır Sorun, KSS*)¹⁰, не нашла отклика ни в академических кругах, ни в политике»¹¹.

Идеологом нового геопространственного конструкта стал контр-адмирал Джем Гюрдениз, являвшийся на тот момент начальником Управления планирования и политики командования Военно-морских сил и присоединившийся позже к нему контр-адмирал Джихат Яйджи, начальник Штаба командования ВМС¹². Примечательной является схожесть биографий обоих адмиралов, первый из которых был изначально осужден 19 февраля 2011 г. на 18 лет заключения в тюрьме за участие в так называемой «Операции молот» (*Balyoz Harekâtı*)¹³, по версии официальных властей АКР подпольно осуществлявшегося с 2003 г. плана против ее правления секулярно настроенными военными. Однако 9 июня 2015 г. Гюрдениз был освобожден вместе с остальными военными в связи с фальсификацией доказательств, предъявленных в суде. Второй адмирал, несмотря на активное участие в чистках вооруженных сил против сторонников объявленной АКП террористической организации Фетхуллага Гюлена¹⁴, обвиненной в подготовке военного переворота

¹⁰ «Ноль проблем с соседями» — тезис, использовавшийся Ахметом Давотоглу для определения характера взаимоотношений Турции с соседними государствами как основы ее внешней политики в приграничных с ней регионах.

¹¹ Uzgel 2020.

¹² Джихат Яйджи в 2012–2014 гг. являлся военным, военно-морским и военно-воздушным атташе при посольстве Турции в России.

¹³ В соответствии с официальной версией этот план якобы был разработан с целью совершения военного переворота в 2003 г. для устранения недавно пришедшей к власти АКР, которая рассматривалась военными как угроза секулярному кемалистскому режиму.

¹⁴ Фетхуллах Гюлен — турецкий писатель и мусульманский общественно-политический деятель, руководитель движения *Hizmet* («Служение»). Пользуется большим влиянием в исламской умме как активный проповедник «этического воспитания» в рамках исламской традиции. На протяжении долго времени являлся союзником Эрдогана, но из-за разногласий с ним был вынужден покинуть страну и находится в эмиграции в США. В течение 90-х гг. XX в. и в начале двухтысячных принимал активное участие в создании образовательных учреждений по всему миру, включая государства на

(по версии властей) 15 июля 2016 г. и даже разработкой им специального опросника — так называемого FETÖMETRE (официальное название — Кадровая проверка и практика административного контроля, тур. *Personel Adil ve idari Takip Uygulaması*), для выявления участников гюленовской организации, был переподчинен Эрдоганом начальнику Генерального Штаба, с чем адмирал не согласился, оценив это как понижением и оскорбление, после чего подал в отставку.

Впервые сам концепт был озвучен Гюрденизом на симпозиуме по проблемам Черного моря и вопросам морской безопасности, проводившемся командованием ВМС 14 июня 2006 года. Сам адмирал в 2013 г., находившийся на тот момент в тюрьме, но активно публиковавшийся в органе Партии Родины популярной газете *Aydinlik* в специальной колонке «Голубая Родина», писал в помещенной в ней материале о сути концепта, что «это было название Родины, которая включает в себя наши морские юрисдикции (территориальные воды, континентальный шельф и исключительную экономическую зону) в Черном море, Средиземном море и Эгейском море, которые окружают нас живыми и неживыми ресурсами. Поверхность, водоем, дно и массив суши под дном этой родины — наши. Размер этой Родины равен половине сухопутной территории нашей страны. Подъем и укрепление республиканского флота не приветствуются в таких морских столицах, как Вашингтон, Лондон, Берлин, Париж, Рим, Мадрид, Рим, Осло, Гаага, Стокгольм. Однако политическая борьба продолжается. Будущее Анатолии и Голубой Родины в XXI веке будет зависеть от борьбы на море. Процесс потери этих земель начался с потери морей. Великий турецкий народ,

постсоветском пространстве, а также в основании общин. Деятельность Гюлена в современной Турции рассматривается как антигосударственная и террористическая, а власти обвинили его в том, что он стоял за попыткой переворота 15 июля 2016 года. Сторонники Гюлена преследуются по обвинению в террористической деятельности, а их постоянные поиски увеличивают количество репрессированных в Турции лиц.

извлекающий уроки из прошлого, никогда не поклонится этой судьбе и никогда не повторит истории»¹⁵.

Следует отметить, что термин «Голубая Родина», получивший впоследствии распространение в общественно-политическом дискурсе Турции, является продолжением идей, формулировавшихся в интеллектуальных и во многом оппозиционных властям кругах в конце 50-х – начале 60-х гг. XX века, о водном пространстве вокруг Турции как особом факторе, влияющем на социально-культурный аспект жизни страны. Путешествие группы турецких писателей-интеллектуалов, совершенное ими в конце 50-х годов вдоль побережья Эгейского и Средиземного моря, описанное его участницей, известной турецкой писательницей Азрой Эрхат, было выпущено несколькими изданиями и по цвету воды в его названии присутствовало определение «голубой»: «Голубая Анатолия» и «Голубое путешествие», при этом книга с последним названием получила наибольшую популярность¹⁶. Поэтому, имея в виду присутствие этого образа в общественном дискурсе, новый термин, несмотря на его явную политическую ангажированность и инструментальность, оказался быстро узнаваем. В свою очередь, содержательная часть конструкта, развивавшаяся Гюрденизом и Яйджи на протяжении последующего периода, как в идеологическом, так и политическом плане строилась на географическом факторе с привлечением исторической компоненты, что, судя по всему, связывало по замыслу его идеологов, все его элементы в рамках единого геоисторического пространства. Суть постулатов, аргументация и целеполагание излагались двумя контр-адмиралами как в их публицистических по своему характеру книгах — «Военно-морской флот на прицеле», «Голубая цивилизация: Турция должна стать морской дер-

¹⁵ Cem Gürdeniz 2013. Сам Гюрдениз в одном из своих интервью особо отмечал появление его колонки в *Aydınlık* 24 марта 2013 г. как первое публичное продвижение идеи «Голубой Родины» (Caillaud 2020). В электронной версии газеты она была опубликована 23 марта.

¹⁶ Erhat 1960; Erhat 1962. Подробнее об истории возникновения этого маршрута, об участниках и наиболее интересных сюжетах, связанных с ним, см.: Berk Albachten 2012.

жавой», «Голубая Родина: Статьи», «Южный фронт Голубой Родины: Восточное Средиземноморье», «От Отечества к Голубой Родине»¹⁷, «Ливия — морской сосед Турции», «Вопросы и ответы по поводу концепции исключительной экономической зоны» и «Совместное использование Восточного Средиземноморья и Турции»¹⁸, так и в многочисленных интервью.

Суть выстроенного ими концепта и аргументация в пользу выдвигаемых тезисов заключалась в следующем. Прежде всего, утверждалась необходимость изменения контролируемой Турцией береговой зоны в районах Средиземного и Эгейского морей за счет расширения исключительной экономической зоны в пользу Турции и обоснование этого несправедливым характером существующих реалий с особым упором на имеющиеся у Греции и Кипра права. Данное расширение рассматривалось через призму как стратегической, так и экономической значимости водного пространства вокруг Турции, к которому относится и Черное море. В этой связи отмечалось, что переход под юрисдикцию соответствующих частей этого пространства означает, что Турции принадлежит 462 км², что составляет больше половины ее континентальной территории, равной 779 452 км². Это водное пространство и представляет, по мысли авторов, так называемую «Голубую Родину» (Илл. 1).

Следующим тезисом, выдвигаемым в рамках данного концепта, стало постулирование исторической связи Турции, расширительно толкуемой его авторами с точки зрения юрисдикции, с водным пространством, определяющим ее позиции в так называемой «голубой цивилизации», а по сути — утверждение о принадлежности Турции к числу крупных морских держав. Сам Гюрдениз активно пропагандировал применительно к роли и месту Турции определения «голубая цивилизация» (*Mavi Uygarlık*) и «морская цивилизация» (*Deniz Uygarlık*)¹⁹.

¹⁷ Gürdeniz 2013; Gürdeniz 2015; Gürdeniz 2020a; Gürdeniz 2020b; Gürdeniz 2021.

¹⁸ Yaycı 2019a; Yaycı 2019b; Yaycı 2020.

¹⁹ Amiral Cem Gürdeniz 2021.

Илл. 1

«Голубая Родина»
(по: https://tr.wikipedia.org/wiki/Mavi_Vatan)

Реперными точками национальной военно-морской доктрины в этой связи объявлялись контроль над Кипром (его оккупированной Турцией северной часть с расположенной на ней марионеточной так называемой «Турецкой Республикой Северный Кипр», не признанной никем, кроме самой Турции), Проливы Босфор и Дарданеллы и «Голубая Родина» (триада *Mavi Vatan* — *Türk Boğazları* — *Kıbrıs*). Этот базовый тезис подкреплялся как идеологизированными историко-политическими и историко-географическими, так и военно-стратегическими аргументами. К первым относились ссылки на заселение турками Анатолии, окруженной водным пространством и их соучастием в формировании средиземноморской цивилизации, а также упоминанием о том, что в свое время Османская империя фактически контролировала большие береговые территории вокруг Средиземного

моря. Однако в основе всех рассуждений лежала идея получения Турцией — при максимальном расширении ее морских границ и исключительной экономической зоны — экономических выгод от использования морских биологических и геологических ресурсов, что на практике нашло отражение в заключении непризнанного ни одним из государств двустороннего соглашения между Турцией и временной администрацией Ливии, а также попытках односторонней ревизии существующего правового режима в Средиземном море и проведении исследовательских работ по поиску углеводородных ресурсов. Ставка на превращение Турции из импортера и транзитера газа и нефти в их экспортера стала доминирующей в программе властей АКР завоевания Анкарой статуса выше, чем региональная держава.

Как отдельные турецкие эксперты, так представители американского и европейского экспертных сообществ достаточно жестко определяли новый концепт и его новую роль в политическом пространстве страны, свидетельством чего можно считать их заключение о том, что «Голубая Родина» — это ирредентистская концепция, которая требует для Турции обширных участков Эгейского и Средиземного морей, включая греческие и кипрские морские границы и месторождения углеводородов. То, что начиналось как маргинальная идея среди антизападного руководства турецкого флота, превратилось в популярное националистическое стремление, с которым столкнулся президент Реджеп Тайип Эрдоган»²⁰. Одновременно в политическом плане, в соответствии с их оценкой, партия Периничка²¹ «вступила в тактический союз с Партией справедливости и развития, поскольку президент Турции постепенно обратился к своим бывшим противникам среди ультранационалистов и евразийцев (фракция, которая выступает за присоединение Турции к антизападному геополитическому лагерю под руководством

²⁰ Erdemir, Kowalski 2021.

²¹ Об эволюции политической деятельности Перинчека и его превращении из идеологического и политического противника Эрдогана см. анализ на оппозиционном ресурсе «15 июля» (Yıldız 2020).

России и Китая) в попытке удержать власть»²². Сам автор термина «Голубая Родина» заявлял в этой связи о том, что Турция «не должна позволять империализму подрывать турецко-российскую и турецко-китайскую дружбу...»²³.

Особое место в контексте этих тезисов приобретает историко-географический фактор и интерпретация исторических событий столетней давности, что подчеркивается авторами-апологетами концепции «Голубой Родины» в их публикациях в турецкой прессе. Так, в частности, один из них, обращаясь к содержанию книги Гюрдениза «Восточное Средиземноморье: Южный фронт Голубой Родины», писал: «Указывая на то, что империализм в Эгейском и Восточном Средиземноморье через администрацию киприотов-греков (АГК)²⁴ и Грецию пытался украсть территорию в 200 тысяч км² у Голубой Родины, Джем Гюрдениз описывает эту ситуацию как “Второй Севр”. Фактически, Гюрдениз рассматривает эту концепцию как “эквивалент Национального пакта на море” в ситуации, с которой мы сталкиваемся в Эгейском море и Восточном Средиземноморье, и пытается объяснить, что претензии на Голубую Родину — это предотвращение второго Севра»²⁵. Постоянное подчеркивание в тезисах о «Голубой Родине» ее характера как ответа на «империалистические действия» западных стран с мобилизацией исторической памяти стало одним из важных элементов пропаганды этого конструкта, в котором, как отмечалось, «турецкая средиземноморская цивилизация и политика нераздельны»²⁶.

Ссылка на Севрский мирный договор, заключенный 10 августа 1920 г. по результатам Первой мировой войны и предусматривавший большие территориальные изменения бывшей Османской империи, в данном случае не является случайным, так как именно отказ от него и заключение 24

²² Erdemir, Kowalski 2021.

²³ Güger 2021.

²⁴ Так в современной традиции в Турции называют правительство Республики Кипр, который официальная Анкара не признает, называя его «администрацией Южного Кипра».

²⁵ Solak M. 2020.

²⁶ Sevr'in 100'üncü Yılında 2020.

июля 1923 г. нового Лозаннского мирного договора ставится в заслугу основателю Турецкой Республики Кемалю Ататюрку. Не меньшую значимость в турецкой традиции имеет ссылка в данном случае на так называемый «Национальный пакт», также связанный с периодом становления Турецкой Республики, когда на основании «Национального пакта» или «Национального обета» (*Misak-ı Milli*) — одного из последних решений парламента Османской империи по территориальным вопросам, принятого 12 февраля 1920 г. и ставшего уже впоследствии для Великого национального собрания основой для заключения выгодных для кемалистской Турции Карского мирного договора (13 октября 1921 г.), а затем и упоминавшегося выше Лозаннского мирного договора.

Актуализация исторических аналогий в данном случае была призвана легитимировать пересмотр существующего правового режима в Средиземноморье. Обращение к османскому периоду также использовалось как исторический аргумент, и сам Гюрдениз отмечал, что «наши предки, избравшие Анатолию, страну, окруженную морями, своей родиной, вознаградили за это будущие поколения. Несмотря на то, что османы основали империю на трех континентах с соответствующими требованиями ее политической географии, они не могли понять статус морской державы даже в теоретическом смысле, за исключением XVI века. Таким образом, он не только геополитически дрейфовал дальше от морей, но и не смог добиться маринизации. Отставание Османской империи в области маринизации было связано как с неспособностью догнать зарубежные научные и технологические достижения, так и с капитуляцией перед другими морскими державами в зените Османской империи. Те, кто навязал нам эти капитуляции, с тех пор путешествовали по океанам и становились богаче, достигая новых колоний, не давая другим игрокам выйти в это новое конкурентное пространство»²⁷. В этой связи целевая установка самого концепта опре-

²⁷ Gürdeniz 2020с. Публикация на портале «Объединенный мировой Интернационал» (*United World International*) — организации, в которой экспертами выступают близкие к Партии Родины, антиевропейски и антиамерикански настроенные фигуры, среди

делялась другим из создателей концепции «Голубой Родины» адмиралом Яйджы, заявлявшим в одном из своих интервью о том, что «Восточное Средиземноморье и Голубая Родина — это будущее турецкой нации. Мы не отдадим их кому бы то ни было, будь то родная земля или родная вода!»²⁸.

Примечательным фактом в контексте этой установки и в целом всего концепта «Голубой Родины» стала крайне негативная реакция практически всех средиземноморских держав, выраженная в той или иной форме, на подобное видение ситуации официальными турецкими политическими кругами. В наиболее отчетливом виде, помимо руководства Греции и Кипра, это было сформулировано французским президентом Эммануэлем Макроном в его послании Ближневосточному Средиземноморскому форуму в Лугано, состоявшемуся в конце августа 2020 г., в котором, перечисляя существующие для Средиземноморья вызовы в момент сокращения присутствия в нем сил США и НАТО и предлагая создать *Pax Mediterranea*, глава Франции заявил о том, что «мы видим, как региональные имперские державы возвращаются с фантазией в духе своей собственной истории. Я имею в виду в основном Турцию»²⁹. В ещё более жесткой форме по поводу как самой концепции, так и начавшихся методов ее реализации официальной Анкарой высказался Жак Аттали, бывший советник президента Франции Франсуа Миттеррана, заявивший: «Нам нужно слушать, что говорит Турция, относиться к этому очень серьезно и быть готовыми действовать всеми средствами. Если бы наши предшественники серьезно отнеслись к выступлениям фюрера с 1933 по 1936 год, они могли бы помешать этому чудовищу накопить средства для того, чтобы делать то, что он делал»³⁰. В свою

которых есть гражданские и военные лица, а среди иностранных членов — советник венесуэльского левого популиста-диктатора Хуго Чавеса.

²⁸ Erkin 2020.

²⁹ Текст послания на официальном сайте Елисейского Дворца: Forum Moyen-Orient Méditerranée 2020.

³⁰ Comment une ruée vers le gaz 2020.

очередь, сам один из создателей концепции «Голубой Родины», Гюрдениз достаточно резко реагировал (его слова приводил основанный в 2019 г. журнал *Le Grand Continent* по вопросам геополитики, проблемами развития Европы и правовым вопросам) на позицию Франции, особо отметив, что, во-первых, в своей книге «Флот на прицеле» он «объяснил турецкой публике, почему турецкий флот стал мишенью, что происходило в Эгейском море, что происходило в Средиземном море» и «предупредил турецкий народ: ваше будущее вот-вот украдут Европейский Союз и Соединенные Штаты....»³¹. Во-вторых, обратившись непосредственно к тезисам, озвученным французской стороной, он заявил: «Мы не понимаем этой враждебной политики в отношении Турции, основанной на *Pax Méditerranée* Жака Аттали. Если французы действительно хотят *Pax*, у них должны быть хорошие отношения с Турцией. Турция не может смириться с этим издевательством, этими пустыми словами против нее»³².

Популярность выдвинутого двумя адмиралами концепта в правящих кругах Турции постепенно усиливалась на протяжении 2017–2020 годов по вполне объективным конъюнктурным причинам, так как она легитимировала в идейно-политическом плане и с привлечением в виде аргументов как правовые юридические, так и исторические, а также историко-географические аргументы тюрко-османско-исламское наследия, стремление Анкары усилить свои позиции на международной арене, закрепившись в нескольких географических регионах, на которые имеет право анатолийская Турция.

Ставка на расширение турецкого присутствия в Средиземноморье в рамках концепта «Голубая Родина» нашла свое отражение уже 2 сентября 2019 г. во время официальной церемонии в Национальном университете обороны в Стамбуле с участием турецкого президента Эрдогана. Его фотография на фоне карты, изображавшей практически половину Эгейского моря и до восточного побережья острова Крита и охватывающей греческие острова как принадлежащую Турции

³¹ Caillaud 2020.

³² Caillaud 2020.

без указания греческой юрисдикции над территориальными водами даже вокруг островов, была воспринята как в политических кругах средиземноморских государств, так и многих европейских стран и США как намерение Анкары фактически начать ревизию международных признанных границ. 13 ноября 2019 г. это нашло свое подтверждение в официальном письме представителя Турции в ООН Феридуна Синирлиоглу по поводу исключительной экономической зоны Турции в Восточном Средиземноморье, которая фактически нарушала юрисдикцию Греции.

Более того, концепт «Голубая Родина» как доктрина приобретала форму учебной дисциплины, о чем с удовлетворением сообщал весной 2020 г. орган Партии Родины газета *Aydinlik*, которая отмечала расширение кампании в пользу такого решения и обращала особое внимание на слова двух адмиралов в отставке — Гюрдениза и Ёзбея, которые «подчеркивали значение преподавания “Голубой Родины” для следующих поколений», а также на тезис первого из них, что эта доктрина выступает в роли геополитического символа ориентации для Турции в XXI в. и «Турция не сделает ошибку Османской империи и, используя “Голубую Родину” будет проявлять активность в окружающих ее водных бассейнах»³³.

В тоже время в самой Турции, несмотря на осуществляемые властями меры по контролю над СМИ, в крупных оппозиционных изданиях, к которым относится, в частности, старейшая популярная и имеющая большие тиражи газета *Cumhuriyet*, в начале 2021 г. появилась статья под названием «Голубая страна — Голубая Родина», автор которой М.А. Гюллер фактически артикулировал существующие в определенной части общества настроения относительно активно пропагандируемой властями концепции «Голубой Родины». Он, в частности, отмечал, хотя и в крайне осторожной форме с подобающими ситуации «реверансами» в сторону поддерживаемого властями Яйджиджи, что «причина моего [Гюллера] возражения заключается в том, что исключительные эконо-

³³ Balçak 2020.

мические зоны не являются зоной “полного суверенитета” государств, а являются областями, в которых они имеют право работать, при том, что некоторые права других стран там сохраняются. По этой причине включать его в такое очень важное идеологическое понятие, как “Родина”, некорректно»³⁴.

В рамках ставшей уже официальной доктрины концепт приобрел военно-политический характер в виде проводимых тактических учений ВМС «Голубая Родина», завершение которых в начале марта 2021 г. ознаменовалось выступлением Эрдогана, во время которого он озвучил тезис: «Тот, кто господствует в море, управляет миром»³⁵, сформулированный впервые, как принято считать в турецкой традиции, не американским адмиралом А. Мэхэном — известным автором военно-морской стратегии, а пиратом Барбаросой Хайреддин-пашой, ставшим адмиралом Османской империи в XVI веке. Целевая установка, выраженная в приведенном главой Турецкой республики тезиса, лишь усилила значимость концепта «Голубая Родина» уже на уровне политического планирования официальных правящих кругов страны, постепенно трансформировавшись в более масштабный проект, призванный обеспечить позиции страны на международной арене в соответствии с планами ее нынешнего руководства и, при этом, встроенный в историко-географический контекст, используемый официальной Анкарой для решения ее конкретных задач как во внутренней, так и во внешней политике.

БИБЛИОГРАФИЯ

Улунян 2014 — Улунян А.А. Общенациональный турецкий дискурс «геоисторического конструирования» во внешнеполитической мысли современной Турции // Историческая география / Отв. ред. И.Г. Коновалова. М., 2014. Т. 2. С. 389–435.

³⁴ Güller 2021.

³⁵ Erdoğan Mavi Vatan 2021.

- Amiral Cem Gürdeniz 2021 — Amiral Cem Gürdeniz Jeopolitik, Savunma ve Güvenlik Perspektifinde Türk Deniz Gücü ve 21nci Yüzyıl [режим доступа: <https://21inciyyuzilicinplanlama.org/wp-content/uploads/2016/08/Cem-Gurdeniz-1-Sunum.pdf>; дата обращения — 10.03.2021].
- Aytürk 2009 — *Aytürk İ.* H.F. Kvergić and the Sun-Language Theory // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 2009. Vol. 159. No. 1. P. 23–44.
- Balçak 2020 — *Balçak G.* «Mavi Vatan Müfredata Girsin» kampanyası büyüyor // *Aydınlık*, 3.05.2020.
- Berk Albachten 2012 — *Berk Albachten Ö.* Mavi yolculuk (blue voyage): A journey of self-discovery during the early decades of the Turkish Republic (1945–1969) // *Studies in Travel Writing*. 2012. Vol. 16. No. 4. P. 427439.
- Caillaud 2020 — *Caillaud M.* Qu'est-ce que la «patrie bleue»? Une conversation avec l'idéologue de la doctrine géopolitique turque // *Le Grand Continent*, 26.10.2020 [режим доступа: <https://legrandcontinent.eu/fr/2020/10/26/cem-gurdeniz-geopolitique-maritime-turque/>; дата обращения — 20.03.2021].
- Cem Gürdeniz 2013 — Cem Gürdeniz Neden Mavi Vatan? (Tamamı) // *Aydınlık*, 24.03.2013.
- Comment une ruée vers le gaz 2020 — Comment une ruée vers le gaz méditerranéen menace de pousser la Grèce et la Turquie dans la guerre. *Nouvelles du monde*. 11.09. 2020 // *FR24. News* [режим доступа: <https://www.fr24news.com/fr/a/2020/09/comment-une-ruée-vers-le-gaz-mediterraneen-menace-de-pousser-la-grece-et-la-turquie-dans-la-guerre-nouvelles-du-monde.html>; дата обращения — 10.03.2021].
- Davutoğlu 1999 — *Davutoğlu A.* Tarih İdraki Oluşumunda Metodolojinin Rolü: Medeniyetlerarası Etkileşim Açısından Dünya Tarihi ve Osmanlı // *Divan*. 1999. № 2. S. 1–63.
- Davutoğlu 2001 — *Davutoğlu A.* Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu. Küre Yayınları, 2001.
- Demir 2010 — *Demir G.Y.* Türk Tarih Tezi ile Türk Dil Tezinin Kavşağında Güneş-Dil Teorisi // *Uludağ Üniversitesi Fen-Edebiyat Fakültesi Sosyal Bilimler Dergisi*. 2010. Yıl. 11. Sayı 19. S. 385–396.
- Dirican 2014 — *Dirican R.* Anadolu Mecmuası'nın Türk Düşünce Hayatı Açısından Değerlendirilmesi // *The Journal of Academic Social Science Studies*. 2014. No. 25 (I). P. 387–398.

- Erdemir, Kowalski 2021 — *Erdemir A., Kowalski P.* «Blue Homeland» and the Irredentist Future of Turkish Foreign Policy // War on the Rocks. Texas national Security review, 30. 09. 2020 [режим доступа: <https://warontherocks.com/2020/09/blue-homeland-and-the-irredentist-future-of-turkish-foreign-policy/>; дата обращения — 10.03.2021].
- Erdoğan Mavi Vatan 2021 — Erdoğan Mavi Vatan Tatbikatı'nda konuştu: «Denizlere hakim olan cihana hakim olur» // Ulusal, 06.03.2021.
- Erhat 1960 — *Erhat A.* Mavi Anadolu. Ankara, 1960.
- Erhat 1962 — *Erhat A.* Mavi Yolculuk. İstanbul, 1962.
- Erkin 2020 — *Erkin A.* «Doğu Akdeniz ve Mavi Vatan Türk Milleti'nin geleceğidir» // Sözcü, 25.07.2020.
- Forum Moyen-Orient Méditerranée 2020 — Forum Moyen-Orient Méditerranée de Lugano: Message du Président Emmanuel Macron, 29 août 2020 [режим доступа: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2020/08/29/notre-mediterranee-gronde-ecoutez-le-message-du-president-emmanuel-macron-au-forum-moyen-orient-mediterranee-de-lugano>; дата обращения — 10.03.2021].
- Güger 2021 — *Güger M.B.* Amiral Cem Gürdeniz'den Cumhuriyet'e çarpıcı açıklama // Cumhuriyet, 01.03.2021.
- Güller 2021 — *Güller M.A.* Mavi Ülke — Mavi Vatan // Cumhuriyet, 11.01. 2021.
- Gürdeniz 2013 — *Gürdeniz C.* Hedefte Donanma. İstanbul, 2013.
- Gürdeniz 2015 — *Gürdeniz C.* Mavi Uyarılık. Türkiye Denizcileşmelidir. İstanbul, 2015.
- Gürdeniz 2020a — *Gürdeniz C.* Mavi Vatan Yazıları. İstanbul, 2020.
- Gürdeniz 2020b — *Gürdeniz C.* Mavi Vatan'ın Güney Cephesi: Doğu Akdeniz. İstanbul, 2020.
- Gürdeniz 2020c — *Gürdeniz C.* What is the Blue Homeland in the 21st century? // United World International, 31.07.2020 [режим доступа: <https://uwidata.com/12952-what-is-the-blue-homeland-in-the-21st-century/>; дата обращения — 10.03.2021].
- Gürdeniz 2021 — *Gürdeniz C.* Anavatandan Mavi Vatan'a. İstanbul, 2021.
- Karadeli 2007 — *Karadeli C.* Orta Doğu'ya Yönelik Türk Dış Politikasında Kırılmalar ve Yenilikler // Akademik Ortadoğu — Altı Aylık Orta Doğu Araştırmaları Dergisi. 2007. Cilt 2. Sayı 1. S. 35–48.
- Lewis 2002 — *Lewis G.* The Turkish Language Reform: A Catastrophic Success. Oxford University Press, 2002.

- Özal 1988 — *Özal T.* La Turquie en Europe. Paris, 1988.
- Özal 2010 — *Özal T.* Tarih ve Miras. Antik Çağdan Cumhuriyete Anadolu, Türk ve İslam Medeniyeti. İstanbul, 2010.
- Sevr'in 100'üncü Yılında 2020 — Sevr'in 100'üncü Yılında Emperyalizme Türk Milletinin Yanıtı: Mavi Vatan — Cem Gürdeniz // Cumhuriyet, 13.08.2020.
- Şenoğlu 2007 — *Şenoğlu K.* Mayatepek Raporları. Türk Tarih Tezi ve Mu Kıtası. İstanbul, 2007.
- Palabıyık 2010 — *Palabıyık A.* Kriz sonrası yeni uluslar arası siyaset bağlamında yenilenen. Türk dış politikası ve Ahmet Davutoğlu // Turgut Özal Uluslararası Ekonomi ve Siyaset Kongresi II. Küresel Değişim ve Demokratikleşme. Nisan 2010. E-Kitap. Malatya, 2010. S. 735–764.
- Solak 2020 — *Solak M.* Amiral Cem Gürdeniz'in «Doğu Akdeniz (Mavi Vatan'ın Güney Cephesi)» // Ödemiş Kent Gazetesi, 17.11.2020.
- Uzgel 2020 — *Uzgel İ.* Mavi Vatan ve Türkiye'nin yeni güvenlik doktrini // Gazete Duvar, 15.06.2020 [режим доступа: <https://www.gazeteduvar.com.tr/yazarlar/2020/06/15/mavi-vatan-ve-turkiyenin-yeni-guvenlik-doktrini>; дата обращения — 10.03.2021].
- Yaycı 2019a — *Yaycı C.* Libya Türkiye'nin Denizden Komşusudur. İstanbul, 2019.
- Yaycı 2019b — *Yaycı C.* Sorular ve Cevaplar ile Münhasır Ekonomik Bölge Kavramı. İstanbul, 2019.
- Yaycı 2020 — *Yaycı C.* Doğu Akdeniz'in Paylaşım Mücadelesi ve Türkiye. İstanbul, 2020.
- Yenigün 2001 — *Yenigün C.* Davutoğlu, Ahmet, Stratejik Derinlik Türkiye'nin Uluslararası Konumu, İstanbul, 2001 // The Turkish Yearbook. 2002. Vol. XXXIII. S. 299–305.
- Yıldız 2020 — *Yıldız M.A.* What did Russia achieve with the coup plot // 15temmuzinfo.net, 09.08.2020 [режим доступа: <https://15temmuzinfo.net/en/2020/08/09/what-did-russia-achieve-with-the-coup-plot/>; дата обращения — 10.03.2021].

Трапезникова О.Н. Парадоксы северного земледелия: История и география агроландшафтов лесной зоны Восточно-Европейской равнины. М.: ГЕОС, 2019. 256 с.

Исследования, проведенные «на стыке» научных дисциплин, несомненно, имеют исключительное значение для развития всех соответствующих областей знания. Рецензирование таких работ оказывается более сложным, нежели оценка значимости работ, написанных в «классическом стиле» — хотя бы потому, что для полноценной рецензии ее автор должен достаточно хорошо владеть инструментарием и понятийным аппаратом каждой из этих областей. Поэтому данная рецензия будет избирательной: имея специальную археологическую и шире — историческую подготовку, автор не берется оценивать монографию с точки зрения географа и математика, а также постарается избежать обсуждения сюжетов, касающихся аграрной истории XIX–XX веков.

Изучение истории и географии агроландшафтов лесной зоны Восточно-Европейской равнины представляется актуальным не только для географических наук, но и для исторических. Историки подробно изучают историко-географические аспекты развития поселенческих структур прежде всего в связи с вопросами аграрного развития общества. Но только комплексные археологические и палеоэкологические исследования позволяют историкам выявлять связь между стратегиями выживания отдельных коллективов с конкретной экологической обстановкой и палеоландшафтом. Такого рода исследования проводятся обычно «на микроуровне», касаясь небольших участков территории. С другой стороны, в исторической науке сформировалось видение общих тенденций развития хозяйства в рамках, определенных ландшафтом, но ему недостает той «оптики», которая находится в распоряжении географа.

Рецензируемая монография фиксирует внимание читателя на целой серии парадоксов, которыми характеризуется земледелие лесной полосы Восточной Европы. Они перечислены во Введении к книге. Первый заключается в том, что технология пашенного земледелия, возникшая в благоприятных для нее климатических зонах, была приспособлена к суровым условиям лесной зоны вплоть до Русского Севера, то есть оказалась работоспособной даже в тайге. Во-вторых, при большом разнообразии климатических и других природных условий региона его земледельческое хозяйство оказывается удивительно однородным, а приемы хозяйствования монотонными и однообразными. В качестве третьего парадокса автор называет смену системы расселения на рубеже средневековья и Нового времени, которая нарушила эту однородность аграрного развития. В связи с этим находится четвертый парадокс, который заключается в последующем падении урожайности зерновых там, где такая смена системы расселения произошла, в сравнении с регионами с менее благоприятными агроприродными условиями, где такой смены не было. Так же парадоксально то, что техническая модернизация XX века сопровождалась социально-экономической архаизацией. При этом существенной трансформации пространственной организации агроландшафтов не произошло. Наконец, достойно внимания то обстоятельство, что в XXI в. основной доход сельским жителям лесной зоны приносит не сельское, а лесное хозяйство.

Не все отмеченные парадоксы в равной степени освещены в ходе изложения, однако все они, как представляется, могут осмысляться на основе полученных результатов исследования. Книга состоит из шести глав.

Первую можно назвать «теоретической» — она характеризует различные концепции, в рамках которых рассматриваются исторические агроландшафты. Не всегда справедливой можно признать критику в адрес историков. По мнению автора монографии, «историческая наука мало интересуется не только агроландшафтами, но и окружающей средой в целом. Труды историков по исторической географии сводятся к локализации на топографической карте тех или иных исто-

рических объектов безотносительно к свойствам природной среды» (с. 11)¹. «Лишь единицы историков учитывают в своих исследованиях природные особенности территории... Как правило, они либо начинали как археологи, либо тесно связаны с археологией» (с. 12). Связь с археологией, безусловно, существует, ведь та часть историков, которая использует специальные методики и инструментарий, позволяющие работать не с письменными свидетельствами, а с остатками материальной культуры, а значит максимально близко подходить к анализу природных особенностей территории, как раз и называется археологами. Поэтому большинство исторических работ по истории палеоландшафтов, в последние десятилетия — в содружестве со специалистами естественнонаучных дисциплин, закономерно принадлежит археологам (о чем автор сама пишет несколько ниже, с. 12). Но исследования окружающей среды на базе изучения только письменных источников также развиваются².

В данном контексте автор монографии подвергла сомнению и выводы о роли природы в жизни русского общества, сделанные Л.В. Миловым³, о «неизбежности крепостного права и других тоталитарных форм государственной власти» (с. 12) в связи с необходимостью крайнего напряжения сил аграрного в своей основе общества в условиях необычайной кратковременности цикла земледельческих работ и преобладания малопродуктивных почв. По ее мнению, таким выводам противоречит тот факт, что освоение в XVI–XVII вв. черноземных степей не принесло перемен в развитии государства. Напротив, наивысшая доля крепостных крестьян была именно на черноземье. Однако такая аргументация не является опровергающей выводы Л.В. Милова, поскольку вплоть до XVIII в. черноземье оставалось южной окраиной государства, при том со своей спецификой организации служилых

¹ Здесь и далее ссылки на страницы рецензируемой книги даются в тексте.

² Историческая экология 2003; Калимуллин 2006; Человек и природа 2008; «Море — наше поле» 2010; Гололобов 2017; Дурновцев 2018.

³ Милов 1998.

корпораций и земледельческого населения. Уже поэтому невозможно ожидать какого-то радикального влияния освоения этих территорий на устройство всей державы.

Что касается отсутствия крепостничества на Русском Севере, на что обращает внимание О.Н. Трапезникова как на довод против концепции Л.В. Милова (с. 12), то непосредственная причина этого лежит вне плоскости вопросов организации сельхозработ: просто здесь отсутствовало помещенное землевладение. Однако в целом, на мой взгляд, не подлежит сомнению, что рецензируемая работа создает новый, очень серьезный, повод для внимательного анализа выводов Л.В. Милова под новым углом зрения.

Критическую оценку в монографии получили и исследования агроландшафтов в русле классического советского ландшафтоведения — за то, что данный подход по существу ограничен исходным природным ландшафтом, поскольку «пространственная структура агроландшафта фактически приравнивается к морфологической структуре природного ландшафта» (с. 18). Впрочем, исследования последних десятилетий развиваются и в других направлениях, отводящих значительно большую роль агроландшафту как самостоятельному явлению. Отправной точкой, к которой приводит развитие историографии и откуда О.Н. Трапезникова начинает свое исследование, является вывод о том, что «агроландшафт не сводится только к антропогенной модификации природного ландшафта, а, следовательно, и у него должны существовать собственные закономерности, такие как соотношение природной и собственной структуры агроландшафта, пространственная организация и иерархия агроландшафтов, закономерности временного (исторического) развития агроландшафтов» (с. 19). Автор приходит к выводу, что «главное различие между природными и сельскохозяйственными геосистемами... состоит в том, что агроландшафты — это не самостоятельные системы, какими можно считать природные комплексы, а управляемые подсистемы более сложной самоорганизующейся (в общем случае) системы социума. Поэтому агрогеосистемы нельзя рассматривать только в качестве больших или меньших модификаций

природных комплексов, следует признать, что это принципиально другой тип систем, с другой организацией, структурой, динамикой и функционированием» (с. 25–26).

Из этого определения хорошо видна связь исследования агроландшафта с поселенческой структурой, социальной организацией населения, которое им управляет, характером взаимосвязей землевладельца и землепользователя. Антропогенные и природные факторы играют совершенно противоположные роли в природных и сельскохозяйственных комплексах. Если первые в природном ландшафте всегда являются нарушающими, то в агроландшафте — основными управляющими. Вторые же, наоборот, выполняют организующую роль для природных комплексов и лимитирующую — для агроландшафтов (с. 27–28).

Вторая глава монографии посвящена рассмотрению природных факторов формирования и организации агроландшафтов в Нечерноземной зоне Восточно-Европейской равнины. Здесь формулируется основное положение того подхода, в рамках которого автор излагает материал в своем исследовании: «Отмеченная многими исследователями однородность сельского хозяйства лесной зоны достигалась крайне избирательностью угодий, которые оно использовало. Вследствие этого... каждый исторически сложившийся тип агроландшафта отличается от других не набором сельскохозяйственных культур, агроэкосистем и агротехнологий, а главным образом пространственной организацией и ландшафтной приуроченностью (выделено автором. — А. Ф.)» (с. 35).

Поскольку из базовых природных лимитирующих факторов (свет, тепло, влага, питательные вещества) в рассматриваемом регионе наиболее ощутима нехватка тепла и питательных веществ, именно она оказывает и дифференцирующее воздействие, то есть определяет тип сельского хозяйства, тип агроэкосистем и местообитание (с. 36). В соответствии с этим автор выделяет два агроприродных тренда, которые служат факторами макродифференциации, — климатический и геологический (литогенный). При этом климатический тренд различает холодные, умеренную и теплую

зоны, а геологический — молодые, относительно зрелую и древние (с. 44).

Если суть климатических различий специального комментария не требует, то о геологических следует сказать несколько слов для читателя-историка, поскольку природа литологических различий для него может быть не очевидна. Важнейшим фактором в геоморфологии региона последних сотен тысяч лет (эпоха плейстоцена) являются несколько оледенений: днепровское, московское и валдайское. Рельеф территорий, которые были покрыты ледником или находились на его периферии, является относительно молодым, что отражается на слабой разработанности и дренированности речных долин, уровне плодородия почв и составе материнских пород. В силу этого молодой рельеф в целом оставляет значительно меньше возможностей для выбора ландшафтов, пригодных для сельскохозяйственной деятельности.

Если суровость климата (климатический тренд) нарастает с юго-запада на северо-восток (с запада на восток за счет усиления континентальности, с юга на север — за счет снижения температуры воздуха), то плодородие почв (геологический тренд) увеличивается с северо-запада на юго-восток (поскольку центром плейстоценовых оледенений являлась Скандинавия). Всего комбинации вариантов этих трендов образуют в Нечерноземье пять макрозон, отличающихся по значимым природным параметрам:

- 1) северо-западная холодная макрозона молодых ландшафтов;
- 2) северо-восточная холодная макрозона зрелых ландшафтов;
- 3) западная умеренная макрозона молодых ландшафтов;
- 4) центральная умеренная макрозона относительно зрелых ландшафтов;
- 5) южная теплая макрозона зрелых ландшафтов.

В пределах пяти макрозон О.Н. Трапезникова выделяет варианты ландшафтной приуроченности агроландшафтов, которые свидетельствуют, что для каждой макрозоны действуют свои факторы мезо- и микродифференциации — в

зависимости от того, какой именно природный фактор служит в этой зоне основным ограничителем (с. 49–50). Для холмных макрозон это нехватка тепла, для молодых — питательных веществ в почве.

Третья и четвертая главы монографии можно назвать условно «историческими»: они посвящены краткой характеристике истории аграрного освоения региона — до становления централизованного государства (до XVI в.) и при нем соответственно. По мысли автора, при относительной немногочисленности населения, ведшего хозяйство на основе подсечно-огневого земледелия, и авральном характере полевой работы, селитебная структура формировалась из поселений относительно крупного размера, но редко расположенных, в то время как при переходе к пашенному земледелию возникает необходимость дисперсного расселения малодворными поселениями, поскольку при использовании удобрений на пашне очень важным условием становится близость пашни, и следовательно, оптимальным является проживание максимально близко к пахотным угодьям. Ориентируясь на эту схему, автор и переход к пашенному земледелию в центральных районах Московского княжества относит к XII–XIII векам (с. 76). В основном, конечно, переход к новой системе расселения происходит уже во второй половине XIII века, из чего автор и делает вывод о том, что территория Северо-Восточной Руси (за исключением владимиро-суздальского ополья) «по-видимому, существовала в условиях допашенного земледелия и наследовала систему расселения угро-финских племен» (с. 82).

Однако в период, не обеспеченный в достаточной мере письменными источниками (до XVII в.), трудно оценить фактический масштаб применения навоза на полях с одной стороны и использования элементов подсеки как альтернативного метода в условиях уже пашенного земледелия — с другой. Дискуссионным остается даже время перехода к пашенному земледелию и к трехполью как одной из его развитых форм в лесной полосе Восточной Европы. Так что предлагаемую схему нелегко проверить по историческим свидетельствам.

Что касается картины по археологическим данным, то, например, носители так называемой «культуры новгородско-псковских длинных курганов» (вторая половина I тыс. н. э., западная умеренная макрозона молодых ландшафтов по О.Н. Трапезниковой), в основе хозяйства которых лежало подсечно-огневое земледелие, чаще оставляли после себя небольшие по размеру поселения, обнаружение которых нередко представляет проблему, и небольшие курганные группы. При этом на смену им далеко не сразу приходит дисперсная система селений-малодворок, характерная только для XIV–XVI веков.

Археологические комплексы XI–XIII вв. характеризуются достаточно крупными размерами поселений и могильников и ландшафтной привязкой к поречьям и поозерьям. Возможно, объяснением этому служит то, что социальный облик сельского населения домонгольской Руси существенно отличается от населения XIV–XVI веков, для которого в источниках появляется термин «крестьянин» — так же, как отличается материальный облик их поселений. Если селище домонгольской Руси часто сохраняет следы ювелирного, железоделательного и других производств и довольно разнообразно по материальной культуре, то более поздняя русская деревня-малодворка исключительно бедна материальными остатками, и есть все основания считать основным родом занятий ее жителей только сельское хозяйство. По-видимому, распространение в XIV–XV вв. вотчинного уклада вело к ограничению экономических связей поселения, замыкая их на вотчинный хозяйственный комплекс.

Следует признать, что специфика археологического материала легко может ускользнуть от внимания исследователя даже исторического профиля, не говоря уже о взгляде географа. Один из примеров — обращение к географии курганов Верхнего Поволжья. Безусловно, больше всего внимание в контексте изучения агроландшафтов привлекает «аномальное» расположение скопления курганных древностей на водоразделе к западу от Торжка. Приводя этот пример

(взятый из специальной работы Ю.В. Степановой⁴), исследовательница пишет: «Наличие реки или озера — само по себе настолько мощный аттрактор для поселенческой структуры, что должны быть очень важные условия, чтобы местное население отказалось от приречной или приозерной системы расселения. Таким фактором, по моему мнению, мог быть только переход к пашенному земледелию» (с. 77).

Определяя место этого феномена в изучении агроландшафтов, следует принимать во внимание ряд обстоятельств, оставшихся неизвестными исследовательнице. Во-первых, о существовании этого скопления (в районе с. Сукромля) известно лишь из одного архивного источника 1921 года⁵. Позднее здешние исторические ландшафты были кардинально изменены карьероразработками. Во-вторых, скопление курганов в двух десятках километров от Торжка не вполне может быть объяснено и самими археологами. Но обращает на себя внимание, что экстраординарность географии идет рука об руку с беспрецедентной для одного некрополя численностью насыпей. Поэтому скорее всего автор сообщения имел в виду не один некрополь, а целый ряд курганных групп (такого мнения придерживается и Ю.В. Степанова в публикации) и, следовательно, мог охарактеризовать его очень собирательно по близости к крупнейшему современному населенному пункту. В такой ситуации нет возможности утверждать водораздельный характер топографии всех этих групп.

Если же говорить о топографии курганов в целом, то следует иметь в виду, что они лишь косвенно способны охарактеризовать топографию соответствующих им поселений: далеко не всегда курганы находятся в непосредственной близости от места проживания насыпавшего их населения. Особенно ненадежны умозаключения по положению курганов IX–X вв. с трупосожжениями, которые иногда удалены от поселения на несколько километров и скорее маркируют границы хозяйственной деятельности коллектива, нежели

⁴ Степанова 2009.

⁵ Малыгин 1994: 124.

место их обитания. А исследованность самих сельских поселений домонгольского времени в Верхневолжье нельзя признать удовлетворительной для определенных суждений о динамике освоения водоразделов в этот период. В контексте настоящей рецензии из этого следует, что существующих данных недостаточно для вывода о том, что население, проживавшее к западу от Торжка, «отказалось» от типичной для своего времени системы расселения.

В общем, наложение предложенной в монографии схемы на существующее многообразие вариантов развития систем расселения в различных микрорегионах дается не всегда просто. Апелляция к работам археологов, изданным в 1960-1980-е гг., здесь не всегда убедительна, поскольку в то время исследования рядовых селищ охватывали лишь единичные микрорегионы, не позволяя судить о типологии поселенческих структур крупных регионов. Но, безусловно, дальнейшее изучение систем расселения путем анализа археологических и письменных исторических источников с учетом подхода, предложенного О.Н. Трапезниковой, представляется чрезвычайно перспективным.

Отдельно следует прокомментировать очерк о связи с агроландшафтами первых городов таежной зоны (с. 77–81). Дело в том, что приводимые историками данные часто нельзя использовать без учета историографического контекста, особенностей свидетельств исторических источников, на которых сделаны предлагаемые построения, и нюансов терминологии. Сложно говорить о статистике приуроченности к ландшафтам древнерусских городов, используя исследование М.Н. Тихомирова 1956 года, когда само понятие «город» в данном случае (как и во многих других работах историков о градостроительстве на Руси) объединяет слишком разные величины — хорошо известный в Западной Европе размахом торговых операций Великий Новгород нельзя сравнивать с городком Стерж, затерянным в лесах Селигерского края, который всего дважды упомянут в летописи — фактически сельским погостом, местом сбора дани с небольшой округи, а позднее — резиденцией представителя землевладельца. Город Лучин же больше всего известен тем, что существует как

минимум три версии его локализации (на Лучанском озере, на р. Угре и на р. Днепре) — то есть даже само его местоположение не известно безусловно.

В целом идея о связи городов, возникших на первом этапе процесса градообразования на Руси, не с аграрным освоением территории, а с контролем торговых путей, в историографии получила признание и сомнений не вызывает.

Что касается двух других этапов, то предлагаемый курс нуждается в корректировке. Дифференцируя древнерусские селения, получившие в источниках или даже просто в научной литературе название городов, по функциональному признаку, мы получим несколько иную картину, нежели представлена в монографии. Если под городами подразумевать только центры политической жизни (которые почти всегда имеют мощную аграрную округу и являются центрами ремесла и торговли), то специального внимания заслуживает феномен Новгородской земли. Вплоть до ликвидации независимости Новгорода в конце XV в. города исчислялись здесь не десятками, а единицами. Важнейшей причиной этого была политическая система: в общем-то небогатая, но колоссальная по площади сельская округа контролировалась из столицы новгородским архиепископом и несколькими десятками боярских кланов, а в орбите (с разной степенью притяжения) находились «младший брат» Псков и несколько «пригородов» (Руса, Торжок, Ладога, Великие Луки, Пустая Ржева и некоторые другие). То, как данный феномен повлиял на структуру агроландшафтов, возможно, заслуживает специального внимания не только историка, но и географа.

Наиболее интересным для историка является разбор О.Н. Трапезниковой ситуации XVI–XVII веков. Известно, что после затяжного хозяйственного кризиса второй половины XVI в. и разорения, которое постигло земледельческие области лесной полосы в первой четверти XVII в., возврата к прежней поселенческой структуре не происходит. На смену дисперсной системе приходят значительно более крупные селения, расположенные в центре значительного массива пашенных угодий. Как правило, со временем их дворность только увеличивается на протяжении XVIII–XIX веков. Все это

не сопровождается столь же выраженным прогрессом в агротехнике.

Причины такой перестройки остаются до сих пор неясны. Однако для истории агроландшафтов она имела вполне определенные последствия. Обеспечение каждого крестьянского хозяйства компактными пашенными угодьями поблизости от места проживания стало труднодостижимым. Часть пашен оказалась на значительном удалении, так что временные затраты на вывоз на поля навоза и на другие сельскохозяйственные работы значительно увеличились. «Крестьяне оказались обречены на постоянную нехватку близко расположенной и доступной для регулярного удобрения плодородной земли. Надел каждого крестьянина в большой деревне-общине состоял из отдельных участков как близкой, так и удаленной пашни с “хорошей” и “плохой” землей. Так возникла чересполосица и, следовательно, принудительный, обязательный для всех членов общины севооборот. К тому же от поколения к поколению ситуация с количеством людей в каждом дворе менялась, из-за чего были необходимы переделы земли» (с. 94).

Такая цепочка причинно-следственных связей представляется верной. На мой взгляд, все они важны для понимания генезиса дореформенной крестьянской общины. Но, как отмечает автор, вновь возникшая система расселения была неэффективной с точки зрения геоэкологии и функционирования элементарных агроландшафтов (с. 97). И это делает еще более актуальным для историка поиск ответа на вопрос о причинах такой трансформации. Несомненно, здесь необходим глубокий анализ исторических данных под определенным углом зрения. Однако мне представляется, что не последнюю роль в возрождении поселенческой структуры в новом виде сыграли изменения внутри поместного землевладения: увеличение барской запашки и рост роли отработочной ренты, приближение по юридическому статусу поместья к вотчине вкупе с постепенным закрепощением русской деревни сделали такую модель жизнеспособной.

Новая система управления агроландшафтами при постепенном росте численности населения к концу XIX в. привела к геоэкологическому кризису. Увеличение посевных

площадей за счет менее пригодных для пашни природных урочищ вело к общему снижению урожайности культур и снижению эффективности сельского хозяйства. Данный процесс продолжался вплоть до столыпинских реформ, которые лишь отчасти сумели улучшить ситуацию.

Переход в XX в. от экстенсивного натурального хозяйства к товарному сопровождался целым рядом негативных последствий, включая нарушение внутренней организации агрогеосистем. Однако значительное вмешательство государства в управление сельским хозяйством, до конца XX в. проявлявшееся в «стремлении к поддержанию высокого уровня аграрной освоенности региона, часто вопреки задачам повышения эффективности сельского хозяйства» (с. 121), в конечном итоге привело к катастрофическому сокращению посевных площадей в 1990-х годах.

Проследив таким образом историю аграрного освоения лесной полосы Восточно-Европейской равнины, автор приходит к выводу, что «для каждого из исторических типов агроландшафта характерна самобытная реакция на изменения природных, социальных и экономических условий, отличающаяся от реакции других агроландшафтов, поэтому каждый тип следует анализировать отдельно, с учетом всех факторов его развития» (с. 123). Этот вывод позволяет автору перейти к пятой главе монографии, содержащей анализ пространственно-временной организации агроландшафтов Нечерноземья в нескольких регионах — в первую очередь средствами геоинформационных технологий.

Из пяти выделенных выше макрорезонов в трех были выбраны регионы для такого анализа: Каргополье в холодной макрорезоне молодых ландшафтов, южнотаежное западное Прикамье в центральной умеренной макрорезоне относительно зрелых ландшафтов и Валдайская возвышенность в западной умеренной макрорезоне молодых ландшафтов.

Каргополье принадлежит к макрорезоне, наименее подходящей для земледелия — здесь остро ощущается нехватка как тепла, так и питательных веществ в почве, поэтому в основном земледелие носило подсобный характер. Однако выбранный для анализа регион включает сразу три природно-

культурных ландшафта, сделавших его исключением из этого правила: Лачинское поозерье, Онежское поречье и Каргопольская сушь (с. 125–140). Зоны наибольшего аграрного освоения приурочены здесь к известняковому плато с дерново-карбонатными глинисто-суглинистыми почвами.

К сожалению, степень изученности источников позволила проанализировать поселенческую структуру только начиная с конца XVIII века — по материалам Генерального межевания. Уникальное для региона плодородие почв, обусловленное близостью залегания известняковых пород, сделало меньшей зависимость поддержания этого плодородия от близости к поселению пашни. Ослабление этой зависимости, в свою очередь, делало возможной эффективную сельскохозяйственную деятельность не только в рамках малодворных поселений. Тем не менее, площадь пашни зависит от населенности деревни — чем выше численность проживающих в селениях, тем ниже плотность расположения этих селений.

Поречья Прикамья интересны зрелостью ландшафтов, сформировавшихся без вмешательства ледников плейстоцена. Это обеспечило относительно благоприятные почвенные условия. Но суровые климатические условия обусловили выраженную тягу агроландшафтов к склонам южной — «теплой» экспозиции, позволяющей получить максимум солнечного тепла. Даже сопоставление условий двух поречий в пределах этого региона продемонстрировало дифференциацию агроландшафтов в зависимости от воздействия лимитирующих природных факторов (с. 140–163). Чем севернее расположен микрорегион, тем в более жесткой зависимости от них находятся его агроландшафты. Чем южнее, тем больший спектр природных урочищ вовлекается в сельскохозяйственный оборот.

Важным кажется наблюдение, полученное на основе анализа коэффициента расчлененности агроландшафтной структуры. Большинство объектов с низким коэффициентом представляет собой изолированные участки сельскохозяйственных угодий. Они убедительно интерпретируются автором как сохранившиеся звенья внутренней «мелкоядерной»

структуры поречий в условиях низкой плотности поселенческой структуры. Объекты, характеризующиеся высоким коэффициентом расчлененности, представлены крупными по размеру массивами угодий, которые являются результатом слияния нескольких первоначально мелких агроландшафтов, происходившего по мере увеличения плотности сельскохозяйственного использования (с. 152–153). Таким образом, использованный автором монографии коэффициент способен косвенно характеризовать историю развития агроландшафтов.

Анализ агроландшафтов на Валдайской возвышенности (с. 163–172) возможен начиная с конца XV века, когда было составлено систематическое писцовое описание поселенческой структуры региона и ее хозяйственных показателей. Еще более важно то, что ко всему региону, которому принадлежит Валдай (Деревская пятина Новгородской земли), была применена методика подробного анализа топонимии всего комплекса писцовых описаний конца XV–XVII в. и планов дач Генерального межевания конца XVIII века⁶. Это позволило увеличить хронологическую глубину изучения агроландшафтов.

Хотелось бы сделать некоторые уточнения, которые могут показаться читателю придирками, однако в действительности способны избавить его от ложного понимания исторического материала. Ссылаясь на рис. 5.20 (с. 166 — это воспроизведение схемы из опубликованной работы⁷), исследовательница пишет, что он отображает плотность поселений Деревской пятины Новгородской земли — посредством полигонов Вороного, где одному пункту соответствует один полигон (с. 165). Между тем подпись к самой иллюстрации более корректна: «Плотность локализованных селений...». Разница здесь огромная, поскольку из почти 10 тысяч селений и пустошей с разной точностью локализовать удалось 6239, то есть около 63%. Поэтому комментируемый рисунок характеризует плотность селений для разных микрорегио-

⁶ Фролов, Пиотух 2008.

⁷ Фролов 2015.

нов в разной степени. Там, где локализовано 90–100% пунктов, он дает адекватное представление. Однако там, где этот показатель меньше 50%, например, отображение может содержать существенные искажения. Можно лишь утверждать, что плотность локализованных с помощью применявшейся методики селений косвенно характеризует и населенность микрорегиона в конце XV в., потому что сохранность топонимии и детальность фиксации ее в материалах Генерального межевания в значительной степени зависят от привлекательности микрорегиона для поселенцев в XV–XVI веках: топонимия тем лучше сохраняется, чем дольше остается то или иное урочище в хозяйственном использовании существующих поблизости селений.

Следует также дать комментарий и к рис. 5.22а (с. 169), где на ландшафтной карте отображены пахотные угодья конца XVIII в. по плану Генерального межевания и поселения конца XV в. (по трехтомному Атласу Деревской пятины)⁸. Дело в том, что совмещение этих селений с ландшафтной картой само по себе мало что дает. Точность локализации пустошей с планов дач Генерального межевания зависит главным образом от размеров земельной дачи: упоминание топонима в картуше плана гарантирует только нахождение топонима в границах дачи, все остальное — косвенные и не всегда вербализованные соображения, позволяющие поставить на карте точку в пределах земельной дачи с учетом порядка перечисления в картуше, в писцовых книгах разного времени — с большей или меньшей вероятностью на месте, подходящем под поселение XV–XVI веков. Но во время локализации у авторов под рукой не было крупномасштабных ландшафтных карт, так что соотносить такую реконструкцию с реальными агроландшафтами не представляется возможным. Об условности локализации и ее параметрах в рецензируемой монографии говорится дальше по тексту (с. 191).

Ко времени Генерального межевания поселенческая структура микрорегиона резко изменилась — число селений многократно уменьшилось, а число дворов значительно воз-

⁸ Фролов, Пиотух 2008.

росло. В новых условиях использоваться продолжали те пахотные угодья, которые оказались поблизости от живых селений. Однако постепенный демографический рост требовал увеличения пахотных площадей, что привело местами к сплошной распашке за исключением болот, где сельское хозяйство невозможно в принципе. Но это влекло за собой нарушение экологического баланса и снижение средней урожайности полей из-за использования менее продуктивных земель (с. 172).

В целом предпринятый в пятой главе монографии анализ продемонстрировал тесную взаимосвязь пространственной организации агроландшафтов с организацией системы расселения. При этом «рисунок изученных агроландшафтов и их пространственная организация закономерно связаны с лимитирующими сельское хозяйство природными условиями» (с. 173).

Последняя, шестая глава монографии излагает результаты математического моделирования агроландшафтов и систем сельского расселения Нечерноземья средствами ГИС. В микрорегионе, известном как Каргопольская сушь, сельские поселения приурочены к очагам карстового процесса и, следовательно, расположение их и соответствующих им агрогеосистем контролируется расположением этих очагов. Гипотеза, которая проверялась в ходе исследования, заключалась в том, что «закономерности распределения сельских поселений и центров элементарных геосистем также должны подчиняться математической модели морфологической структуры равнин с господством просадочно-суффозионных и карстовых процессов» (с. 176). Математическая модель установила, что центры элементарных агрогеосистем и центры гнезд поселений распределяются по закону Пуассона, что подтверждает гипотезу, поскольку само пространственное расположение депрессий подчиняется тому же распределению Пуассона.

Для анализа расположения поселений в поречьях (Онежское поречье на Каргополье, Иньвенское и Язьвенское поречья в Прикамье) было предпринято анаморфирование — описание расположения селений относительно русла реки

в системе координат, где в качестве первой координаты служила удаленность от реки, а в качестве второй — удаленность основания соответствующего перпендикуляра к руслу реки от условной начальной точки на реке. Основным выводом на основе анализа результатов моделирования является вывод о том, что для поречий «в однородных физико-географических условиях характерна система расселения, определяемая главным образом рекой. Для всех поречий, как до, так и после сокращения поселенческой сети в XX в., характерно равномерное распределение поселений вдоль реки и экспоненциальное распределение в стороны от русла» (с. 190).

Для Валдая математическое моделирование было применено при анализе поселенческой структуры конца XV века. Сложность этой задачи определяется тем обстоятельством, что доля локализованных пунктов для разных микрорегионов неодинакова, как и точность, с которой может быть выяснено положение той или иной деревни. Поэтому помимо Городенского погоста, привлекавшегося как основной полигон для модели, для контроля использовались данные о поселениях в долине нижнего течения р. Березайки, где доля локализации близка к 100%, а точность гарантирована археологическими методами. По той же причине вместо детерминированного моделирования был применен стохастический подход, позволяющий работать с неточной локализацией. Случайный, пуассоновский характер распределения поселений подтвердился по результатам моделирования, из чего можно сделать вывод, что заселение соответствующих микрорегионов происходило стихийно, а рисунок поселенческой структуры определялся случайным распределением моренных и камовых холмов, к которым поселения тяготели. Малые реки не оказали заметного влияния на характер расселения, что может быть связано с молодостью ландшафта, при которой эти реки фактически вписываются в структуру холмов и межхолмовых понижений, а не меняют ее. Интересно, что, несмотря на сокращение почти в 10 раз численности поселений к XVIII в., пуассоновский характер их распределения сохранился.

Представленный труд является очень нужным на современном уровне развития исследований исторических поселенческих структур и соответствующих агроландшафтов. Он заполняет ту нишу, которая остается пока мало заполненной как географами, так и историками. Благодаря работе О.Н. Трапезниковой результаты реконструкции поселенческих структур позднего средневековья и Нового времени по историческим источникам были проанализированы с точки зрения взаимодействия с агроландшафтом, в том числе — с помощью методов математического моделирования средствами ГИС, которое учитывает природные особенности конкретного микрорегиона. Ряд положений, к которым пришли историки на основе статистического анализа исторических источников, нашел в работе О.Н. Трапезниковой дополнительное подтверждение — например, о значительно большей роли фактора близости пашни к поселению в сравнении с фактором естественного плодородия почвы и о лимитирующей роли природного фактора в организации и эволюции агроландшафтов. Важным представляется вывод о различиях в роли, которую в формировании системы расселения и организации агроландшафтов играют долины малых и средних рек, — в зависимости от принадлежности к тому или иному типу ландшафта и, соответственно, макро-зоне. Для исследований, связанных с изучением исторических поселенческих структур, выводы работы могут послужить ценной методической основой, которая не только позволяет лучше объяснить картину расселения, но и спрогнозировать существование еще не выявленных его элементов.

А. А. Фролов

БИБЛИОГРАФИЯ

«Море — наше поле» 2010 — «Море — наше поле». Количественные исследования рыбных промыслов Белого и Баренцева морей, XVII – начало XX в. СПб., 2010.

- Гололобов 2017 — *Гололобов Е.И.* Экологическая история Севера Западной Сибири (1917–1991 гг.): Исследовательский потенциал архивных источников // Вестник архивиста. 2017. № 2. С. 72–86.
- Дурновцев 2018 — *Дурновцев В.И.* Экологическая история в координатах отечественной историографии и исторического образования // Вестник РГГУ. Сер. «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2018. № 4. С. 9–16.
- Историческая экология 2003 — Историческая экология и историческая демография. Сб. статей. М., 2003.
- Калимуллин 2006 — *Калимуллин А.М.* Историческое исследование региональных экологических проблем. М., 2006.
- Малыгин 1994 — *Малыгин П.Д.* Некоторые итоги и проблемы изучения средневековых древностей территории Тверской области // Тверской археологический сборник. Тверь, 1994. С. 116–128.
- Милов 1998 — *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.
- Степанова 2009 — *Степанова Ю.В.* Древнерусские погребальные памятники Верхневолжья: Пространственный анализ // Вестник ТвГУ. Сер. История. 2009. Вып. 3. С. 72–92.
- Фролов 2015 — *Фролов А.А.* Определение информативных возможностей картографирования исторических объектов средствами ГИС // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». Специальный выпуск. 2015 (сентябрь). № 43: Материалы научной конференции «Геоинформационные системы и технологии в исторических исследованиях» (Барнаул, 25–27 сентября 2015 г.). Барнаул, 2015. С. 174–180.
- Фролов, Пиотух 2008 — *Фролов А.А., Пиотух Н.В.* Исторический атлас Деревской пятины Новгородской земли (по писцовым книгам письма 1495–1496 гг.). М.; СПб., 2008. Т. 1–3.
- Человек и природа 2008 — Человек и природа: Экологическая история. СПб., 2008.

ABSTRACTS

VLADIMIR L. KAGANSKY

FORGOTTEN HEARTS OF RUSSIA: AZONAL AREAS IN THE HISTORICAL AND CULTURAL LANDSCAPE OF EUROPEAN RUSSIA

The article characterizes the widespread (main) picture of space in Russia, mainly its European part. The picture is corrected and supplemented from the point of view of historical and cultural landscape. To consider non-trivial aspects of the correlation between zonal and azonal components of the cultural landscape of European Russia, the author focuses on *opol'e*, which is treated as a special type of historical and cultural landscape with a specific natural foundation. Other significant azonal components of the landscape, such as *opol'e*-like landscapes, steppe pine forests (*bor*), etc., are considered. Such azonal components of the cultural landscape are much more significant than predominantly zonal pictures of the cultural landscape usually demonstrate. It is these azonal areas that naturally, historically, genetically and structurally, turn out to be the cores of the cultural landscape. Attention is drawn to the ratio of zoning / azonality in the landscape picture, depending on the scale of consideration. An ambiguous relationship between *opol'e* and suburban areas is indicated. The cultural meaning of the transformation of the *opol'e* from the ruins of a historical landscape to a full-fledged modern landscape is underlined.

Azonality, anthropogenic zoning, *bor*, landscape boundary, landscape zone, zoning, picture of Russia, cultural landscape, landscape, scale, *opol'e*, *poles'e*, suburban zone, natural zoning, characteristic landscape component, Vladimir-Suzdal *opol'e*, European Russia, Northern Russia, Central Russia

The author thanks B.B. Rodoman for discussions and excursions around the Seversky opol'e and A.M. Maximova for providing materials from a forthcoming book and for discussion of the article

ALEXEI L. KARETNIKOV

**BOUNDARY PITS OF THE “GENERAL LAND-SURVEYING” PERIOD:
SEARCH EXPERIENCE**

The paper examines the boundary pits in the isolated terrain feature named “St. Mary’s Hill”. The feature is located on the border of modern Rostov and Pereslavl districts of Yaroslavl region in the terrain, and the pits were revealed in the course of field research in the area. The author analyzes the plans of the “General land surveying”, parameters of the identified pits, and peculiarities of their location and proposes an algorithm for finding similar objects on the ground. The research opportunities offered by the accurate localization of boundary pits are considered on the example of the immediate surroundings of the annalistic St. Mary of Egypt churchyard (*pogost*), covered by modern topographic survey at a scale of 1: 500.

“General land surveying”, boundary pit, boundary pillar, historical landscape, land tenure, Pereslavl district (*uyezd*), St. Mary of Egypt churchyard (*pogost*)

KIRILL S. KHUDIN, AZAR D. SHAKHOVA

**GEOGRAPHY OF PHARMACEUTICAL GARDENS AND COURTYARDS IN
MOSCOW AT THE END OF THE 16TH – FIRST HALF OF THE 18TH CENTURY:
PROBLEMS OF LOCALIZATION AND FUNCTIONING**

The article is devoted to the geography of pharmaceutical gardens (vegetable gardens) and courtyards in Moscow at the end of the 16th – first half of the 18th century. It examines seven gardens with courtyards that existed at the disposal of the pharmaceutical agency (the Apothecary Prikaz and the Medical Chancellery). The article defines the boundaries of the plots, links them to modern urban areas, establishes the chronological framework for each of the gardens, and determines the assortment of plants that were cultivated there. The research is based on a large number of cartographic materials and written archival sources, some of which have been never before discussed in scholarly literature.

Source study, history of gardening, 17th century, the Apothecary Prikaz, pharmaceutical gardens, pre-Petrine drawings, geography of Moscow, history of Russia

IRINA KONOVALOVA

**CITY IN THE STRUCTURE OF MEDIEVAL
ISLAMIC GEOGRAPHICAL DESCRIPTION**

The paper is devoted to the role of the urban environment and urban culture in perception and presentation of space. This problem has not been discussed in numerous works on medieval urbanism. The paper uses the example of the Caliphate, the entire written culture of which was a product of city dwellers' activities of its. The main source of the study is the geographical work of the greatest Arab geographer and cartographer of the mid-twelfth century, al-Idrīsī's "The book of pleasant journeys into faraway lands" (*Kitāb Nuzhat al-mushtāq fī'khtirāq al-āfāq*), which is a description of the entire ecumene known at that time. The analysis of al-Idrīsī's work focuses primarily on his information about Eastern Europe, which allows us not only to identify the place of the city in the structure of the description, but also to discuss the role of cities in the mental development of "alien", foreign space. To this end, first the introductory part of the article considers the itinerary principle of describing space in Arabic medieval literature and the peculiarities of Arabic terminology developed to characterize cities. Then the main part of the article examines al-Idrīsī's information about Eastern Europe and the role of cities in space construction. Performing the obvious functions of points of a route, transportation hubs, and border markers, the cities in al-Idrīsī's description radically transform the very structure of the narrative due to the fact that al-Idrīsī's showed them not each in itself, but as parts of a particular route. Information about the cities that made up the various routes played a structural role in the framework of the narrative along with the division of the text into climates and sections.

City, geographical description, medieval Arab geography, al-Idrīsī, Eastern Europe

NADEZHDA L. KONJUSHIKHINA

**QUESTIONNAIRES OF 1575 AND 1578
FOR "TOPOGRAPHIC RELATIONS OF PHILIP II"**

The article contains a translation of two questionnaires of 1575 and 1578 and their accompanying documents. These documents are most important historical sources on Spanish history and historical geography in the second half of the 16th century. They were replies by locals in Spain, mainly in the region of New Castile. The answers to the questionnaires constitute a body of documentation known as *Las Relaciones Topográficas de Felipe II* ("Topographical Reports of Philip II"). Along with the translation, this publication includes a preface and commentary on the history of this corpus. The questionnaires cover a wide range of topics, from geographic location, time of establishment, legal status, natural resources, and local production to questions about religion and cult, notable people and events, and remarkable sites and phenomena. Most of the reports came from the territory of New Castile (provinces of Madrid, Toledo, Ciudad Real, Guadalajara, Cuenca). The remaining reports come from Albacete, Extremadura, Alicante, Jaén, Murcia, and Salamanca.

"Las Relaciones Topográficas de Felipe II", chroniclers, questionnaires, respondents, localities

ALEXEI V. POSTNIKOV, MIKHAIL V. KONSTANTINOV

**GEOGRAPHICAL RESEARCH AND GEOPOLITICAL COLLISIONS
ASSOCIATED WITH THE INTERNATIONAL PROJECT OF CONNECTING
CHUKOTKA WITH ALASKA BY A TELEGRAPH CABLE**

The article is devoted to the history of the creation of a transcontinental telegraph line, which was supposed to connect the Russian possessions in North America with the metropolis and provide a reliable link between Eurasia and America. This project is set in the context of international relations in the North Pacific during the second half of the 19th century. The key parties were Russia, seeking to strengthen its positions in the Far East,

and the United States, intending to bring the whole of North America under its control and to expand US commercial interests in the Russian Far East. Various Russian and foreign projects to lay a telegraph line are examined in detail, as well as the course of the telegraph expedition and the geographical research conducted as part of it.

Russian Empire, USA, Chukotka, Alaska, Bering Strait, trans-continental telegraph line, international project, geographical research

ARSEN.K. SHAGINIAN

**TERRITORIES AND BOUNDARIES OF THE SOUTHWESTERN CASPIAN
COUNTRIES IN LATE ANTIQUITY AND EARLY MIDDLE AGES:
HISTORIOGRAPHY AND SOURCES**

The article provides a critical analysis of the concept of Azerbaijani scholars, according to which already in the late Antiquity and early Middle Ages — during the domination of Sassanid Iran and then the Arab Caliphate in the South-Western Caspian region — there was the so-called Northern Azerbaijan to the north of the Iranian speaking country Atropatena (modern Iranian or Southern Azerbaijan). Under this concept, Azerbaijani researchers propose to unite the lands of Caucasian-speaking Albania, which at that time occupied a vast area north of the lower reaches of the Araks and Kura rivers to the eastern extremity of the Main Caucasian Range, which corresponds to the territory of present-day Northern Azerbaijan and the Republic of Azerbaijan. The author builds his critique on a detailed analysis of Greco-Roman and medieval sources about the territory and borders of two countries of the southwestern Caspian Sea region — Atropatena (Adurbadagan-Adzarbaidzhan) and Albania (Arana-Arrana), as well as on the achievements of scientific schools of historical geography, reflected in academic and encyclopedic publications in Russia, the USA and Western Europe. As a result, the author manages to reconstruct the political map of both countries in the late Antiquity and early Middle Ages.

Sasanian Kust of Caucasus-Kapkoh, Atropatene-Adurbadagan-Adarbaygan, Albania-Aran-Arran, Greater Armenia, Arab vilayet of Arminiyya, Northern Azerbaijan, Republic of Azerbaijan, Iranian Azerbaijan

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (project No. 20-09-00010)

ALEXEI S. SHCHAVELEV

**“CITY” AS AN ASSEMBLAGE POINT OF SOCIAL SPACE
AND A CENTER OF RESOURCE CONCENTRATION IN ARCHAIC SOCIETIES**

The article proposes to abandon attempts to identify “objective” quantitative and qualitative criteria for a “real city”. The main distinguishing feature of settlements, which can be conventionally designated as “cities,” is the concentration of demographic, material, and virtual (power, sacredness, knowledge, & etc.) resources. The status of a “city” for any stationary settlement of people is determined only by its dominant position in the socio-political space relative to other settlements, which allows it to accumulate resources. Consequently, “city” is a conditional and relative category. In other words, a settlement, which in one region in terms of its scale, complexity of planning and architecture, and geo-economic potential can be considered as a “city”, in other circumstances would be an obvious periphery, an ordinary village (town). The task of history, archeology, anthropology, sociology, and historical geography is not to search for conventional criteria of a “city”, but to reconstruct the multi-level structure of urbanization of territories and analyze systems for describing and nominating settlements in documents and narratives without their forced translation into the modern system of terms and everyday lexemes.

City, urbanization, urban revolution, stationary settlement, eusociality

AR. A. ULUNIAN

**GEOSTRATEGIC CONSTRUCT “BLUE MOTHERLAND” (*MAVI VATAN*)
IN THE CONTEXT OF GENERAL TRADITION OF GEOHISTORICAL CONCEPTS
OF THE TURKISH REPUBLIC**

Since the establishment of the Turkish Republic, geohistorical spatial concepts have played an important role in its socio-political and scholarly spaces. These concepts were designed to explain and legitimize the ethno-national and state-political constructs of the emergence and development of the process of ethnic and political genesis of modern Turks. As the number of these conceptualized constructs, uniting a wide range of their constituent elements, increased, the "maritime" horizons for the formation of Marinist, originally geohistorical systems, with very specific strategic political, economic, and military goals have expanded. These include the “Blue Motherland” (*Mavi Vatan*) geostrategic construct, formulated in 2006 and using a historical and geographical argument, which, due to the domestic political conditions in Turkey has acquired in the official interpretation of the country’s authorities the character of a national doctrine aimed at changing the legal situation in the Aegean and eastern Mediterranean seas and expanding the Turkish presence in the surrounding water areas.

Eastern Mediterranean, geostrategic construct, geohistorical space, “Blue Motherland”, Turkey, France

CONTENTS

SPACE AND URBANISM IN HISTORY

<i>ALEXEI S. SHCHAVELEV</i>	
"City" as an assemblage point of social space and a center of resource concentration in archaic societies.....	7
<i>IRINA G. KONOVALOVA</i>	
City in the structure of medieval Islamic geographical description.....	24

PRIMARY SOURCES

<i>ARSEN K. SHAGINIAN</i>	
Territories and boundaries of the Southwestern Caspian countries in late Antiquity and early Middle Ages: Historiography and sources.....	43
<i>NADEZHDA L. KONJUSHIKHINA</i>	
Questionnaires of 1575 and 1578 for "Topographic Relations of Philip II"	79
<i>KIRILL S. KHUDIN, AZAR D. SHAKHOVA</i>	
Geography of pharmaceutical gardens and courtyards in Moscow at the end of the 16th – first half of the 18th century: Problems of localization and functioning.....	125
<i>ALEXEI L. KARETNIKOV</i>	
Boundary pits of the "General land-surveying" period: Search experience.....	186

HISTORICAL GEOGRAPHY AND INTERNATIONAL RELATIONS

ALEXEI V. POSTNIKOV, MIKHAIL V. KONSTANTINOV

Geographical research and geopolitical collisions associated with the international project of connecting Chukotka with Alaska by a telegraph cable.....	216
--	-----

HISTORICAL GEOGRAPHY AND THE PRESENT

VLADIMIR L. KAGANSKY

Forgotten hears of Russia: Azonal areas in the historical And cultural landscape of European Russia.....	246
---	-----

ARUTIUN A. ULUNIAN

Geostrategic construct “Blue Motherland” (<i>Mavi Vatan</i>) in the context of general tradition of geohistorical concepts of the Turkish Republic.....	276
---	-----

REVIEW

<i>Trapeznikova O.N.</i> Paradoxes of Northern Agriculture: History and Geography of Agrolandscapes in the Forest Zone of the East European Plain. Moscow: GEOS, 2019. 256 c. (<i>A.A. FROLOV</i>).....	296
--	-----

ABSTRACTS.....	316
CONTENTS.....	323
ОБ АБТОРАХ.....	325

ОБ АВТОРАХ

КАГАНСКИЙ Владимир Леопольдович — кандидат географических наук, старший научный сотрудник Института географии РАН, kaganskyw@mail.ru

КАРЕТНИКОВ Алексей Леонидович — заведующий Археологическим отделом Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль», a.krostovveliky@gmail.com

КОНОВАЛОВА Ирина Геннадиевна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, зав. Отделом специальных исторических дисциплин Института всеобщей истории РАН, irina.konovalova@mail.ru

КОНСТАНТИНОВ Михаил Васильевич — доктор исторических наук, профессор, руководитель Лаборатории палеоэкологии Забайкальского государственного университета, mk-rus@mail.ru

КОНЮШИХИНА Надежда Львовна — кандидат исторических наук, старший редактор АНО «Национальный научно-образовательный центр «Большая Российская Энциклопедия». nadegda_92@list.ru

ПОСТНИКОВ Алексей Владимирович — доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, академик Международной академии истории науки (Париж), apostnik@ihst.ru

УЛУНЯН Арутюн Акопович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, mirditahavlar21@gmail.com

ФРОЛОВ Алексей Анатольевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, npkfrolov@gmail.com

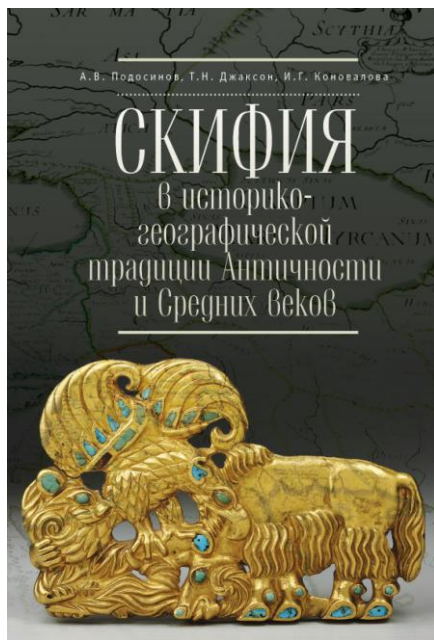
ХУДИН Кирилл Станиславович — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, khudin1988@yandex.ru

ШАГИНЯН Арсен Карапети — доктор исторических наук, профессор кафедры истории народов стран СНГ Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, a.shaginyan@spbu.ru

ШАХОВА Азар Джавадовна — зам. начальника Отдела научно-справочного аппарата и информационно-поисковых систем Российского государственного архива древних актов, shahova.azar@mail.ru

ЩАВЕЛЕВ Алексей Сергеевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, старший научный сотрудник «Международного центра антропологии» Школы исторических наук факультета гуманитарных наук ВШЭ, alexis-schavelev@mail.ru

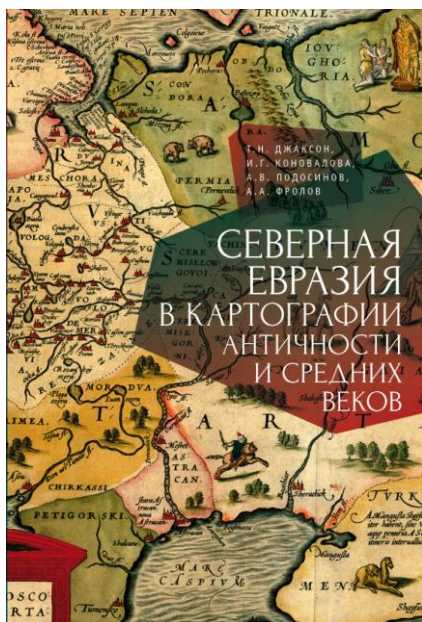
КНИГИ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «АКВИЛОН»

Подосинов А.В., Джаксон Т.Н., Коновалова И.Г.
СКИФИЯ В ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ АНТИЧНОСТИ И СРЕДНИХ ВЕКОВ. — М.: Аквилон, 2016. — 320 с.

Коллективная монография посвящена образу «Скифии» в литературе Античности и Средневековья. Географическое и историко-культурное содержание термина «Скифия» рассматривается как в пространстве, так и во времени. В работе использованы данные античных греко-римских, византийских, арабо-персидских, древнерусских, западноевропейских и древнескандинавских источников. Основное внимание уделено изучению географических, политических, этнических, культурных, религиозных и этических коннотаций, связанных с понятием «Скифия» в разные эпохи и в разных культурах.

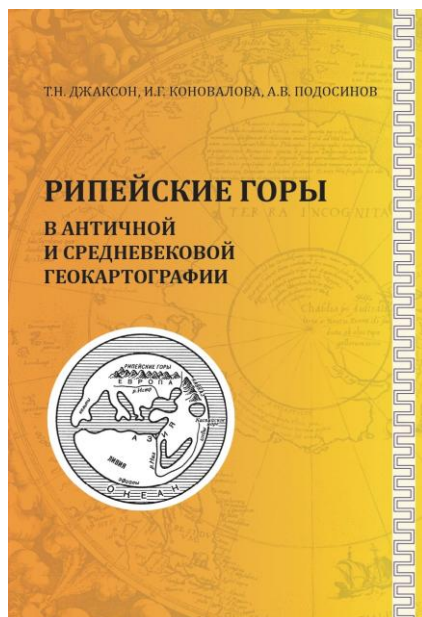
Для специалистов в области античной и средневековой истории, истории географии и картографии, исторической географии и топонимики.

Джаксон Т.Н., Коновалова И.Г., Подосинов А.В., Фролов А.А.
**СЕВЕРНАЯ ЕВРАЗИЯ В КАРТОГРАФИИ АНТИЧНОСТИ
И СРЕДНИХ ВЕКОВ.** — М.: Аквилон, 2017. — 528 с.

Коллективная монография посвящена исследованию восприятия Северной Евразии, ее географии, этнографии, политической и культурной истории в античной и средневековой геокартографии по греко-римским, арабо-персидским, древнескандинавским и русским источникам. Сведения о Северной Евразии рассмотрены в широкой диахронии, в их развитии, в контексте изучения истории мифологического, географического и политического освоения этого региона и способов его отображения картографическими методами в различных историко-культурных традициях. Часть первая «Северная Евразия на античных и средневековых картах» написана А.В. Подосиновым, часть вторая «Северная Евразия в исламской геокартографии» — И.Г. Коноваловой, часть третья «География Дании в “Саге о Кнютлингах”» — Т.Н. Джаксон, часть четвертая «Средневековое картографирование Русских земель» — А.А. Фроловым.

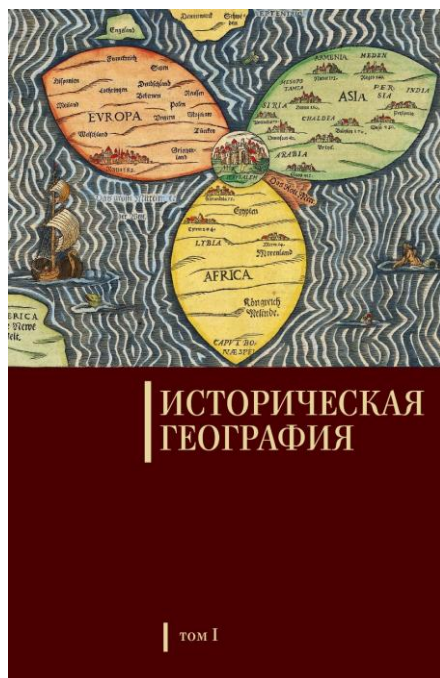
Для специалистов в области античной и средневековой истории, истории географии и картографии, исторической географии и топонимики.

Джаксон Т.Н., Коновалова И.Г., Подосинов А.В.
**РИПЕЙСКИЕ ГОРЫ В АНТИЧНОЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ
ГЕОКАРТОГРАФИИ.** — М.: Аквилон, 2019. — 185 с.

Монография посвящена исследованию одного из ключевых географических образов античности и средних веков применительно к территории Северной Евразии — мифическим Рипейским (Рифейским) горам, будто бы находившимся на севере Европы и служивших убежищем для обитавшего за ними блаженного народа гипербореев. Известные еще древнеионийской науке, Рипейские горы прочно вошли в представления античного человека о северной окраине ойкумены, чаще всего севера – северо-востока Европы. Этот в большой степени мифологический концепт оставался актуальным еще многие столетия: на протяжении всего средневековья и в последующие века вплоть до XVI в. существование где-то в Северной и Северо-Восточной Европе или Северной Азии Рипейских гор не вызывало особых сомнений.

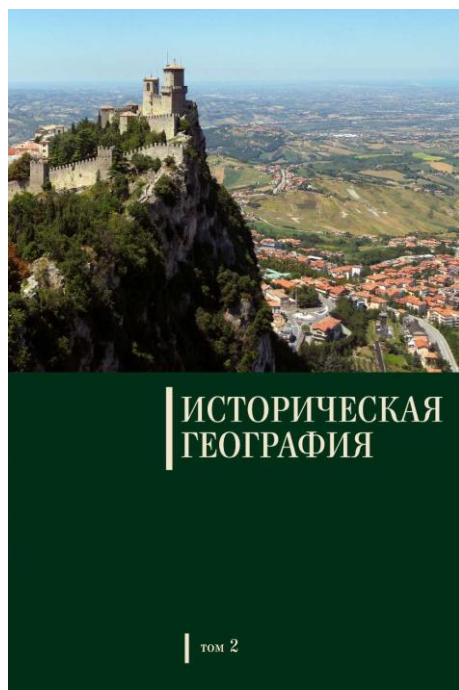
Для специалистов в области античной и средневековой истории, истории географии и картографии, исторической географии и топонимики.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ. Т. 1 / Отв. ред. И.Г. Коновалова.
2-е изд., испр. — М.: Аквилон, 2020. — 576 с.

В первом томе сборника «Историческая география» помещены статьи, отражающие широкий хронологический спектр и проблемный репертуар современной исторической географии, а также ее источниковедческие ресурсы и методики. В статьях представлены историко-географические реконструкции в контексте археологии, ономастики, исторического источниковедения, этнографии и устной истории, исследованы географические образы различных регионов и общественно-политический потенциал геопространственных конструкторов, рассмотрены вопросы методики и преподавания исторической географии. В сборнике также помещены рецензии на издания по историко-географической проблематике и аналитические отчеты о важнейших международных конференциях по исторической географии.

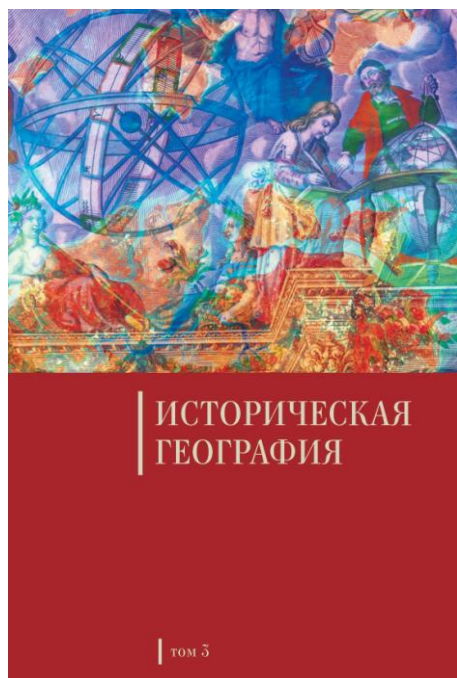
Для специалистов по исторической географии, историков, географов, страноведов, демографов и этнографов, историков географии и картографии, культурологов.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ. Т. 2 / Отв. ред. И.Г. Коновалова.
— М.: Аквилон, 2014. — 560 с.

Во втором томе сборника «Историческая география» помещены исследования, посвященные исторической географии путей сообщения и землевладения Древней Руси; географическим образам стран и регионов; истории картографии XVI – начала XVII века; новым архивным источникам по истории землепользования и лесного дела; исторической топонимике; роли геоисторических конструкторов в современной внешнеполитической мысли. В сборнике также представлен обзор основных направлений и парадигм российской географии, рецензии на последние издания и хроника наиболее заметных научных событий в области исторической географии.

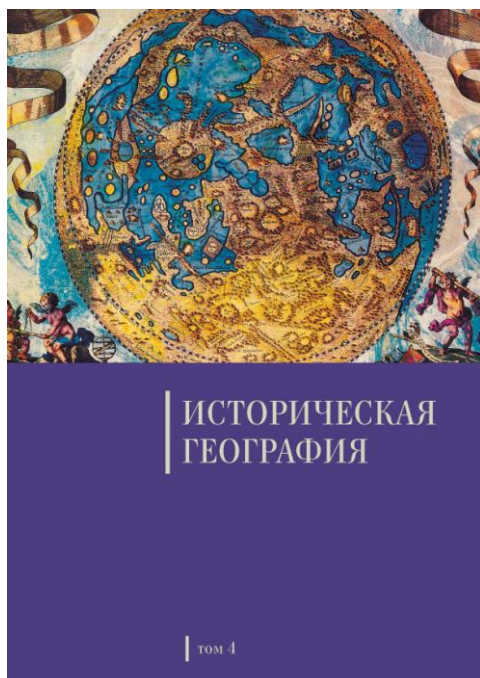
Для специалистов по исторической географии, историков, географов, страноведов, историков географии и картографии, культурологов.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ. Т. 3 / Отв. ред. И.Г. Коновалова.
— М.: Аквилон, 2016. — 544 с.

В третьем томе сборника «Историческая география» помещены исследования, посвященные истории и историографии западноевропейской и русской географии и картографии IX–XVIII вв.; античным и средневековым источникам по исторической географии поствизантийской Италии, Древней Руси, Прибалтики и Дании; исторической географии Тверского уезда и Ухтомской волости XVI–XVII вв.; исторической топонимике; роли историко-географических концептов в современной общественно-политической публицистике; применению ГИС-технологий в исторических исследованиях; истории окружающей среды. В сборнике также представлены рецензии на новейшие зарубежные издания и хроника наиболее заметных научных событий в области исторической географии в 2014–2016 годах.

Для специалистов по исторической географии, историков, географов, страноведов, историков географии и картографии, культурологов.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ. Т. 4 / Отв. ред. И.Г. Коновалова.
— М.: Аквилон, 2019. — 464 с.

В четвертом томе сборника «Историческая география» помещены исследования, посвященные представлениям о северных землях в римской и древнескандинавской геокартографической традиции; географии славянских общностей Восточной Европы; исторической географии Новгородской земли и Белозерского княжества; иностранным свидетельствам о внутрироссийских водных путях XVI–XVII вв.; истории отечественной картографии XVIII в.; вопросам исторической географии Кавказа и Закавказья; роли историко-географических концептов в общественно-политической публицистике второй половины XX в.; феномену города-государства в современном мире; предмету и методам исторической географии.

Издание представляет интерес не только для специалистов по исторической географии как таковой, но предназначено и для историков, географов, страноведов, историков географии и картографии, культурологов.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

DIGITAL OBJECT IDENTIFIERS (DOI)

Поиск DOI: <http://search.rads-doi.org/index.php/>; <http://www.doi.org/>

КАГАНСКИЙ В.Л.

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.49.88.001>

КАРЕТНИКОВ А.Л.

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.63.74.001>

КОНОВАЛОВА И.Г.

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.96.14.001>

КОНЮШИХИНА Н.Л.

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.84.92.001>

ПОСТНИКОВ А.В., КОНСТАНТИНОВ М.В.

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.91.99.001>

УЛУНЯН АР.А.

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.94.75.001>

ФРОЛОВ А.А.

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.24.52.001>

ХУДИН К.С., ШАХОВА А.Д.

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.35.19.001>

ШАГИНЯН А.К.

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.32.65.001>

ЩАВЕЛЕВ А.С.

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2022.71.42.001>

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

ТОМ 5

●
Ответственный редактор
Ирина Геннадиевна КОНОВАЛОВА

*Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории РАН*
<https://igh.ru>

Рецензенты:
д.и.н., проф. А.А. Горский
Институт российской истории РАН
к.и.н., доц. Е.В. Пчелов
Российский государственный гуманитарный университет

Дизайн обложки И.Н. Граве
Корректор К.А. Елохин

Подписано в печать 16. 12. 2021
Формат 60 х 90/16. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура Cambria. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 21. Тираж 500. Заказ №

Издательство «Аквилон»
Тел.: +7 (968) 924 97 30
aquilopress@gmail.com
<https://www.aquilopress.com>

Отпечатано с оригинал-макета в типографии
Onebook.ru ООО «Сам Полиграфист»
109316, Москва, Волгоградский просп., д. 42, стр. 5
Тел.: +7 (495) 545 37 10
info@onebook.ru
<https://www.onebook.ru>

ISSN 2307-8200